

М. В. Попов

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАЛЕКТИКА

Санкт-Петербург
Издательство Политехнического университета
2014

УДК 101.8
ББК 87.6
П58

Попов М. В. Социальная диалектика / М. В. Попов. — СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2014. — 468 с.

В предлагаемой вниманию читателя книге доктора философских наук профессора кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета М. В. Попова с диалектических позиций представлены важнейшие категории социальной философии, овладение которыми необходимо для глубокого понимания и успешного разрешения проблем развития современной России.

Данная книга ставит одной из своих целей помочь молодым людям стать компетентными в области социальной диалектики. При всей серьезности материала автор стремился к простоте и легкости его восприятия.

Эта книга будет полезна и специалистам в других областях, поскольку философия есть наука о всеобщем, которое есть во всем. Интересна книга будет и тем, кто себя к специалистам не относит, но, исходя из практических или мировоззренческих целей, стремится разобраться в противоречиях общественного развития и определить пути и способы их позитивного разрешения.

Набор *М. Ю. Беляевой*
Корректор *С. М. Шульженко*

ISBN 978-5-7422-4341-0

© Попов М. В., 2014
© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Мы находимся с вами в начале изучения социальной философии. А что такое начало? Начало есть неразвитый результат. Что начинаем, то и есть вначале как начало, а затем оно разворачивается в результат. Результат же – это развернутое начало. Начало и результат – парные категории, определяющиеся друг через друга. Это два соотносительных понятия, такие, что одно без другого, как верх – низ, правое – левое, не определить.

Человек, изучивший категории социальной философии, пройдя от начала изучения до результата, будет в социальной философии компетентным, то есть будет в ней разбираться. Компетентный человек – это специалист. Данная монография ставит одной из своих целей помочь молодым людям стать специалистами в области социальной философии. Она будет полезна и специалистам в других областях, поскольку философия есть наука о всеобщем, которое есть во всем. Интересна эта книга будет и тем, кто себя к специалистам не относит, но, исходя из практических или мировоззренческих целей, стремится разобраться в противоречиях общественного развития. Автор приносит свою благодарность М.Ю.Беляеву, И.М.Герасимову, О.А.Мазуру и С.М.Шульженко за помощь в подготовке книги к печати.

Обратим внимание на то, что любое единичное или особенное содержит в себе всеобщее как свой собственный неперменный момент. Люди очень часто совершают ошибки не потому, что не знают каких-либо конкретностей или особенностей, а потому, что не знают всеобщего, того, что есть во всем. И вот это всеобщее и изучает философия. ***Философия есть наука о всеобщих законах природы, общества и мышления.***

Поскольку философия изучает всеобщее во всем, можно сказанное переформулировать следующим образом: философия изучает всеобщие законы мышления, общества и природы. Здесь на первое место поставлено изучение всеобщих законов как законов мышления, то есть как логических законов, поскольку логика есть наука о мышлении. В этом состоит особенность подхода к изучению всеобщих законов, примененного в данной книге, хотя ко всеобщим законам можно прийти и по-другому, непосредственно изучая, например, природу, что делают естествоиспытатели, или общество, что делают представители гуманитарных наук.

Почему можно подходить к изучению всеобщих законов со стороны логики? Потому что человеческий язык, являясь формой существования и проявления мысли, которая, как говорил Гегель в «Науке логики», проявляется и отлагается прежде всего в языке, вообще сохраняет в себе только общее, повторяющееся миллионы и миллиарды раз, и в нем, в языке сокрыта логическая картина мира, которую нужно только раскрыть.

Если естественные и гуманитарные науки «смотрят» вниз, на природу и общество, то логика смотрит «вверх», на их отражение в человеческом языке и в этом отражении находит законы, являющиеся не только законами логики, но и законами природы и общества. Человеческий язык, движение понятий в котором изучает логика, впитал в себя только то, что является результатом обобщения, которое человечество совершило, создавая и развивая язык как средство общения, причем впитал в себя связи и переходы понятий, являющиеся отражением связей и переходов объективной действительности. Поэтому логические законы являются логическим выражением отраженных в мышлении законов природного и общественного бытия.

В языке мы имеем образ – картину мира в самых общих чертах. То есть во взаимосвязях понятий, во взаимосвязях слов и предложений мы обнаруживаем взаимосвязь, которая имеется в мире. Поэтому можно изучать действительность не только так, как изучают ее такие науки, как химия, физика и география. Они смотрят «вниз», на материю. А можно смотреть «вверх» – на язык как на отражение объективного мира. Причем это отражение складывалось исторически, поскольку язык имеет большую историю. Речь идет не о конкретном – английском, французском и т.п. языке, а о человеческом языке как таковом. Можно переводить с одного языка на другой, но все равно эта связь понятий, которая есть в языке, останется. Вот мы будем изучать логику языка, и, изучая связи понятий, будем обнаруживать всеобщие законы мышления, природы и общества. Такой, можно сказать, экзотический путь, но, с другой стороны, рафинированный, поскольку уже история отобрала, что в языке оставить, а что не оставить. Язык вообще в себя что угодно не примет. Или примет, но временно, а потом выкинет или переделает. Например, русский язык принял английское слово *utility* (полезность), а превратил его – в «утиль». Старое, непригодное для прежнего использования, но полезное как вторичное сырье – это утиль. Это уже не новое, но годится, например, как сэкондхэнд. Что такое сэкондхэнд – это старье. А элитный секондхэнд или суперсэкондхэнд – это суперстарье. Продаваемые за полцены залежавшиеся последние экземпляры распроданных партий товаров называют стоком. Висят рекламные объявления: Сток Европы. То есть из Европы стекает сюда всякое суперстарье и залежалые товары, а вы бегите, берите, собирайте. Язык – он все ставит на место, важно только вдуматься в смысл того, что говорят.

Всего имеется две известных человечеству логики. По крайней мере, до Горбачева, смехотворно претендовавшего на «новое мышление для нашей страны и для всего мира», было известно две.

Первая – формальная, её законы разработал Аристотель, древнегреческий философ, всем вроде известный. Всем, да не всем. Есть такой анекдот. У нас долго висела реклама бытовой техники – «Аристон». Студента на экзамене просят назвать какого-либо философа. Тот говорит: «Платон». – А ещё: «Аристон». На счастье студента был-таки и философ Аристон. Но это не Аристотель. Аристотель – великий философ, а Аристон – менее известный философ. Так вот Аристотель разработал формальную логику. Тот, кто возьмет книги Аристотеля и почитает, почувствует, как его трудно понимать.

Другой великий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель разработал диалектическую логику, его тоже трудно понимать, но не так трудно, как Аристотеля. Впрочем, вообще все серьезное в науке требует большой умственной работы. Маркс об этом писал так: «В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достичь её сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по её каменистым тропам».

Иногда говорят про серьезную, глубокую научную книгу, что в ней непонятно написано. Однако если сразу все понятно, то это, видимо, скорей всего, плохая книжка. В этой связи давайте зададимся вопросом не общественным, а физическим – можно ли загорать под луной? Грамотный ответ такой – конечно, можно, потому что луна не имеет собственного света, а лишь отражает солнечный свет, под солнечным же светом загорать можно. Поэтому берите коврики, берите фуфайки, берите нагреватели, спокойно загорайте, и годам к 50 – 60 вы получите хороший ровный загар. Примерно так же происходит с теми, кто читает

плохонькие книжки. Эти книжки очень понятны. В них так все понятно изложено! Так, например, пишут, что определение – это совокупность признаков, свойств предмета, то есть мешок, в который свалены все признаки и свойства. А если вы откроете Гегеля, прочтете в «Науке логики» в Учении о бытии, что *определение – качество, которое есть в себе в простом нечто и сущностно находится в единстве с другим моментом данного нечто – с в-нем-бытием*, то это сразу не понять. А там понятно было. Или, допустим, в высшей математике в математическом анализе разве сразу понятно определение предела последовательности? В свое время Гегель хвалил и Ньютона, и Лейбница за то, что они открыли дифференциальное исчисление, но критиковал за то, что не вполне строго изложили, а ведь именно теория пределов отделяет элементарную математику от высшей, с теории пределов начинается высшая математика. Порядок теперь наведен. Теперь при наведенном порядке определение предела последовательности выглядит гораздо менее понятным, чем у Ньютона и Лейбница.

То есть мы не можем настраиваться на то, что, дескать, если это просто, то это хорошо, а если это сложно, то, значит, это нехорошо. *Сложное – это сложенное из простых*. Почти так прямо и говорится: сложенное. Поэтому если мы хотим что-то крупное, серьезное узнать, надо настроиться на то, что оно сложное. А если мы хотим только на элементарном уровне оставаться, на уровне простого, мы простаками так и останемся. Кто такие простаки? Они что, ничего не знают? Знают – только простое знают. А что такое читать не гениальные книги, а просто хорошие, это что такое? Это значит загорать под луной. Ведь даже если задаться целью прочесть все гениальные книги, то разве за жизнь успеем? Нет. Как же тогда мы можем отвлекаться на какие-

то простые книжки, когда гениальные не прочитаны. Пример. Вот многие хотят овладеть ораторским искусством, поскольку в истории оно сыграло выдающуюся роль. И есть всякие руководства по ораторскому искусству. Их чаще всего пишут люди, которые не умеют говорить, про которых не слыхано, не видано, чтобы они где-нибудь выступили и произнесли какую-нибудь выдающуюся речь, куда-нибудь повели за собой массы, зато эти люди пишут, как надо говорить. Нередко получают за это деньги. А другие люди их творения изучают и думают, что так они научатся выступать. А как должно к этому подойти научно? Ведь было такое время в истории, когда от того, как человек выступит, зависели жизнь и смерть людей, решение судьбоносных вопросов. Так было, например, в Древнем Риме. Поэтому и надо брать для изучения книги великих римских ораторов. Например, книгу Цицерона «Три трактата об ораторском искусстве». Это само по себе интересное произведение, с эстетической точки зрения написано блестяще, прекрасны язык и манера изложения. Советы, которым должен следовать каждый, кто берется выступать перед аудиторией, не навязываются, а как бы подаются. Речь желательно написать, разумеется, самому, но не читать. Написать надо, чтобы не было провалов, а то иногда стоит на трибуне человек, молчит и не знает, что говорить дальше. Но ни в коем случае не стоит зачитывать. А то будет, как у Н.С. Хрущева, который, если отступал от текста, нес ахинею, хотя и то, что он зачитывал, слушать было стыдно. Начинать речь можно с чего-нибудь, не относящегося к делу, а когда все затихнет, выставить сильные аргументы. Более слабые поместить в середину речи. А в конце у вас должен быть «экспромт», который вы заранее продумали, и очень сильный. А то может получиться, что начал человек хорошо, а кончил ничем, тропинка оборвалась, живой ручеек его речи тек, тек и, как в

пустыне, высох. Короче, тот, кто не хочет загорать под луной, может взять «Три трактата об ораторском искусстве» Цицерона и почитать. Заодно он узнает, что для оратора важно не только, что вы говорите, но и насколько убедительно по форме, по звучанию.

С большой внимательностью нужно подходить к выбору книг. Конечно, нужно накопить определенный материал, но не надо барахло-то накапливать. Не нужно делать помойку в голове. У нас интернет для этого есть. Только в нем, в отличие от обычной помойки, любую выброшенную и получившую номер «консервную банку» можно вытащить к себе в компьютер. К счастью, там есть и хорошие, и замечательные вещи. Можно выудить и такое, и такое. Это хорошо, что все пронумеровано, надо только уметь отличать, где там что полезное, а где просто мусор. Этому помогает знание о всеобщем.

Не надо также подменять серьезные научные произведения словарями. Почему? Кто пишет словари? За исключением филологической науки, в других науках крупный ученый, который написал словарь, – большая редкость. Ведь наука – это система знаний, а всякий словарь связи между понятиями обрывает. Связи разве по алфавиту идут? Не по алфавиту. А тут по алфавиту. Взяли живую ткань действительности, разрезали ее на мелкие кусочки и эти кусочки по алфавиту расположили. Вместо живой действительности получили расставленные по алфавиту ее части. А еще Энгельс говорил, что части лишь у трупа. Кое-какие сведения получить можно. Но без претензий на то, что это наука. Поэтому, вообще говоря, я бы не советовал пользоваться словарями. Откройте серьёзную книгу и найдите там ответ на имеющийся вопрос, в том числе и с помощью интернета. Набрали ключевые слова, по этим словам нашли серьёзную книгу, открыли и прочитали, что серьёзные люди думают по этому поводу.

Хочу привести пример с интернетовской энциклопедией «Википедия», куда каждый несведущий может вставлять свое. В ней латинское слово «компендий» трактуется как краткое содержание, тогда как в переводе с латинского «компендий» означает «кратчайший путь, прямая дорога». Именно в этом последнем смысле следует понимать слово «компендий» в известном положении Энгельса о том, что в «Науке логики» Гегеля имеется единственный компендий диалектики. Большая разница – просто краткое содержание или кратчайший путь, прямая дорога, которой Энгельс предлагает в изучении диалектики пойти.

Итак, кроме логики формальной – трудной, есть другая трудная – диалектическая логика. О ней в дальнейшем мы будем вести речь весьма обстоятельно, а кратко на вопрос, что такое диалектика, можно ответить в форме анекдота. Приехал в деревню философ. Его дед встречает, а дед такой непростой, спрашивает: Ты кто такой? – Я философ. А чем занимаешься? – Диалектикой. А что такое диалектика? – Ну, дед, ну, что вы спрашиваете. А дед: Нет, дорогой товарищ, ты должен нам объяснить. Во-первых, мы грамотные, учились, во-вторых, мы газеты читаем, телевизор смотрим, радио слушаем, а ты как человек образованный обязан нам объяснить. Философу делать нечего – Ну ладно, дед, объясню. Вот баня у вас есть в деревне? Тот говорит: есть. – Ну, вот, идем мы с тобой в баню. Ты грязный, я чистый. Кому мыться? Дед говорит: Чего тут думать, я грязный, мне надо мыться. – Нет, дед, мне надо мыться. Мне чистоту поддерживать надо, а тебе чего мыться, ты все равно грязный. Понял дед? – Да понял я, говорит дед, какая у вас диалектика. – Но это, дед, тезис. Это ещё не все. Второй раз мы идем с тобой в баню. Ты грязный, я чистый. Кому мыться? – Да понял я вашу диалектику. Ты чистый, тебе чистоту поддерживать надо, а мне-то чего мыться, я все равно грязный. –

Что ты мелешь, дед. Посмотри на себя, ты весь грязный. Тебе надо мыться. А мне-то чего мыться, видишь, я чистый. Понял дед? Тот говорит: «Понял». – Вот дед – это антитезис. Антитезис – запомни. Но, дед, еще не все на этом. Третий раз мы идем с тобой в баню. Ты грязный, я чистый. Кому мыться? Дед говорит: «Ничего не понимаю». – Вот, дед, это и есть диалектика – синтезис.

И вот от этого шуточного рассказа перейдем к более серьезному объяснению того, что есть диалектика, двигаясь пока еще не систематически, потому что мы должны были бы с самого простого начинать, но начнем с самого понятного, с того, что каждому известно. Если речь идет об изучении общественной жизни, то какую жизнь мы будем изучать – мертвую или живую? Живую. Мертвую жизнь изучают где? В анатомическом театре. Там тоже, кстати, факты изучают. Это такая-то кость, это печень, это селезенка и т. д. Совсем не плохо, когда медики-студенты берут скальпель и начинают резать трупы. Кто бы захотел попасть к врачу-хирургу, который трупы не резал, а сразу режет живого человека. Уж пусть сначала 25 трупов порежет, а потом будет меня резать. Я думаю, никто бы не захотел попасть к хирургу, который до вас даже трупы не резал. Так вот мы с вами, обществоведы, или, как в шутку говорят, душелюбы и людоведы, изучаем живую жизнь, а все живое находится в изменении. Не говоря уже о том, что и вся неживая природа тоже находится в изменении.

Нет ничего, что не изменяется. Это всеобщий закон. Все находится в изменении. Другое дело, что не все знают, что такое изменение. Когда мы изменяемся, мы равны самому себе? Да, ведь по-прежнему это мы. Но раз мы изменяемся, значит, мы одновременно и не равны самому себе. Кажется, что такую элементарную вещь мы затронули, но ключевую, характеризующую диалектику. То есть надо и то, и другое сказать.

Надо высказать об одном и том же два прямо противоположных утверждения. Прямо противоположные, иначе изменение логически не выразить. И это применимо ко всему. Всеобщие категории к чему применимы? Всеобщие – ко всему. Пример про реку. Еще известный древнегреческий диалектик Гераклит писал, что, когда вы входите в реку, вы входите в реку ту же и одновременно уже не в ту. Тот, кто диалектику не понимает, говорит, что Гераклит писал якобы, будто нельзя войти два раза в одну и ту же реку. Звучит вроде красиво, а фраза получается глупая. Только в одну и ту же реку и можно войти два раза. А если я в разные реки вхожу, так я не два раза вошел, а по одному разу вошел в каждую из двух рек. Но когда я вхожу в одну и ту же реку, надо, с одной стороны, увидеть и признать ее равенство с собой и, с другой стороны, увидеть и признать ее неравенство с собой. Если нет равенства с собой, то нет того, что изменяется. Если есть только равенство нечто с собой, то оно не изменяется.

Изменение – это очень важная категория. В дальнейшем мы снова к ней вернемся. А сейчас хотелось бы обратить внимание на то, что с точки зрения законов формальной логики изменение объяснить нельзя. Почему? Потому, что в формальной логике действует закон исключенного третьего: А равно либо А, либо не А, третьего не дано. И на этом законе формальной логики строятся все науки, которые используют только формальную логику. Но не науки об обществе. В то же время науки об обществе используют и формальную логику, поскольку диалектическая логика включает в себя формальную. Но она не только допускает, она предполагает высказывание об одном и том же двух прямо противоположных утверждений. Более того, она требует этого.

Например, если я хочу высказаться о хороших людях. Понятие «хорошие люди» ведь не означает не имеющие недостатков. А

недостатки в чем проявляются, в положительных действиях или в отрицательных? В отрицательных с точки зрения общественных интересов, то есть в антиобщественных действиях. Значит, правильно будет сказать, что все хорошие люди в те или иные моменты своей жизни совершают антиобщественные действия. А если человек был хороший, хороший, но вдруг недостатки перевесили его достоинства, такого разве не может быть? Тогда говорят, что человек переродился. А у плохого человека хорошие качества есть? Да, и он с помощью этих качеств втирается в доверие к хорошим людям. Вот деятельность финансовых пирамид типа МММ и других фирм, которые людей обманывают, на чем строится? На злоупотреблении доверием, что считается преступлением, предусмотренным статьей 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, и называется мошенничеством.

Приведу пример злоупотребления доверием. В одной из петербургских газет корреспондентка расписывает, что, дескать, сейчас нужно установить счетчики на все, что есть закон об энергосбережении и что будто бы согласно этому закону не установившие счетчики граждане будут подвергаться разного рода наказаниям. А установка счетчика стоит денег и немалых. Например, газовый счетчик стоит около 5 тысяч рублей, а с установкой все 15 тысяч. А еще электрический счетчик в замену имеющегося, срок годности которого якобы истек. Счетчики холодной и горячей воды – по числу стояков. О, у вас еще и батареи есть. На каждый стояк отопительных батарей по счетчику. Тепло надо считать. Все надо считать. Ну, и, самое главное, говорится в статье, кто этого не сделает в течение года, к нему придут судебные приставы, и этот приход судебных приставов несчастному жильцу также придется оплатить. Прочитав эту статью и проникнувшись недоверием к ее автору, поскольку твердо

знаю, что судебные приставы свои функции выполняют за счет государства, я открыл тогда этот самый интернет, в котором есть не только плохое, но и хорошее, и обнаружил, что никакого петербургского закона об энергосбережении вообще нет, хотя название статьи – «Петербуржцев поставили на счетчик». Есть закон федеральный, и ничего в этом законе насчет того, чтобы обязать всех ставить счетчики, нет. Был проект постановления правительства поднять тарифы тем, кто счетчики не установит. Проект выброшен, отменен другим постановлением правительства. Законом не предполагается ни взыскание штрафов, ни применение каких бы то ни было мер к тем, кто счетчики не поставит. Дескать, кому выгодно, те и ставят. А кому выгодно? Вот если посчитать на семью, приобретение счетчиков с их установкой потянет на 20 тыс. рублей. Сколько семей у нас в Петербурге? Примерно миллион. Миллион если умножить на 20 тыс., получаем 20 миллиардов. Вот она выгода для тех, кто навязывает населению установку счетчиков. А потому и статьи соответствующие публикуются в интересах тех, кто злоупотребляет доверием граждан. Мошенники. Жителей пугают, что вот-вот придут приставы, наверное, с автоматами и в масках. А у вас счетчиков нет. Хотя ясно, что вести учет должен прежде всего тот, кто что-нибудь продает, ведь вы не ходите в магазин со своими весами.

Как избежать злоупотребления доверием? Самое верное средство – знание. Знание – сила, и этой силы мы должны набираться. А что касается хороших людей, то у всех у них имеются недостатки. Есть такая притча. Идет однажды Христос и видит, что евреи камнями побивают грешницу Марию Магдалину за ее грехи. Христос возгласил: «Кто без греха, тот пусть бросит в нее камень». Все перестали бросать. И вдруг откуда-то сзади летит камень. Христос поворачивается и говорит:

«Мамочка, ну, сколько раз я тебя просил: когда я работаю, не надо мне мешать».

Шутки шутками, но сказанное о диалектике применимо и к более серьезной проблематике. Никто не будет настаивать на том, что в органах КГБ работники основательно знали диалектику. Ведь до последнего времени диалектику учили не по Гегелю. Я вот все время пропагандирую, чтобы учили по Гегелю, но нет, говорят, мы учим не по Гегелю. И вот работнику КГБ доносят, что человек совершил антисоветское действие. О чем это говорит, что из этого следует? Что он антисоветчик? И вот вызывают человека, начинают допрашивать, и оказывается, что и другие совершают такие же действия, и третьи. Так вас уже целая группа. А за групповое дается больше. И пошло, пошло, пошло. Хотя надо стоять на том, что положительный человек – это не тот, который не совершает отрицательных действий, а тот, для которого положительные действия являются определяющими. Соответственно антиобщественным элементом можно считать только того, для которого антиобщественные действия являются определяющими его как целое

Или вот рассказывают, что при коллективизации нередко раскулачивали и ссылали тех, кто не являлся кулаками. До сих пор неграмотные в политической экономии люди считают кулаками просто зажиточных людей. О, вот он увидел зажиточного крестьянина. У него две лошади и корова. Даром, что в семье восемь сыновей, тогда же не по одному ребенку было. А у другого было восемь дочерей, ему с первым не соревноваться, он не зажиточный. А зажиточные прикупили у незажиточных землю или арендовали. И лошади у них есть, и свиней много. И корова есть, и куры, и гуси. И вот не вполне подготовленный товарищ приходит с револьвером. Так, говорит: Жазиточный? Жазиточный.

Значит, кулак. Большинство, увы, и сегодня считает, что зажиточный значит кулак. А с чего вы взяли, что он кулак? Где вы такое определение вычитали? Кто его вам дал, такое определение? Так кто такой кулак? Разбираемся. Какие группы есть в деревне? Крестьяне – это сословие феодального общества или это класс буржуазного общества? Крестьянин – это понятие, характеризующее сословие в феодальном обществе, а мы хотим разобраться в классовой структуре деревни в буржуазном обществе. Кто там есть? Разве мы не знаем, какие в деревне есть классы? Какие вообще есть в буржуазном обществе классы? Во-первых, рабочий класс. Как он в деревне представлен, как называется рабочий деревни? Батрак. А кулак – это человек, который живет своим трудом или чужим? Тот, кто живет чужим трудом, – это сельский буржуа, то есть кулак. А вот если у меня восемь сыновей – здоровых мужиков, и мы еще эксплуатируем троих работников – я кулак или нет? Что характеризует меня? Я живу своим трудом или чужим, если чужого труда присваиваю лишь 20% от всего затраченного труда? Ну, на 20% я эксплуатирую, а 80% присваиваю своего труда, а вы меня раз – и в кулаки записали. В соответствии с научной методологией, если я присваиваю чужого труда менее 50 % всего присвоенного труда, значит, я не кулак. А вот если 51%, то тогда я сельский буржуа, то есть кулак. А те крестьяне, которые не относятся ни к сельским наемным рабочим, ни к сельским буржуа, на политико-экономическом языке называются мелкими буржуа. *Мелкий буржуа – это мелкий хозяйчик, работающий на рынок.* А чтобы знать, что такое рынок, надо знать, что такое деньги. Потому, что *рынок это сфера обмена товаров на деньги и денег на товары, сфера купли-продажи. Деньги – это товар-эквивалент, обладающий свойством всеобщей обмениваемости.* А товар что

такое? *Товар – это продукт, производимый для обмена.* А что такое обмен, это понятно? **Понять, согласно диалектике, значит выразить в понятиях.** Вот если я чувствую, что такое обмен, но выразить в понятиях не могу, это значит, что я не понимаю. ***Обмен – это взаимная и взаимообусловленная передача чего-либо принадлежащего двум субъектам.*** Взаимная и взаимообусловленная. Вот если ты мне сделал подарок и я тебе, это не обмен, поскольку тут нет взаимообусловленности, а есть лишь взаимность. Чтобы говорить об обмене, надо говорить о взаимообусловленном движении того, что принадлежит взаимодействующим субъектам. Поэтому можно взять другое, аналогичное определение, которое есть в Советском энциклопедическом словаре. Там другими словами выражено то же самое отношение: ***«Взаимное отчуждение продуктов труда и иных объектов собственности на основе свободного договора или соглашения».*** А что значит на основе свободного договора? Что никто меня не принудил что-то кому-то передавать. Допустим, у монополии есть два предприятия. Одно в России, другое в Америке. И они встречные перевозки осуществляют, эти предприятия. Тут есть обмен? Нет. Тут нет никакого отчуждения, все в рамках одной собственности совершается. Так что в пределах фабрики, в пределах монополии никакого обмена нет. А если у меня одна фирма, а у вас другая, я вам свое отдаю под условием, что вы мне ваше отдаете, а вы мне свое отдаете, если я вам свое отдаю, и у нас происходит взаимное и взаимообусловленное отчуждение продуктов труда или иных объектов собственности, тогда имеет место обмен. Так вот кто такой мелкий буржуа: это человек, который своими средствами производства работает, трудящийся, но трудящийся с целью обмена. То есть он производит для обмена, при этом возможно его эксплуатируют.

Как его можно эксплуатировать? Кто устанавливает цены на хлеб? Те, кто продает его или те, кто его покупает? Фактически те, кто покупает, устанавливают монополично низкие цены. Мелкие буржуа, в том числе крестьяне, они ведь распылены, как они установят цену? И если в хлебе заключено 8 часов труда, а крестьянину на рынке удалось выручить только 6, то два часа кто присвоил? А тот, кто у него по заниженной цене купил. Это получается эксплуатация, поскольку эксплуатация – это присвоение чужого неоплаченного труда. Кто эксплуатировал? Тот, кто у крестьянина, пусть зажиточного, купил этот хлеб.

То есть надо научно во всем разбираться, и с этим мы возвращаемся к вопросу об изменяющемся нечто. **Чтобы выразить изменение, мы должны высказать два прямо противоположных утверждения: равенство нечто с собой и его неравенство с собой.** Если имеет место только равенство с собой, нет никакого изменения. А если только неравенство с собой, также нет никакого изменения, просто все время разные нечто: не это, не это, не это, а надо, чтобы одно и то же нечто было тем же самым и не тем же самым в одно и то же время. Вот только тогда мы получим истинное изображение изменения.

Мы еще будем на этом останавливаться. Нам сейчас важно подчеркнуть разницу диалектического подхода и формально логического. Если речь идет о гуманитарных науках, таких, например, как история, здесь для познания истины без диалектического подхода не обойтись. И вот особенность того, как мы будем изучать категории в этом курсе – мы главный акцент сделаем как раз на изменении и, более конкретно, на развитии. **Развитие – это движение низшего к высшему, простого к сложному.** Развитие противоречиво. В нем есть и прогресс, и регресс. **Такое движение в развитии, которое совпадает с**

направлением развития, называется прогрессом. А такое движение в развитии, которое противоположно его направлению, есть регресс. Прогресс и регресс – это противоположные моменты развития.

Нам нужно настроиться на изучение изменяющегося, развивающегося, становящегося. Это не просто, поскольку с детства мы с вами учим только формальную логику. Математика построена только на формальной логике. Там есть даже доказательство от противного: предположим, что данное утверждение верно, но если логически придем к противоречию, надо отбросить предпосылку о верности сделанного предположения. Диалектика же различает противоречия во всем. При этом в диалектическом рассуждении, когда речь идет об одной стороне противоречия, строго соблюдаются законы формальной логики. В диалектике мы изначально берем противоречивое, от противоположных сторон идем к следующей категории и, если мы правильно рассуждаем, не сделаем формально логических ошибок, мы снова придем к противоречию. И затем пойдем дальше. То есть тут другой путь, другая дорога. Как называется этот метод? Этот метод называется диалектическим. Единственный компендий или компендиум диалектики имеется в «Науке логики» Гегеля.

Мы будем для изучения социальных проблем применять диалектику и с диалектической точки зрения все рассматривать. С диалектической точки зрения всякий предмет сначала рассматривается как простое бытие – он просто есть. Потом берется с отрицанием, и в нем рассматривается то, что его отрицает. А потом рассматривается отрицание этого отрицания. И получается возвращение к исходному бытию, но уже не как непосредственно равному самому себе, а как равному самому себе через отрицание своего отрицания. Соответственно, хороший

человек – это не тот, у которого нет недостатков, а тот, который держит свои недостатки в узде и их преодолевает. Он не просто пассивно принимает их бытие как бытие своего собственного отрицания, а борется с ними, что характеризует его как положительного человека, отрицающего в себе свое отрицание.

Мы говорим «диалектический метод». А что такое метод? Если вы откроете какой-нибудь словарь, там написано – метод это способ. А способ? Это метод. А метод – это средство. И так ходят туда-сюда. Как про метод пишет Гегель: **«Метод – это осознание формы внутреннего самодвижения содержания изучаемого предмета»**. Если вы какой-нибудь предмет изучаете, в данном случае некое общественное явление, исторически изменяющийся объект, так что вы должны делать? Надо освоить содержание предмета и понять, какое у него самодвижение, а не приписывать ему то, что в голову взбредет. Я, видите ли, предположил. Да мало ли что я предположил. Я могу предположить, что до Луны 6 км. Могу? Могу. Кто мне может запретить предположить? Это же просто мнение. Я высказал его и все. Мы будем изучать сущность предмета или приписывать предмету то, что нам взбредет на ум? Мы будем мнение возвышать до знания или знание опускать до мнения? Правда, когда мнение возвысишь до знания, получается только одно мнение, то есть знание, а знание одно, потому что истина одна. **Истина же есть соответствие понятия и объекта**. Очень простая формулировка. Её можно и нужно запомнить навсегда. Удалось вам добиться соответствия понятия объекту или объекта его понятию, значит, вы добились истины. А не удалось, – значит, не добыли пока истины, не приблизились к ней или отдалились от нее. И поскольку истина одна, постольку, когда вы возвышаете мнение до знания, все другие мнения снимаются. И это некоторым не нравится. Например, в передачах

радио «Эхо Москвы», равно как и «Эхо Петербурга», особым изыском считается особое мнение. Так нам что – особое мнение надо или знание истины?

Если я предлагаю вам свою книгу, дорогие читатели, так вам нужно мое особое мнение или знание? Что касается меня как автора, то я свои особые мнения оставляю в стороне и буду стараться излагать здесь знания. Потому, что вам эти особые мнения, собственно говоря, особо и не нужны. А знания – это то, что не зависит от того, кто их добывает и излагает.

И вот эту задачу мы будем решать – возвышения мнения до знания. То есть согласно диалектическому методу мы должны знать, в чем внутреннее самодвижение содержания предмета. Внутреннее – это его собственное движение, самодвижение. Не то, что я ему приписал, а то, что на самом деле происходит. А самодвижение в чем имеет свой источник – в противоречиях. Поэтому надо найти те противоречия, которые есть в содержании предмета и понять, как они развиваются и разрешаются. То есть надо внутреннее самодвижение осознать. А чтобы осуществить это, надо накопить материал: поизучать, походить, почитать, посмотреть. Вот эти самые факты набрать, о которых мы говорили, мы снова приходим к этому, но уже как к положительному. Конечно, факты нужны. Что без фактов поймешь? Прежде чем разберешься в самодвижении, надо вникнуть в содержание предмета и по фактам искать противоречия его самодвижения. Конечно, нужно иметь какие-то твердо установленные факты, которые характеризует это самодвижение. И, наконец, кажется, что я вроде бы осознал форму внутреннего самодвижения содержания изучаемого предмета. А выразил в понятиях? Нет? Если не выразил, то, значит, еще не осознал, поскольку еще не понял. То есть надо выразить в понятиях форму этого самодвижения – вот

это и будет применение диалектического метода как осознания формы внутреннего самодвижения содержания изучаемого предмета.

Диалектический метод, как мы видим, неотрывен от содержания, это содержательный метод. А вот если я пришел с лопатой, а мне нужно увидеть инфузорию тифельку, то это не получится. И в то же время микроскоп – плохой инструмент для забивания гвоздей. Метод есть логическое развертывание содержания. У каждой науки в этом смысле свой метод. Не в том смысле, что она не использует всеобщие категории. Использует. Но если вы какой-либо предмет изучаете, то вам нужно пойти за движением этого предмета. Именно за движением, а не за мертвечиной. Это трудно сделать, но не невозможно.

На одной из лекций по философии истории я спросил историков-пятикурсников: «Что вы изучаете?» А они мне отвечают: «Мы изучаем то, что было». Выходит, – говорю я – вы изучаете то, чего нет. И кому нужны люди, которые изучают то, чего нет? Диалектически истинно же будет сказать, что мы изучаем современность как результат предшествующего развития человечества. Если мы рассматриваем современность как продукт предшествующего исторического развития, оно живое, оно в нас. Вся история человечества в нас есть. Надо, чтобы мы изучали исторические моменты как живые. А для этого надо осознать форму внутреннего самодвижения исторического содержания. Собственно изложение есть форма. Если я правильно опишу только одну сторону живого противоречия, это будет мертвечина. Если только равенство с собой – мертвечина. Если только неравенство с собой – тоже мертвечина. Если мы не будем осуществлять диалектическое требование рассматривать движение содержания в единстве и борьбе его противоположных сторон, то

не сможем решить задачи, которые возлагаются на историка и любого другого обществоведа. Поэтому нам очень важно изучать диалектический метод, и я по мере сил, именно потому, что этот метод сложно изучать, на его применении буду останавливаться.

С диалектической точки зрения время и пространство – это характеристики изменяющейся материи. Нет отдельного от материи времени, нет отдельного от материи пространства, есть только материя. Материя изменяется, и ее неравенство с собой выражает категория времени. А равенство материи с собой, протяженность, выражается категорией пространства.

Итак, материя изменяется. А религиозные люди настаивают на том, что бог не изменяется. Поскольку бог – это фантастический образ, придуманный людьми на ранних этапах осознания земной жизни, то можно его считать и неизменным. Для фантазий пределов нет. По определению религия – это фантастическое отражение имеющегося мира. И если человек говорит, что не хочет постигать научное знание, а желает просто верить, то как тогда можно с ним спорить? В науке догматизм осуждается, а в религии сплошь догматы, и отход от них осуждается или даже карается. То есть в науке и религии прямо противоположный подход. В науке совершается движение к истине, а в религии надо просто заучить и строго придерживаться того, что содержится в святом писании. Вера в бога реакционна по отношению к науке, но в свое время переход к единобожию был большим прогрессом. Можно верить ведь не только в бога. На более ранних этапах развития человечества существовало многобожие, обожествляли солнце, ветер и другие силы природы. Но то, что является прогрессом для человеческого детства, превратилось в подавляющую человека и тормозящую развитие человечества силу.

Но формально логически опровергнуть религию, равно как и ее рафинированную и онаученную форму – абсолютный идеализм, невозможно. Дело в том, что ни одну философскую систему доказать формально логически невозможно. То есть приходится выбирать – быть материалистом или идеалистом. С точки зрения материалистов бога нет, а с точки зрения идеалистов бог есть. Вот Гегель – он идеалист. Ленин писал в «Философских тетрадах», что умный идеалист лучше глупого материалиста. Если вы возьмете не философскую систему Гегеля в целом, а систему категорий его «Науки логики», там ничего специфически идеалистического нет, по той простой причине, что начинается он с бытия и лишь трактует в дальнейшем идеалистически то, что легче поддается материалистической трактовке. Система категорий «Науки логики» остается той же самой, независимо от того, толкуете вы ее идеалистически или истолковываете материалистически. И все же примечательно, что система диалектики, осознанная Гегелем и выраженная в понятиях, начинается с бытия, а не с идеи. Ленин в своем конспекте «Науки логики» по поводу мысли Гегеля о том, что «то, что есть первое в науке, должно было оказаться и исторически первым», заметил: «Звучит весьма материалистично!»

Материя изменяется и все время остается материей. Она причина самой себя. Когда мы берем конкретные материальные вещи или явления, мы ищем их причины. Но когда берем первопричину всего, то ее причину искать нет нужды, материя причина самой себя, она вечна и бесконечна. Человек есть высшая форма развития материи, это такая материя, которая обладает сознанием, то есть свойством отражать материю. Материя познаваема. При этом возможность познания абсолютна, а результат человеческого познания, хотя и содержит в себе абсолютные истины, в целом относителен. Научная картина

материального мира еще и потому всегда неполна, что мир все время изменяется. Если бы на сегодня мы имели полную картину мира, то все равно уже через мгновение в мире появилось бы то, что не отражено нашим познанием, что мы еще не знаем. При этом в процессе познания мы сущность материального мира познаем все глубже и глубже.

Первое систематическое изложение диалектики, которое остается единственным и непревзойденным, дал Гегель двести лет назад – в 1812 году. Более чем через 2 тысячи лет после возникновения философии. За это время было накоплено немало философских знаний. Но многочисленные разрозненные знания еще не дают науки. Наука – это система знаний или знания, приведенные в систему. Философия стала наукой не сразу. Любовь к мудрости, как буквально переводится слово философия, – это одно дело, а наука – другое. И вот действительно научную систему диалектической логики создал Гегель. Его прямой предшественник Иммануил Кант поставил великие философские вопросы, но разрешил их Гегель. И он очень просто разделался с вроде бы непостижимой кантовской вещью в себе. Если это такая выдаваемая за изысканную вещь, о которой ничего узнать нельзя, значит, это пустая неживая абстракция. Недаром Энгельс советовал учить диалектику не по Канту, а по Гегелю. Хотя кантовская философия – это необходимый этап в движении к системе диалектической логики. Не было бы Канта, не было бы Гегеля. Так и в других науках. Вот ньютоновская физика – это научная система, соединившая в стройное целое накопленные до Ньютона физические знания. А более высокой научной системой явилась физика Эйнштейна, и лучшей систематизации в физике пока нет.

Итак, наука – это система знаний, или знания, приведенные в систему. То есть если вы собираете всякие медицинские сведения,

такое-то лекарство принять, если голова болит, это от горла, это от насморка, перцовый пластырь сюда приложить, если заболит поясница и так далее, это что будет наука? Нет. А ведь есть народные целители. Они на самом деле целители, ну не все, конечно, некоторые жулики, которые только называются так, но деньги собирают исправно. Есть действительно люди, которые накопили какой-то опыт, какие-то знания, набор сведений, и соответственно лечат. А рецепты сейчас сыплются, как из рога изобилия. И заметьте: мелким шрифтом указывают: есть противопоказания, причем нередко страшные противопоказания. Но в целом современная медицина достигла очень больших высот. Про медицину своего времени Гегель писал, что медицина – не наука. Некоторые могли понять это как оскорбление медицины. А он говорил, что медицина – это настолько сложный предмет, что пока не удалось систематизировать знания. Не удалось, хотя для менее сложных предметов: математики и физики знания об их предметах были систематизированы.

А что такое система знаний? Это знания, приведенные в систему, в которой есть начало и результат, причем результат есть развернутое начало. Естественно, начинать надо с простого и идти к более сложному. И мы начнем с относительно простого – с материи и форм ее движения.

СОЦИАЛЬНАЯ ФОРМА ДВИЖЕНИЯ МАТЕРИИ

Начнем с простого. То единое, что есть, как называется? На этот вопрос разные философы отвечают по-разному.

Гегель считал, что то единое, что есть – это абсолютная идея. Ничего нет, кроме абсолютной идеи, все что есть, – это только формы ее проявления. И вот эта абсолютная идея, противореча сама себе, сама себе противопоставляясь, развивается в материю. Материя развивается в свою высшую форму – человека. Эта высшая форма материи, обладающая сознанием, познает материю, а через материю познает и абсолютную идею. Тем самым абсолютная идея приходит сама к себе. Эта философская система называется системой объективного идеализма.

Другие философы говорят: все что есть – это мои ощущения, ведь все, что я получаю, я получаю через свои органы чувств и могу поэтому считать, что есть только я и мои ощущения. А вы? Вас нет. То есть вы есть только как мои ощущения. Это система субъективного идеализма. Субъективный идеализм в такой самой острой и строгой форме называется *солипсизмом*. В силу своей экстравагантности эта система субъективного идеализма широкого распространения не получила. Наиболее последовательно её излагал епископ Беркли. Если встать на ту позицию, что ничего нет, кроме моих ощущений, то логически ее опровергнуть невозможно. Вы будете меня опровергать, а я буду говорить, что и вы, и все ваши опровержения – это только мои ощущения. Поэтому как вы логически сможете опровергнуть солипсизм? Никак.

Последовательно проведенный объективный идеализм, гегелевский прежде всего, будил мысль тех, кто его изучал, и прямо подводил к тому, чтобы через его усовершенствование

прийти к материализму, взяв ядро гегелевской философии и отбросив ненужную предпосылку об абсолютной идее. Согласно Фейербаху, Марксу и Энгельсу, *то единое, что есть, – это материя*, которая развилась до человека, человек познает материю и тем самым материя приходит сама к себе. Отбрасывается идея, что получаем? Получаем систему материализма. И если сохраняем диалектику, получаем систему диалектического материализма.

Есть только материя со своими свойствами. Материя вся обладает свойством отражения. И вот человек как высшая форма развития материи, обладающая сознанием как свойством высокоорганизованной материи, отражает материю в развитой форме и проверяет практикой, правильно ли он ее отражает, поскольку у него есть способность сознательно преобразовывать материю с помощью труда.

Материализм рациональней объективного идеализма и наиболее пригоден для всех практических нужд. Все те научные задачи, которые решаются в рамках системы объективного идеализма, решаются и в рамках системы диалектического материализма без посредства пресловутой самой себя порождающей абсолютной идеи. Вот почему содержание «Науки логики» Гегеля, двухсотлетие выхода в свет которой исполняется в 2012 году, вполне может быть истолковано материалистически, одновременно благодаря и вопреки ее гениальному автору. Ну, а с точки зрения практической, все естествоиспытатели стихийно придерживаются материалистической точки зрения, и, что бы они ни заявляли, в своих исследованиях они материалисты.

То есть система материализма обобщает историческую практику человеческого познания и преобразования материи и есть ее выражение. Но формально логически, если кто-нибудь встанет на такую позицию, что все есть выражение абсолютной идеи, его

не опровергнуть. Что же касается философского знания, то оно прирастало и за счет исследований философов-материалистов, и за счет разработок философов-идеалистов.

В том определении материи, которое дано, а именно *материя – это то единое, что есть*, содержится мысль не только о бытии. Тут больше сказано: то *единое*, что есть. Ведь есть бытие объектов, а есть бытие мысли. Но *мысли принадлежат сознанию как свойству высокоорганизованной материи*, относятся к отражению материи самой материей и поэтому за пределы материи не выходят, которая есть то *единое*, что есть. Мысли у нас, конечно, есть, но это не значит, что мысли материальны и являются частями или элементами материи. Хотя в истории философии такая точка зрения тоже имела место. Были такие философы Бюхнер, Фогт и Молешотт, которые считали, что мозг вырабатывает мысль, как печень желчь, что и мысли тоже материальны. Выходит, плохие мысли – это плохая материя, хорошие мысли – хорошая материя. Но последовательный материализм стоит на том, что идеи и мысли сами по себе не есть материя. *То единое, что есть, – это материя, кроме материи ничего нет. А сознание есть только свойство высокоорганизованной материи.* Свойство. Свойство есть, но оно есть не рядом с высокоорганизованной материей, а есть лишь как ее свойство. Точно так же, как наши рост и вес не рядом с нами, а наши характеристики. Они не существуют рядом с нами, не находятся рядом с нами. Материю надо рассматривать как то единое, что есть. А вот материя сама может иметь и имеет различные атрибуты или свойства. И сознание – одно из свойств материи, один из ее атрибутов, и то не всей материи, а лишь высокоорганизованной. Вся материя обладает свойством отражения, а наиболее развитая часть материи, которая называется

человеком, обладает таким свойством, которое называется сознанием. Сознание есть свойство высокоорганизованной материи.

При таком понимании нет никакого удвоения или раздвоения материи. *Материя едина, а идеи и мысли суть характеристики той части материи, которая называется человеком. Человек же определяется как животное общественное, трудящееся, говорящее и разумное.*

Определенностью человека, которая выделяет его из всего животного мира, можно считать наличие у него мочки на ушах. Но неправильно было бы эту определенность посчитать за определение человека, хотя и нет больше таких животных, у которых есть мочка на ушах. Наличие мочки на ушах – это отличительный признак человека. Но, лишившись по каким-либо причинам этого признака, вы не перестанете быть человеком. Согласно Гегелю, человек – это мыслящий разум, а Энгельс развил это определение, показав, что *человек – это животное общественное, трудящееся, говорящее и разумное.*

Гегель в своей «Феноменологии духа» показал, что есть три формы постижения мира:

Первая – религиозная. То есть постижение в фантастической форме. То, что люди видят на земле, фантастически изображают находящимся на небе. Выдающихся служителей церкви называют преподобными. Однако если А подобно Б, то Б подобно А. Поэтому можно считать, что фантастические фигуры тех, кто якобы обитает на небе, подобны тем, кто обитает на земле. И они удивительно похожи, то есть преподобны. Кстати, инопланетян тоже рисуют похожими на людей. То есть фантастические образы близки к прообразам, поэтому можно говорить о религиозном постижении мира. У церкви – догматы. Это в науке догматики

осуждаются. А в религии осуждаются еретики. Если вы догматы не признаете, вас могут изгнать, а то и сжечь. Вот Джордано Бруно разошелся с догматами церкви, стал утверждать, что Земля не стоит в центре мироздания, а вращается вокруг Солнца, и его сожгли.

Вторая форма постижения мира – это постижение в образах, то есть художественное постижение мира. Вот вы пошли в филармонию, и вас буквально потрясло. Потрясающий был концерт, породивший бурю чувств. А какие у вас мысли были? У каждого свои, у всех разные, возможно, даже не связанные никак с художественной программой исполняемого произведения. Музыка навеивает грусть или веселье безо всяких слов. Но если даже мы возьмем театр или художественную литературу, где слова присутствуют в изобилии, их значение и смысл лишь в том, чтобы передать художественный образ, создать настроение, впечатление, воздействовать на чувства людей.

И, наконец, **высшая форма постижения мира – это научное познание, то есть постижение в понятиях. Понять – значит выразить в понятиях.** Если я выразил какое-то содержание в понятиях, значит, я могу это свое понимание вам передать. Если вы восприняли это в понятиях, вы можете другому передать. А если в понятиях содержание мы не выразили, а просто заверяем друг друга: «Ты ж понимаешь!», то никто ничего никому не может передать. И я вам не передам, и вы никому не передадите. Понять – это значит выразить в человеческой форме, сформулировать в понятиях то, что мы хотим постигнуть.

Это очень важная формулировка – **понять значит выразить в понятиях.** Не тривиальная. Мы должны рассматривать слова как средство для выражения действительного. Поэтому нужно не просто повторять или заучивать слова, а осознавать их смысл.

Попугай может повторить сказанное человеком, но смысла сказанного он не понимает.

Мы говорим, что человек есть общественное животное. Чтобы понять это высказывание, надо знать, что такое жизнь, что такое животное и что такое общество. Этого попугай не скажет. ***Жизнь – это способ существования белковых тел, осуществляющих и регулирующих обмен веществ с природой.*** Животные, в отличие от растений, не могут путем фотосинтеза создавать белки из неорганических материалов, они перерабатывают одни белки в другие – более высокого уровня. Человек же отличается от других животных тем, что он в процессе коллективного труда, путем целесообразной деятельности не инстинктивно, а сознательно преобразует обстоятельства своей жизни и на этой основе и самого себя. ***Общество – это люди вместе с их отношениями.***

Отношения между людьми складываются прежде всего в ходе трудовой деятельности. Человек есть животное трудящееся. Чтобы понять смысл этого высказывания, надо знать, что такое труд. ***Труд – это целесообразная деятельность по созданию материальных благ, это обмен веществ между человеком и природой, в ходе которого человек приспособляет вещество природы для удовлетворения своих потребностей.***

В ходе совместного коллективного труда появилась потребность с помощью звуковых сигналов побудить друг друга к определенным согласованным действиям, возник и развился язык. Поэтому можно сказать, что человек – это говорящее животное.

Наконец, слова – это только форма выражения мыслей, которые люди сообщают друг другу и совместно в понятиях постигают мир, становясь тем самым разумными животными. Человек, говорил Гегель, – это мыслящий разум.

Попугай тоже может произнести слова: человек есть животное общественное, трудящееся, говорящее и разумное. Это он может повторить сколько угодно раз. Но он не скажет ни что такое труд, ни что такое речь, ни что такое общество, ни что такое разум.

Мы должны двигаться от простого к сложному. Сейчас мы для себя должны зафиксировать, что такое материя. Материя – это то единое, что есть. Мысли тоже есть, но нельзя сваливать в кучу мысли и вещи. То единое, что есть, это материя, а вот уже материя обладает таким свойством, которое называется сознанием. Сознание соотносится с материей как ее свойство. Энгельс писал, что единство мира в его материальности. Всякое иное бытие не самостоятельно, а является атрибутом материи. *Есть только материя с ее атрибутами, с ее свойствами, и больше ничего нет.* Больше ничего. Только материя. Например, душа не является материальной. Душа – это характеристика сознания, а сознание, в свою очередь, – это свойство высокоорганизованной материи отражать материю. Душа – это не строго научное понятие. Можно сказать, что я душой, а можно сказать сердцем, что-либо принимаю или не принимаю. Если что-то нам нравится, мы говорим, что это нам по душе, то есть соответствует нашему душевному состоянию. Когда человек сильно испугался, говорят, что душа в пятки ушла. В истории были попытки рассматривать душу как нечто материальное и даже попытки определить вес души, взвесив умирающего человека непосредственно перед смертью, затем сразу после смерти и отняв от первой величины вторую, поскольку умерших, согласно религиозному учению, души покидают. Но душа не материальна, будучи характеристикой сознания, которое само по себе тоже не материально, а есть лишь свойство

высокоорганизованной материи. Нельзя сказать что сознание, мысль материальны. Мысль – это характеристика сознания.

Одни категории непосредственно характеризуют бытие материи, а другие непосредственно характеризуют сознание как свойство высокоорганизованной материи. Характеристики сознания сами по себе не материальны, но они не существуют в отрыве от материи. Возьмем любовь и ненависть. Это реакция человека на других людей. Одних я люблю, других ненавижу. Это моя реакция. Я как материя реагирую. Один ненаглядный, я на него никак не могу наглядеться, другого ненавижу, то есть даже видеть не хочу. А слова очень близкие, отражающие тот факт, что от любви до ненависти один шаг.

А вот Бюхнер, Фогт и Молешотт, как выше было отмечено, считали сами мысли материальными, только они якобы мозгом вырабатываются. На самом деле *мысли – это форма отражения материи материей же, но высокоорганизованной. Это реакция высокоорганизованной материи на другие материальные объекты.* Причем свойством отражения обладает вся материя. Бросьте мячик в стенку, и мячик отскочит, стенка среагирует и отразит его. Одна армия отражает нападение другой, одна страна отражает агрессию другой и т.д.

Так что материя – это то единое, что есть. Усвоив эту категорию в ее абстрактном виде, мы можем теперь переходить к уровням и формам ее организации. Существуют разные уровни ее организации и, соответственно, разные формы. Но прежде, чем мы перейдем к этим уровням организации материи, мы должны подчеркнуть, что *материя есть только как движущаяся. Недвижущейся материи нет.* Хотя мы почти не замечаем, что Земля не только вращается, но и несется по орбите вокруг Солнца, что во всем живом идут процессы обмена веществ, все время что-

то возникает и исчезает, изменяется, развивается и так далее. Вся материя находится в движении. Человек, например, пока живет, не может не моргать, не может не дышать, не может не двигаться. Попробуйте долго не моргать. Что будет? Слезы потекут. А если человек десять минут не дышит, что будет с ним? Никто так еще не покончил с собой, начинается такое движение в организме, которое буквально вынуждает организм вздохнуть.

Никакой другой материи, кроме движущейся, нет. Материя постоянно преобразует себя, существует лишь как движущаяся, а ***движение – это способ существования материи***. Различают следующие формы движения материи и соответственно уровни ее организации. Это:

- а) механическое движение как движение тел;
- б) физическое движение как движение на атомном и субатомном уровне, движение полей;
- в) химическое движение как движение на молекулярном уровне;
- г) биологическое движение и соответственно биологический уровень организации материи, и, наконец,
- д) социальная форма движения материи и социальный уровень ее организации.

Что такое общество? Надо взять людей вместе с их отношениями, тогда получим общество. ***Отношения, в которые люди вступают друг с другом в процессе своей жизни, называются общественными отношениями***. Для общества употребляется еще слово социум, и общественные отношения соответственно называют социальными. Неправильно будет сказать: «социальные и экономические отношения», поскольку экономические отношения – это тоже социальные, но не все социальные отношения являются экономическими.

Экономические, то есть производственные отношения – это часть социальных отношений. В социальные отношения входят еще политические, юридические и другие. Точно так же логически неправильно будет сказать: «яблоки и фрукты», правильно сказать яблоки и другие фрукты. К сожалению, в литературе сплошь и рядом пишут: «экономические и социальные отношения». Были даже планы экономического и социального развития. Как это может быть? Разве «экономическое» – это не социальное? Экономические – это основные социальные отношения, поскольку экономика – основа общества. Правильно будет сказать: экономические и другие социальные отношения, иначе получается нелепость.

Более высокие, более сложные формы движения материи включают в себя более низкие, более простые. Общество состоит из людей. Человек, будучи социальным существом, не перестал быть биологическим организмом, в его организме идут химические и физические процессы и его движение как физического тела подчиняется законом механики. Нередко можно встретить утверждение, что человек – биосоциальное существо. *Человек, будучи социальным существом, в то же время является и биологическим, но сущность его социальная.* Он относится к высшей форме движения и организации материи, и если перечислять все более низкие формы движения и организации материи, человека можно было бы изобразить социо-био-химико-физико-механическим существом, но в таком нелепом изображении нет нужды, поскольку высшая форма движения и организации материи, как матрешка, включает в себя все более низкие. Поэтому достаточно сказать, что человек – существо социальное. Все остальное включается в понятие человека. Человек, будучи социальным существом, есть, конечно, при этом и

животное, это ясно. Но что хотят сказать те, кто хочет еще раз подчеркнуть, что мы животные? Это уже оскорбительно звучит. Что значит человек – биосоциальное существо? Мы думали социальное, а его опять вниз, вниз – животное. Топтать его. Ишь он какой, выскочил из животного мира. Да он не только био, он химио. А еще ему надо напомнить, чтобы не задавался, что он физико и даже механико, вот так его надо опустить. Точное и строгое употребление понятий – это принципиальный момент в достижении истины.

Подведем итог рассмотренному. Материя – это то единое, что есть. Она имеет разные уровни организации: механический, физический, химический, биологический и социальный. И каждому уровню соответствует своя форма движения. Есть механическое движение, есть физическое движение. Есть движение химическое. Есть биологическое. И есть движение социальное. Общество находится в движении, изменяется, развивается.

Высшую форму развития материи характеризует наличие сознания. Можно говорить об общественном сознании, а не только о мышлении или сознании отдельного человека. ***В общественное сознание входят мысли всех членов общества.*** Процесс становления индивидуального сознания включает в себя и освоение мыслей и форм общественного сознания. Генетически они в отдельном человеке не заключены. Предпосылки для усвоения духовного богатства, накопленного человечеством, передаются генетически, но само ***духовное богатство передается исключительно общественным путем.*** История знает немало примеров, когда маленькие дети попадали к зверям, и если они так просуществуют до пяти лет, то людьми они уже стать не могут. Пропущен начальный период освоения элементов общественного сознания, без которого человеком стать нельзя. Иногда говорят по

отношению к отдельным людям о процессе социализации. Причем говорят про взрослых людей. А что, до этого они разве не были людьми? Социализация начинается с грудного возраста, с рождения. Ведь в обществе родился ребенок? В обществе. Что значит потом идет процесс социализации? Вот он и идет с самого начала, поскольку человек рождается как член общества, в социуме. И не случайно государство с момента регистрации ребенка относится к нему, как к гражданину.

В отношении вообще материи и сознания ясно, что первична материя, а сознание вторично. Именно так решают материалисты так называемый основной вопрос философии о соотношении материи и сознания – что первично, что вторично. Однако общественное сознание – это особая сфера и она получает известную независимость от отдельного человека. С одной стороны, она от людей зависит, причем не только от живущих ныне, но и от всех, кто внес вклад в ее становление и развитие. С другой стороны, по отношению ко всякому человеку, вновь приходящему в мир, общественное сознание выступает больше как определяющее, чем как определяемое. ***Духовная культура общества – это духовные богатства, накопленные им за всю свою историю.*** Культура общества включает культуру и духовную, и материальную. Получается, что новые поколения приходят в мир, который создан предыдущими поколениями, и получают в наследство от них производительные силы и другие ***богатства, материальные и духовные, объединяемые понятием «культура».*** То есть мы приходим в тот мир, который создан другими людьми, мы на него влияем своим трудом и другими своими действиями, преобразовываем его и таким образом образуется связь в человеческой истории. И в этой связи поколений мы присутствуем в качестве живых, а все

предшествующие поколения – в своих деяниях, материальных и духовных. И в этом смысле человечество бесконечно и вечно, а каждый отдельный человек бесконечен и вечен в результатах своих деяний. В том, что мы делаем для общества, и состоит наша вечность. Именно поэтому *людей исторически оценивают по тому, что они сделали*. Что сделаем, то и останется, а что не сделаем, то, естественно, и не останется.

Как мы уже отмечали, *в плане общего соотношения материи и сознания материалисты отвечают на основной вопрос философии о соотношении бытия и сознания таким образом, что материя, бытие первично, а сознание вторично*. А как в отношении общественного бытия и общественного сознания? Сначала надо разобраться, что такое общественное бытие? *Под общественным бытием понимается материальное производство*. Материальное производство в широком смысле – это производство действительной жизни и включает в себя как производство людей, так и производство вещей. На ранних этапах человеческой истории решающим было производство людей и связанные с ним кровнородственные отношения. В дальнейшем, как показано в замечательной работе Ф.Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», решающую роль стало играть производство материальных благ.

Общественное бытие – это материальное производство. В узком смысле это производство материальных благ. К.Маркс определял его как *процесс присвоения предметов природы в рамках определенной формы общества и посредством нее*. Процесс – это изменяющееся во времени явление, когда мы говорим о процессах, время здесь обязательно присутствует. *Присвоение – это превращение в свою жизнедеятельность. Форма общества – это система общественных отношений*. Не

следует такое сложное понятие, как производство, путать с довольно элементарным понятием труда, который есть целесообразная деятельность по обмену веществ между человеком и природой, в ходе которой человек приспособляет вещество природы для удовлетворения своих потребностей. Это определение труда в политико-экономическом смысле. В широком смысле любая общественно полезная деятельность есть труд. Но можно ли объявить труд производством? Понятие производства не сводится только к труду. В отдельные периоды производство может идти и без приложения труда, как, например, производство озимых в период от окончания посева, осенью, и до уборки в следующем году. Если озимые посеяны и не погибли во время суровой зимы, они растут, и производство озимых совершается в течение длительного периода без приложения труда. Почему урожай озимых больше чем яровых? Потому, что и зимой идет процесс производства зерна. То же и в производстве вина. Как делают вино? Изготовили сусло виноградное, залили в бочки дубовые и поставили выдерживать в погреба. И ценится выше вино большей выдержки, у которого период вызревания практически без применения труда, когда оно выдерживалось в погребах, был дольше. Да и люди проявили большую выдержку, не притронувшись к вину в течение стольких лет. Поэтому не будем отождествлять время производства и время труда. Отсюда уже ясно, что труд и производство – это не тождественные понятия. А еще более важное отличие в том, что труд отвлекается от общественной формы производства, тогда как для понятия производства форма общественных отношений существенна.

Производство есть процесс присвоения предметов природы в рамках определенной формы общества и посредством нее. Остановимся на понятии присвоения. Как выше

было определено, присвоение – это превращение в процесс своей жизнедеятельности. Понятие присвоения очень важное, потому что оно связано не только с обыденными вещами: взял да и присвоил что-нибудь. Скажем, приватизация, это что такое? Это присвоение. Чего? Государственной собственности. Присвоение отдельными физическими или юридическими лицами государственной собственности. Если государственная собственность является формой общественной собственности, как при социализме, то приватизация означает уничтожение общественной собственности и переход к частной. Если же приватизация идет при капитализме, то какие-то объекты, находившиеся в общей собственности класса капиталистов, передаются из частной собственности класса капиталистов в частную собственность отдельных фирм или лиц.

Категория присвоения позволяет установить связь производства и собственности, поскольку *собственность определяется как отношение субъекта к объективным условиям производства как к своим* и тоже является присвоением, но не ограничивается присвоением через производство, производственные отношения составляют экономическое содержание собственности.

Итак, *производство есть процесс присвоения предметов природы в рамках определенной формы общества и посредством нее*. А какие бывают формы общества? Для ответа на этот вопрос нам надо остановиться на целом ряде экономических понятий, без которых мы социальное бытие разобрать не можем. Это прежде всего понятие способа производства.

Способ производства – это единство производительных сил и производственных отношений, характеризующееся определенным типом производственных отношений. Обратим внимание на как бы неравноправность производительных сил и

производственных отношений. Производительные силы абсолютно подвижны, динамичны. А производственные отношения, изменяясь, могут более или менее сохранять свое качество, свою форму долгое время, не меняясь в корне, не меняясь по существу. И вот это единство двух составляющих способа производства – производительных сил и производственных отношений, – характеризуется именно формой производственных отношений, типом производственных отношений.

Производственные отношения – это объективно необходимые, от воли людей не зависящие отношения, в которые люди вступают, чтобы производить. А что такое производительные силы? ***Главной производительной силой является рабочий, трудящийся.*** Непосредственные производители материальных благ – это активная производительная сила. Если рабочий не приведет в движение станки, машины, оборудование и т.п., то есть средства производства, производство совершаться не будет. Выше мы отмечали, что какое-то время производство может совершаться и без приложения труда, но вообще без труда производство совершаться не может. Рабочий – это субъективный фактор производства, а средства производства – объективный.

Средства производства на начальных этапах развития человечества выступали как орудия труда, такие, как каменные ножи, луки, стрелы и т.п., ну, а в дальнейшем появились механизмы, затем были изобретены машины, которые состоят из многих механизмов и какого-то устройства, которое приводит их в движение. Орудия, инструменты, механизмы, машины, то есть ***средства труда***, – это ***активные средства производства***. К пассивным средствам производства относятся прежде всего ***предметы труда***, то есть ***материалы, из которых***

изготавливаются продукты труда. Например, ткани, из которых шьют платье, – это предмет труда, тогда как швейные машины – это средства труда. К пассивным средствам производства относятся здания, сооружения, мосты, дороги и т.п., то есть производственная инфраструктура. Железная дорога – это пассивное средство производства, а поезда, которые по ней ходят – это активные средства производства.

Таким образом, мы определили все необходимые составляющие производительных сил, и вот, когда в рамках и посредством определенных производственных отношений соединяются рабочие со средствами производства, совершается производство.

Всего наукой обнаружено *пять типов производственных отношений и соответственно пять способов производства.* Десятки тысяч лет человечество прожило при первобытнообщинном коммунизме, основанном на первобытнообщинном коммунистическом способе производства. Почему говорится «коммунистический»? Коммунистический – от какого слова? От латинского слова коммунис. Что означает коммунис? *Коммунис значит общий. Общие средства производства, общий труд и общий продукт, который потом распределяется сообща. Вот, что такое коммунизм.* Больше ничего в понятии «коммунизм» так таковым не содержится. Кому-то это может нравиться, кому-то – не нравиться, но это просто факт, коммунис. Тем более, что производные от этого слова, такие как коммунальное хозяйство, коммунальные платежи, коммунальщики, имеющиеся в языке, отражают явления, существующие и при капитализме, и они говорят о том, что, кроме того, что вы имеете, например, приватизированную квартиру, есть какие-то общие нужды, которые нужно удовлетворять сообща,

хотите вы этого или не хотите. Даже если у всех квартиры приватизированы, остаются подвалы, в которых нежелательно, чтобы крысы бегали, крыша, которая лучше бы не текла, лестница, которую, не дай бог, кто-нибудь приватизирует, натянет веревочку и будет брать деньги с жильцов за проход через его лестницу к их квартирам. Спрашивается, кто будет общей, неприватизированной частью управлять? Законом предложили жильцам дома на собрании выбрать: или сами будете управлять сообща, или создадите товарищество собственников жилья (ТСЖ), или наймете управляющую компанию. Как вы думаете, управляющая компания из-за любви к жильцам стала управлять или из любви к деньгам, которые хочет из жильцов выжать? Короче говоря, управляющие компании эту любовь уже реализуют на практике в трогательном единстве с государством, которое постоянно повышает тарифы на услуги жилищно-коммунального хозяйства. Причем все время идут ссылки на рост затрат. Хотя тот, кто экономическую сторону немножко знает, легко ответит на вопрос, затраты у нас растут или падают? Затраты чего имеются в виду, что имеется в виду, когда говорят о затратах? Не о бумажках же идет речь. Бумажки всегда можно напечатать в большем количестве. Что имеется в виду под затратами? Под затратами имеются в виду затраты труда. Скажите пожалуйста, с развитием человечества затраты труда на единицу продукции падают или увеличиваются? Быстрее сейчас ткут, чем триста лет назад? Хлеб быстрее убирают комбайнами, чем когда убирали серпами? Быстрее? Вообще *все развитие производительных сил человечества к чему сводится? Оно сводится к развитию производительной силы труда.* Это всем известно, даже тем, кто не делает вытекающих отсюда выводов.

Таким образом, совершенствование средств производства и умелости рабочих приводит к развитию производительной силы

труда, что выражается в росте производительности труда. **А в чем выражается рост производительности труда? В том, что одно и то же количество продукции, той же самой, делается за меньшее время.** Следовательно, в единице продукции содержится все меньше и меньше затрат труда. Так? Это что закон первобытнообщинного строя, рабовладения, феодализма, капитализма, коммунизма или это всеобщий социологический закон? Он действует лишь при этом или том президенте, или он действует всегда? Всегда действует. Поэтому **общая тенденция какая? К постоянному и неуклонному снижению затрат труда на производство продукции.** Когда капитализм был капитализм свободной конкуренции, то есть когда рынок регулировал его, параллельно со снижением затрат снижались и цены. Сейчас некоторые тоже говорят, что рынок регулирует, но нельзя им верить, мы же видим, кто регулирует. Какой рынок? Пусть попробует бабушка продать семечки дешевле, чем положено, тут сразу ей объяснят, что если ты, бабушка, хочешь чтобы у тебя внук остался живым, то ниже такой-то величины цену не ставь. Капитализм еще в начале XX века перешел в монополистическую стадию своего развития, характеризующуюся монополистическим регулированием цен в интересах монополий. Цветочки вы можете купить по цене ниже, чем установили монополизировавшие их продажу в Петербурге голландские монополии? Однажды совхоз «Детскосельский» (теперь он ОАО или ЗАО) привез цветы в два раза дешевле, но его быстро вытеснили и опять продают те же самые голландские цветы по единой для всех пунктов продажи цене. У нас какой сейчас капитализм? Капитализм свободной конкуренции или монополистический? Монополистический. Если мне надо с вас деньги взять, я с вас их возьму. А для этого я вам объясню: на все выросли затраты. Давайте деньги. Вот и вся

музыка. Причем с легкой руки английского экономиста Джона Мейнарда Кейнса введена практика государственно-монополистического регулирования, включающая постоянное понижение курса денежной единицы, обеспечивающая постоянную *инфляцию, то есть повышение цен на все товары, кроме товара рабочая сила*. Монополии же выигрывают и за счет снижения затрат труда под воздействием научно-технического прогресса, узурпируя его результаты, и за счет повышения цен, то есть понижения жизненного уровня потребителей.

Причем повышение цен и тарифов прикрывается разговорами про нововведения и модернизацию, которые должны состоять, как известно, в первую очередь в снижении затрат. Может, у нас действительно «постиндустриальное» общество, то есть промышленность разрушена, и мы переходим к изготовлению продуктов вручную? А может «информационное» общество, то есть информации о нововведениях много, а снижения затрат нет. Вот это уж действительно нововведение: вопреки общесоциологическому закону понижения затрат с ростом производительной силы общества достигнуто повышение затрат. Вот уж, действительно, не видано, не слыхано. Это пример того, когда ходячие представления, усиленно навязываемые обывателю, в корне расходятся с научной истиной, с фактами действительной жизни. Сказки про то, что за несколько лет в несколько раз выросли расходы на услуги ЖКХ, прикрывают сказочный рост доходов в этой сфере.

В других сферах такая же картина. В период кризиса, начавшегося в 2008 году, сколько слез пролили наши миллиардеры и те, кто ими собрался стать, о том, как им в кризис было тяжело, а по итогам кризиса число долларовых миллиардеров в России увеличилось вдвое, выросли и богатства самых богатых.

Долларовый миллиардер Лисин, который до кризиса имел 18 миллиардов долларов, после кризиса стал обладателем 24. А писали: «Время тяжелое, подтяните животы», потому что, как оказалось, не хватает на покупку островов. Вот и Сбербанк бодро доложил, что возвращается к докризисной практике выплаты ежемесячных бонусов членам правления по несколько миллионов рублей каждому. Газета деловых людей «Коммерсантъ» сообщала, что в 2008 году каждый из двадцати членов правления Сбербанка получал ежемесячно зарплаты и бонусов по 3 миллиона 700 тыс. рублей (каждый!). В 2009 году в правление пришлось еще троих взять, наверное, чтобы подкормились в тяжелое время, стало двадцать три члена правления Сбербанка, в который все старушки относят сбережения, и снизились выплачиваемые членам правления суммы. Каждый стал получать ежемесячно только три миллиона 400 тыс. Представляете, как эти люди плакали, как они говорили, какой тяжелый кризис. Ведь каждый из них потерял по 300 тысяч рублей в месяц!

Ничего этого не видят люди, путь которым к истине закрывает так называемый здравый смысл. Что значит «здравый смысл»? Это слепая уверенность в том, что можно обойтись без науки. Вот человек посмотрел и безо всякой науки, вместо того, чтобы изучать философию, историю и другие науки, посмотрел и все увидел – солнце встает на Востоке и идет на Запад. Ну, так что: Солнце ходит вокруг Земли или Земля вокруг Солнца? Да всякий здравый человек посмотрит и увидит – Солнце ходит вокруг Земли. Джордано Бруно стал доказывать, что наоборот, Земля вращается вокруг Солнца. Сторонники здравого смысла повели его на костер и сожгли. Сейчас вроде церковь извиняется за это. Вас сожгут, а потом через двести или четыреста лет будут извиняться и вам как-то приятно будет, если на небо улетела ваша душа. Почему в

серьезных, глубоких вопросах нельзя руководствоваться так называемым здравым смыслом, базирующимся на некритическом восприятии остатков умерших философских систем или обрывках университетских курсов. Потому, что истина непосредственно не дана, и чтобы проникнуть в сущность рассматриваемых явлений или процессов, недостаточно поверхностных наблюдений или представлений. Для этого нужна наука.

К.Марксом в «Капитале» доказано, что *с развитием средств труда и других средств производства, производительная сила труда увеличивается, и, значит, затраты труда на единицу продукции, на все продукты сокращаются*. Такова тенденция. И это совершенно однозначно выраженная тенденция. С этим научным положением, кстати, никто и не спорит, просто до сущностного уровня рассмотрения чаще всего не доходят. Говорят: «А посмотрите, цены на нефть выросли». Потом: «на бензин выросли». А на бензин выросли потому, что на нефть цены подняли. А на бензине работают машины, которые везут хлеб. «Видите, мы ничего не можем сделать. Надо повысить цену на хлеб». И так можно накручивать бесконечно, механизм этот очень прост. Его в свое время и придумал английский экономист Джон Мейнард Кейнс. В связи с кризисом, кстати. После кризиса 1929 – 1930 годов, более мощного, чем последний. От лица буржуазной экономической науки Кейнс признал, что капитализм без кризисов существовать не может, но, чтобы они были не такими сильными, Кейнс предложил применять меры государственного регулирования, такие, как регулирование нормы процента, налоги, а также он рекомендовал для понижения реального содержания заработной платы рабочих не понижать на капиталистических предприятиях номинальную заработную плату, что будет порождать множество конфликтов, а использовать такой рычаг

государственного регулирования, как инфляция. И вот с тех пор этот рычаг очень широко применяется. То есть вам выдали номинально вроде бы неплохие деньги, но затем с помощью инфляции забрали назад столько, на сколько выросли цены. Поэтому в условиях государственно-монополистического капитализма мы должны **различать динамику номинальной зарплаты и динамику ее реального содержания**. Скажем, номинальная заработная плата может время от времени повышаться, а реальное содержание ее при этом сокращается, если индекс инфляции выше, чем темп роста номинальной зарплаты. Людям говорят: «Идите, сдавайте деньги в Сбербанк, получите 7%». Целых 7%, если на целый год положите. А инфляция больше 7 процентов. Вам на ваш вклад прибавят 7%, а инфляция 9%, например. И какой результат? Вам прибавили или с вас сняли? Что больше: 9 или 7?

Правительство, вроде бы, сокрушается: не можем, дескать, обуздать инфляцию. Однако сложилась определенная процедура организации инфляции. Делается это так. В начале года выступают представители так называемых естественных монополий (как будто естественно монополизировать народные богатства), хозяева нефтяных и газовых компаний и говорят: «О, тяжелые условия, идем все дальше, глубже зарываемся в землю. Затраты выросли несказанно. Нужно на 30% повысить цены на энергоносители – продукцию естественных монополий» Идут с этим куда? В Думу. Думцы говорят: «Да вы что, очумели. Народ нас всех разгонит. Никто не выберет. Наша партия «Единая Россия» в Думе думает о народе и не позволит вам повысить цены на 30%. Нет, только на 25%». Затем идут к Путину, он лидер «Единой России», хотя и не член партии, он просто быстро идет впереди, а они за ним не успевают, поэтому он и лидер, а заодно и автор новой

политической конструкции, поскольку в случае чего не несет ответственности за ошибки пошедшей за ним партии, потому что он не член партии. В данном случае он как лидер партии говорит: «Да вы что – на 25%. Да ни за что! Только на 15%..». Но у нас еще и президент есть, тоже народный заступник: «Как же это так, скоро президентские выборы, а вы хотите повысится на 15%. Нельзя на 15%». И ну давай сразу с народом совещаться, как по закону о полиции. «Мы приняли во внимание ваши мнения и в экономический прогноз запишем 8,5%», в конце концов, это же прогноз, это же не план. Прогноз можно и не выполнять. Дескать, думали, как лучше, а получилось, как всегда. Как с погодой. Думали, что будет у нас тепло, а у нас холодно. Ну, что делать. Прогноз есть прогноз. Думали, что инфляция будет 8,5%, а получается 9%, а, может, будет 10%. Дело понижения реального содержания зарплаты сделано, и вроде никто не виноват.

Чтобы разбираться в формах общества, основанных на типах производственных отношений, надо понимать, что такое собственность. Это тоже секрет из секретов. Но не так уж сложно рассекретить это дело. Что можно услышать или прочитать в плохих книжках? Собственность это, якобы, отношение по поводу вещей. Вроде бы как мы из-за какой-то вещи подрались, так вот эта драка и есть собственность. Дополняют, что собственность проявляется в пользовании, распоряжении и потреблении. Понятно, что если это моя собственность, то я ею пользуюсь. ***Что такое пользоваться? Потреблять объект собственности, извлекать из него пользу. Распоряжаться объектами собственности значит принимать решения, как их использовать. Владение – это фактическое господство над вещью.*** Если уже имеется фактическое господство над вещью, как превратить владение в собственность? Для собственности нужно

не просто владение, а общественное опосредствование этого владения, общественное закрепление. Будет это – будет и собственность, а нет, то останется просто владение. На луне собственность есть? Нет. В Антарктиде пока тоже нет собственности на сплошь покрытую льдом антарктическую сушу. А владение имеет место. Есть у вас корабль? Снаряжайте корабль, высаживайтесь на лед, бурите лед, может, там чего и найдете. Если у вас бур хороший, то вы добуритесь до грунта антарктического, можете там землянку сделать и владеть ей. Короче говоря, приезжают исследователи, ставят свои приборы, делают станции, и, естественно, оборудование станций есть объект чей-то собственности, но не территория Антарктиды. Людей там пока мало и вопрос, ваш это лед или не ваш, пока не стоит. Но в перспективе может встать, тогда придется выяснять, кто первый каким участком завладел, чтобы добиться общественного признания и общественного опосредствования этого владения. Когда пришли колонизаторы в США, так собственность на землю была у этих колонизаторов? Она у индейцев была. Говорят, самая демократическая страна. Что первое сделали будущие демократические демократы – пользуясь достижениями техники, отстреляли местное население. Второе, что сделали, – привезли негров из Африки. Причем полтора миллиона погибло при перевозке, задохнулись в трюмах. Вот говорят: «У нас демократические основы есть, глубокие». Я всегда с этим соглашаюсь, у нас такого нет. У нас к моменту, когда там отменялось рабовладение, уже крепостное право было отменено. Учитесь у демократов!!! Нас многие учат. Вот немцы приезжают: «У нас демократия». Конечно, у вас демократия, у вас традиции демократии. Вот только мы никогда не делали абажуры из человеческой кожи, у нас традиций таких нет. Сразу перестают

учить. Нас все учат, русских якобы дураков, приезжают и учат. Вас не учили, что у нас плохая демократия? Сейчас говорят: «Честные выборы». А бывают честные выборы? Ну, абсолютно честные, бывают такие выборы, чтобы было все честно? Хоть одни где-нибудь были? Вот в Америке, говорят, честные. Тот кандидат в президенты, кто в свой избирательный фонд больше денег собрал, того и выбрали. Очень все честно: кто больше сдал денег, тот президентом и управляет. Это проливает свет на то, как вопросы, лежащие на поверхности, соотносятся с глубинными процессами, связанными с бытием, социальным бытием. Социальное же бытие – это производство.

Чтобы разбираться в формах производства, надо твердо знать определение собственности, к которому мы подошли. Субъектом собственности может быть кто угодно – отдельное лицо, группа людей, общество в целом, государство и т.д. ***Собственность есть отношение субъекта к объективным условиям производства как к своим.*** К объективным условиям производства отношение как к своим не может быть естественным, как к своей руке или ноге, только общественным. Вот и получается, что собственность – это общественно опосредствованное владение. А как вы думаете, после того, как отстреляли индейцев, как создавали собственность на землю в США? Как? Сначала ставили столбики. Не заходи за столбик мой, иначе застрелю!!! И тот, кто первый выстрелил и попал, тот и становился собственником. Так осуществлялось общественное опосредствование изначально, теперь же чаще через куплю-продажу. Постепенно все уже привыкают за мои столбики или забор не заходить – и так закрепляется собственность на ранчо.

Таким образом, глубокое и точное определение собственности следующее. ***Собственность – это отношение субъекта к объективным условиям производства как к своим.***

Такое определение собственности дал Маркс. Пользуясь таким определением, легко определить, какая собственность общественная, а какая – частная. ***Если общество – субъект собственности, то, соответственно, собственность общественная. Если часть общества является субъектом, то это частная собственность.*** Часть общества. Даже если это собственность 99 процентов членов общества, то это частная собственность, а когда всего общества – это общественная. А государственная собственность в условиях капитализма? Это частная собственность класса капиталистов. Что такое государственные налоги? А куда эти налоги попадут? В общую казну класса капиталистов. И кто заказы получит из этой общей казны? Ну, те, кто туда и складывал, но прежде всего те, у кого капитал больше, те капиталисты, которые крупнее.

А если государство является государством рабочего класса, то интересы государственные как интересы наиболее передового рабочего класса являются общественными. Тогда подчинение производства этим интересам это и есть господство общества, общественно опосредствованное владение общества. Получается, что собственность государства рабочего класса есть форма общественной собственности. Отсюда вывод, что, начиная с XXII съезда КПСС, состоявшегося в 1961 году и объявившего, что государство в СССР больше не является государством рабочего класса, государственная собственность в СССР перестала быть формой общественной. А какой она стала? Частной. Собственностью тех, кто непосредственно распоряжается этой собственностью, то есть партийно-государственной номенклатуры, которая и стала субъектом этой собственности. Ей удалось у общества собственность отнять и осталось только поделить. Большевики после Великой Октябрьской социалистической

революции отняли крупную частную собственность и с помощью государства рабочего класса соединили в общественную. А в 1961 году под лозунгом перехода от государства диктатуры пролетариата к доселе нигде не виданному и науке не известному общенародному государству у общества была отнята собственность, которую затем в начале 90-х годов поделили под лозунгом приватизации. Хотя попытки превратить общественную собственность в частную были и раньше. Вот если государственный чиновник едет на черной «волге» в общественных интересах, это какая собственность? Это общественная. А если он на черной «волге» едет на рынок в своих частных интересах? Неважно, что там написано на борту «волги», что государством выделен водитель, что есть мигалка. Это все внешние факторы. А суть дела в том, что чиновник использует общественную собственность как свою частную, употребляя марксово выражение, – как свое удлиненное тело, как свое продолжение в объективности, относясь к объектам общественной собственности как к объектам своей частной. Разъясняя определение собственности, Маркс указывал на то, что применительно к объективным условиям производства вы не можете относиться к ним как к своим естественным, природным образом, подобно тому, как мы относимся к своей руке или голове. Объективные условия производства могут стать своими для какого-либо субъекта только общественным путем. Даже мои ручка, пальто или чемодан не могут быть моими естественным, природным образом. Тем более завод не может естественным, а не общественным образом, стать моим удлиненным телом, моим продолжением в объективности. А вот собственности на голову у нас нет, потому что голова – моя собственная природным, естественным образом, без всякой категории собственности. Не

является она и объективным условием производства, поэтому собственности на нее так же не может быть, как и на руку. Рука моя и так моя без всякой собственности. Ведь собственность, вдумаемся в определение собственности, в котором каждое слово имеет смысл, – это отношение субъекта не к тому, что является своим по природе, а *к объективным условиям производства*.

Подчеркнем, что собственность есть отношение к объективному условиям производства, а не просто неизвестно к каким вещам, тем более не к идеям, не к мыслям. Другое дело, что при капитализме все продается. Поэтому и к идеям относятся как к объекту купли-продажи. Но на самом деле большая разница между идеей и объективными условиями производства. Если я какую-нибудь вещь вам отдал, у меня теперь ее не будет. А если я вам определение собственности дал, оно что исчезло у меня из головы? Расстаюсь я с этой идеей, когда я вам ее передаю? А как же интеллектуальная собственность? Да вот так – нет интеллектуальной собственности, но оформить ее можно. Это называется иррациональная форма. Например, земля девственная, которую никто никогда не обрабатывал, она стоимость имеет? Нет. А цену, которая по определению есть денежное выражение стоимости, на эту землю устанавливают? Да запросто, и продают. На все можно установить цену. Но если вы установили цену, а под ней соответствующей экономической основы нет – это иррациональная форма. Кроме присущих форм, бывают и иррациональные формы. Лев Толстой позаботился о том, чтобы никто из его родственников не брал денег за разрешение на публикацию его произведений. И это в немалой степени способствовало распространению его произведений. Или возьмем компьютерные программы. Кто делает эти программы? Я вот учился на матмехе и около половины тех, кто там учился, уехали в

Америку, потому что здесь в 90-е годы очень трудно было жить. Скажем, доктор наук профессор получал две тысячи рублей, а если старший научный сотрудник в Научно-исследовательском институте математики и механики, то 200 рублей, хотя такого же ранга доктор наук. Ну, вот уехали они, и многие там делают программы для «Майкрософт», которая одну и ту же идею стремится продавать бесконечно. Вот от преподавателей постоянно требуют, чтобы мы давали что-то новое, тем более в науке. Если я делаю научную работу, я что должен делать: то, что уже сделано или то, что еще никто не делал? Научная работа в чем состоит? Новое давать или старое за новое выдавать? Новое давать. Ну, так и делайте новые программы. Нет, они хотят за распространение старого продолжать деньги получать. В итоге «Майкрософт» добивается ограничения распространения передовых идей и не случайно в мире идет работа по созданию альтернативного программного обеспечения, пользование которым было бы бесплатным.

Поэтому мы, конечно, должны различать внутреннее, так сказать, сущность, глубинное и внешние формы проявления. Любое хорошее, ценное, глубокое, правильное и истинное может принять иррациональную форму. Вот собственность на руку есть у нас? Но просят у девушки руки, имея в виду предложение ей выйти замуж. Но есть и общественное закрепление создания семьи – оформление брака, то есть общественное закрепление брачного союза любящих друг друга. А некоторые любят, а живут гражданским браком, не оформляя его, дескать, сегодня люблю, а завтра передумал и ушел. Или она передумала – «надоел ты мне» и ушла. И все это не так страшно, если бы не страдали дети. Поэтому нормой является общественное закрепление брака. Это препятствует случайному расторжению брачного союза. Разве

бывают такие семейные пары, которые не конфликтуют? Разве бывает жизнь, в том числе семейная, без противоречий? Поэтому общественная защита брака и семьи от случайного расторжения и распада очень важна.

Собственность – это отношение субъекта к объективным условиям производства как к своим. И поэтому про собственность можно сказать «присвоение», но общественно опосредствованное. Из этого следует, что **производственные отношения как отношения присвоения суть важнейшие экономические отношения собственности. Производственные отношения составляют экономическое содержание собственности.** Производственные отношения – это те отношения, которые опосредствуют, закрепляют и воспроизводят собственность, то есть присвоение. Собственность, взятая не в своем юридическом выражении, а в своем экономическом содержании – это производственные отношения. А исчерпывается ли собственность производственными отношениями? Нет, потому что имеются еще отношения наследства и другие юридические отношения собственности. С одной стороны, мы различаем понятия собственности и производственных отношений. А, с другой стороны, мы видим, что когда совершается производство, то при помощи производства можно собственность нарастить. В чем смысл капиталистического производства? В самовозрастании капитала. И хотя рост капиталистической собственности обеспечивают рабочие, у которых капиталисты забирают прибавочную стоимость, видимость такова, что стоимость капитала самовозрастает.

Итак, будем считать усвоенным, что такое социальное бытие. **Общественное бытие – это производство.** Производство собственности воспроизводит, закрепляет, изменяет,

перераспределяет, а в воспроизводстве участвуют также обмен, распределение и потребление. В процессе потребления рабочих и членов их семей воспроизводится рабочая сила. *Рабочая сила – способность к труду, а более конкретно – совокупность физических и духовных потенций, которые всякий раз пускаются в ход при производстве материальных благ.* Это и другие данные выше определения важны, чтобы конкретно понимать, что есть социальное бытие, производство. *А общественное бытие, как доказано К.Марксом и Ф.Энгельсом, определяет общественное сознание, в обществе господствуют мысли господствующего класса.* В работе Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» это важнейшее положение материализма применительно к истории прослежено наиболее последовательно и выражено особенно ярко. Эта книга недавно была снова переиздана и доступна. В ней Энгельс сформулировал положение о том, что *определяющим в человеческой истории является производство и воспроизводство действительной жизни.* Он показывает, что вначале самым главным производством было производство людей. Производство материальных благ было не развитым, сводилось к собиранию диких плодов и охоте. Поскольку основным было производство человека, постольку и основными отношениями в обществе, определяющими всю жизнь людей, были отношения семейные или кровнородственные, имея в виду, что семья была совсем не такая, как сейчас. И сейчас родственные отношения играют значительную роль в экономике и даже в политике. Вот говорят «клановость», а что такое клановость? Клан – это родственники. Но с развитием производства материальных благ оно вышло на первое место и стало решающим фактором, который стал определять историческое развитие. Но это не означает, что

кровнородственные отношения перестали являться фактором, влияющим на развитие, они продолжают оставаться элементом бытия, но решающим стало производство и воспроизводство материальных благ. И вот это *величайшее открытие Энгельса и Маркса, состоящее в том, что решающим и определяющим в человеческой истории является производство и воспроизводство действительной жизни, является основным положением не вообще материализма, а материализма в применении к истории, то есть исторического материализма.*

Ясное дело, что всякое научное положение предполагает достаточную развитость тех, кто его воспринимает. Некоторые думают, что то, что является определяющим, является единственным фактором, от которого все зависит. Это совершенно не верно. То, что происходит на поверхности исторической жизни, зависит от сотен, тысяч и даже миллионов факторов. Поэтому сказать, что все зависит только от производства, конечно, неверно. *Есть взаимодействие общественного бытия и общественного сознания, и в этом взаимодействии определяющим, ведущим фактором является общественное бытие.*

А что такое общественное сознание? Мы выяснили, что вообще сознание – это свойство высокоорганизованной материи, ее способность познавать действительность. *А что такое общественное сознание? Это мысли общества.* Маркс и Энгельс показали, что господствуют в обществе мысли господствующего класса. *Тот, кто господствует в экономике, тот получает господство и в общественном сознании. Господствуют мысли господствующего класса.* И это очень важное положение, не очевидное и не очень легко воспринимаемое.

Например, все время товарищи обсуждают у нас вопрос выборов, кто победит на выборах. Как правильно сформулировать

этот вопрос, поставить эту тему, чтобы все было ясно. Кто победит на выборах? У нас какой экономический строй? Капитализм. Какой класс у нас находится в положении господствующего класса? Буржуазный. Спрашивается, какая партия победит на выборах: буржуазная, мелкобуржуазная или рабочего класса? Во-первых, среди участвующих на выборах партий партии рабочего класса у нас не просматривается. Про какую партию можно сказать, что она – авангард рабочего класса, что рабочий класс за ней идет? Ведь вообще всякая *политическая партия – это авангард класса*. А авангард класса – это такая группа людей, за которой класс идет. Ну, и за какой партией рабочий класс идет? А вот партию, за которой идет буржуазия, можем назвать, – это «Единая Россия». Кто победит на выборах, какой класс, зависит от того, как будут голосовать избиратели. А как они будут голосовать, зависит от того, какие мысли у них в головах. А какие мысли, какие идеи господствуют? Те, что распространяли по телевидению и радио в течение длительного времени. А кто держит в руках радио, телевидение, газеты, журналы и другие определители воли избирателей? Буржуазия. В буржуазном обществе кто-нибудь когда-нибудь на выборах выигрывал, кроме буржуазии? Вот при феодализме было все прозрачно и честно. Там никаких вообще выборов не было. Там было все ясно: если вы дворянин, то вы будете у власти. А если не дворянин, то не будете у власти, за редчайшими исключениями. Что тут непонятного? Никаких выборов, есть правящий дворянский класс. А какие красивые здания построили крестьяне под руководством дворян: Исаакиевский собор, Смольный собор, великолепные дворцы. Крестьянина можно было продать и купить с землей и без земли, с семьей и без семьи, но крестьянин после работы на барщине сам решал, что и как ему производить. Рабочие при капитализме,

которые свободны от средств производства и живут продажей своей рабочей силы, на производстве сейчас ничего не решают. И что у нас красивого построили при буржуазном строе? Если разваливается здание, то новое, если не разваливается, то старое. Таврический дворец – это тот, что Екатерина II подарила Потемкину. Там сейчас располагается Парламентская ассамблея стран СНГ. При феодализме не было выборов, а теперь устраивают выборы, чтобы в очередной раз убедиться, какие мысли в обществе господствуют и в очередной раз подтвердить основной тезис исторического материализма, гласящий, что *общественное бытие определяет общественное сознание*. Раз в пять лет проводится голосование, чтобы проверить, действительно ли в обществе господствуют те мысли, которые насаждались. Надо это очень честно проверить, а для этого и нужны честные выборы. Это очень просто и понятно, но некоторые смотрят и думают, чем закончатся выборы. Да разве когда-нибудь на выборах при буржуазном строе избрали противоположный буржуазии класс? Никогда, нигде. Не было такого случая и в Чили, где президентом избрали руководителя социалистической партии Сальвадора Альенде. Ни социалистическая партия, ни Альенде не были представителями рабочего класса. В большой статье, опубликованной у нас в журнале «За рубежом» Альенде заявлял, что он за социализм без диктатуры пролетариата, а социализм без диктатуры пролетариата – это все равно, что капитализм без диктатуры буржуазии. Тот, кто против диктатуры пролетариата, помогает установлению и упрочению диктатуры буржуазии, что бы он при этом ни говорил. История это вполне подтвердила. Действительно, почему бы не избрать социализм без диктатуры пролетариата, не посмотреть, что будет? И вот этому Альенде, партия которого получила большинство при выборах в чилийский парламент, правящий

буржуазный класс позволил провести буржуазную земельную реформу, прогнать помещиков и землю превратить в товар, что очень нужно для развития капитализма. После этого Альенде стал больше не нужен, его уничтожили, в стране воцарился фашизм. Потому что в руках у буржуазии была, во-первых, армия, во-вторых, корпус карабинеров, полиция, суды, чиновничество – все основные институты государственной власти.

Давайте теперь в качестве примера возьмем Россию в 1917 году. У нас в 1917 году были официальные выборы в Учредительное собрание. Большевики участвовали в этом? Да. И что, победили? Нет. А еще куда были выборы? В той же самой стране в то же самое время были выборы в Советы. Были? Были. Участвовали в них большевики? Участвовали. Победили? Тоже нет. Во всех Советах в целом большевики победили? Нет. Они победили где? В Петербурге, в Москве и войсках Северного фронта. Вот есть такая статья у Ленина «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» (том 40 полного собрания сочинений), очень интересная статья, можно сказать ключевая, посвященная данной проблеме. В ней специально рассматривается вопрос о том, может ли рабочий класс с помощью выборов взять власть или нет? В ней Ленин пишет, что мы не сумасшедшие, мы понимаем, что удержать власть без того, чтобы на твоей стороне было большинство народа, нельзя, но вот настоящие сумасшедшие те, которые думают, что выборами можно установит власть рабочего класса при господстве противоположного класса, когда все определители воли находятся у него в руках. Да никогда такого не может быть! Нет, говорит Ленин, мы сейчас, опираясь на то, что на выборах в Советы большевики выиграли в войсках Северного фронта, в Москве и Петрограде, берем власть. И что делаем? А дальше с помощью

этой власти привлекаем на свою сторону большинство народа. Что для этого делаем? Объявляем мир народам. Передаем землю крестьянам. Большевики какую земельную программу реализовали? Свою или эсеровскую? Эсеровскую, поскольку за нее выступало большинство крестьян. Но они, конечно, понимали и разясняли, к чему это приведет. У нас к 1928 году опять появились бедняки, середняки и кулаки, потому что в 1917 году просто взяли землю и разделили и только потом пришли к общему хозяйствованию на общей земле. Карикатурный раздел провел в 90-е годы Чубайс: взял и дал всем по ваучеру. К чему это привело – у одних мешки с ваучерами, на которые они приобрели заводы, а у других мешки под глазами, и все. Это же понятно – мелкобуржуазная программа разделизма ни к чему хорошему для народа сама по себе не приводит. Ее, кстати, приписывают большевикам, хотя это была эсеровская программа – землю разделить по едокам. Словом, ни на какие выборы никакой надежды большевики не возлагали, поэтому они и пришли к власти. И наоборот, те представители оппозиционного класса, которые возлагали надежды на выборы, путем выборов хоть в какой-нибудь стране пришли к власти? Нет. Другое дело – иные представители того же самого господствующего класса, они постоянно сменяют друг друга и подтверждают замечание Маркса о том, что буржуазия позволяет представителям угнетенного класса один раз в пять лет решать, кто из представителей угнетающего класса будет представлять и подавлять их в парламенте. Поэтому, строго говоря, никаких революций не произошло ни в Киргизии, ни в Египте, сменились просто кланы, выполняющие волю буржуазии. Говорят: даешь честные выборы. Политики все время обманывают, какие могут быть честные выборы? Как могут без обмана большинства прожить те, кто

составляет меньшинство? Если у меня меньшинство, а у вас большинство, как я могу над вами господствовать? Прежде всего путем обмана. Не случайно Ленин предупреждал, что тот, кто в политике или экономике верит на слово, тот круглый дурак или идиот. Ведь самые честные выборы кому дают политическое господство какому классу? Тому, который у власти. А для обмана народа буржуазией лучше сделать пару партий. Вот, например, в Америке какие две партии? Демократическая и Республиканская. Или демократы победят, и правящий класс, американская буржуазия, будет править с помощью демократов. Или республиканцы победят, тогда американская буржуазия будет править с помощью республиканцев. Или осел или слон, одно из двух. Демократическая партия – это партия, которая была партией рабовладельцев или партией буржуазии в период войны за независимость? Рабовладельцев. Поэтому и называется демократической. А республиканцы тогда были партией передовой американской буржуазии, которая выступила против рабовладения. Теперь обе эти партии, сменяя друг друга, обеспечивают господство буржуазии.

Глубокое положение о том, что *общественное бытие определяет общественное сознание*, конечно, не всеми усваивается или не сразу усваивается, или его значения люди не понимают, но общественное бытие тем не менее действительно определяет общественное сознание. Другое дело, что нельзя это понимать грубо, антидиалектически и не в соответствии с этим положением. То есть если у меня бытие, скажем, капиталиста, у меня какое сознание? Сознание отдельного человека определяется не его бытием, а обстоятельствами и воспитанием. Но когда речь идет о массах, тогда уже речь идет об общественном сознании, о том, какие мысли в обществе господствуют, это определяется

общественным бытием. Рабовладельческое общество – рабовладельческое сознание. Феодалное общество – феодалное сознание. Буржуазное общество – буржуазное сознание. Ну, чьи мысли господствуют в рабовладельческом обществе – рабов или рабовладельцев? Рабовладельцев, которые создали рабовладельческую демократию, не допуская к ней никого, кроме свободных граждан. Рабов не считали за людей. И меньшинство рабовладельцев все вопросы решало по большинству голосов. Так общественное бытие оказалось определяющим для общественного сознания, или идеология Спартака победила? Или вот идеология, которая была у Пугачева? Какая у него была идеология – добрый царь. Это идеология феодалная. А Степан Разин хотел сделать демократическую республику? Или хотел сделать республику Советов рабочих и крестьянских депутатов? Он пришел дать волю! А что будет в итоге этой воли? Никакой позитивной программы, кроме той, что будет другой царь. Царь бывает добрый и царь бывает злой. Вы за какого царя, за доброго или злого? Мы за доброго! Давайте к нам.

То есть на самом деле, если по крупному поставить вопрос, мы видим, что в истории определяющим является производство материальных благ, общественное бытие определяет общественное сознание. Но то, что верно по отношению к обществу в целом, неверно по отношению к отдельному человеку. То есть по отношению к каждому отдельному человеку неверно, что его бытие определяет его сознание. Вот Энгельс, например. У него какое бытие? Кто он по социальному положению? Папа кто? Папа – фабрикант. А потом, когда Энгельс доделывал «Капитал», Маркс уже умер, а Энгельс кто был тогда? Фабрикант. Буржуа. Может быть, поэтому в Петербурге проспект Маркса переименовали, а проспект Энгельса нет? Так что если кто-то полагает, что если

Энгельс фабрикант, то мысли у него фабрикантские – ничего общего с наукой это не имеет. У него мысли пролетарские. Он же вождь рабочего класса, идеолог. Ну, а кто Маркс? По его бытию – буржуазный интеллигент. Жил в капиталистическом обществе, писал «Капитал», Энгельс ему помогал материально, иначе бы ему не дописать. У него что – буржуазно-интеллигентские мысли? Нет, он тоже идеолог рабочего класса. А Ленин? Ну, кто был Ленин? В шестнадцать лет стал дворянином, мама за него ходатайствовала, когда его исключили из Казанского университета, сидел в тюрьме, потом в ссылку попал, но там ему выплачивали пособие как дворянину, жил он лучше, чем другие ссыльные, и писал книгу «Развитие капитализма в России». Или Ленин рабочим был? Нет, конечно. Сдав экстерном экзамены в Петербургском университете, он получил специальность юриста, немного поработал помощником присяжного поверенного и стал профессиональным революционером. А рабочее положение гарантирует рабочему пролетарскую идеологию? Нет. Ленин писал, что рабочий класс по условиям своей жизни не в состоянии самостоятельно выработать пролетарскую идеологию. Пролетарская идеология коренится в положении рабочего класса, выражает это положение, но она может явиться лишь как результат развития науки. Маркс какую науку изучал и развивал дальше? Буржуазную. Взять и написать неизвестно откуда выскочившею какую-то идеологию рабочего класса – такого не может быть. Точно так же по отношению к новациям в культуре Ленин всегда говорил, что он их не понимает, ведь культура – это накопленный опыт материальный и духовный, она не может ниоткуда выскочить, она является только как дальнейшее развитие предшествовавшей культуры.

Когда выше речь шла вообще о материализме, мы отмечали, что есть материализм грубый, вульгарный как у Фогта, Бюхнера и

Молешотта. Дескать, мозг выделяет мысль, как печень выделяет желчь. Но это ничего общего с диалектическим материализмом не имеет. Теперь у нас речь идет об историческом материализме. Однако если исторический материализм не диалектический, он тоже становится грубым, вульгарным или глупым, про носителей которого Ленин писал, что умный идеалист лучше, чем глупый материалист. Если так примитивно понимать материализм в применении к истории, что от вашего положения материального или от того, чего и сколько вы едите, зависит, какие у вас будут мысли – это совершенно не так. Это противоречит всему тому, что мы наблюдаем в истории – насколько велика роль сознания и воли отдельных личностей. Мы можем взять один из тезисов Маркса о Фейербахе, где он подчеркивает, что **человек есть продукт обстоятельств и воспитания**. Если мы хотим понять, почему человек занимает такую позицию, а не другую, мы должны учесть, где он родился, в каких условиях жил, кто его воспитывал, какие люди на него повлияли, какие книги он читал и т.п. И очень часто бывает, что то, каким человек становится, в определяющей степени зависит не от того, в какой семье он родился и как он воспитывался, а зависит от того, что он читал, какие события, какие люди повлияли на его судьбу и жизнь. Поэтому тезис о том, что социальное, общественное бытие определяет *общественное* сознание абсолютно не применим к отдельным людям. Наоборот, очень часто люди определяют, поскольку мы знаем о роли выдающихся личностей в истории, – люди определяют в значительной мере ход событий. Политические партии определяют в значительной степени ход событий. И эта вот связь глубинная с производством, не относится к отдельному человеку. Отдельные люди часто или даже всю жизнь действуют вопреки своему положению в общественном производстве. Скажем, во всех

политических партиях, которые являются авангардами соответствующего класса, имеются идеологи. Эти идеологи кто такие по положению? Интеллигенты. Во всех партиях в руководстве есть интеллигенты. А кто такие интеллигенты? Интеллигент – это носитель знаний. Известно, что *когда какая-нибудь идея овладевает массами, она становится материальной силой*, и это совсем не обязательно идея господствующего класса. Идеи господствующего класса могут быть и бывают, когда он перестает быть прогрессивным и идет к своему закату, отсталыми, отжившими, реакционными, а идеи прогрессивного класса могут быть в меньшинстве голов, но истинными.

Вообще истина всегда рождается не в большинстве, а в меньшинстве голов. Чаще всего даже вообще в одной голове своего первооткрывателя. А вот чтобы открытие одной и той же истины произошло одновременно, в тот же час, – такие примеры неизвестны. Вот, например, неевклидова геометрия. Кто открыл? Лобачевский. Но был такой венгр, у которого отец был математиком, Бойяи, который тоже занимался проблемой прямых, параллельных данной и проходящих через одну и ту же точку. Почти две тысячи лет математики пытались опровергнуть тезис о том, что через одну точку можно провести сколько угодно прямых, параллельных данной, и вот Бойяи пришла мысль сделать это аксиомой, заменив аксиому о том, что через одну точку можно провести только одну прямую, параллельную данной, и построить новую геометрию. Он опубликовал статью об этом в сборнике своего отца. Но как же он был разочарован и опечален, узнав, что за месяц до этого русский математик Лобачевский в развернутой форме уже опубликовал неевклидову геометрию, которая теперь зовется, по имени ее первооткрывателя, геометрией Лобачевского.

Для науки типично, что истина рождается в немногих головах, а чаще в одной. Причем для истины неважно, на какой должности находился тот, кто к ней пришел и какое звание он имел. Столь же типично, что новое в науке и вообще в жизни с трудом и не сразу пробивает себе дорогу.

В силу важности вопроса остановимся на диалектике борьбы нового со старым. Под новым будем здесь понимать прогрессивное, передовое. Когда новое рождается, оно сильнее старого или слабее? Слабее. А в борьбе, как известно, побеждает сильнейший. Так что поначалу новое, передовое будет проигрывать, и надо быть к этому готовым. Но поскольку это действительно передовое, оно на своих поражениях будет учиться, укрепляться, усиливаться и постепенно начнет теснить старое, а потом и систематически побеждать его. Ура! Так и хочется восславить это новое, передовое, но появляется новое, по отношению к которому это новое наше, которое уже все побеждает, является старым, и оно побеждает то новое, которое родилось. Это при каком строе? При любом. А при полном коммунизме? И при полном коммунизме будут трагедии. И в будущем возможны ситуации, что вас не поняли. Вы хорошее, светлое сказали, а вас не поняли. Но рано или поздно поймут. Иногда бывает после смерти. Такое тоже бывает, да? Говорят, солнце взойдет, наши победят, правда меня уже не будет, но наши вас победят. Сплошь и рядом в истории это бывает. Поэтому никакого примитива тут быть не может. Поэтому сразу после того, как мы вот этот фундаментальный тезис исторического материализма сформулировали о том, что *социальное бытие является определяющим по отношению к социальному сознанию*, мы должны обратиться к его более глубокому диалектическому пониманию. Поэтому несмотря на то, что мы

зашли уже очень далеко, подошли к весьма конкретным вещам, мы сейчас перейдем к категориям совсем простым, чтобы упрочить наши позиции, и начнем тему «Социальное становление», уж такую простую, что проще ее диалектической темы и быть не может.

СОЦИАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ

Мы уже говорили в самом начале, что материю следует понимать только как движущуюся. Теперь следует поставить вопрос о том, какое бывает движение. Начнем с самого простого социального движения – с социального становления. А чтобы понять, что такое социальное становление, надо понять, что такое просто становление, становление как таковое.

Чтобы познать, что такое становление, надо с чего-то начать. С чего надо начинать – с простого или сложного? Люди, мало-мальски поднаторевшие в диалектике, знают – с простого. Почему? Потому, что сложное – это сложенное из простых, с простого и надо начать. Начать надо с простого и идти потом к сложному.

Что самое простое? Самое простое – это то, о чем можно сказать только одно – что оно есть. Давайте с этого и начнем. Раз оно есть, значит, оно *бытие*. А *какое* бытие, если о нем можно сказать только то, что оно есть? *Чистое*. Давайте, следовательно, начнем с *чистого бытия*. Это самое простое начало. Проще простого усвоить, что такое *чистое бытие*. Если спросят: «Что вы знаете про чистое бытие?», надо гордо ответить: «Я знаю, что оно есть». Разве мало знать, что оно есть? Разве мала разница между наличием или отсутствием чего-либо? Разве безразлично, есть у вас в кармане деньги или нет, или есть средства на пропитание или нет? Разве это не существенно? Разве нам все равно, есть мы сегодня или нас уже нет? Конечно, тех, кто спрашивал: «Что вы знаете об этом?», ответ: «Я знаю, что оно есть», может не удовлетворить, и они, скорее всего, начнут спрашивать: «А что вы еще знаете об этом предмете?» Но мы можем сказать, что это уже другой вопрос, а на поставленный вопрос ответ дан. Если,

например, на зачете на вопрос о том, что я знаю о данном предмете, мы ответим, что он есть, экзаменатор должен поставить зачет. А если он не удовлетворится этим ответом и будет спрашивать, что мы еще об этом предмете знаем, надо тактично напомнить ему, что ведь мы договаривались, что задан будет только один вопрос. Поэтому чтобы человек, изучивший и усвоивший категорию «чистое бытие», не сдал зачет, такого просто не может быть. Про него же нельзя сказать, что он ничего не знает. Если вы придете сдавать зачет и заявите: «Я ничего не знаю», тут уж экзаменатор ничего поделать не может и должен поставить вам незачет. А вот если на вопрос, что вы об этом знаете, человек сказал, что знает, что оно есть, то нельзя же сказать, что он ничего не знает. Поэтому экзаменатор вправе поставить ему зачет.

Итак, *чистое бытие* – это самая первая категория диалектики. Если мы откроем «Науку логики» Гегеля, ту фундаментальную и единственную книгу, где систематически изложена диалектика, то увидим, что с чего бы мы ни пытались начать, это сводится к тому, чтобы начать изложение с *чистого бытия*. Вы, доказывает Гегель, начать можете с чего хотите, но поскольку вначале мы с самой первой категорией впервые имеем дело и пока еще не успели с ней ближе познакомиться, то пока она для нас оказалась лишь *бытием*. Каким? *Чистым бытием*. И так, какое бы начало ни взять. Вот Фихте начал с Я. Я вроде бы как все знают. Да? Давайте начнем с Я. Ведь свое Я вы знаете лучше, чем что-либо другое. Вот вы начинаете с Я. И что вы в начале рассмотрения можете сказать про Я? То, что оно есть. Оно есть, и вначале оно поэтому пока никакое не Я, а просто бытие. А какое бытие? Чистое, потому что в начале изложения мы еще ничего про него не сказали и не можем сказать, кроме того, что оно есть. А просто бытие это что? Это чистое бытие.

Таким образом, с чего бы мы ни начали, все равно это будет вначале чистое бытие. Чем это хорошо? Тем, что мы всё знаем про чистое бытие. Наконец-то мы нашли такую науку, а в ней такую категорию, про которую мы знаем все до конца. А что тут не знать, – есть и все. Это же хорошо.

Ранее нам объясняли, что мы будем познавать абсолютную истину, будем к ней двигаться, но все время довольствоваться истиной относительной, а тут у нас в руках абсолютная истина, поскольку мы имеем категорию, про которую знаем все.

Что характерно для логики? На каждом этапе логического рассуждения нужно обдумывать то, что у нас есть, и выяснять, к чему это приведет. К каким мыслям приводит обдумывание чистого бытия? Что про него можно сказать? Во-первых, что оно есть. А еще что можно сказать? Что в нем нечего созерцать, нечего различать, что оно не неравно в себе и не соотносится ни с чем. То есть про чистое бытие, кроме того, что оно есть, вообще нечего сказать. Не то, что мы не можем, что у нас ум слаб, дескать, кто-то может, а я не могу, нет, дело не в этом, а дело в том, что про чистое бытие именно потому, что оно *чистое*, нечего больше сказать. Мы к этой мысли приходим необходимо или нет? Мы приходим необходимо к этой мысли, если это чистое бытие. Если бы это не было чистое бытие, тогда можно было что-то еще сказать. А тут деваться некуда, тут, если перед нашим умственным взором чистое бытие, то, кроме того, что оно есть, про него просто *ничего* больше сказать нельзя. Н и ч е г о. И к какой мысли мы пришли? Мы пришли к мысли о *ничто*.

Вот так в диалектической логике: думал, думал о чистом бытии, и пришла мысль о том, что это уже не бытие, а ничто. Вот так хамелеон сменяет окраску, раз – и уже другая. Получается, что невозможно удержать в голове долго чистое бытие. Как только мы начинаем его обдумывать, в результате этого обдумывания получается движение. Сначала мысль о том, что оно есть, потом что нечего больше о нем сказать. А раз нечего, то мы пришли к мысли о ничто. В диалектической логике это выражается так, что *чистое бытие переходит в ничто*. В какое ничто? Тут о каком

ничто идет речь – о конкретном ничто, о ничто какого-нибудь нечто или просто о ничто, об абстрактном ничто вообще, то есть о ничто чистом. Это какое ничто – конкретное или чистое? *Чистое*. Значит, чистое бытие переходит во что? В *чистое ничто*. Чистое бытие переходит в чистое ничто.

В порядке шутки можно было бы для изучения этих категорий учредить научно-исследовательский институт. Назвать его институтом чистого бытия. Получив бюджетное финансирование на первый год работы, что бы мы написали в отчете? Мы бы написали, что в результате длительных исследований с применением всех современных средств пришли к выводу, что чистое бытие есть. Мы убедились, проверили все – есть. Это первое. И второе: что оно не просто есть, оно оказалось не неподвижной категорией, оно в движении и переходит в чистое ничто. Вот какой вывод мы получили. В связи с этим просим на следующий год выделить средства для исследования чистого ничто. Логично? Тех, кто разбирается в чистом бытии, поставили управлять изучением чистого ничто. Как всегда и бывает. И вот мы изучаем чистое ничто. Как вы думаете, что будет написано в отчете? Что прежде всего нужно написать про то, о чем мы вроде ничего и не знаем? Что оно есть. Раз мы его исследуем, то оно есть хотя бы как предмет нашего исследования, то есть что оно бытие. Пишем в отчете, что в результате длительной работы всего коллектива в течение года было установлено, что чистое ничто – это бытие. Но это звучит не диалектически. А диалектически как будет звучать? Что *чистое ничто переходит в бытие*. Раз вы берете чистое ничто и обнаруживаете, что оно бытие, это что значит? Что чистое ничто переходит в бытие. И тут бы и остановиться на этом, но мы отчет уже пишем – в результате длительных напряженных исследований было выяснено, что

чистое ничто не только переходит, но и перешло в бытие. Так что, круг замкнулся и исследование прекращаем, а институт закрываем? Не тут-то было. Чистое ничто перешло в бытие, но бытие-то, как мы знаем, переходит в ничто, одно переходит в другое, и мы имеем *движение исчезновения бытия в ничто и ничто в бытии*. Тут уже шутки в сторону – с выражающей это движение категорией в рамках формальной логики мы дело никогда не имели и надо с ней разобраться серьезно.

Что же получается? Давайте вспомним ход проделанного логического движения. Мы взяли чистое бытие, и оно перешло в чистое ничто. Чистое ничто, как только мы его взяли для рассмотрения, оказалось, что оно *есть*, следовательно, чистое ничто прямо у нас на глазах превратилось в *бытие*. А бытие-то уже, как мы знаем, переходит и перешло в ничто. Значит, мысль наша остановиться не может. И что у нас получается – *движение исчезновения бытия в ничто, а ничто в бытии*. И мы даже можем это с помощью Гегеля, конечно, сформулировать теперь научно. Собственно говоря, движение исчезновения бытия в ничто и ничто в бытии, к которому мы пришли логически, нужно только назвать. Причем, обратите внимание, что про ничто и бытие мы уже не говорим, что они чистые. Какие же они чистые, если каждое может быть охарактеризовано тем, что из одного выходит другое. Одно в другое переходит, причем непрерывно и вне времени. Время тут совсем ни при чем. Помните, в русской сказке царевна загадывала загадку: что быстрее всего? Оказалось, что мысль. Приходили добрые молодцы, но метафизики, не угадали, что быстрее всего, поэтому не смогли добиться ее руки. А вот добрый молодец-диалектик сказал, что быстрее всего мысль, и добился руки царевны.

Так как же назвать категорию, выражающую *движение исчезновения бытия в ничто и ничто в бытии*? Обратите внимание на ту ситуацию, которая у нас сейчас сложилась, так бывает в истории, так бывает в жизни. Скажите, пожалуйста, человек сначала рождается или сначала дают ему имя, а потом он рождается? Сначала человек рождается, а потом начинают спорить родители, бабушки, дедушки, зачем вы такое имя даете, называть надо не так, а вот так, а ребенок тем временем, он или она, в это время кричит, человек уже растет, полтора месяца иногда обсуждают, потом наконец дают имя и регистрируют. Аналогичная ситуация у нас: мы уже имеем то, что надо назвать, но еще не знаем, как назвать. Категория уже родилась, и теперь нужно ее назвать. Так в диалектической логике, в математике не так. В математике, в формальной логике, *треугольник – это...*, или *функция – это...*, или сначала формулируем теорему, а потом начинаем ее доказывать.

Откуда берутся наименования категорий диалектической логики? Задача не в том, чтобы взять их и придумать. Гениальность Гегеля не в том, что он взял и придумал наименования категорий, любой может столько названий напридумывать за день, столько определений, что их за неделю будет выучить трудно. Разве в этом задача? Не в этом. Наоборот, надо сделать так, чтобы ненужных слов, не соответствующих языку и, следовательно, не отражающих действительность, не появлялось. Наименования категорий Гегель брал, исходя из того, что до него уже было сделано в философии, и новые наименования стремился давать лишь для тех категорий, которые введены им впервые. Для наименования родившейся в нашем логическом рассуждении категории Гегель употребил известное слово

становление. Движение исчезновения бытия в ничто и ничто в бытии называется становлением.

Что изучает философия? Философия изучает всеобщее. Не в том смысле, что она не знает ничего, кроме всеобщего, она знает также и особенное, и единичное. Но она эти особенные и единичные рассматривает в единстве со всеобщим. Категория становления всеобщая. И если я беру всеобщую категорию, то она и к обществу применима, и к каждой личности. Становление личности начинается с младенчества. Постигание мира только что родившийся ребенок начинает с чистого бытия, про которое мы можем сказать, что это то же самое, что чистое ничто. И свое отношение к миру он также выражает очень просто: он или спокоен или кричит, причем одно состояние постоянно переходит в противоположное. Если ребенок плачет, то значит ему плохо, а если ребенок не плачет, то ему хорошо. Но становление личности не завершается в детстве и, можно сказать, продолжается всю жизнь. Про любого студента можно сказать, что это соответствующий специалист в становлении, про аспиранта – что он кандидат наук в становлении, про докторанта – что он доктор наук в становлении, про учащегося профессионально-технического училища – что он мастер своего дела, но в становлении, в единстве бытия и ничто. Но все, кто находятся в становлении, не хотят только оставаться в становлении, а хотят стать *ставшими*. Но это уже следующая категория.

Применительно к человеку в любой момент мы находимся в становлении. Мы вдохнули? Зачем мы вдохнули? Чтобы жизнь наша могла продолжаться. Если не вдохнем, мы превратимся в ничто человека. Потому и говорят, что будут верны делу до последнего вздоха. Углекислый газ в нас накапливается, организм отравляется. Мы все время находимся в становлении, между

жизнью и смертью, обратите внимание. Но нас постоянно спасает то, что мы вдыхаем, даже если сознательно пытаемся не вдыхать. Один йог попробовал не вдыхать, и что, думаете, получилось? Не получилось, не получилось никому так покончить жизнь самоубийством, настолько сопротивляется наш организм. Поэтому это наше становление продолжится.

Становление – это всеобщая категория, применимая к любому объекту. Даже бревно, камень – и те находятся в становлении, тем более общество. Если я знаю, что такое становление, то я тогда могу понять и что такое социальное становление. Всякое общество находится в становлении. С одной стороны, в нем есть тенденция превратиться в ничто, и некоторые люди только эту тенденцию и видят. С другой стороны, ничто общества постоянно переходит в его бытие, и это видят далеко не все. Вот иногда читаешь в газетах, что наша экономика окончательно разрушена. Ну, раз окончательно, газету надо закрыть. Какой смысл ее издавать, делать призывы, подавать советы по подъему экономики, если и в самом деле экономика разрушена окончательно. Или пишут, что ничего у нас не получится в России. А чего вы тогда живете в России, ну и поезжайте туда, где получится. Почему не едете? Да здесь народ эксплуатировать легче, здесь можно больше получить прибыли, потому здесь и околачиваемся. Будем за счет России богатеть и ее же ругать.

Когда мы берем бытие, ничто, становление, на первый взгляд может показаться, что мы берем пустые категории. На самом деле мы берем не пустые категории, а всеобщие. Ведь они от чего абстрагированы? *От всего*. Значит, связаны со всем и поэтому они и самые богатые в этом смысле. Не только они самые простые, но и самые богатые в том смысле, что применимы ко всему и все с

помощью этих категорий можно отражать. Что лучше, изобразить историю в становлении или изобразить общество мертвым, изобразить его неподвижным? Мы зачем изучаем исторические факты? Чтобы понять движение общества. А можно в понятиях выразить движение общества без категории становления? Можно понять без становления движение? Нет, нельзя.

Итак, мы уже знаем три простейшие категории диалектической логики. Много это или мало? Лучше три категории знать, чем три тысячи не знать. Здесь мы рассматриваем философию применительно к развитию общества. В истории же ни один момент, ни один поворот не обходится без перехода от того, что было, к тому, чего не было, и от того, чего не было, к тому, что теперь стало. Было и не стало, не было и стало – вся история идет таким путем. И если мы это движение не берем, то берутся тогда мертвые факты, кости, мертвечина. Правда, есть археологи, они копают, чтобы найти хотя бы мертвые следы прошедшей жизни, но именно для того, чтобы помочь теоретически воссоздать прошлую жизнь, а не остановиться на ее останках.

Категория становления, поскольку она применима ко всему, постольку применима и к истории в целом, и к отдельным социальным процессам. Поэтому мы и говорим о социальном становлении. Давайте присмотримся к категории становления ближе. В становлении мы имеем два в одном, причем не такие два в одном примитивные, которыми нас душит реклама, что просто два вида жидкости налиты в один флакон. Нет, в становлении имеются два движения в одном, *два противоположных движения в одном движении*. Как их назвать? Есть два противоположных движения в одном движении. Когда побеждает прогресс, в период прогресса разве никаких реакционных движений нет? Или, наоборот, в период регресса, в годы реакции ничего

прогрессивного не рождается? Рождается. То есть вообще всякое движение предполагает и включает противоположное движение. Как назвать противоположные движения в одном движении? Какие есть предложения? Предложение поступило от Гегеля. В его «Науке логики» показано, что *неотделимые друг от друга противоположные движения в одном движении – это моменты.*

Моменты. Это очень интересная категория. Очень слабо и плохо применяемая в социальных исследованиях. Что применяется? Части, куски, элементы. Как будто у вас топор и надо разрубить говяжью тушу на мясо: толстый край, тонкий край, филей и т.п. Так чаще всего поступают и с общественным телом, это тело общества разрубается на куски, элементы. Один этот кусок изучает, другой – другой кусок, я вот этот период исследую, он – другой период. Вместо того, чтобы изучать современность как продукт предшествующего развития, вместо того, чтобы проследить за движением живого целого, допускают, чтобы то, что на самом деле соединено и что находится в противодвижении, то, что неразрывно и представляет собой целостность, все это распалось на куски, на элементы, механически соединенные некой мертвой, лишенной живых противоречий структурой. В экономике, например, не видят борьбы противоположностей и ищут некий хозяйственный механизм. Вместо диалектического метода исследования общества упор делают на анализ без синтеза, что сводится к одностороннему разложению целого на части. В лучшем случае затем добавляют к анализу синтез, превратно понимаемый как способ механического соединения частей. А ведь анализ и синтез – лишь моменты единого диалектического метода.

Общество надо рассматривать и исследовать как целостность. Для этого надо брать не куски, не части, не элементы. А что надо

брать? Брать надо *моменты*. Даже в душах людей борются противоположные моменты. А если мы не будем брать это противоречивое движение, а будем куски вырезать, хоть из человека, хоть из общества, например, только хорошие, вырежем и на выставку поставим, а плохое выбросим на улицу, они никому не нужны, пусть собаки едят, то никакой истины мы не достигнем. Так нельзя обращаться ни с обществом, ни с человеком. Негативный момент единого целого – это не аппендицит. Аппендицит можно вырезать, а недостаток нельзя. Начали вырезать у меня недостаток, и все, конец мне. Потому, что этот недостаток оказался неразрывно связан с достоинством и даже есть продолжение его. Ничего не получится. Однако если вы возьмете социальные исследования, то в 99% работ вы слово *моменты* не найдете. Все время только элементы, структура, структура, элементы. То есть вместо живых человека и общества лишь их элементы и структура, их части, череп и кости.

Итак, *моменты – это неотделимые друг от друга противоположные движения в одном движении*. И вот в движении общества, в истории мы наблюдаем всегда и одно направление, и противоположное одновременно. Но в каждый момент времени одно является господствующим – или движение превращения ничто в бытие или бытия в ничто. Вот говорят: 90-е годы – это лихие годы, ураганные. А что значит лихие, ураганные? Движение куда шло? Лихо вперед или ураганно назад? На подъем наша экономика шла или на спуск? Всем ясно, что производство резко падало. Упало в два раза. Некоторые говорят, что у нас постиндустриальная экономика, я с ними не согласен. Ну, если хоть половина индустрии осталась, то это значит, что не вся индустрия еще разрушена. Половина-то осталась. Но станкостроение почти все разрушено, машиностроение очень

слабым стало. В космос наши ракеты возят пока, и американцев в том числе, на международную космическую станцию. Но вот лучшие в мире легковые автомобили, говорят, мы не можем сделать. А почему не можем? Да потому, что не ставится такой задачи, поэтому и не можем. Была бы задача и финансирование – сделали бы. Ну что мы в России не можем сделать, скажите, пожалуйста? Космос мы можем освоить, а вот это не можем? Смешно.

Теперь мы вооружились понятием *моменты*. Можно ли отдельно определить один момент? Нельзя. Ножницы все видели? Ножницу одну можно определить? Нет. Только ножницы. Так и моменты. Нельзя определить момент. Моменты только во взаимосвязи друг с другом определяются. Но мы различаем два противоположных момента. У нас теперь задача какая? Дать наименования этим противоположным моментам. Один момент – переход бытия в ничто. Как мы его назовем? Это момент, он не изолирован от противоположного движения, он в единстве с ним. В единстве с ним находится переход бытия в ничто, как мы назовем этот момент? Назовем моменты становления так, как назвал их Гегель.

Переход бытия в ничто называется прехождением.
Представим себе, что я стал старцем и удалился в пустынь. А вы через год ко мне приходите и рассказываете – цены выросли, жить стало невозможно, коррупция жуткая. А я что должен сказать по этому поводу? Если я мудрец, то я говорю: «Это все преходяще». И поехали вы обратно. Вдруг инфляция снизилась, жить стало легче, коррупционеров стали прижимать. И вот вы на радостях ко мне приехали, рассказали. И что я вам скажу? А я как мудрец вам опять скажу: «Это все преходяще». И действительно, вы приехали – все вернулось на круги своя: цены резко поползли вверх, жить стало

снова неумога, коррупция вoсю разгулялась. Так что вы выставите против этого тезиса, что все преходяще? Сoгласны, что это всеобщий тезис? Вот государство было Римское? Государство сильное и что? А Древнегреческое, могучее? А Советский Союз был? Где Советский Союз? Ну, это государства. А люди? Тот, кто родился – умрет. Тот, кто не хочет умереть, тот не рождается. Правильно? То есть и люди преходящи. Да и знания преходящи – если ими не пользуешься, они забываются. А что не преходяще? Вы знаете что-нибудь, не подвластное прехождению? Что в истории не преходяще? Вот построили завод, а потом смотрят на завод – что с ним стало. Возьмем Кировский завод. Это флагман, можно сказать, отечественного машиностроения. Это наша история. И танки там делали, и турбины, и трактора, чего там только ни делали. Какая теперь у Кировского завода задача, как определило ее собрание акционеров? Сдача помещений и земли в аренду. Это о чем говорит? Что завод находится в процессе прехождения. Другое, противоположное движение там тоже есть, но тенденция прехождения налицо. Прехождение как момент становления есть во всяком становлении, а становление есть во всем.

Таким образом, переход бытия в ничто в становлении называется прехождением. Кто название придумал? Я уже говорил кто: Гегель придумал, на него надо ссылаться, чтобы не выдавать гегелевское за свое. Был такой заведующий кафедрой политэкономии в Московском университете, Цаголов Николай Александрович, он выступал на большой конференции всесоюзной, а ему говорят: «Так это же Маркс говорил». А он: «Да, Маркс тоже был умным человеком». И если вам скажут, что это же Гегель говорил, вы можете ответить, что Гегель был тоже умный человек.

Ну, вот, теперь давайте рассмотрим другой момент. Какой? Ничто переходит в бытие. Это можно усмотреть в любом движении, в любом движении можно увидеть наряду с прохождением еще и переход ничто в бытие. Ну, Россия как-то встает с колен? Или нет? Грузию победила уже, Японии уже не отдает острова. Все это уже безвозвратно и даже разговаривать не будем. Можете в бинокль смотреть, можете вокруг летать. Но только не залетайте к нам на территорию. Как только залетите, вас встретят истребители, там наши уже подымались истребители когда сопровождали Медведева. Он решил посмотреть, почему там долго ничего не строят, – потому что решался вопрос. А теперь все. Японцы себя плохо вели, нехорошо. Флаг наш топтали и не извинились, так не пойдет. Если вы флаг топчете, это теперь земля наша, навечно. Можно было и по-другому сказать: «Вообще-то итоги Второй мировой войны пересмотру не подлежат». Таким образом, есть движение перехода ничто в бытие в становлении? Есть. Как назовем? У Гегеля этот момент называется **возникновением**. Для обозначения моментов становления употребляются довольно простые слова. Правда, прехождение не очень широко употребительное слово. Тем легче запомнить, что *все преходяще*. А уж слово *возникновение* употребляется очень широко. И в общем логически правильно понимается, только не всегда точно выражается как переход ничто в бытие. А прехождение, может, и не случайно редко употребляли. В период, обманно названный периодом развитого социализма, страна разваливалась, но слово прехождение почти не употреблялось. Оно как-то не гармонировало с ревизионистской концепцией развитого социализма. Зато много говорилось, да и сегодня говорится о возникновении нового. Возникает, дескать, поистине новое. А что новое? Много всего нового. Коррупции много, например. Новые

законы. Теперь не будут сажать за коррупцию, а только деньги за нее брать. Вот вы взяли, например, сто раз взятку, а один раз вас поймали и с вас в десятикратном по отношению к величине взятки размере оштрафуют. Это борьба со взяткой по-новому. А раньше бы за взяточничество конфисковали имущество и посадили в тюрьму. А еще раньше расстреляли бы. Так что некоторые нововведения облегчают прехождение. Все террористы, все убийцы теперь знают, что их к смертной казни не приговорят. Есть хоть один террорист, который в этом сомневается? В этом не сомневаются и те, кто их ловит, поэтому они стараются ликвидировать предполагаемых преступников в ходе поимки. Дескать, подозреваемых в терроризме мы убили, личности подозреваемых выясняются. И при этом провозглашена презумпция невиновности. А если бы работник правоохранительных органов террориста поймал и в ходе поимки не убил, тот бы начал доказывать, что он вовсе не виноват, причем при поддержке целого хора ориентированных на Запад правозащитников. Человек сейчас не знает, убьют его бандиты при выходе с работы, не убьют, а бандит точно знает, что его за убийство не убьют. Как вы думаете, будет у нас при этом преступность сокращаться или расти? То, что убийства и другие преступления не исчезнут мгновенно, это всем ясно. Вот в Китае расстреливают за коррупцию, но разве там исчезла коррупция? Нет. Там исчезают коррупционеры, коррупция остается. А у нас коррупционеры занимают важные посты. Все выше и выше. А коррупция не просто остается, а нарастает. Это тоже возникновение, оно может всякое быть. Хорошее – не было и стало. Плохое – не было и стало.

Без использования категорий возникновения и прехождения и их единства – становления невозможно плодотворно вести

социальные исследования. Без них невозможно изобразить как живую ту борьбу, которая шла и идет в обществе.

Итак, в становлении есть два момента – прехождение и возникновение. А куда делись бытие и ничто? Они что, куда-то пропали? В диалектике может что-нибудь пропасть бесследно? Нет. Действительно, прехождение есть *бытие*, переходящее в ничто. Как сейчас говорят молодые люди, – короче. Бытие переходящее в ничто, как короче? Бытие. А *ничто*, переходящее в бытие, как будет короче? Ничто. Значит прехождение это что? Это бытие в становлении. А возникновение? Это ничто в становлении. Обратим внимание, что бытие присутствует в становлении, как теперь выяснилось, только как прехождение. Прехождение – это и есть бытие. Никакого другого бытия в нашей жизни, товарищи, и в прошлой жизни, и в будущей, кроме как переходящего в ничто, не было, нет и не будет. А возникновение – это то самое ничто, которое, взятое абстрактно, изолированно от бытия, нам не нравилось своей показной пустотой. Оно теперь красиво смотрится. Ничто теперь – это что такое? Это возникновение. Нет никакого ничто, которое бы было просто ничто и все, а есть только ничто, переходящее в бытие. Это даже красиво звучит – кто был ничем, тот станет всем.

То есть с переходом к становлению не потерялись бытие и ничто, они просто из неподвижных категорий стали подвижными. В становлении бытие есть, оно не пропало. Но оно есть лишь как прехождение. И ничто в становлении есть, но лишь как возникновение. Возникновение – это ничто в становлении. Это такое ничто, из которого обязательно появляется бытие. То есть в становлении бытие и ничто как живые, переходящие друг в друга.

Давайте теперь задумаемся о том, благодаря чему есть становление. Становление есть благодаря *разности* бытия и ничто,

то есть благодаря тому, что они *разные*. Только благодаря разности бытия и ничто они могут переходить друг в друга. Если бы они не были *разными*, не было бы никакого становления. Бытие бы не переходило в ничто, ничто бы не переходило в бытие. И вообще движения никакого бы не было. Движение становления неразрывно связано с тем, что бытие и ничто разные. Но из-за того, что бытие переходит в ничто, а ничто переходит в бытие, их разность в становлении исчезает. А становление есть только благодаря этой разности. Значит, что происходит со становлением? *Становление* добытое нашим непосильным умственным трудом, тоже *исчезает*. Как не хочется в это верить, но деваться некуда. Логика тут безупречна: *становление есть благодаря разности бытия и ничто, эта разность в становлении исчезает. Значит, становление исчезает.*

Становление исчезает. Поэтому хотим мы или не хотим, но мы должны рассмотреть результат этого исчезания. Поверить в то, что оно бесследно исчезнет, мы, конечно, не можем. Дух диалектики, которым мы, надеюсь, заразились, подсказывает нам, что становление не просто исчезнет, а перейдет во что-то другое. Надо лишь выяснить, во что оно перейдет. Для этого надо в целом осознать, что такое становление. В целом становление – это *беспокойное единство бытия и ничто*. Становление исчезает. Значит, исчезает беспокойное единство бытия и ничто. А раз оно исчезает, то оно отрицает себя, правильно? А что является отрицанием беспокойного единства? Отрицанием беспокойного является спокойное. А отрицанием единства? Единство предполагает единство многих, по крайней мере, двух, различие тех, которые находятся в единстве. А если нет этого различия, то и единства тоже нет. *Отрицание единства* это что означает?

Значит, в наличии имеется не то, что содержит многое и даже не то, что содержит какие-либо два момента, а *что-то простое*.

Например, когда говорят о единстве партии, то имеют в виду единство взглядов и действий многих ее членов. В армии единство действий обязательно, что воплощается в военной дисциплине. А если имеет место отрицание единства, то это что? *Отрицание единства* – это не просто отсутствие чего-либо, не ничто, а *отрицание сложности, то есть простота*. Вывод, следовательно, таков: исчезание становления – это становление, которое стало спокойной простотой. Было беспокойное единство, а теперь имеется становление, ставшее спокойной простотой.

Что мы знаем про это спокойное и простое? Что *оно есть*. А раз оно есть, *оно, следовательно, бытие*. Если бы его не было, оно было бы ничто, а оно есть, значит, оно бытие. Какое? Чистое? Нет. Какое же оно чистое, если оно вышло из становления путем его отрицания. Это в начале было чистое бытие, а мы уже далеко не в начале: были чистое бытие, которое переходит в чистое ничто, чистое ничто, которое переходит в бытие, обнаружилось движение исчезновения одного в другом, бытия в ничто и ничто в бытии – становление, в становлении мы различили возникновение и прехождение как его моменты, как ничто и бытие в становлении, отметили их разность, исчезновение этой разности, следовательно, исчезновение становления, в результате чего *становление стало спокойной простотой*. Следовательно, это бытие мы уже никак не можем называть чистым. А какое оно? Какое? Название можно вывести? Нет. Поэтому открываем книгу «Наука логики» и видим, что бытие, полученное как результат отрицания становления называется ставшим или **наличным бытием**. То есть какое это бытие? Наличное. То, которое есть налицо в результате отрицания становления. Наличное бытие. То есть логически что произошло?

Было становление, а теперь у нас бытие. Какое? Наличное. Наличное бытие есть результат отрицания становления.

Таким образом, мы имеем наличное бытие как результат отрицания становления. Но обратим внимание на то, что если оно результат отрицания, значит, диалектическое отрицание есть такое отрицание, в результате которого появляется что-то новое. То есть не зряшное отрицание, не растаптывание, не абстрактное уничтожение, а отрицание как способ порождения нового бытия. В результате отрицания становления появилось новое бытие. То есть такое отрицание связано с утверждением нового, в котором в то же время сохраняется и удерживается старое, поскольку путем отрицания из этого старого получается новое. Не отталкивание просто, не отбрасывание старого содержания, а *отрицание с удержанием*, как говорит Гегель. Или удержание в отрицании. И вот такое *отрицание с удержанием* само по себе является очень важной категорией и называется эта категория *снятием*. ***Снятие – это отрицание с удержанием. Наличное бытие есть результат снятия становления.***

Теперь можно обратиться к примерам. Мы знаем пять способов производства – первобытнообщинный коммунизм, рабовладельческий способ производства, феодальный способ производства, капиталистический способ производства и коммунистический способ производства. Социалистического способа производства нет. Никакого отдельного социализма нет, это просто низшая фаза коммунизма. Это можно прочесть в работе «Критика Готской программы» Маркса, или у Ленина в книге «Государство и революция». К сожалению, обнаружилось, что многие члены КПСС, которые проходили партийную учебу, почему-то этого не знали. Соответственно, когда изучали становление социализма, учили, что есть пять укладов в

переходный период – патриархальный, мелкобуржуазный, частнокапиталистический, госкапиталистический и социалистический. А у Ленина в работе «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» пятый уклад называется *коммунистическим*. Потому что способ производства, который становится, идя на смену капитализму, и соответствующая ему формация коммунистические, а не социалистические. Социализм – это незрелый коммунизм. Соответственно, когда речь идет о переходе от капитализма как одной формации к другой, более высокой, от капиталистического способа производства к другому, более высокому, можно сказать, что коммунизм есть снятие капитализма, и это снятие происходит в переходный период от капитализма к коммунизму. Когда, следовательно, в нашей стране коммунизм был построен, в какие примерно годы он стал ставшим, стал не одним из укладов, как это было в переходный период, а стал наличным бытием? Известно, что социализм в СССР был построен к середине 30-х годов. Но что значит социализм был построен? Социализм – это ведь не отдельная формация, а лишь низшая фаза коммунизма или, можно сказать, что это коммунизм в его низшей фазе. Поэтому можно сказать, что в середине 30-х годов в СССР наступил коммунизм, поскольку с завершением коллективизации собственность на все основные средства производства стала общественной. Правда, известный своим ревизионизмом Н.С.Хрущев, будучи первым секретарем ЦК КПСС, в связи с принятием новой, антиленинской Программы партии на XXII съезде КПСС, в 1961 году рассказывал нам, что через десять лет после него у нас будет коммунизм. А оказалось, что в результате отказа от главного в марксизме – учения о диктатуре пролетариата и последовательного проведения ренегатской политики через двадцать лет появился капитализм.

Что такое коммунизм? Это снятие капитализма, происходившее в переходный период от капитализма к коммунизму. А коммунизм был в переходный период? Был. Как что? Как момент переходной экономики, то есть как коммунистический уклад. А были еще капиталистический уклад, патриархальный, мелкобуржуазный и госкапиталистический. Как уклад, как момент переходной экономики, коммунизм возник сразу после национализации основных средств производства, но наличным бытием он стал по окончании переходного периода. А окончание переходного периода чем определяется? Уничтожением частной собственности. Поэтому коммунизм и может быть выражен одной фразой – уничтожение частной собственности. Некоторые люди, которые не знают диалектики, понимают это как разрушение частной собственности. Однако разве так надо понимать уничтожение? Уничтожение – это превращение в ничто. А что значит превратить частную собственность в ничто? Это значит перейти к общественной собственности. А не сломать и не разбить объекты, находившиеся ранее в частной собственности, как в свое время луддиты ломали машины. Вот поэтому интересно отметить, что даже Интернационал не вполне диалектически поют некоторые товарищи – «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим». В более раннем переводе стояло – «Весь мир насилья мы разроем, до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим». И более диалектически и с соблюдением рифмы: «разроем – построим». Ведь созданная при капитализме крупная машинная индустрия – это материальная основа социализма? Разве надо уничтожать эту машинную индустрию? Диалектический метод обязывает подчеркнуть, что ничто бесследно не исчезает и не уничтожается

бесследно. Об уничтожении можно говорить лишь в смысле снятия.

Таким образом, уничтожение понимается не только как отрицание, но и как удержание. Диалектическое отрицание – это всегда снятие. В этом смысле рабовладение отрицало первобытнообщинный коммунизм – и это в целом было прогрессом, шагом вперед. Развитие человечества при имевшемся в то время уровне производительных сил означало, что только представители нетрудащегося класса занимались наукой и культурой, а трудящиеся, рабы, только добывали хлеб насущный. Следы рабовладельческой идеологии наблюдаются и в наши дни. Как остроумно отмечал профессор СПбГУ Б.Р.Рященко, один из зачинателей социального планирования, есть такая любопытная концепция любимой работы. Вот я люблю быть дирижером. А вы любите быть дояром. И дети мои будут дирижерами и дети детей, а ваши – доярами. С таким ведущим к загниванию поработавшим людей разделением труда боролся даже Петр I, введя институт служилого дворянства, чтобы те, кто себя проявил на службе Отечеству, мог получить звание дворянства за свои заслуги, хотя и не был дворянином по крови.

Итак, к чему мы пришли в результате рассмотрения категории становления? Мы пришли, во-первых, к тому, что эта категория выражает беспокойное единство бытия и ничто, борьбу возникновения и прехождения как моментов становления. Эта категория, являясь всеобщей, относится ко всему и, конечно, применима и ко всем социальным процессам. Ведь социальное становление – это становление, но в общественной форме, применительно к обществу. Вот что такое социальное становление. Во-вторых, мы разобрались, как успокаивается это беспокойное единство, что выражается категорией наличного бытия. Давайте

теперь выясним, когда оно успокоилось, и имеет место наличное бытие, пропало ли совсем становление? Пропало или нет? Для ответа на этот вопрос берем наличное бытие и смотрим. Оно есть. Причем оно есть как результат снятия становления. Значит, для того чтобы понять, что такое наличное бытие, надо вспомнить его становление. Становление есть в наличном бытии, в нем, в содержании этой категории. Как в каждом человеке есть его родители, а он есть результат их снятия. Более того, в том новом что родилось, содержится все предыдущее. В каждом из нас есть вся история. Как что? Как становление. И хотя в становлении есть и бытие и ничто, в наличном бытии налицо только бытие. В истории человечества в качестве такого наличного бытия может выступать или рассматриваться государство, общество, основанное на том или ином способе производства, тот или иной исторический деятель и тому подобное. И в каждом таком наличном бытии есть становление, а в становлении есть ничто. Поскольку наличное бытие есть результат снятия становления, а в становлении есть не только бытие, но и ничто, в наличном бытии есть ничто, хотя оно и не налицо. И вот это **ничто в наличном бытии называется небытием**. И это верно, разумеется, по отношению ко всякому социальному наличному бытию.

Еще раз воспроизведем логику наших рассуждений. Мы рассматривали становление. Становление оказалось единством бытия и ничто. Но каким единством? Беспокойным единством бытия и ничто. И вот в силу того что разность бытия и ничто в становлении исчезает, а становление только и есть благодаря этой разности, становление исчезает. То есть исчезает беспокойное единство бытия и ничто. Раз беспокойное исчезает, что получается? *Спокойное*. А поскольку единство тоже исчезает, получается простота. Не единство неких составляющих это

единство, а *простое*. Вот это спокойное и простое называется, как мы с вами уже знаем, наличное бытие. Наличное бытие как результат снятия становления. Результатом снятия становления является бытие, которое не является тем чистым бытием, с которым мы имели дело в начале. Мы должны называть его по-другому, и оно называется наличным бытием. Оно не только называется наличным бытием, но и по смыслу является таковым – налицо только бытие. И эта односторонность и абстрактность не может не вызвать некоторого подозрения у тех, кто освоил хотя бы азы диалектики. Мы подозреваем, что не бывает такого бытия, чтобы в нем каким-либо образом не было бы запрятано ничто. Мы уже предполагаем, что если с виду есть что-нибудь только хорошее, значит, жди какого-нибудь подвоха. То есть как диалектики, изучившие хотя бы только категорию становления, мы должны все время размышлять, искать, нет ли в рассматриваемом положительном отрицания, как и наоборот, нет ли в отрицательном чего-нибудь положительного. Но налицо что у нас? Бытие. Наличное бытие. Что мы тогда делаем? Мы начинаем разбираться в этом бытии. Как мы можем в нем разбираться? Что мы знаем про наличное бытие? Ничего мы не знаем, кроме того, из чего оно произошло. Обратим внимание на то, что это исторический подход, в его наичистейшем виде – в философском. Самый чистый исторический подход. То есть если вы хотите понять какое-либо наличное бытие, что нужно сделать? Обратиться к истории его возникновения. Откуда взялось это самое наличное бытие? Оно результат снятия становления. А снятие это что такое? Это отрицание с удержанием. Раз наличное бытие – это результат снятия становления, значит, в наличном бытии, в содержании этой категории есть становление, а с ним и ничто. Ничто. Почему? Потому что в становлении есть ничто. Вывод: в наличном бытии

есть ничто. Но это не такое ничто, которое было в становлении. В становлении они на равных были – бытие и ничто. Бытие переходило в ничто, ничто переходило в бытие, одно превращалось в другое. А здесь спокойное и простое бытие. Значит, это ничто не налицо, а **в** этом спокойном и простом. Можно о нем узнать, но оно не налицо. Нельзя его увидеть, но мы его нашли. И вот ***такое ничто, которое в наличном бытии, называется небытием.***

Небытие не следует путать с *ничто*. Есть люди, философски необразованные, но очень бойкие, которые беспорядочно употребляют философские понятия, им все равно, что ничто, что небытие, что определение, что определенность. Им важно, чтобы видна была их ученость. Это про них один из чеховских героев говорил: «Они свою ученость хотят показать». Но мы с вами преследуем другую цель – не показать ученость, а получить ученость. И то, что в наличном бытии есть небытие, мы зафиксировали.

Позвольте сделать здесь философскую остановку и вернуться к социально-историческим вопросам. Зафиксируем, когда в СССР, России закончился переходный период от капитализма к коммунизму и коммунизм стал наличным бытием. В середине 30-х годов XX века. Что является критерием? Комунизм значит общий. Для того чтобы можно было сказать, что способ производства стал коммунистическим, что для этого нужно иметь? Для этого нужно, чтобы собственность на решающие средства производства стала общественной, собственностью общества. Это произошло после коллективизации. Пока коллективизация не завершилась, у нас было как бы два экономических базиса. Один в городе – коммунистический. А другой в деревне – частный, и частнокапиталистический в том числе. После коллективизация возникла единая *общественная собственность* или

собственность общества, но в двух формах. В городе в виде государственной собственности или собственности государства рабочего класса. А в деревне в виде собственности кооперативов. Но в деревне была и государственная собственность – на средства производства, сосредоточенные в машинно-тракторных станциях. Та новая техника, которая поступала в деревню, она оставалась в собственности государства. И в деревне были представители рабочего класса, сосредоточенные в машинно-тракторных станциях. Наличие этих машинно-тракторных станций, наличие в руках рабочего класса решающих средств производства, которые используются в сельском хозяйстве, обеспечивало подчинение и сельскохозяйственного производства, как и промышленного, тоже общественным интересам. А как определить, какая собственность имеет место? По названию? Если написано «общественная собственность», это значит общественная собственность? Нет. Козьма Прутков писал: «Если на клетке слона написано «буйвол» – не верь глазам своим». Если написано «общественная собственность», а отдельные члены общества используют ее в своих интересах, то эта собственность – частная. Поэтому весь вопрос в том – подчинялось ли производство в целом общественным экономическим интересам или нет.

Общественные интересы в современную эпоху выражает рабочий класс, который не может улучшить свое положение, не улучшив положение крестьянства и интеллигенции. Возможно ли улучшение положения рабочего класса, если его не лечат или не учат его детей? Невозможно. Возможно ли улучшение положения рабочего класса, если село захиреет и не будут производиться самые необходимые предметы потребления, предметы питания? Невозможно. А для того, чтобы представить себе не что хочет тот или иной рабочий, а что *выгодно* рабочему классу, нужно

определить, что способствует улучшению его положения. Объективно улучшение положения рабочего класса способствует улучшению положения и крестьянства, и интеллигенции. А вот эти два социальных субъекта могут улучшить свое положение и без улучшения положения рабочего класса. Например, крестьянство может улучшить свое положение за счет повышения цены на хлеб, а жизненный уровень рабочего класса при этом упадет. За счет рабочего класса может улучшить свое положение относительно немногочисленный слой интеллигенции.

Подчеркнем, что вопрос не в том, о чем думает тот или иной рабочий, и не в том, о чем думают представители крестьянства и интеллигенции. Вопрос в том, каковы их экономические интересы. Так что же такое экономические интересы? Прежде всего обратим внимание на то, что слово интерес используется в разных науках по-разному. Что понимается под интересом в психологии? Если вы сейчас на меня смотрите, то я предмет вашего интереса, то есть вы сконцентрировали свое внимание на мне. Интерес в психологии – это просто концентрация внимания на каком либо объекте или удовлетворении каких-либо потребностей. Поэтому говорят: «Я интересуюсь пением, я интересуюсь чтением, я перестал интересоваться рисованием». То есть это субъективные интересы, выражение воли человека, правильно? Раньше интересовался, теперь не интересуюсь. Раньше Вы мне были не интересны, а теперь наоборот – Вы мне особо стали интересны. Или говорят: интересная женщина, интересный мужчина – что хотят сказать? Что они – интересно рассказывают? Нет, просто привлекают к себе внимание, вот и все. Какое управление в языке имеет эта категория? Интерес *к* чему-либо, интерес *к* кому-либо. Эта категория, будучи категорией психологии, не имеет ничего общего с категорией экономических интересов. Потому что категория

экономические интересы характеризует не сознание человека, а его бытие. Это такая характеристика экономического бытия, характеристика положения людей в системе производственных отношений, которая показывает, что им выгодно. Иными словами, ***экономические интересы – это такая характеристика положения людей в системе производственных отношений, которая показывает, какие действия или изменения их положения в системе производственных отношений улучшают их положение и в какой мере.*** Не что я думаю по поводу того, что мне выгодно, а что улучшает мое объективное положение, независимо от того, что я по этому поводу думаю. То есть в понятии экономических интересов нет ничего от психологии и ничего от сознания. Это сугубо объективная характеристика положения людей в системе производственных отношений. Например, что выгодно потребителю? Чтобы то, что он потребляет, было хорошего качества. Или вам выгодно, чтобы это было плохого качества, нет? Другой пример. Некоторые наивные люди спрашивают, когда им повысят зарплату. Что такое зарплата? Рабочий продает капиталисту свою рабочую силу, то есть способность к труду. Заработная плата – это цена рабочей силы. Что выгодно покупателю рабочей силы? Что ему объективно выгодно в силу того, что он покупатель? Купить рабочую силу как можно дешевле. Отсюда ясен ответ на вопрос о том, когда повысят зарплату. Правильный ответ – никогда. Ну, как может по своей инициативе покупатель, ни с того, ни с сего, взять и повысить цену на то, что он покупает? Некоторые думают, что капиталисты плохие. Да нет, они просто нормальные покупатели, которым не может такое в голову прийти, чтобы взять и повысить цену на то, что они покупают. Поэтому, как правило, повышение заработной платы является результатом того, что рабочие как продавцы

рабочей силы для успешной борьбы за ее повышение объединяются в союз продавцов. Кстати, союз продавцов рабочей силы одной и той же профессии соответственно и называется – профессиональный союз. Это своего рода монополия продавцов рабочей силы, которая способна противостоять монополии ее покупателей.

В общественной жизни многое можно понять, если заниматься изучением объективных экономических интересов. Со всяким изменением положения людей в системе производства связаны их экономические интересы. Одни изменения более, другие менее выгодны. С одними изменениями связаны коренные изменения экономического положения, с другими – побочные и сиюминутные. Соответственно различают борьбу за коренные интересы и за побочные, сиюминутные. С этим различием связано известное определение оппортунизма. Оппортунизм от какого слова? От английского слова оппотьюнити, что в переводе на русский означает возможность. Дескать, человек делает, что может, и большего от него ни желать, ни тем более требовать нельзя. Так почему же оппортунистов клеймят как изменников коренным интересам класса на том основании, что они приносят эти интересы в жертву побочным и сиюминутным? Да потому, что борющиеся за интересы своего класса должны все время выходить за свой предел, развиваться. А если они будут делать только то, что *сейчас* могут, они не смогут помочь или даже помешают борьбе за коренные интересы класса.

Развивающиеся люди все время делают то, что не умеют. Ученые, например, должны добывать все время новое, то есть то, что не знают. Но это, так сказать, философская трактовка вопроса. А экономическая и политическая какая? Оппортунист удовлетворяет какие-то свои интересы, но не коренные. В.И. Ленин

довольно интересно определял оппортунизм. Он писал, что оппортунист не предаёт своей партии, не отходит от неё, он искренне и усердно продолжает служить ей. Но его характерная черта – податливость настроению минуты, неспособность противостоять моде, беспринципность и бесхарактерность, принесение коренных интересов движения в жертву побочным и сиюминутным. То есть он делает нужные, хорошие, полезные вещи, в том числе и для партии, а коренные вопросы не решает. Оппортунистов надо в какой партии искать? В своей или чужой? В своей. Оппортунист – это оскорбление или нет? Да нет, очень трудно не быть оппортунистом. Вот человек хочет что-либо хорошее написать, что-то важное и большое сделать, а тут накатываются всякие текущие дела, полезные и нужные, они все время накатываются, а вы думаете – эх, хорошо бы вот «Науку логики» прочитать или другие гениальные произведения, да ведь некогда же. Так всю жизнь и некогда. Одни все время читают только мелкие вещи и становятся мелкими людьми, а другие читают великие вещи и становятся великими людьми. А как еще иначе? Тут по-другому не получается. То есть оппортунизм это не столько вина, сколько беда, если мы боремся со своим оппортунизмом, а бороться с ним нелегко. То есть это проблема – вечное противоречие. Мы его и разрешаем. Трудно его разрешать, но надо. Хотя не получается решать всегда в пользу коренных интересов, иногда приходится в пользу сиюминутных.

Обратимся снова к рассматриваемому примеру наличного бытия – к наличному бытию коммунизма. Что должны сказать про него диалектики? Раз это наличное бытие коммунизма, значит, в нем есть что? Его небытие. А что такое небытие коммунизма, скажите, пожалуйста? Какое там было ничто? Боролись какие два главных уклада? Коммунистический и капиталистический,

буржуазный. Значит, могу я сделать вывод, что при коммунизме после переходного периода, в наличном бытии коммунизма есть и его небытие. Как вы думаете, знали это люди, которые законно радовались, построив социализм? Да, вступили в коммунизм. Он стал наличным бытием. А в наличном бытии есть его небытие. Так что тем, кто коммунизм как наличное бытие построил, необходимо не почивать на лаврах, как это началось с хрущевского периода, а развивать неполный коммунизм в полный, борясь с небытием коммунизма в коммунизме. Но это особая борьба, не похожая на борьбу в переходный период. Потому что то, что является не внешним отрицанием, а отрицанием в чем то, нельзя просто хирургически вырезать. Аппендицит можно вырезать. Но бюрократизм, например, разве можно вырезать? А бюрократизм относится к небытию коммунизма в коммунизме. Ведь в чем природа бюрократизма? В подмене государственных интересов личными интересами чиновника, которые отнюдь не во всем совпадают с интересами посетителей.

Таким образом, если мы будем как обществоведы рассматривать коммунизм, мы не будем представлять его лишенным отрицания и, следовательно, лишенным противоречий. А противоречий без борьбы не бывает. Коммунизм, возникший по окончании переходного периода, – это такой, который во всех отношениях в экономическом, нравственном и умственном несет отпечаток того строя, из которого он вышел? И вот такой коммунизм с капиталистическим небытием, коммунизм, вышедший из капитализма и содержащий в себе капиталистическое небытие, называется социализмом. Социализм, следовательно, – это не полный, не развитый, не зрелый коммунизм. То есть такой коммунизм который еще только вышел из капитализма и во всех отношениях – экономическом,

нравственном и умственном носит отпечаток того строя, из которого он вышел. А если бы он такой отпечаток носил только в экономическом отношении, то поскольку экономика – это основа общества, то, значит, он носил бы такой отпечаток и в нравственном, и в умственном отношении. В чем проявляется этот отпечаток? Во-первых, в том, что непосредственно общественной природе социализма противоречит товарность как отрицательный момент экономики социализма. Во-вторых, хотя как наличное бытие коммунизм – это строй социального равенства, строй бесклассовый, но неравенство уничтожено еще не полностью и не полностью уничтожено деление общества на классы. Социальное неравенство остается между мужчиной и женщиной, между городом и деревней, между людьми физического и умственного труда. Социализм – это бесклассовое общество, в котором классы полностью еще не уничтожены. Отсюда ленинская диалектическая формула социализма: *социализм есть уничтожение классов*. Если коммунизм – это бесклассовое общество, значит, незрелый коммунизм это незрелое бесклассовое общество, то есть такое, в котором еще деление на классы полностью не уничтожено. Оно во многом уничтожено, но не полностью. Это одно из выражений и проявлений того, что социализм – это неполный коммунизм.

После переходного периода от капитализма к коммунизму возникает бесклассовое общество, но как наличное бытие с небытием. А в чем небытие бесклассового общества? В том, что классы еще полностью не уничтожены. Как об этом сказать, и чтобы не получилось, что социализм якобы классовое общество? Те, кто Гегеля читал, могут это сделать. Вот почему Ленин, который штудировал «Науку логики» в 1914 году, в «Великом почине» и записал, что социализм есть уничтожение классов. В чем диалектическая природа этой формулы? Если социализм – это

уничтожение классов, то, следовательно, социализм – общество бесклассовое. То есть деление на классы и социализм – это противоположности. Либо деление на классы в своем развитии уничтожит социализм, либо социализм в ходе своего развития уничтожит деление на классы и станет полным коммунизмом. Мы должны констатировать, что происходивший в Советском Союзе с начала 60-х годов процесс возвратного классовообразования уничтожил социализм. А почему это произошло? В том числе и потому, что сидевшие на самом верху первые и генеральные секретари представляли социализм в корне ошибочно – как классовое общество. Ну, если оно классовое то и развиваться ему надо помогать как классовому. Вот оно и развилось до антагонистических классов. Нечего поэтому удивляться, откуда взялись бедные и богатые, нищие и бомжи.

Это многоликое небытие коммунизма мы можем представить в разных ипостасях, в зависимости от того, противоречия каких сфер общества будем рассматривать в низшей фазе коммунизма. Но после вышесказанного, я думаю, понятно главное: если это коммунизм в первой фазе, то в нем есть его отрицание, его Небытие. Отсюда противоречие между коммунистической природой социализма и его отрицанием, связанным с его выхождением из капитализма. То есть антикоммунизм в коммунизме есть в первой фазе? Есть. Это пассивное такое небытие или тоже борется? Такого не бывает, чтобы одна сторона противоречия боролась с другой, а другая пассивно ожидала, когда ее поборют. Противоречие – это единство и борьба противоположностей, причем единство лишь относительно, а борьба абсолютна. Коммунизм борется с отпечатками капитализма. А отпечатки капитализма что, не борются с коммунизмом? Это точка зрения полуслепого человека, слепого на один глаз, если я

вижу только, что я борюсь, и не вижу, что со мной тоже борются. В таком положении находились люди, построившие коммунизм, и вместо борьбы за перерастание социализма в полный коммунизм с противоположными тенденциями как ни в чем не бывало продолжавшие рассуждать сначала о строительстве коммунизма, а затем, что социализм у нас уже развитой, хотя понятие социализма именно в том, что это неразвитый, незрелый, неполный коммунизм. Если мы откроем книжки по истории Советского Союза, то почти везде написано что, построив социализм, в СССР стали строить коммунизм. Так ведь за переходный период был построен коммунизм, зачем опять его строить? Оттого у нас все время была стройплощадка? А на стройплощадке всегда стекла, камни, грязь. Пойдите на любую стройплощадку и увидите, что это такое. И бесконечный долгострой вряд ли должен вызывать положительные эмоции. А тут еще и перестройка! М.С.Горбачев чем знаменит? Тем, что он построенное призвал перестраивать. А вы еще не перестроились? Надо перестроиться. Вот достигли вы прекрасного, нет, это прекрасное надо переделать. А когда вы прекрасное переделаете, что будет? Безобразное. И вот этим знаменит Михаил Сергеевич, что он хорошее пустил на уничтожение. Что у нас медицина лучше стала или хуже, чем была? Хуже. А наука? Лучше стали жить ученые? Думают, как прожить. А культура как? Ну, а про образование уже нечего и говорить. Министерство образования и науки, сокращенно Минобразин, у нас работает над тем, чтобы не было образования. Как не вспомнить тут то, что Ленин писал о перестроечном зуде: *«У нас ужасно много охотников перестраивать на всяческий лад, и от этих перестроек получается такое бедствие, что я большего бедствия в своей жизни и не знал... Не перестраивать, а, наоборот, помочь надо исправить те многочисленные недостатки, которые имеются в советском строе и*

во всей системе управления, чтобы помочь десяткам и миллионам людей».¹ Горбачевская перестройка на деле оказалась перестроем – изменением общественно-экономического строя, переходом от коммунизма к капитализму, а сам Горбачев показал себя живым воплощением небытия коммунизма при коммунизме, антикоммунистом на посту генерального секретаря коммунистической партии.

Значит, антикоммунизм при социализме есть как его небытие. Если капитализм – это товарное хозяйство, то коммунизм – нетоварное. Это непосредственно общественное хозяйство. Но социализм – это коммунизм в первой фазе, непосредственное бытие коммунизма как его наличное бытие, ставшее как результате снятия своего становления. Поэтому в нем есть небытие непосредственно общественного хозяйства. Это товарность. Она, конечно, не в виде отдельного товарного производства, наличное бытие одно – коммунистическое, непосредственно общественное, но товарность в нем есть, и она является отрицанием непосредственно общественного коммунистического производства.

Что значит непосредственно общественное? Это значит, что не посредством обмена, а *непосредственно* продукт выступает как общественный продукт. А в товарном производстве частный продукт посредством обмена становится общественным. Таким образом, социалистическое производство как наличное бытие – непосредственно общественное производство, а в нем есть его небытие – товарность. Поэтому взять курс на рынок, чего добился Горбачев, означает взять курс на небытие непосредственно общественного производства. И когда пришли к рынку, то есть

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 326.

превратили непосредственно общественное производство в товарное, не стало непосредственно общественного производства и началось уничтожение общественной собственности – приватизация. Придумал ведь Чубайс – дать каждому по ваучеру и тем самым сделать его соучастником уничтожения общественной собственности. Если человек получил ваучер, он тем самым как бы совершил акт отказа от своей собственности. На что? На все – на землю, на недра, на нефть на газ, на все богатства страны. А за ширмой ваучеризации путем залоговых аукционов ничтожное меньшинство присвоило народное богатство. Вот Абрамович, он что – великий изобретатель, инженер, организатор производства? Есть такой в интернете рассказ, как Владимир Владимирович собрал олигархов – Ну, господа олигархи, вы понимаете, что за столь короткое время законным путем так сильно разбогатеть невозможно. Значит, вы – назначенные олигархи. А раз так, – и ведите себя соответственно, вот как Абрамович, например, который обогревает Чукотку. А вот гражданин Ходорковский решил, что он не назначен, что он якобы сам так много сделал, такую мощную империю сделал нефтяную. Теперь он шьет левую варежку под Читой. Кто хочет шить правую варежку? Желающих нет. На этом наше заседание считаю закрытым.

Где в наличном бытии небытие? Оно не налицо, но оно в нем. Где отрицание коммунизма, являющегося снятием своего становления, имевшего место в переходный период? Оно не налицо, но оно в коммунизме. А это удивительно, что в коммунизме есть отрицание коммунизма, удивительно? Для человека, не привыкшего к восприятию диалектических истин, может быть, и удивительно. Но разве удивительно, что наши недостатки, то есть наше отрицание, наше небытие – в нас, а не в других людях. Где родимые пятна капитализма в коммунизме

искать? В коммунизме и искать, не в капитализме же их искать. Что вы все время капитализм критикуете, займитесь своим делом. Ну, а если люди, большинство людей не видят в коммунизме капиталистического, то этот невидимка действует, не встречая сопротивления и должен взять вверх. Он и взял.

Коммунизм – планомерное хозяйство? Да. А стихийность в нем есть? Есть. И это связано не только с тем, что при составлении планов все познать и запланировать невозможно, да и не нужно. Дело в том, что план – это директивное выражение общественных интересов, а в экономике действуют и другие интересы, следование которым разрушает планомерность. Значит, эта стихийность является отрицанием планомерности? Стихийность есть при коммунизме, в его первой фазе, или только планомерность? Да есть, сколько угодно. Абсолютной планомерности вообще не может быть, она и при полном коммунизме будет в какой-то мере.

В книгах про СССР можно прочитать, какой была хорошей система социалистического управления. Это коммунистическое управление? Да? Не совсем, правда, поскольку оно государственное. А слово «государственная» прямо говорит, что это система правящего с помощью государства класса. И управляет этот класс в борьбе с тем, что противоположно этому классу, с мелкобуржуазностью, которой подвластны многие члены общества, в том числе передового класса, и состоящие у него на службе чиновники. Так в этой системе социалистической, в системе планового, централизованного управления, в ней небытие есть или нет? Есть. Карьеризм есть? Есть. Иногда называют систему централизованного управления бюрократической. Это неправильно. Система не бюрократическая, но в ней есть бюрократизм. Причем бюрократизм – это не нарыв, который можно вырезать, а болезнь, которую нужно долго лечить. Как эту

болезнь излечить? А вот будет социальное равенство, будет всеобщее участие в управлении, отомрет государство, государственное управление превратится в общественное самоуправление, – не будет и бюрократизма. А если есть государство, то есть и бюрократизм. Бывают государства без соответствующих государственных болезней? Не бывает. Это как бы профессиональная болезнь.

Хорошо было бы, если вышесказанное люди понимали раньше. Но так удобно жизнь не устроена. Имеет место отставание сознания от бытия. Вот, например, в 1986 году у меня вышла книга, которая называется «Планомерное разрешение противоречий развития социализма как первой фазы коммунизма», где я доказывал, что тенденция к разрушению социализма, его уничтожению – это тоже объективная тенденция. Книгу мою долго не выпускали, на целый год задержали, товарищ Михлин, заместитель главного редактора Издательства Ленинградского университета, начал доказывать, что она против Программы партии и против Конституции, из чего следовало что меня надо исключить из партии и посадить в тюрьму. Но я, вооружившись диалектикой, боролся с этим Михлиным весьма успешно, преодолел попытки заволоклить издание путем затягивания редактирования. Довольно интересная была история, и мне на своем опыте удалось усвоить, что при социализме идет довольно острая борьба, и поэтому расхожее представление, что нет никакой борьбы при социализме, оказалось совершенно неверным. Я отказался от срывавшего выпуск редактора, и главный редактор Н.А.Захарова завершила редактирование моей книги. Очень хорошо шла работа, она человек толковый. В 1986 году вышла книга, в 1987 году я защитил докторскую диссертацию на философском факультете Ленинградского университета, меня

вызвали для доклада в Высшую аттестационную комиссию, затем ВАК меня направила на перезащиту в Институт философии АН СССР, где я успешно перезащитился, и в 1989 году ВАК присвоила мне степень доктора философских наук. Короче, я доказал, и это официально признано признано, что есть объективная тенденция к уничтожению социализма в самом социализме, и к 1995 году, когда я получил ученое звание профессора, эта объективная тенденция, которую упорно не желали замечать, будучи ослеплены ревизионистской концепцией развитого социализма, социализм все-таки разрушила.

Многие люди эту негативную тенденцию чувствовали, но в теории это долгое время выражено не было, что демобилизовало и партию, и страну, и народ в целом. К сожалению, в идеологии господствовали метафизика и механицизм. Многие экономисты с подачи Абалкина пытались построить хозяйственный механизм. Но кто-нибудь видел механизм с головой? Не бывает механизма с головой. Зато бывают безмозглые головы, которые хотят крупные общественные проблемы решить, не обращаясь к диалектике.

Почему порядочные люди проигрывают в жизненной борьбе? Как вы думаете, почему? Потому, что не учитывают, что жизнь – это борьба. Порядочные люди относятся к подлецам, как к порядочным людям. А подлецы – к порядочным людям? Как к подлецам. А как надо из этой ситуации выйти? Порядочные люди должны относиться к подлецам, как к подлецам. Тогда порядочные люди будут выигрывать. Но это большая школа. Знаете, как трудно так себя вести? То есть надо вместо того, чтобы улыбаться подлецу, взять его за шиворот и выкинуть. Так это порядочные люди сплошь и рядом делать не умеют. Пользуясь этим, подлецы отвоевывают себе позиции. Но ведь если общественные противоречия разрешаются борьбой, что нужно делать? Бороться.

Другого способа победить нет. И очень часто мы наблюдаем, что люди хорошие проигрывают. Как я это ему скажу, да как я ему это сделаю? А тот у него отбирает, забирает, при этом грубит, хамит – и его не останавливают. Вывод очень простой. К подлецам надо относиться, как к подлецам. Простой запоминающийся вывод. А нас чему нередко учат, да еще со ссылкой на авторитеты? Говорят, чтобы вы относились к другим так, как вы бы хотели, чтобы они относились к вам. Я к нему хорошо отношусь, а он взял палку и меня по голове ударил. А религия дальше учит – если вас ударили по одной щеке, подставьте другую. Жалко нет третьей, а то бы порекомендовали еще и третью подставить. И перед лицом этих рекомендаций и советов беззащитными оказываются те, кто диалектику учил не по Гегелю.

Приведенные примеры иллюстрируют то обстоятельство, что всеобщие категории, даже такие простые, как становление и наличное бытие, могут служить и служат одним из инструментов решения теоретических и практических социальных проблем. Вооружившись знанием того, что результатом снятия становления является наличное бытие, мы в отношении каждого общественно-экономического строя должны строго различать период его становления и его историческое наличное бытие. Был период становления капитализма, и в наличном бытии капитализма мы можем усмотреть следы его выхождения из феодализма. Что, разве не ведут себя некоторые капиталисты как бары? Да у нас даже при социализме некоторые из называвших себя коммунистами вели себя как бары, так чего удивляться тому, что капиталисты ведут себя как бары. И чтобы им объяснить, что он не барин и что есть законы капиталистического общества, которые в том числе защищают и интересы наемных работников, рабочим приходится вести стачечную борьбу. В Англии принятия обуздывавшего

отдельных капиталистов фабричного законодательства добились не забастовками, там тогда еще не организовался рабочий класс настолько, чтобы самому себя защищать. Капиталисты поняли, что если они хотят получать прибавочную стоимость, надо чтобы не вымер тот рабочий класс, который они эксплуатируют. Сначала запретили брать на работу малолетних детей, если родители возражают. Но по-прежнему процветали детский труд и безработица взрослых, поскольку детям за тот же труд платили вдвое меньше, а взрослых старались на работу не брать. Многие семьи рабочих жили только за счет детского труда, и капиталистам нетрудно было получить согласие родителей на привлечение к работе их малолетних детей. Тогда ввели закон против родителей, которые отдают своих детей на работу, и только тогда эксплуатация детей прекратилась. Таким образом, при капитализме, после завершения переходного периода от феодализма к капитализму можно в капиталистическом наличном бытии найти капиталистическое небытие, связанное с выходением капитализма из феодализма. Кстати, мелкая буржуазия, в первую очередь крестьяне, может рассматриваться как небытие капитализма. Это и не наемный рабочий, и не капиталист, это мелкий хозяйчик, работающий на рынок. Одному из сотни, может, удастся выбиться в капиталисты, стать настоящим буржуа, а остальным девяноста девяти предстоит опуститься в ряды наемных рабочих. И то, что и сегодня в буржуазной России, при монополистическом капитализме некоторые мечтают о возрождении мелкого бизнеса, пропагандируют так называемую самозанятость, говорит лишь о том, что при капитализме в общественном сознании сохраняются следы позднего феодализма. Что такое мелкий бизнес? Вот вы купите козу и будете молоко продавать – это мелкий бизнес. Это не значит, что вы построите

комплекс на тысячу голов, и у вас там себестоимость молока будет три рубля и будете иметь большую прибыль. Нет, вы будете с этой козой спать, потому что надо смотреть, чтобы она не сдохла и не погибли козлята. И на поддержку умирающего, вытесняемого в ходе капиталистической конкуренции мелкого бизнеса продолжают выбрасываться госбюджетные деньги. А вот если вы почитаете «Капитал», то в нем написано, что с развитием капитализма для того, чтобы начать современное капиталистическое производство надо все больше и больше средств. То есть минимальный капитал, минимальный, который позволяет начать современное капиталистическое производство, с развитием капитализма увеличивается. И вот, как дети малые, сейчас занимаются чиновники на самых разных постах тем, чтобы за счет налогоплательщиков разводить то, что является небытием капитализма. Рассуждают про некий средний класс. Что такое средний класс? Средний – это и не богатый, и не бедный, никакой. А как можно класс выделять, по какому принципу? По положению в производстве или по доходу? По потреблению будем судить или по месту в системе производства? Что является коренным? Мы же разбирали вопрос об экономических интересах и знаем, что они определяются не только уровнем доходов, а в целом положением в производстве. В одну кучу сваливаются высокооплачиваемые рабочие и интеллигенты, мелкие буржуа, менеджеры и маленькие капиталисты с доходом такого же размера, как у вышеперечисленных категорий. И вот мы всех в кучу соберем и скажем, что это средний класс. Смешаем это все в голове и назовем средним классом. Что от этого – настоящих классов не будет? Все равно будут. Есть буржуазия, есть рабочий класс, а есть всякие переходные слои. И есть мелкая буржуазия, которую стесняются называть мелкой буржуазией. А почему? Мелкий буржуа – это не

маленький буржуй. Это вообще не буржуй. Это мелкий хозяйчик, работающий на рынок. С одной стороны, это трудящийся, с другой стороны, как мелкий хозяйчик он мечтает выбиться в люди, стать настоящим хозяином, капиталистом. Как мелкий буржуа он есть лишь капиталист в себе, в потенции.

Давайте уйдем еще глубже в историю человечества. Когда закончился переходный период от рабовладения к феодализму, разве при феодализме не было отпечатков предыдущего строя, разве не пытались некоторые феодалы убивать своих крепостных, как будто это их рабы? Это было? Было. В литературе есть масса тому свидетельств.

А при рабовладении были отпечатки первобытнообщинного строя? Ну, как им не быть тогда, если еще и сейчас есть отпечатки первобытнообщинного строя в виде довольно широко распространенной клановости.

Вывод: если мы начнем смотреть на историческое движение общества, то в этом движении истории, помимо конкретных ситуаций, которые могут и должны быть охарактеризованы категорией наличного бытия, выступающего как результат снятия становления, мы увидим и крупные исторические этапы, которые называются: наличное бытие первобытнообщинного коммунизма, наличное бытие рабовладения, наличное бытие феодализма, наличное бытие капитализма, наличное бытие коммунизма, вышедшего из капитализма.

В Петербурге в 2011 году прошел большой праздник, посвященный падению крепостного права, была проведена конференция в Мариинском дворце. На ней лейтмотивом звучало, что в 1861 году мы освободились от рабства. Почему от рабства? От рабства Соединенные Штаты Америки освободились в 1865 году. А у нас-то освобождение произошло не от рабства, а от

крепостничества. Что, не знают об этом люди, которые были на конференции? Говорят: от рабства. Почему от рабства? Это тоже отпечаток, но уже на сознании людей, живущих в нынешнем капитализме. Все-таки рабство и крепостничество – это же разные понятия, и они очень сильно отличаются. У нас при крепостничестве Санкт-Петербург был построен – это сегодняшний исторический центр города, и этот исторический центр активно функционирует и одновременно охраняется как культурное наследие. Разве это все при рабстве было построено? Нельзя такими словами бросаться. Не при рабстве, а при крепостничестве. Рабы бы такие сложные архитектурные сооружения не построили. Рабы построили водопровод в Риме. А вот Исаакиевский собор не рабами построен, а крепостными, более свободными людьми.

С учетом сказанного выше мы можем сделать вывод, что категория наличного бытия как результата снятия становления – это та категория, которая в совокупности с другими позволяет нам истинным образом описывать этапы исторического движения.

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ

Давайте продолжим логическое развертывание категорий диалектики. Мы рассматривали наличное бытие и усмотрели в нем *небытие*. Есть разница, что рассматривать: *бытие*, в котором есть небытие, или *небытие*, которое есть в бытии. В последнем случае мы имеем *небытие, принятое в бытие так, что конкретное целое имеет форму бытия*. И вот когда мы делаем это небытие самостоятельным предметом рассмотрения, то это уже будет не просто небытие, а *определённость*. ***Небытие, принятое в бытие так что конкретное целое имеет форму бытия, называется определенностью.*** Отметим, что слово *определенность* редко встречается в литературе. Мы там чаще встретим определение, признаки, свойства и что угодно, а определенность – нет. Видимо, потому, что это более простая категория. Берем книгу. Страница какого цвета? Белого. Но она зачернена. А можно сделать наоборот, на черном листе писать белым. Берем учебную доску. Доска зеленая, пишут белым. Для определенности. А если зеленым по зеленому писать? Белым по белому? Гегель говорил, что в абсолютном свете так же ничего не видно, как в абсолютной тьме. Вот философия, говорят, серым по серому излагает. Сова Минерва, которая олицетворяет философию, вылетает в сумерки. Поэтому какой-то яркости в самом философском исследовании, такой яркости, которую ожидают люди, открывая философскую книгу, люди не обнаруживают. Философские богатства – всеобщие и не

выступают как разноцветное наличное бытие. Эти богатства прежде всего сущностные, внутренние, они не блещут вовне, до них надо еще добираться. Если вы какой-нибудь цветок разрежете, чтобы проникнуть в его внутреннюю природу, то там вряд ли вы обнаружите что-либо внешне красивое. Философия изучает всеобщее, которое есть во всем, а конкретные проявления этого всеобщего изучают конкретные науки.

Итак, определенность. Мы эту категорию назвали и ею заинтересовались. Это какой интерес? Психологический. Заинтересовались, то есть сделали предметом своего отдельного, специального рассмотрения. То есть взяли определенность изолированно, саму по себе. Например, если объект нашего изучения – умный человек, то ум – это его определенность, и мы эту определенность человека делаем предметом специального рассмотрения, то есть берем изолированно, саму по себе. И вот ***такая определенность, которая берется изолированно, сама по себе, называется качеством.*** Иногда люди с апломбом пишут, что пользовались качественным анализом, но это означает лишь, что они пользовались самым простым, самым примитивным инструментом, хотя и совершенно необходимым. Если исследование проходило только на качественном уровне, то не только до сущности, но даже до количества не дошли, а ведь количество, как отмечал Гегель, – это более глубоко понятое качество.

Возьмем теперь для рассмотрения то, до чего мы логически дошли, то есть качество. Раз мы его взяли, то оно есть. А раз оно есть, то оно бытие. А какое бытие? Наличное, потому что оно не чистое, которое было в начале. Мы знаем, что наличное бытие есть результат снятия становления, в котором есть не только бытие, но и ничто. Наличное бытие поэтому служит масштабом для понимания односторонности качества, взятого только как безразличное бытие. Надо его взять как бытие в противоположность ничто и как ничто в противоположность бытию. И вот *качество, взятое как бытие в противоположность ничто, называется реальностью*. А *качество, взятое как ничто в противоположность бытию, называется отрицанием*. Одно и то же качество можно выразить и как реальность, и как отрицание. Я вот сказал, что вы умный человек, но могу сказать, что вы не дурак. И вы с этим не поспорите, правда? Хотя я думаю, что каждый предпочел бы, чтобы про него сказали умный, чем про него сказали бы, что он просто не дурак. Потому что если я вас так начну представлять, что вы не дурак, никого не убили, ничего не украли, никому никакой гадости не сделали и буду долго рассказывать, перечисляя одни лишь отрицания, то после этого, возможно, от вас люди отойдут и не будут с вами больше здороваться. Хотя я вроде бы вас только хвалил. Не, не, не... Поэтому мы не должны путать реальность и отрицание, хотя это одно и то же качество, выраженное по-разному. Толстый значит не худой, если взять вопрос о фигуре.

Отсюда и дилемма – раздобреть или похудеть. Вы видели толстых и злых? Очень редко. А чего им злиться, они хорошо покушали, в хорошем настроении. А худые – вечно голодные, думают, как бы съесть кого, а тут и вы как раз подвернулись, он, конечно, съесть вас не может, но вцепиться в вас хочется ему явно. Тем не менее, все хотят похудеть. В порядке шутки худых надо бояться, потому что где-нибудь худой нападет на тебя обязательно. Добрые, толстые вряд ли нападут, они же раздобрели. Наука выяснила, что для того, чтобы фигуру сохранить, нужно есть, иначе ее не сохранишь.

Теперь оставим шутки, и возьмем реальность и отрицание по отдельности и будем их рассматривать. А что нам делать? Что есть, то и рассматриваем, если мы последовательно движемся. Сначала рассматриваем реальность. Что мы прежде всего скажем про реальность? Что она есть. Берем реальность и получаем, что реальность есть. Значит, она бытие. А какое бытие? Понятно, что не чистое, а наличное бытие. У нас выбор не богатый. У нас пока рассмотрены только чистое и наличное бытие, вот и все. А наличное бытие есть результат снятия становления, значит, в нем есть небытие, то есть отрицание. Следовательно, в реальности есть отрицание. А если возьмем отрицание, то, значит, оно есть, следовательно, оно бытие и тоже наличное. То есть в реальности есть отрицание, а в отрицании есть реальность. То есть различие между реальностью и отрицанием *снято*, то есть отрицается с

удержанием. Это различие есть лишь в *снятом* виде, через свое отрицание, будучи удержано посредством своего отрицания.

Вот мы говорим: «снятое молоко». Это молоко? Вроде бы молоко, но с отрицанием. Вам какое молоко: цельное или снятое, то есть пропущенное через сепаратор, который отделил от него сливки? Сейчас много видов молока. Цельное – это с ним ничего не сделали. Восстановленное, – это значит, что его превратили в порошок, потом добавили воды и размешали. И говорят: пейте. Одно время в Государственной Думе был такой разговор, что установят технический регламент, согласно которому восстановленное молоко будет называться молочным напитком. Но это дело фактически заблокировали наши капиталисты, дескать, как же мы его тогда будем сбывать, если напишем «молочный напиток»? Нет, будем писать молоко. Вот и сок для детского питания делают аналогичным образом. Думаете, яблочный сок прямо из яблок делают? Нет. Его делают из яблочной пасты или концентрированного яблочного сока путем добавлением воды. По принципу: «Надо чтобы нам было дешево делать, а вам дорого покупать». Дескать, мы красивую сделаем упаковку, например, нарисуем там двадцать восемь томатов и напишем, что вот именно из этих томатов сок сделан, хотя сделан он из томат-пасты и воды, этот томатный сок.

Один мой коллега работал директором Сосновского молочного завода, он мне объяснил, как над молоком трудятся на молочном заводе. Вот прибывает на завод цельное молоко, оно пяти-шести

процентов жирности, поскольку коровы неграмотные и не знают, что надо давать однопроцентное молоко, рекомендуемое продавцами молока для желающих похудеть. Потом идет процесс сепарирования, это по производственной терминологии, а по философской терминологии процесс снятия. То есть молоко как бы остается, но все сливки из него вытекают через сепаратор в отдельные емкости, и остается однопроцентное молоко, то есть молоко одного процента жирности. Потом вам будут объяснять, что очень полезно это однопроцентное молоко, из него делают однопроцентный кефир – пейте. Это еще не все. А дальше начинается уже технологическое волшебство. Вы какое любите молоко? Два с половиной процента – это нормализованное. Не путайте только нормальное, то есть цельное, и нормализованное. Чтобы получить нормализованное молоко, в однопроцентное добавляем те сливки, которые сняли с молока, чтобы жирность стала 2,5 процента. А если вы любите 3,5%, вам 3,5%, за большую цену. Ну, а для некоторых оставляем нормальное, то есть цельное молоко жирностью 6% за еще большую цену, такое тоже есть. То есть философская категория снятия как отрицания с удержанием широко используется, в том числе, и в молочной промышленности.

Так вот, различие между реальностью и отрицанием *снято*. Одновременно снято различие между наличным бытием и определенностью, потому что и реальность *есть*, и отрицание *есть* и каждое есть *наличное бытие*. И получается, что все имевшиеся различия сняты, нет отдельно реальности, нет отдельно отрицания,

нет отдельно наличного бытия без определённости. А что есть? А есть только *определённое наличное бытие*.

Определённое наличное бытие – вот к чему мы пришли. Не просто *наличное бытие*, которое есть результат снятия становления. Нет. Теперь мы уже имеем *определённое наличное бытие*. А как короче? Гегель назвал и короче: «**налично сущее**». А что такое *сущее* в философии? Это то, что есть непосредственно, например, то, что есть непосредственно перед нашим умственным взором. Сейчас иногда судебные процессы проводят посредством телемоста, так что только на экране в суде присутствует тот, кого надо держать в клетке, и хотя подсудимый при этом не есть *сущий*, считается, что он присутствует.

Вообще *бытие*, непосредственное бытие, то есть *сущее*, и *существование* – это три разные категории, которые не следует путать. **Налично сущее** – категория для обозначения определённого наличного бытия. На какие вопросы отвечает выражение «*налично сущее*»? Гегель хотел подчеркнуть, что в этой категории определённость и наличное бытие слились так, что их различие снято, и поэтому она отвечает и на вопрос «Что?» и на вопрос «Какое?» Это что? – Налично сущее. Оно какое? – Налично сущее. Этот переход понятий характерен для диалектики. Вроде бы одно выражение, а отвечает и на один вопрос, и на другой. Вот она слитность эта и текучесть, которая есть в жизни.

Категорию определённого наличного бытия или налично сущего можно выразить еще короче – как «*нечто*». Взгляните на

нечто. Отрицание, то есть определенность, прямо бросается в глаза, стоит впереди и при этом «нечто» всеми и всегда воспринимается как положительное, как бытие. Это и есть бытие, но бытие *определенное*. А где определенность? Она в нем. Это «не», с которого начинается слово «нечто». Однако оно не отдельно стоит. Если мы отделим «не» от «что», получим отрицательную форму «не что». Казалось бы, положительным должно быть «что», а здесь «нечто». А почему? Потому что *определенно* положительное, определенное наличное бытие. Вот говорят: «хороший человек». Слово «хороший» – это отрицание наличного бытия человека? Хороший и человек – это же разные категории. Человек может быть еще и не хороший. Поэтому «хороший» – это отрицание. То есть хорошесть – позитивное качество человека, оно его качество, но это не то же самое, что человек. Ум и умный человек, есть разница? Вы хотите, чтобы только вашим умом интересовались, а вами чтобы не интересовались, вместе с умом? Не слыхано, не видано, чтобы девушки хотели выйти замуж за «Ум». А вот за умного человека – другое дело. То есть неотрывно от наличного бытия берется определенность, а когда она берется неотрывно от наличного бытия она уже не качество. Качество – это определенность, взятая изолированно, сама по себе. А мы уже имеем дело с определенностью в нечто, которая неотделима от наличного бытия.

Будем теперь заниматься категорией *нечто*. Обращаем внимание на то, что хотя в русском языке, когда говорят «ни», –

это какое-то усиление или утверждение, а «не» – отрицание, категория «нечто» – это утвердительное, сугубо позитивное выражение. А вот ничто – сугубо отрицательное.

Итак, нечто. Что мы можем про него сказать? Прежде всего, что оно есть. Вот говорят, что трудно изучать «Науку логики» Гегеля. В чем трудность-то? Не бойся говорить «есть», когда что-либо есть. А дальше? Если оно есть, значит, оно бытие. Просто надо уметь делать выводы из того, что мы имеем. Какое это бытие? Наличное. Значит, оно результат снятия становления. Давайте вспомним логическую историю нечто. История начинается с того, что жило-было чистое бытие. Оно превратилось в ничто. Они друг в друга переходили, получилось становление. Становление сняло себя и стало наличным бытием. В наличном бытии обнаружилось небытие как его определенность. Эту определенность стали рассматривать изолированно, тогда она выступила как качество. Качество оказалось реальностью и отрицанием. И выяснилось потом, что каждое из них – тоже бытие и одно содержит свое другое. Следовательно, различие их снято. И есть только *определенное наличное бытие, налично существующее* или нечто. Вот она логическая история «нечто». История идет. И вот она дошла до того, что поскольку нечто есть, оно бытие. Бытие, но какое? Наличное. Оно есть результат снятия становления. Значит, нечто должно быть представлено как становление, а оно у нас как представлено? Просто как наличное бытие. Следовательно, нечто

должно выступить как становление, моментами которого являются два нечто.

В соответствующем месте «Науки логики» Гегеля можно найти очень интересную мысль, очень важную для историков и для тех, кто делает исторические прогнозы, – что вот нечто есть *в себе* становление, но оно еще *не положено* как становление. Иными словами, оно в дальнейшем развернется как становление, поскольку потенциально является становлением. И надо различать между тем, что есть *в себе*, и тем, что *положено*. Нечто как становление, моментами которого являются два определенных наличных бытия, два нечто, пока не положено. А в себе оно есть становление. Применяя эту диалектику к исследованию капитализма, Маркс показал в «Капитале», что капитализм есть в себе становление коммунизма. В себе – это не только в том смысле, что если его анализировать, в нем можно найти общественный характер производства, планомерность и другие противоположные капитализму моменты. Но это *в себе* надо понимать, что оно есть в себе как потенция, что оно потом развернется. Иначе не понятно, как Маркс мог сделать такой прогноз, который затем стал осуществляться и стали возникать коммунистические общества и государства. Есть ли еще пример подобного прогноза? Кто-нибудь, какой-нибудь философ сказал в период рабовладения, что за рабовладением грядет феодализм? Или при первобытнообщинном коммунизме кто-нибудь на скале написал, что скоро будет рабовладение? Никто не написал. А вот,

опираясь на метод Гегеля и Маркса, можно предсказывать развертывание в дальнейшем того, что пока еще не положено, но уже есть в себе.

То есть очень важно различать между тем, что есть в себе и тем, что положено. Сначала нечто есть в себе становление, но не положено как становление, а затем совершается логический и исторический переход к тому, что вначале имелось лишь в себе, то есть лишь потенциально.

Ну, а дальше как нам рассуждать логически, чтобы продвинуться вперед? Перед нами нечто. Мы выяснили, что оно есть в себе становление, моментами которого суть два нечто. Один момент – это само нечто, а другой назовем *иное*. Мы можем это сделать, так как знаем, что нечто, другое по отношению к нечто, тоже есть, хотя пока лишь в себе, не будучи положено. Оно есть как ничто, в отличие от нечто как бытия, и то нечто, которое есть как ничто, тоже требуется как-то назвать. Это другое нечто, про которое мы знаем, что оно есть, но есть в виде ничто, так и называется *другое* или *иное*.

Итак, имеются два нечто, а именно: нечто и *иное*. Как два нечто, еще не положенные как становление, они безразличны друг к другу, и безразлично, что брать за нечто, а что за иное. Каждое есть нечто, и оно есть иное по отношению к другому нечто. Таким образом, мы можем констатировать, что рассмотрено не только нечто, взятое само по себе, но и нечто по отношению к иному, равно как и иное по отношению к нечто. Что осталось

рассмотреть? Осталось рассмотреть иное не по отношению к нечто, а по отношению к самому себе. Нечто мы рассматривали само по себе и из этого сделали вывод, что оно в себе есть становление. Иное рассматривали по отношению к нечто и нечто по отношению к иному. А иное само по себе мы еще не рассматривали. Значит, надо рассмотреть иное по отношению к самому себе. А иное, взятое само по себе, – это не иное другого нечто, а иное самого себя. Иное, взятое по отношению к самому себе, есть иное самого себя, то есть *иное иного*. Получаем, что *иное есть иное иного*. Над этим надо очень крепко подумать. Иное иного есть иное. Кто будет спорить? Никто. Значит, иное стало иным. В то же время иное иного есть иное же, то есть оно как было иным, так и осталось.

Итак, иное иного есть *иное*, значит, не осталось тем же самым. Иное иного есть иное, значит, осталось тем же самым. Диалектика, в отличие от формальной логики, не запрещает высказывать об одном и том же прямо противоположные утверждения, которые мы получили. Иное иного есть иное – воистину диалектическая фраза. Есть в этом высказывании равенство иного с собой? Давайте посмотрим внимательно. Те же буквы, те же слова. На входе иное и на выходе иное. Согласимся, что это одно и то же. А теперь еще раз прочтем слово *иное*. Иное означает не одно и то же.

Вывод. И вывод будет двоякий. Что в ином есть момент равенства с собой, и в ином есть момент неравенства с собой. Мы только что убедились в их наличии. Другое дело, что мы могли бы сейчас не обратить на полученное противоречие особого внимания,

удивиться и пойти дальше. А в чем отличие диалектического подхода – мы не торопимся с противоречием расстаться, а мы его рассматриваем очень внимательно и обстоятельно. Мы остановились на том, что есть два момента иного: равенство иного с собой и неравенство иного с собой. Но ведь иное есть нечто. Поэтому можно сделать вывод, что в нечто есть момент, определяемый как равенство нечто с собой, и момент, определяемый как неравенство нечто с собой. Слово моменты мы употребляем по отношению к нераздельным в одном. Это моменты одного и того же нечто, которое есть единое, нераздельное. Значит, нечто есть единство равенства с собой и неравенства с собой. Теперь надо назвать эти моменты. *Момент равенства нечто с собой называется в-себе-бытие.* Это первый момент нечто – его в- себе-бытие. А момент неравенства с собой нечто называется бытие- для-иного. Эти названия сначала кажутся какими-то немножко диковатыми. Но это только сначала. Ведь нужно изобразить диалектические мысли, их движение. Почему бытие-для-иного, а не иное? Да потому что, становясь иным, нечто остается тем же самым. Момент неравенства с собой мы можем назвать «иное»? Нет. Это лишь бытие-для-иного. К иному переход не совершался, а речь идет лишь о моменте нечто. Когда мы говорим, что Иванов стал совсем другим человеком, мы при этом осознаем, что другим человеком стал Иванов, то есть стал другим, оставшись Ивановым, то есть осознаем, что это тот же самый человек. То есть нельзя сказать: «для иного». Надо сказать:

«бытие-для-иного». Это бытие того же самого нечто для иного. Ну а равенство с собой как выразить? Сначала кажется диким слово «в-себе-бытие». Но если подумать? Про человека, который неравен себе, говорят: «он не в себе» или «вышел из себя», про человека, который возвращается в равенство с собой, говорят, что он «приходит в себя». Значит, равенство с собой естественно выразить как в-себе-бытие. Так что этот термин вполне согласуется с обычным словоупотреблением. Гениальность Гегеля в том, что он пытается найти такое обозначение для категорий, которое бы согласовывалось с обычным словоупотреблением. Вышел из себя, не в себе, пришел в себя. Ну, если я не в себе, то, значит, я не равен самому себе, а вот сейчас я пришел в себя, то есть я опять такой же. А если я, оставаясь собой, при этом все же становлюсь иным, например, пополняя свои знания, следует сказать, что я есть бытие-для-иного. То есть мы, осознавая нераздельность моментов нечто, таким словоупотреблением подчеркиваем, что, становясь иным, человек остается самим собой.

И вот *такое нечто, которое есть единство двух своих моментов – равенства с собой и неравенства с собой, нечто, которое есть единство бытия-в-себе и бытия-для-иного, называется изменяющимся нечто*. Если теперь задуматься над тем, а что мы понимали под изменяющимся, то вряд ли найдется хоть кто-нибудь, кто понимал бы нечто изменяющееся как только равное самому себе или как только неравное самому себе. Только равное самому себе понимают как неизменное, а только неравное

самому себе как переход от одного нечто к другому. Если нет равенства с собой, разве можно говорить, что *оно* изменяется? Это тогда переход от одного «оно» к другому, которое не «оно». То есть как еще понять изменяющееся? Как еще можно выразить изменение? Гегелю удалось выразить изменение как противоречие, и в этом его гениальность.

Мы собираемся изучать и понимать общество как изменяющееся или как неподвижное, мертвое? Как изменяющееся. Теперь мы знаем, что такое изменение и можем общество правильно понимать и изучать. Мы изучаем социальную действительность как изменяющуюся. А изменение – это обязательно равенство с собой и неравенство с собой. В одну и ту же реку можно и нельзя войти два раза. Почему можно два раза? Потому что раз вошел и два вошел. В то же время река уже не та, уже течение изменилось, русло изменилось, поэтому и нельзя. Вот поэтому в одну и ту же реку и можно войти, и нельзя войти. Что-нибудь есть не изменяющееся? Кто может привести пример того, что не изменяется? Никто. Какой бы объект вы ни рассматривали, он изменяется, он и равен и не равен себе в одно и то же время. Можно сказать и по-другому – если что-то не изменяется, то это абстракция. А что такое абстракция? Это отрывание одной стороны противоречия от другой и искусственное превращение этой стороны в некое самостоятельное целое. Вот, например, взяли человеческое сознание, оторвали от человека и в виде бога поместили на небо. И вот это будет неизменная сущность, которая

всегда есть. Он думает о вас, у него есть хороший план вашей жизни. Как приятно знать, что есть кто-то, кто все время думает и заботится о вас, как пастух о своей пастве. Хотя моральный облик бога не может не смущать. Во-первых, он запретил Адаму и Еве знать, что добро, а что зло. А то, дескать, вы будете, как мы, боги, хотя какие боги, если многобожие уже преодолено, и бог понимается как единственный? Так какой у него план был? У него был план, чтобы мы не различали, что добро, а что зло, были как животные, как овцы или бараны. И что получилось с этим планом на счет нас? Змея вдруг появилась. Не известно, специально ее создал бог или она ему не подчинялась. Он всемогущ, но змея вообще не послушала его и убедила Еву, а Ева Адама съесть яблоко. И они вкусили от дерева добра и зла. Это плохо или хорошо, что они теперь знают что хорошо, а что плохо? Вот детям всем объясняют, что такое хорошо, а что такое плохо. Это повторение того же самого греха, если это грех. Если нам наши родители объясняли, что добро, а что зло, то наши родители такие же злодеи, как Адам и Ева. И тоже их надо наказывать, чтобы они в поте лица своего ели хлеб свой. А они и едят его в поте лица своего. То есть у бога план сделать так, чтобы мы были как животные и не знали, что добро, а что зло, не осуществился. И он подозреваемых в нарушении его плана к чему приговорил? Сначала к смертной казни. Он так и сказал: Кто съест яблоко, тот умрет. А потом? Потом смертную казнь заменил пожизненными принудительными работами. Причем ответственными за грехи

первого поколения людей сделал и все последующие поколения. Кто Библию читал, Ветхий завет, тот помнит, как бог требовал при исполнении его воли не щадить ни беременных женщин, ни младенцев. При всем своем всемогуществе бог допустил такое явление, как падший ангел, который превратился в дьявола. И мы видим, что даже в религии через абстракцию равенства бога с собой прорывается и фиксируется в библии отражающее жизнь его неравенство с собой.

Правильность допускает одностороннее рассмотрение. Но с точки зрения разума нельзя говорить только о равенстве с собой или только о неравенстве с собой. Надо одновременно брать оба момента. И никакого объекта, кроме выдуманного абстрактного, нет, который бы был только равен себе. А абстрагироваться от неравенства объекта с собой всегда могу. Всегда можно взять одну сторону – или сторону равенства, или сторону неравенства. Если кто-то о каком-либо историческом объекте будет писать как о неподвижном, то это правильно или неправильно? Правильно. Но не истинно. Почему правильно? Потому что это хотя и одностороннее знание, но знание. Есть это? Есть. Но ведь объект меняется? Это тоже есть и тоже правильно. Было одним, стало другим, было такое государство, стало иное, Это правильно? Правильно. Был Наполеон, который выступил против монархии, а потом стал сам монархом. Это правильно? Правильно. А то, что это тот же самый Наполеон, это тоже правильно. Это он же? Он. То есть если мы будем брать только одну сторону – это тоже

правильно. Это допустимо. Но это одностороннее, абстрактное рассмотрение, и оно как метод, как промежуточный момент в исследовании, вполне допустимо. Но если это венец исследования, это искажает действительность. Истина есть соответствие понятия объекту. Если мы взяли такое понятие, которое объекту не соответствует, а именно объект противоречив, а мы взяли его не противоречиво, значит это не истина. И каждый человек противоречив. Потому и говорят, что в каждом человеке есть не только божеское, но и дьявольское. Или говорят, что дьявол нас подговаривает, подзуживает. А на самом деле всякий человек противоречив, и наряду с тем, что его характеризует как положительного, у него есть недостатки, которые суть его отрицание в нем самом. Те люди, которые успешно борются за свое позитивное против недостатков, это хорошие люди, порядочные. А те, кто не смог с отрицанием в себе человеческого побороться, тот подлец или негодяй, у которого негативное стало целым, а позитивное начало – только лишь момент, и благодаря этому моменту он ловко втирается к порядочным людям в доверие.

Изменяющееся нечто – это великая категория. Благодаря ей человечеству удалось на все посмотреть как на единство двух моментов. Все, что представлялось неподвижным, мертвым, все заиграло и стало пониматься подвижным. Благодаря диалектике стало осознаваться, что все противоречиво, все в себе содержит противоречие. На вопрос, каковы примеры противоречий, можно ответить, что все есть примеры противоречий, противоречива и вся

социальная жизнь, и прошлая, и настоящая, и будущая. Все есть равенство с собой и одновременно неравенство с собой.

Образование, например, в чем состоит? В том, что когда вы учитесь, вы, с одной стороны, все время равны самому себе, поскольку ведь *вы* же учитесь, вы же не перестаете быть тем, кем вы есть, и, с другой стороны, вы все время другой или другая, поскольку у вас все больше и больше знаний. И, наоборот, если человек, сколько бы лекций ему ни прочли, и сколько бы он книг сам ни прочел, остается только равным самому себе, это означает, что бесполезны были все занятия, никакого обучения не происходит. В то же время, если кто-то успешно обучающийся настаивает на том, что у него нет равенства с собой, он уже другой человек, можно предложить ему сменить имя и паспорт.

Возьмем науку. В чем состоит научное исследование – находить то, что является новым. А что является новым? Это то, чего еще никто не знает, правильно? Почему говорят открытие? А потому что ничего о нем не знали люди, пока какой-либо ученый для человечества его не открыл. Это открытие для всех. Он сделал открытым то, что было закрытым для человечества. Открывший сделал то, чего до него никто не сделал. Он открыл это и для себя, проявив свое неравенство с собой, свое бытие-для-иного. Но, выступив как бытие-для-иного, он остался тем же ученым, что выражается категорией его в-себе-бытия. Лобачевский, например, открыв неевклидову геометрию, остался Лобачевским. Кто-нибудь до Менделеева сделал периодическую таблицу элементов? Никто.

Так что, Менделеев после того, как он это свое открытие сделал, продемонстрировав неравенство с прежним Менделеевым, который еще этого не знал, что он не Менделеевым стал? Так он равен самому себе? Равен. Хотя Менделеев не один и тот же до открытия своей таблицы и всемирно известный Менделеев после открытия таблицы. Видите, что он не равен самому себе? Не равен. Так он равен самому себе или не равен? И некоторые люди, которые не освоили азы диалектики, так вот и болтаются, переходя от одного утверждения к другому, будучи не в состоянии взять их в единстве. То говорят: «равен», то: «не равен». Вроде бы равен, а вроде и не равен. А надо сказать и понять, что и равен, и не равен одновременно.

С позиций формальной логики должно быть или А или не А, третьего не дано. Либо А, либо не А. Однако здесь мы имеем и А, и не А одновременно. При этом, когда мы рассуждаем, выводя из одной категории другую, мы пользуемся логикой формальной. То есть диалектическая логика включает в себя формальную. Но если мы начали рассуждение с противоречивого, например, со становления как противоречивой категории, то если формально логически правильно рассуждаем, мы должны опять прийти к противоречию, что и наблюдаем, рассматривая категорию изменяющегося нечто. И вот когда мы говорим, что материя движется, то мы имеем в виду, что материя, во-первых, находится в становлении, будучи единством возникновения и прехождения и, во-вторых, что материя изменяется. Материя вечно изменяется. То

есть она все время равна самой себе, иначе она бы не оставалась материей, и она все время не равна самой себе. Но оттого, что материя породила свой цвет – мыслящую материю, разве она перестала быть материей? Не перестала. Если мы из всей материи берем *людей, то есть животных общественных, трудящихся, говорящих и разумных*, то видим, что вместе со своими отношениями люди образуют социум, то есть общество, которое также изменяется, а не остается неподвижным. При этом в зависимости от способа производства, на котором оно основано, общество меняет свою форму, выступая как первобытнообщинный коммунизм, рабовладение, феодализм, капитализм, коммунизм. И поскольку в России капитализм, постольку он тоже постоянно изменяется, не оставаясь только равным самому себе, но при этом остается капитализмом.

Вот выступает руководитель КПРФ Зюганов: «Надо изменить курс». А разве не может быть так, что, когда вы измените курс, он останется прежним? Или говорят: «Надо провести реформы», то есть изменить то, что есть. Но у нас и так все, что есть, изменяется, в чем проблема? В чем идея? А идея – давайте перестраивать, как говорил Горбачев. Давайте. А в чем идея? А чтобы все время было не такое. А оно и так все время не такое, в чем тут мысль? В том, что люди подумают, что им что-то такое хорошее говорят. А что хорошего в этом? Надо бы спросить: вы собираетесь дворец в хлев перестроить или хлев в дворец? Выяснилось, что дворец в хлев. И во главе такой перестройки и стоял Горбачев, добиваясь, чтобы она

была доведена до конца. То же самое и с реформированием, на что особенно нажимал Ельцин. Что означает курс на реформы? Курс на то, чтобы форма менялась. То есть форма может постоянно меняться, а разрушительное содержание политики может оставаться неизменным. Есть какая-нибудь глубокая мысль в том, чтобы все время становиться иным? Может быть такая: «Надо чаще меняться!», как призывают рекламные плакаты в метро или «Мы хотим перемен», как поется в расхожей песенке. А что означает выражение «Курс перемен или курс реформ»? Корабль плывет, а цель корабля – плыть, представляете? Форму или облик менять очень не трудно, может быть, поэтому за эти выражения хватаются люди, не вникающие в содержание и не способные обеспечить действительно прогрессивные изменения. Вот рубашку поменяйте и форма будет уже другая. Заколку другую поставьте, – тоже другая форма. Нет проблем.

Отсюда вывод, что изменение – важная категория, но она сама по себе не говорит ничего о содержании изменения. Например, какие изменения может нести модернизация сама по себе, о которой столь же много сейчас говорят, как ранее говорили о перестройке и реформировании? Модернизация – от иностранного слова «модерн». Модернизация – это осовременивание. Но это осовременивание по разному может проходить, по-разному осуществляться. Можно решать задачу создания новой техники и технологии, превосходящей самые передовые мировые образцы, а можно гнать в другие страны сырье и закупать на вырученные

деньги там то, что еще может считаться современным, но что для стран-производителей уже представляет вчерашний день. В последнем случае мы со своей модернизацией будем плестись в хвосте у других, более развитых стран. Одежду, например, ее производители с помощью формирования моды намеренно делают несвоевременной. Она вдруг «вышла из моды», потому что продали то, что вы сейчас купили, а с вас еще надо деньги взять, поэтому то, что вы надели, надо объявить несвоевременным, немодным. Так одно время была мода на потертые ботинки. Сначала сделают ботинок, потом его долго трут на специальном круге, чтобы он выглядел потертым, как будто человек долго-долго ходил, задевая одной ступней за другую, а потом лакируют. Они лаковые и стертые одновременно. Разумеется, дорогие. Или джинсы сейчас делают, местами белые, как будто человек куда-то вляпался или все время садился на асфальт, а теперь в них ходит. Это очень модно. А если вы пойдете просто в синих джинсах, это не модно. Или джинсы специально кладут и стреляют в них, в эти джинсы, шариками маленькими, чтобы они были новыми и одновременно потрепанными. А самый писк моды, чтобы джинсы были рваными. мода – это форма. Форма чего? Форма изменения. Измененное же в данном случае – это богатый человек, но одетый, как бедный, в рваные джинсы, к которым идут золотые цепи или серьги. Вроде как из богатых, но за бедных. Или из бедных, но стал богатым. Это тоже изменение. Подобно моде и абстрактная модернизация или осовременивание. Если у нас что не современное, не надо работать

над тем, чтобы по качеству опередить другие страны, а надо взять и купить у других стран то, что они приготовились снимать с производства. При этом деньги соответственно направить не своему производителю на обновление, а иностранному, чтобы наше отставание от передовой техники и технологии усугубить и закрепить. Газ, нефть продать и затем корабли купить у французов, машины купить у немцев, итальянцев, китайцев, корейцев, не важно, у кого купить, главное не вкладываться в развитие отечественного производства, у кого-нибудь купить, а самим превратиться в людей, обслуживающих трубу. Сырую нефть и газ гнать в Европу и покупать разные современные товары – это можно называть модернизацией. У передовых стран покупать, а самим превращаться постепенно в отсталую. Вот выйдет, например, президент США и сядет в американский автомобиль, чтобы поехать на парад, выйдет французский премьер – на французской машине поедет, выйдет немецкий – на BMW поедет. А наш после модернизации? Хочет – на американской машине поедет, хочет – на французской, хочет на немецкой, только не на своей. Так в свое время ездили марионеточные руководители колониальных стран. Мы купим в Италии пистолеты «Беретта», купим израильские разведывательные беспилотники. А чтобы и танковая промышленность наша перестала быть современной, не будем закупать новые танки у нашей промышленности, тем более, что производством танков теперь у нас занят один лишь нижнетагильский «Уралвагонзавод». В случае чего купим у

немцев. Они же должны были научиться, поняли, что мы лучший танк в войну делали. Надо у них купить. И тоже будет современно. Люди темные, то есть те, которые не заразились этим лозунгом – абстрактной модернизацией, они думают, что надо запланировать выпуск самых лучших в мире образцов и сконцентрировать на реализации этих планов силы и средства, чтобы выйти на высший мировой уровень, как мы в свое время сделали первыми лучшие в мире космические корабли и первыми запустили в космос и спутник, и человека. И сейчас пока еще больше всего запусков пилотируемых кораблей у России. В России за 2010 год 32 запуска, в США – 16. Ну, не успели осовременить мы эту отрасль. То есть планировать надо не просто современное сделать, а в перспективе самое лучшее в мире, то есть не то, которое сейчас современное, а то, которое будет самым лучшим через пять и через десять лет. Что для этого надо делать? Научные исследования и разработки нужно проводить и не обязательно в Сколково. Люди из Дубны и Троицка говорят людям из Администрации президента: «Скажите, что вам нужно сделать, мы сделаем». Об этом есть блестящий доклад в интернете заместителя директора Института прикладной математики РАН в г. Дубна под Москвой Георгия Малинецкого. Когда мы делали самые лучшие в мире танки, мы шли на опережение, не такие делали, какие есть в Германии, не такие, какие есть во Франции, а такие, каких нет ни во Франции, ни в Германии. Такие, какие превосходят их по целому ряду параметров, на голову. Но даже если мы все время будем работать

на опережение, не факт, что мы во всем будем опережать другие страны, ведь за границей давно работают на опережение, стремятся разрабатывать и выпускать не современные изделия, не изделия сегодняшнего дня, а те, которые будут самыми лучшими через пять-десять лет. И в итоге что-то мы сделаем более высокого уровня, а что-то они. Но если мы будем закупать или делать просто современные продукты, мы все время будем плестись в хвосте у других, более развитых стран. А на первый взгляд кажется, как хорошо – модернизация. Так что изменение изменению рознь.

С красивыми словами вообще надо быть поосторожней. Например, постмодерн как можно понимать? Можно как суперсовременное, а можно так, что раньше это было современно, а сейчас уже нет – бывший модерн, постмодерн. Или еще такой красивый термин – постиндустриальное общество. Было индустриальное, потом пришел Ельцин, промышленность, то есть индустрию разрушил, и общество стало постиндустриальным. Зато информационным – легко по интернету получить информацию о том, какие продукты перестали производить и какие заводы в интересах иностранных конкурентов разорили и закрыли. Информации у нас много, а вот со знаниями хуже. Уровень образования падает. Зато нам говорят, что у нас будет экономика знаний. Неужели не будет ни экономики, ни знаний?

То есть люди действительно просвещенные должны быть очень чуткими к словам, точно употреблять понятия и понимать, что если человек говорит, что у него цель – реформы, это может

значить, что он не знает, куда плыть. Вот наш министр обороны приплыл куда? Давайте, говорит, изменим облик нашей армии. А облик – это внешний вид. Изменяется внешний вид нашей армии, береты все наденут, от которых в США освобождаются. Вместо того, чтобы заниматься в первую очередь усовершенствованием наших вооружений и во главу угла поставить снабжение армии всем необходимым, говорят больше об изменении облика, и в этом преуспели. Или, например, милиция российская уже внешний вид поменяла. У нее теперь точно новый облик. Была милиция, стала полиция. И некоторые очень важные люди, которым положено знать, когда у нас в России образовалась милиция, не знают, что решение об упразднении полиции и образовании народной милиции приняло буржуазное Временное правительство в феврале 1917 года, ликвидировав департамент полиции и корпус жандармерии. После социалистической революции народная милиция стала рабочей. А вот полицейские на территории России появились в войну, и народ окрестил их «полицаями». И если кто-то вдохновился этим, то это модернизацией называется? Это больше похоже на вытаскивание, за отсутствием содержательно нового, залежалого исторического старья. Зато тот, у кого есть большая фабрика по производству одежды, может получить очень крупный и выгодный заказ, чтобы всех милиционеров переодеть в полицейскую форму. Неплохие доходы получают и те, кто будет перекрашивать милицейские машины в полицейские. А всего расходы на переименование милиции в полицию составят около 12

миллиардов рублей. Это называется «умная экономика». Это движение вперед? Нет, это лишь бытие-для-иного. И что, если милиционеров переименовать в полицейских, исчезнет их в-себе-бытие и они уже совсем не будут равны самим себе? Или если налоговых полицейских переименовали в наркополицейских, то их равенство с собой улетучилось и утвердилось лишь их неравенство с собой? Плохие были бойцы с налоговыми преступлениями, а стали отличными бойцами с наркотрафиком? У нас что, наркоопасность упала или выросла? Это все изменения. Но можно ли рассматривать изменение облика или названия как прогресс в содержании? Как модернизацию – да. Если у вас кепка или фуражка не современная, наденьте современную кепку или фуражку, можно берет. А что в голове? «Ну, чего захотели. Этим мы не занимаемся». А мы вот занимаемся. В облике и названиях ничего нового у нас нет, по-старинке собираемся знания передавать, видимо отстаем. Раньше Гегель передавал, когда был профессором Берлинского университета, Кант передавал в Кёнигсберге. И мы, современные профессора, ведем себя совершенно несовременно – всю жизнь передаем знания. И, видимо, несовременны студенты, которые знания хотят получить. Лучше бы шапку одели четырехуголку, да черную мантию, тогда, быть может, стали бы модернизированными студентами.

То есть рассмотрение категории изменения заставляет нас о многом подумать. И примеры изменений можно приводить и разбирать бесконечно, поскольку нет ни одного примера

неизменяющегося нечто. Ни одного. Все изменяется. Все. И материя изменяется, и сознание изменяется. Все находится в процессе изменения.

Ранее мы выяснили, что все находится в процесс становления. Все есть и возникновение, и прехождение. Результат снятия становления, то есть наличное бытие, выступает сначала как спокойное бытие, но наличное бытие, ставшее определенным наличным бытием, то есть нечто, является изменяющимся, то есть равным самому себе и не равным самому себе. Отсюда и взгляд на материю и на ее отражение в сознании у нас должен быть как на изменяющиеся и только как на изменяющиеся. Нет никакой неподвижной материи. Мы можем, конечно, остановить мгновение, сделав мгновенный снимок какой-то части материи. Но это будет именно *снятие*, то есть отрицание с удержанием. Это будет правильность, но не истина. Хороший фотограф ищет такое выражение у человека, которое выражает его сущность, плохой просто делает снимки того, что было. Он не учитывает, что моменты равенства с собой и неравенства с собой есть во всем, и надо их уметь отличать.

На этом тему изменяющегося социального нечто мы не можем считать законченной. Потому что все, что мы будем дальше рассматривать, в себе содержит *изменяющееся нечто*, точно так же, как все содержит в себе *становление*. Хотя следующая тема, которую мы будем рассматривать, называется «Социальное развитие». Заранее можно сказать, что развитие – это изменение.

Но не всякое изменение – развитие. Мы будем заниматься некоторой разновидностью изменения. То есть мы не бросим изменение, ссылаясь на то, что развитие есть нечто более высокое, чем просто изменение. Но поскольку это более высокое стоит на более простом, оно и более высокое. Изменение идет за становлением. А из всех изменений мы выбираем то, что является развитием.

Всякое ли изменение можно считать развитием? Нет. Давайте начнем с отрицания. Какое изменение нельзя считать развитием? Деградиацию можно считать развитием? Например, наркоманы явно деградируют, причем быстро. С одной стороны, наркоман не может без наркотиков жить, но деградирует при этом так, что ради того, чтобы добыть наркотик, он готов пойти сначала на воровство, а потом и на убийство, лишая других жизни и быстро теряя свою. То есть наркоман находится в процессе изменения – был хороший человек, стал никто и умер. Он есть и в-себе-бытие и бытие-для-иного и все, что относится к изменению вообще, применимо к падению человека, который стал наркоманом. Но сам ли он стал наркоманом? Или наркомания есть одно из выражений и проявлений буржуазного характера общества? Человек же не рождается наркоманом, к наркотикам его приучают гоняющиеся за сверхдоходами наркодельцы. Наркотики относятся к такому виду веществ, которые первое что делают, – уничтожают сопротивляемость организма к их употреблению. Все наркотические вещества обладают таким свойством. Вот вы такой

волевой, да? Съешьте для начала вот это, раз вы такой волевой. Оно поразит вашу волю, и далее вы уже остановиться не сможете. Поэтому есть люди пьющие или непьющие. Мало пьющие – большая редкость, поскольку мало пьющие чаще всего переходят в категорию просто пьющих, а пьющие весьма нередко становятся спившимися. Алкоголь – это ведь тоже наркотик. Как и никотин. Реклама зовет: «Курите легкие сигареты». В чем их легкость? А в том, что их легко продать, потому что тяжелые вы не купите, а легкие купите. А легкие от тяжелых по своему действию почти ничем не отличаются, что разъяснил главный санитарный врач России Геннадий Онищенко, третий человек у нас в России. У нас в России три главных человека – президент, премьер и главный санитарный врач Онищенко. За рубежом, конечно, больше всего боятся Онищенко. Он определит, что в продукции вашей страны оказались тяжелые металлы, и все – ваша свинина или ваше вино в Россию не пойдут, и вы потерпите громадные убытки.

Как действуют наркодельцы? Приходят в школу, дают школьникам таблеточки. Бесплатно – попробуйте. Дали. Попробовали. А потом хотят еще. Еще дали. Опять хотят. Опять дали. А потом уже не бесплатно. И вот уже по официальным данным 30% школьников употребляют наркотики, или, по крайней мере, их употребляли. Сначала давали, давали бесплатно, а теперь несите деньги, и покупайте. А уже не покупать – не может. Значит, он будет покупать у тех самых наркоторговцев. Сначала на деньги, которые мама и папа давали на конфеты и игрушки, на книги и

завтраки. А потом? А потом у папы и мамы найдет, где они деньги хранят. А потом? А потом пошел на улицу, спрашивать у людей – нет ли у них денег. А потом уже с ножом. А потом через некоторое время сам же и умрет. И все эти этапы идут друг за другом очень быстро, долго наркоманы не живут. И деградация наркомана – тоже пример изменения. Есть тут и равенство начавшего принимать наркотики человека с собой и его неравенство с собой, и его в-себе-бытие, и его бытие-для-иного.

Производство, продажу и потребление наркотиков мы бы назвали реальностью общества или его отрицанием? Общество – это реальность, а наркоугроза – это его отрицание, то есть это то, с чем общество борется и что борется с обществом. И общество выступает двояко – и как целое, и как свой собственный момент – как антинаркотический момент, противоположный наркотическому моменту. Но люди без философии не могут сформулировать это правильно. Они говорят о наркорреальности, и тогда общество уже предстает не как реальность, а как отрицание, то есть как уже проигравшая битву с наркоугрозой сторона.

Приведенный пример однозначно показывает, что не следует путать деградацию с развитием. Но это еще не определение развития. В дальнейшем мы определим, что такое развитие. Сейчас же мы констатируем, что далеко не всякое изменение может быть названо развитием, хотя умирание человека можно выразить как развитие его смертельной болезни. В дальнейшем мы будем выяснять, какие бывают концепции развития, и разбирать их,

чтобы отличать истинное, научное понимание развития от ненаучного, но перед этим давайте попытаемся в порядке повторения обзреть уже изложенный материал.

В чем отличие диалектической логики от других наук? В других науках мы думаем о каких-то конкретных предметах и с помощью наших мыслей пытаемся найти истину. В диалектике же, в диалектической логике мы предметом рассмотрения делаем сами мысли, выраженные с помощью языка. Мы думаем о мыслях, обдумываем те мысли или те категории, в которых эти мысли выражаются. И вот чтобы закрепить понимание категории *изменение*, следует проследить ее связь с более простыми категориями. Потому что, когда мы берем категорию в связи с другими, она не может выпасть из нашей памяти и берется такой, какая она есть, то есть не только как результат без движения к нему, но как результат, взятый вместе с процессом движения к этому результату. А если категория берется одна, сама по себе, изолированно, то легко забыть ее значение, и тогда будет логический провал, не позволяющий двигаться дальше. Чтобы таких провалов не было, нужно опосредствование. Нужно связывать одни категории с другими. И вот мы немного повторимся, ведь повторение – мать учения, тем более что это не такой простой материал, чтобы он так сразу наскучил, скорее он не сразу понятен.

Мы начали с чистого бытия, усмотрели его переход в чистое ничто и чистого ничто в бытие. Получили движение исчезновения

бытия в ничто и ничто в бытии – становление. Становление есть благодаря разности бытия и ничто. Но в становлении эта разность исчезает, а вместе с ней исчезает и становление. Становление как беспокойное единство бытия и ничто снимает себя и становится спокойной простотой – наличным бытием. Наличное бытие – это результат снятия становления. Становление было беспокойным движением исчезновения бытия в ничто и ничто в бытии, затем предстало как единство возникновения и прехождения, сняло себя и превратилось в спокойное и простое наличное бытие.

Затем обнаружилось, что наличное бытие простое только налицо, а в нем есть становление, поскольку наличное бытие есть результат снятия становления. И поскольку в становлении есть не только бытие, но и ничто, последнее выступило как небытие. Если бы мы наличное бытие взяли и просто бы на него смотрели, то ничего бы, кроме простого и спокойного, в нем бы не обнаружили. А мы начали исследовать, применяя такой логический метод, какой по существу является историческим. Мы стали выяснять, откуда же это самое наличное бытие взялось, как оно возникло. Этим и занимаются историки. То есть, беря любой процесс, объект, они начинают выяснять, откуда он появился, каковы его исторические корни. Так что в своем логическом движении мы по сути дела идем, пользуясь историческим методом, и он же – логический и диалектический, потому что диалектический метод – это исправленный исторический, исправленный в том смысле, что мы здесь изучаем не зигзаги и отклонения, которые всегда

неизбежно случаются, а изучаем закономерный ход движения. И вот мы начали выяснять, что мы можем сказать про наличное бытие, когда мы на него смотрим. Если мы смотрим на него впервые, только начинаем его изучать, мы можем сказать только то, откуда оно произошло, правильно? И мы записали такую формулу, что наличное бытие есть результат снятия становления. Ведь разность бытия и ничто в становлении исчезает, а становление есть благодаря этой разности, значит и становление исчезает. А исчезанием, отрицанием становления, которое есть беспокойное единство бытия и ничто, является спокойная простота. И вот это спокойное и простое бытие есть результат снятия становления. А снятие мы понимаем, как отрицание с удержанием, не как растаптывание того, что было до этого и превращение его в ноль, а как отрицание с удержанием. Так всякий следующий строй является отрицанием предыдущего общественно экономического строя, вбирая в себя те богатства, в том числе и духовные, которые созданы в рамках предшествующей формации. Мы пользуемся достижениями рабовладельческого строя Древней Греции? А как же. Без древнегреческой культуры и науки нельзя и мыслить себе нынешнюю науку и культуру. А достижения рабовладельческого Древнего Рима, они разве сейчас не присутствуют в снятом виде? В снятом виде присутствуют. Не непосредственно. Непосредственно у нас сейчас новая буржуазная Россия. А в снятом виде в ней содержатся достижения всех предшествующих формаций и даже более высокой –

коммунистической. Поскольку в снятом виде наличное бытие содержит в себе становление.

Как правильно представлять себе цепочку категорий? Некоторые говорят – рисуем схему. Вот чистое бытие, потом чистое ничто, потом становление, возникновение, прехождение, потом наличное бытие и что получается? Рядом категории поставлены. Но они же не рядом стоят, а одна из другой вытекает, и каждая предыдущая в последующей содержится. Поэтому если мы берем категорию какую-то, то это что такое? Это она и вся цепочка категорий, которая к ней привела и в ней содержится. Как вообще поступает настоящий историк? Он берет современность и смотрит, что к ней привело. Если он вообще не берет современность, то он занимается тем, чего нет. А если он изучает современность, не беря ее как результат предшествующего развития, то тогда он по сути дела современности не знает. Как можно понять без истории современность? Никак. Это ясно уже на таких простых категориях, которые мы изучаем, казалось бы, далеких от таких конкретностей, которыми занята голова любого историка. Ибо в этих всеобщих категориях отражается всеобщее движение. И оно есть в любом исследовании, если таковое научно. А если оно не научно, то человек отказывается от поисков истины и просто мнение высказывает. Каждый выскажет свое мнение, и что вы будете делать с этими мнениями? Допустим, у меня есть мнение, что до Луны 6 километров. Вас мое мнение устраивает? Это мнение, знания у меня нет такого. Мы обращаемся к науке,

надеясь получить знание или мнения? Гегель говорил, что надо мнение возвысить до знания, а не опускать знание до мнения. Мнений много, а знание одно. Потому что знание – это истина, а истина есть соответствие понятия объекту или соответствие объекта своему понятию. Если наше понятие изучаемому объекту не соответствует, значит, истины у нас нет. Ну, а если соответствует, тогда какое же тут мнение? Это уже не мнение, а знание истины, и у человека, который эту истину знает и убедился в том, что это истина, это не просто мнение, а это уже знание и еще и убеждение. Убеждение. Он не просто знает. Он убежден, что это так. И убежден не потому, что ему это в голову ни с того, ни с сего втемяшилось, и он это просто бездумно повторяет, а потому, что он достиг соответствия понятия исследуемому объекту и убедился, что таковое действительно имеет место.

Категория наличного бытия, демонстрируя налицо одно лишь бытие, вначале ничего не говорит нам, кроме того, что есть спокойное и простое. Возьмем для примера экзамен. Налицо это что такое? Вы приходите в красивой одежде, сидит экзаменатор, вы сдаете ему зачетку, получаете вопросы и отвечаете на них. Но на самом деле тут выясняются знания, они же не налицо, и их выяснение – это процесс. В понятии экзамена заключено не выяснение того, мимо чего прошли студенты, а выяснение того, что они усвоили. То есть экзамен – это испытание. Человек прошел испытание, выдержал экзамен. Выдержал, а не просто что-то сдал тому, у кого это есть. И готовясь к экзамену, каждый должен для

себя решить, он будет держать экзамен или сдавать. Донести знания до экзаменатора и сдать их ему, будто после экзамена они уже больше не понадобятся, или выдержать экзамен, проверить прочность своих знаний и с этими знаниями пойти в дальнейшую жизнь.

И каждый предмет, который нам представляется как спокойное и простое, мы, руководствуясь диалектической методологией, должны рассматривать как результат предшествующего движения. Вот мы видим здание исторического и философского факультетов Санкт-Петербургского государственного университета. Сразу вопросы: А когда оно было построено? А кто его создавал? А зачем? Вот аудитория. Почему она наклонная, а сейчас редко когда делают такие? Что, раньше дураки были, не могли горизонтальной сделать? Или, наоборот, понимали, что лучше, когда все видят преподавателя и преподаватель всех видит, и акустика хорошая. Или надо делать так аудитории, чтобы надо было кричать или устанавливать микрофон? Старые дома стоят. А если мы хотим узнать, какой дом новый, то надо узнать, какой упадет. Упал, значит, новый. У нас столько новых домов упало, и не слышно, чтобы кого-нибудь за это серьезно наказали. Зимой в Петербурге «война» идет. В физический или социальный процесс вступают глыбы льда, падающие с домов и убивающие людей? Это просто стихийное бедствие или городом так управляют и распоряжаются? Кто-то вообще должен смотреть, чтобы в городе над прохожими не нависали глыбы льда? Видимо, некогда

смотреть, надо переодевать милицию в полицию, и машины, на которых написано милиция, перекрашивать.

Мы стремимся к истине, хотим иметь знания, а не верить просто на слово, правда? Если речь идет о вере, то одни верят, что бог есть, другие верят, что бога нет. Это тогда совсем другая постановка вопроса. У нас наука или не наука? Наука. А есть в Петербурге христианский университет. Пожалуй, там совсем другая постановка вопроса. Считается, что есть бог, и верующие в это верят. Тех, кто раньше верил, а потом перестал, верующие называют отступниками. А тех, кто раньше не верил, а теперь на церковные праздники свечи держит, как некоторые государственные руководители, забывшие об отделении государства от церкви, народ называет подсвечниками. Потому что они не имеют никакого отношения к религии, а заигрывают с религией из конъюнктурных соображений. А вот прогрессивные буржуазные деятели эпохи просвещения выступали с самой острой критикой религии и церкви.

Какое бы мы ни взяли наличное бытие, оно есть результат снятия своего становления. В содержании категории наличного бытия – все предшествующие категории: и чистое бытие, и ничто, и становление, и моменты становления возникновение, и прехождение, все они в ней. И логический переход к наличному бытию связан с отрицанием беспокойного единства бытия и ничто. Диалектически рассматриваемая категория – это вся цепочка предшествующих категорий, да еще и не по отдельности взятых, а

взятых в процессе движения более простой к более сложной. Вот как надо понимать содержание категории. Это относится и к каждому человеку. В каждом как результате присутствуют давшие ему жизнь и воспитавшие его родители. Можно сказать, что в каждом родившемся есть его родители. В нем. Потому что он есть результат. В каждом человеке в снятом виде содержатся его родители, бабушки, дедушки и все предшествующие поколения. А его воспитание состоит в том, чтобы он еще и всю культуру в себя впитал, знания, которые имеет человечество к этому времени.

В порядке шутки можно сказать, что изучающие диалектику становятся подозрительными людьми. Подозрительными. Подозрение – это что такое? Вот зрение видит только то, что на поверхности, что выступает как наличное бытие, правда? Но есть то, что скрыто от зрения, что под зрением, и вот это, что непосредственно не видно, я *подозреваю*. Причем я подозревать могу и хорошее, и плохое, правда? Я вот подозреваю, что читатель этой книги освоит диалектику, что в этом плохого? Подозреваю и даже почти уверен. Последовательные логические ступени познания получили отражение в юридической практике и юридической науке. Бывает, что человека задерживают для выяснения личности, если у него нет с собой паспорта. По этому основанию больше чем на три часа задержать гражданина нельзя. Начнут по компьютеру пробивать, спросят адрес, попросят назвать, кого еще знаете. Начнут проверять, соответствуют данные или нет. Но больше чем три часа для выяснения личности вас задержать не

могут, даже если у вас нет паспорта. Вторая ступень – задержание по подозрению в совершении преступления. По подозрению в совершении преступления гражданина могут задержать и заключить в следственный изолятор временного содержания – СИЗО. Сколько можно там человека продержать без предъявления обвинения? По подозрению в совершении тяжкого преступления – не более десяти суток, и потом у вас я подозреваю есть намерения скрыться по окончании. И потом я больше вас уже никогда больше не увижу. Вот чтобы вас второй раз увидеть здесь, то я лекции могу читать у вас в СИЗО. Подозрение есть, но обвинения еще нет. Но через десять дней вам должны предъявить обвинение или отпустить. Если вы только подозреваемый, вы человек со всеми правами, а в СИЗО содержитесь временно. Но если вам предъявлено обвинение, то вы уже не подозреваемый, а обвиняемый, и если следователем выбрана мера пресечения – содержание в СИЗО, то вы там будете находиться, если мера пресечения не будет изменена, до снятия обвинения следствием или судом. Вы имеете право вместе со своим адвокатом знакомиться со всеми материалами дела, чтобы знать, в чем вас обвиняют. На суде вы уже будете в статусе не просто обвиняемого, а подсудимого и, может быть, докажете, что следователь был неправ, тогда вы будете не осужденным, а оправданным. Имеются случаи, когда человек находится два с половиной года в СИЗО как обвиняемый и еще два с половиной года как подсудимый, когда уже идет судебный процесс. И вот закончатся 5 лет,

справедливость восторжествует, вас тут же в зале суда судья освободит, и прокурор от имени государства принесет вам извинения. То есть путь познания правды и справедливости может оказаться долгим и тернистым.

В юридической науке и практике есть и другие интересные категории, которые характеризуют ступени познания. Например, есть следствие, а есть дознание. Следствие – это определение виновных и степени их вины по подозрению в крупных преступлениях. А если имеется подозрение в совершении более мелких преступлений, за которые закон устанавливает небольшие сроки лишения свободы, то такими уголовными делами занимаются уже не следователи, а дознаватели. Слово *дознание* с точки зрения логики допускает двойное толкование: с одной стороны, вроде еще знания нет, а до знания есть лишь подозрение или обвинение, с другой стороны, можно считать, что основные знания получены и для передачи дела в суд кое-что еще надо *дознать*. Чем не диалектическая категория! Но содержится в Уголовно-процессуальном кодексе РФ.

Сказанное подтверждает, что следует строго различать между тем, что есть *налицо*, и тем, что есть *в* наличном бытии. Так, в наличном бытии мы различили небытие, и вот это небытие сделали предметом специального рассмотрения. Например, если вы – человек хороший, но у вас есть недостаток, то это ваше небытие в вас. Есть люди без недостатков? Нет таких людей. И недостатки, говорят, есть продолжение достоинств.

Небытие, имеющееся в наличном бытии, или, другими словами, *небытие, принятое в бытие так, что конкретное целое имеет форму бытия называется определенностью наличного бытия.*

Если теперь мы будем специально рассматривать эту определенность, то есть брать ее отдельно, изолированно от наличного бытия, то *такая определенность, которая берется изолированно, сама по себе, есть качество.* Так определяется в «Науке логики» качество.

В литературе имеется много рассуждений про качество, особенно в его сравнении с количеством. При этом качество нередко противопоставляется количеству как нечто более важное и высокое, тогда как на самом деле качество – более простая категория, чем количество, которое всегда является количеством какого-то качества. К примеру, вы настаиваете на производстве высококачественных и, соответственно, очень дорогих пальто. Но что вы скажете тем, кто не будет иметь никакого, если будет решено производить высококачественные пальто, но меньше, чем число нуждающихся хотя бы в каком-либо пальто? Некоторые говорят – не важно количество, важно качество. Если я в пальто, мне, может быть, это и не важно. А если я без пальто, то мне важно, чтобы было такое количество, при котором я тоже получу пальто, у нас, в конце концов, не экватор. Говорят – не важно, что будет мало мяса, важно, что качество будет хорошее. Если мясо будет хорошего качества, но только олигархи будут есть это мясо, нас это устроит? Мы за олигархов будем, конечно, рады!

Как только мы качество логически оторвали от наличного бытия, взяли изолированно от него, про это качество нельзя сказать, хорошо оно или плохо. Дальнейший процесс логического движения состоит в том, чтобы преодолеть этот отрыв. На это прямо указывает Гегель, замечая, что качество еще не отделилось от наличного бытия, правда, оно уже и не будет никогда от него отделяться. То есть определенность можно взять изолированно, но только условно, вопреки тому, что она от наличного бытия не изолирована. Как мы можем изолировать качество? Допустим, имеется порядочный человек. Разве можно его порядочность брать изолированно от этого человека? Можно так сделать? Можно качество вырывать? Когда мы его логически отрываем от наличного бытия, мы отдаем себе отчет в том, что качество еще не отделилось от наличного бытия, правда, оно уже не будет от него отделяться. Как это доказывается? Что мы про качество можем сказать? Что оно есть. А раз оно есть, то оно бытие. Какое бытие? Наличное, потому что не чистое же. А наличное бытие есть результат снятия становления, значит, в нем есть становление, а в становлении есть ничто. Так вот мы нашли ничто, и вот это самое ничто, наличие этого ничто в наличном бытии нас ставит в такое положение, что мы не можем ограничиться рассмотрением качества как только безотносительно положительного. Мы должны рассмотреть его как бытие в противоположность ничто, и как ничто в противоположность бытию. И тогда мы получаем, что

качество надо брать не просто как качество, а как *реальность* и *отрицание*.

Теперь мы уже знаем не просто качество, а знаем его как реальность и отрицание. То есть надо отличать реальность и отрицание. Например, высокий значит не низкий. Это одно и то же качество, но взятое сначала как реальность, а затем как отрицание. Правящий класс, когда начинается революция, про революцию говорит, что это беспорядок, то есть представляет ее как отрицание имевшего место общественного порядка. Для революционного же класса революционный порядок есть реальность, а попытки сохранить или вернуть прежний порядок выступают как отрицание революции силами реакции. Чтобы быть объективными в оценке исторических событий, надо всегда смотреть, что здесь выражает позитивное начало бытия, а что выражает негативное. И если негативное состоит в отрицании чего-то негативного, тогда оно выступает как позитивное. Когда две различные группы одного и того же правящего буржуазного класса борются между собой, но одна опирается на реакционные силы мировой империалистической буржуазии, навязывающей всему миру свое господство, как это имеет место на Ближнем востоке, то это не революция, поскольку общественно-экономический строй не меняется. Та группа, которая победит, совершит не революцию, а переворот, хотя и будет выступать как реальность, подавляя свое отрицание. Грубо говоря, если одни других перестреляли, то те, кто победили, порядок установили. А те, кого перестреляли,

выходит, порядок нарушали. Тем, кто навел порядок, перестреляв своих противников, осталось только закрепить и прикрыть содеянное всенародным голосованием. Проводят голосование, и всегда большинство голосует за тех, кто противников перестрелял и победил. Когда США побомбят какую-нибудь страну, они всегда очень торопятся скорее провести выборы, чтобы легализовать содеянное. Или давайте вспомним, как было организовано у нас «принятие» ельцинской так называемой Конституции. Сначала танки стреляли по высшему законодательному органу страны, а потом гражданам на референдуме было предложено ответить на содержащий угрозу вопрос, принимаете ли вы Конституцию Российской Федерации. У нас ведь не голосовали ни за какой проект Конституции, хотя проектов известных было несколько. Был проект комиссии Румянцева, был тот проект, который сейчас выставляется как конституционная реальность, был проект Собчака, был проект Жириновского и был проект Слободкина. Никакие проекты на голосование просто не ставились, поэтому ни за какой проект никто и не голосовал. А что поставили на голосование? Только что стреляли из танков по Белому дому, а теперь ставится вопрос: «Вы принимаете Конституцию Российской Федерации?» А что такое Конституция – это та, которая была до голосования, все остальное – проекты. И никакого отношения к принятию новой Конституции вопрос о том, принимает ли Конституцию гражданин, не имеет. Потому что ни один из проектов не был поставлен на голосование, и ни один из проектов

новой Конституции Конституцией не является. Вы принимаете Конституцию? Если вы не принимаете, то вы вообще против действующего основного закона страны. А какой тогда действовал основной закон? Конституция РСФСР. Впрочем, принципиально новые законы обычно устанавливаются обычно в ходе революций, контрреволюций, войн или других насильственных действий. Буржуазные законы во Франции появились когда? Когда революционная буржуазия, среди которой были такие уважаемые люди, как Марат и Робеспьер, отрубили с помощью гильотины много голов. По закону рубили или без закона? Разве был закон рубить головы? А какая была законность до этого? Феодальная, которая защищала феодальную знать. Как наша буржуазия к этому насильственному попранию феодальных законов относится? Положительно, потому что демократы. У нас сейчас демократическое общество? Демократическое. Так что если вы в Петербурге пройдете по улице Марата, погуляете по набережной Робеспьера, вы лучше поймете, важно различать реальность и отрицание или не важно, важно ли знать, что является реальностью, а что отрицанием. Без этого не определить, какой политический деятель в истории был положительным героем, а какой отрицательным.

Вот сколько спорят, скажем, по фигуре Сталина. Как определить, каким он был политическим деятелем – положительным или отрицательным? На сегодняшний день после десятилетий попыток, начиная с хрущевских времен, представить

Сталина отрицательной политической фигурой, в общественном мнении, которое мы, конечно, не отождествляем со знанием, возобладала точка зрения, что Сталин в целом – позитивная фигура в истории России. Чтобы не остаться на уровне мнения, хотя бы и правильного, нужно рассматривать тот класс, выразителем интересов которого и вождем был Сталин. А Сталин не только у гроба Ленина поклялся осуществлять диктатуру рабочего класса, но и оставался верен этой клятве, доказывая это на деле. Но ведь у рабочего класса были недостатки? Было в нем отрицание или он был сугубо положительным без отрицательного? Маяковский писал, например: «Класс – он тоже выпить не дурак». Рабочий класс, будучи в целом революционным классом, имеет в себе отрицание? Например, мелкобуржуазность в рядах рабочего класса была, которая выражалась в стремлениях дать обществу поменьше и похуже, а взять побольше и получше? Разве не было таких явлений со стороны рабочих? Или рабочие только брали Зимний и активно участвовали в Гражданской войне и строительстве коммунистического общества? В целом рабочий класс – прогрессивный, революционный, с его движением связано улучшение положения всех трудящихся, но в нем есть и его отрицание, и об этом не следует забывать. Берем теперь авангард рабочего класса – коммунистическую партию. Это не значит, что авангард рабочего класса состоит только из рабочих. Авангард класса состоит из тех, кто: а) должен выяснять научно объективные интересы класса; б) вносить сознание этих интересов в класс и в)

организовывать класс на борьбу за его коренные интересы. Ленин разъяснял, что сам рабочий класс в силу своего положения не может выработать пролетарскую идеологию, он занят материально производительным трудом, и только отдельные выдающиеся рабочие могут прийти до диалектического и исторического материализма самостоятельно, как дошел до диалектического материализма кожевник Иосиф Дицген. Поэтому в партии есть выходцы из других классов. Известно, например, что Энгельс – фабрикант, Маркс – буржуазный интеллигент, Ленин – дворянин с 16 лет. Но в авангарде рабочего класса были и не столь последовательные выразители и проводники интересов рабочего класса. И вот когда мы берем авангард класса, разве в этом авангарде все только позитивно и нет отрицательных явлений? В каждом отдельном человеке есть, а если они вместе образуют авангард, то уже и нет? Вы верите в это? Но мы на вере не стоим. Мы знаем, что в каждом налицо или в целом позитивном есть негативное. Вот говорили, что партия – это Ум, Честь и Совесть нашей эпохи. Это верно было по отношению к большевистской партии. Но означает ли это, что бессовестности и глупости у тех или иных членов партии вовсе не было? Ленин в одном из писем замечал, что не только кадеты и эсеры, но и немалый процент большевиков не умеет думать, а только заучивает и повторяет слова. Идем дальше. Берем высший орган партии – съезд. На съезд посылают худших или лучших? Лучших старались, по крайней мере, посылать. Так если собрались лучшие из партии,

разве у них, кроме правильных, нет негативных, неправильных позиций? Есть. Тогда берем один из результатов работы съезда – съезд избирает Центральный Комитет. Центральный Комитет – это выражение революционности рабочего класса, прогрессивной роли его как самого передового. Но давайте вспомним одно из последних писем Ленина к съезду большевистской партии, в котором он разбирает и оценивает качества членов ЦК. Для Троцкого характерен небольшевизм, Пятаков страдает административным отношением к делу, Бухарин вроде бы любимец партии, считается теоретиком партии, но никогда не учился и никогда не понимал вполне диалектики, поэтому его теоретические воззрения с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, Сталин негативных политических и идеологических оценок не получил, но слишком груб. Так что и Центральный Комитет большевистской партии содержит в себе свое отрицание. И вот мы берем, наконец, генерального секретаря. Кстати, наименование должности «генеральный секретарь» тогда не с большой буквы писалось. Если человек большой, его должность обычно пишется с маленькой буквы, если обычный – его должность пишется с большой. Сталин был генеральным секретарем, а Брежнев – Генеральным. И вот мы берем теперь генерального секретаря ЦК ВКП(б) товарища Сталина. У ЦК, значит, в который съезд отобрал лучших из лучших, есть и отрицательные качества, а у его генерального секретаря Сталина отрицательных черт нет? А в целом как ЦК,

так и его генеральный секретарь являлись выразителями и проводниками интересов и воли рабочего класса. Ясное дело, что кому не нравится рабочий класс и его руководящая роль, диктатура пролетариата, тому и Сталин не нравится. Ему не нравится рабочий класс, партия рабочего класса, соответственно, и съезд и Центральный Комитет этой партии и, естественно, генеральный секретарь. Это вполне логично. А если кто стоит на позиции рабочего класса или, по крайней мере, признает всемирно-историческую, прогрессивную роль рабочего класса, тогда он должен признать и прогрессивную роль Сталина.

Означает ли сказанное, что мы не можем указать на минусы в деятельности Сталина. Вовсе не означает. Можно указать даже на теоретические минусы. Вот, скажем, у Маркса и Ленина всегда говорилось, что коммунистическое производство, в том числе и на первой стадии его развития, – это производство не товарное, а непосредственно общественное. Как разъяснял Ленин в «Наказе от Совета Труда и Оборона местным советским учреждениям», даже в переходный от капитализма к коммунизму период государственный продукт, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае, не только товар, уже не товар, перестает быть товаром. В «Замечаниях на книгу Бухарина «Экономика переходного периода» В.И. Ленин писал, что недостаточно указать, что при социализме производится не товар, а продукт, надо добавить, что при социализме это «продукт, идущий в потребление

не через рынок». Сталин правильно написал в работе «Экономические проблемы социализма в СССР», что средства производства при социализме не товары, а вот предметы потребления почему-то записал в товары. Эта двойственная, непоследовательная позиция Сталина выразилась и в том, что закон стоимости он объявил законом социализма. А закон стоимости, согласно Марксу и Энгельсу, – это основной закон товарного хозяйства, а, следовательно, и его высшей формы – капитализма. И разве может основной закон капитализма быть законом социализма? Так что корни реакционного, губительного для социализма движения на рынок можно, к сожалению, найти в некоторых отступлениях от в целом выдержанной марксистско-ленинской позиции и у Сталина.

И какой в итоге мы получаем вывод? Мы получаем вывод, что Сталин в целом – объективно позитивная, прогрессивная фигура. Субъективно же он позитивная фигура для тех, для кого позитивными является социалистическая революция, ее движущая сила – рабочий класс, уничтожение частной собственности, построение социализма и развитие его в полный коммунизм. Для реакционеров же и врагов социализма Сталин – отрицательная фигура, понятное дело, а как же еще? Если я против диктатуры рабочего класса, неужели я буду выступать за того, кто ее осуществляет? Таким образом, мы приходим к выводу, что антисталинизм – это одна из форм антикоммунизма. Диктатура пролетариата – свобода для тех, кто стоит на позициях рабочего

класса, а если кто стоит на противоположных позициях, какая же ему свобода? Это не свобода, это ужас, кошмар.

В вопросе о том, что является свободой, мы также должны стоять на научных позициях. ***Свобода – это господство над обстоятельствами со знанием дела.*** А когда над нами обстоятельства господствуют, это не свобода. А некоторые думают, что свобода сводится к возможности выбора, дескать, если я могу выбрать, выпрыгнуть мне в окно или повеситься, это уже свобода. Но не надо путать свободу и произвол. Если вам сделали стипендию 1100 рублей, то вы можете произвольно выбирать, как вам прожить на 1100 рублей, если прожиточный минимум 6 900 рублей, но свободой тут и не пахнет.

Выраженное философскими категориями всеобщее мы должны видеть во всяком конкретном, в единичном и особенном. Все исторические явления имеют какую-то особую форму в разных странах, в разные времена, при разных политических личностях, все совершается по-разному, но, с другой стороны, все имеет нечто всеобщее, выраженное с помощью всеобщих категорий, всеобщих законов природы, общества и мышления. Так любое наличное бытие есть спокойное и простое, но в нем есть небытие, которое есть его определенность, качество, и качество выступает как реальность и отрицание.

Рассмотрим реальность и отрицание. Что мы можем сказать про реальность? Что она есть. А раз она есть, то что она есть? Бытие. Только что она была качеством, то есть определенностью, а

выяснилось, что она – бытие, то есть что состоялось ее логическое превращение в бытие. Мы рассматривали качество, то есть определенность саму по себе, тем самым мы ее оторвали от наличного бытия, а выяснилось, что она есть бытие. А какое бытие? Наличное. Значит, неотделима оказалась эта реальность от наличного бытия. А раз качество есть наличное бытие, то что *в нем* есть? Становление. В становлении же, кроме бытия, есть ничто. Значит, в реальности есть отрицание. А про отрицание, как только мы его сделаем предметом рассмотрения, мы вынуждены сказать, что оно есть. А раз есть, то, значит, оно бытие и, следовательно, отрицание есть реальность. И что мы получаем? Мы вначале развели реальность и отрицание как не тождественные одно другому, а получилось, что они одно и то же. Это значит, что их различие снято. Что значит снято? Снятие – это отрицание с удержанием, то есть различие удерживается в этом отрицании, но оно снято, и налицо отсутствие различия.

Давайте теперь соберем урожай. У нас были по отдельности наличное бытие и качество, которое выступило как реальность и как отрицание. Теперь выяснилось, что реальность есть наличное бытие и отрицание есть наличное бытие и различие между ними снято. И одновременно снято различие между качеством и наличным бытием, поскольку качество оказалось наличным бытием. Все эти различия сняты. И вот ***такое наличное бытие, от которого определенность неотделима, поскольку реальность и отрицание неотделимы друг от друга и от***

наличного бытия, такое наличное бытие – это определенное наличное бытие. Не отдельно определенность и отдельно наличное бытие, а *определенное наличное бытие.* Если брать пример с таким качеством человека, как ум, то теперь уже берется ум не отдельно от человека и не человек отдельно от ума, а человек как *определенное наличное бытие*, то есть как *умный человек.*

Теперь мы имеем определенное наличное бытие. Эта категория называется еще *«налично сущее»*. Гегель подобрал очень удачное выражение – *налично сущее*. Почему удачное? Потому что оно выражает одновременно и определенность, и наличное бытие. Налично сущее на какой вопрос отвечает? На два. Во-первых, на вопрос: «Это что?» Налично сущее. Во-вторых, на вопрос «Какое?» Налично сущее. Таким образом, имеем укороченное название определенного наличного бытия – *налично сущее*. Есть и еще более короткое название. Почему при прочих равных желательно иметь и более короткое название? Прежде всего для того, чтобы легче усвоить. Зачем обязательно длинное выражение в голове держать, если можно данную категорию удержать в кратком выражении. В самом кратком выражении определенное наличное бытие или *налично сущее* называется *нечто*. Частица «не» пишется вместе с «что». Нечто – это позитивная категория? Позитивная. И при этом впереди стоит «не». Мы считаем ее позитивной категорией, хотя написано «не». На примере этой категории особенно ярко видно, что человеческая мысль привыкла оперировать с категориями, в которых хотя и имеется отрицание,

наличие этого отрицания отнюдь не делает весь предмет отрицательным. Точно так же, как наличие у человека недостатка, отнюдь не делает его плохим человеком. Но если в человеке верх возьмут его недостатки, то это уже не будут недостатки, они будут, наоборот, в целом характеризовать человека как отрицательного, а для него отрицательными будут какие-либо положительные качества, которые будут выступать как его недостаток. Если чего-то не хватает подлецу для того, чтобы считаться законченным подлецом, так это устранения тех положительных качеств, которые у него еще остались.

Теперь мы должны взять в качестве предмета рассмотрения *ничто*. Что мы можем знать про то, что только еще взято для рассмотрения? Мы знаем, что оно есть и откуда или из чего оно произошло. Раз нечто есть, оно, следовательно, бытие. Какое? Наличное. А в наличном бытии, поскольку оно есть результат снятия становления, есть ничто. Значит, нечто должно быть взято как становление, моментами которого являются два нечто. Должно быть взято. А взято оно? Пока нет. А как это выражается? Так, что нечто есть *в себе* становление. Человеку, непривычному к философской терминологии, это может быть непонятно. Что значит есть *в себе*? Это значит, что потенциально есть, еще не развернулось. Например, кто такой студент? Студент есть в себе, то есть в потенции, специалист.

Нечто есть в себе становление и, следовательно, нечто должно развернуться как становление, моментами которого уже будут не

просто бытие и ничто, а два нечто, два определенных наличных бытия. Но это есть лишь в себе. А Гегель говорит, что надо различать между тем, что есть в себе, и тем, что положено, то есть тем, что уже развернулось. Нечто есть в себе как становление, но еще не положено, еще не развернулось как становление. Вот если мы возьмем зерно и будем исследовать, то в нем обнаружим зародыш, из которого потенциально может вырасти колос. Зерно – это колос в себе, но зародыш в колос еще не развернулся. Или вот про осень говорят, что это пора грустная. А почему грустная? Когда почки образуются – весной или осенью? Почки на деревьях образуются осенью. Листья отчего падают? Они падают потому, что их выталкивают образующиеся почки, которые есть в себе листья. Деревья сбрасывают на зиму то, что зиму не переживет, а почки мороза не боятся. Ничего им не сделается зимой, им морозы нипочем. Да, надо различать между тем, что есть в себе, и тем, что положено. Но то, что еще не положено, но есть лишь в себе, все равно уже есть. В неразвернутом виде оно есть.

Раз нечто есть в себе становление, значит, нечто должно развернуться в становление, моментами которого являются два нечто. Одно из них, олицетворяющее бытие, называется нечто. А нечто, олицетворяющее ничто, по другому должно называться. Это *другое* или *иное*. Что является противоположностью нечто? *Другое*. А можно сказать: «*иное*».

Теперь, следовательно, имеется нечто и иное. Но раз нечто пока есть лишь в себе становление, нечто и иное пока

присутствуют не в единстве. Есть нечто, и есть иное. Но ведь иное это тоже нечто. И по отношению к этому иному, взятому как нечто, то нечто, с которым мы имели дело, это иное. Можно сказать, безразлично, что считать нечто, а что считать иным. Каждое есть нечто, и каждое при этом есть иное по отношению к другому нечто. Раз нечто и иное не положены еще как моменты становления, они не положены еще как единство противоположностей, и поэтому безразлично, какое из этих двух нечто называть «нечто», а какое «иное».

Обратим теперь внимание на то, что сначала мы нечто рассматривали само по себе, затем нечто по отношению к иному и иное по отношению к нечто. Осталось рассмотреть иное по отношению к самому себе.

Логически мы подошли к тому, что будем рассматривать иное, но не как иное по отношению к нечто, а как иное по отношению к самому себе. Иное по отношению к самому себе это что? Это иное самого себя, то есть иное иного. А что такое в рассматриваемой ситуации иное иного? *Иное иного есть иное.*

Давайте обдумаем, какие выводы можно сделать из утверждения, что *иное иного есть иное*. Логическое содержание данного утверждения позволяет сделать два вывода. Первый – что иное как было, так и осталось иным, иное иного есть иное же. То есть можно констатировать *равенство* иного с собой. Но если по-другому на это утверждение посмотреть, получаем, что иное иного есть иное, другое, не такое. Получаем вывод о *неравенстве*

иного с собой. Но ведь иное – это нечто. Тогда имеем два противоположных вывода про нечто или один диалектический в двух предложениях, что нечто содержит в себе два момента: равенство с собой и неравенство с собой. А моменты неотделимы друг от друга, когда берешь один, в нем уже светится другой, противоположный. Когда я говорю, что иное иного как было иное, так и осталось иным, это воспринимается с недоверием, так как через равенство с собой высвечивается неравенство с собой. Точно так же, когда я говорю, что иное иного это другое, не такое, хотя и иное, это тоже воспринимается с недоверием, хотя это содержится в самом понятии «иное», поскольку став иным, оно же осталось тем же самым. Это единство противоположных утверждений и выражает то, что равенство с собой и неравенство с собой – это два момента одного нечто. То есть нечто есть единство двух своих противоположных моментов – равенства с собой и неравенства с собой. И эти моменты нечто имеют в диалектике свои названия.

Нечто – очередная всеобщая категория. Все есть нечто. Есть что-нибудь, что не нечто? Государство – это нечто? Нечто. Общество – нечто? Нечто. Политические, исторические деятели – нечто? Нечто. Институты общественные, государственные – нечто? Нечто. Материальные остатки умерших цивилизаций, черепки, которые добыли археологи, – это нечто? Нечто. А что не нечто? Как раньше мы говорили, что все есть бытие, все есть ничто, все есть становление, все есть наличное бытие, все имеет свое

качество, выступающее как реальность и как отрицание, так теперь мы можем сказать, что *все есть нечто*.

Итак, нечто есть единство двух своих противоположных моментов – равенства с собой и неравенства с собой. Про моменты мы с вами помним, что это неотделимые друг от друга, то есть нельзя говорить об одном, не имея в виду и другой. Нет никаких отдельных друг от друга равенства с собой и неравенства с собой. Есть и то, и другое. И вот это в выражении «иное иного есть иное» очень хорошо выражено. Это неотделимые друг от друга два противоположных движения, которые должны быть взяты в неразрывном единстве. Непременно в единстве одно с другим. Осталось только вспомнить, как называются эти моменты. Момент нечто, означающий его равенство с собой, называется «в-себе-бытие». А момент нечто, означающий его неравенство с собой, называется «бытие-для-иного».

Приведем пример «бытия-для-иного». Вот есть такое понятие – компрадорская буржуазия. Компрадорская буржуазия – это наша буржуазия? Если я нашу беру буржуазию и в ней начинаю различать разные противоположные моменты, выделяю компрадорскую буржуазию, которая свою прибыль получает от разрушения отечественного производства в интересах иностранного капитала, почему же она не наша-то? Вам она не нравится? Ну и что, все равно наша она. Наша. Вот нам свои недостатки не нравятся. Но они же все равно наши, не чужие. А мои недостатки – во мне, а не в ком-нибудь другом. Берем нашу

буржуазию. Нашу. В нашей буржуазии берем тех, кто пытается, эксплуатируя рабочих, выполнять свою историческую миссию. А какая историческая миссия у капиталиста? Развивать производительные силы. Если он производительные силы развивает, он не перестает быть эксплуататором и, наоборот, будучи эксплуататором, он может развивать производительные силы, даже если он непосредственно не ставил такой задачи. Это объективный процесс. Ведь капитал – это самовозрастающая стоимость, а не самоубывающая. А капиталист, не развивающий, а уничтожающий производство – это капиталист, не отвечающий своему понятию, шантрапа, жулик, мошенник, гнать которого надо поганой метлой, и предприятие которого необходимо национализировать немедленно, не дожидаясь никакой социалистической революции, потому что он не отвечает критерию, который предъявляется к капиталисту. Капитал – это самовозрастающая стоимость, возрастающая. А у нас что? Один завод закрыли, другой завод закрыли, третий закрыли. Общество превращается в постиндустриальное, когда индустрия оказывается в прошлом. Будем сидеть у трубы, гнать за границу нефть и газ и все будем закупать за границей. Тапочки скоро будем закупать за границей. И вот этому процессу уничтожения отечественного производства сильно способствует деятельность компрадорской буржуазии, которая получает прибыль не от развития отечественного производства, а от его уничтожения. Например, Выборгский ЦБК в Ленинградской области был новейшим, мог

делать любые образцы бумаги, он успешно конкурировал с крупнейшими бумажными комбинатами Европы, но его довели до такого состояния, что он может делать теперь только обои. Конкуренты вряд ли поскупились бы заплатить много денег тому, кто это сделал, ибо это им экономически выгодно. Так если есть люди, которые готовы платить, то есть и такие люди, которые готовы получать. Образовался целый слой буржуазии, которая получает свою прибыль от уничтожения отечественного производства. Преуспевающий олигарх Дерипаска, например, больше всего прославился своей деятельностью по уничтожению Горьковского автозавода и снятием с производства пользовавшейся в России неизменным спросом автомашины «Волга». Это бытие-для-иного. Бытие-для-иного и те, кто на всех углах твердит, что в этой стране было, есть и будет всегда все плохо. Это наши люди. Наши. Это наши люди, они всю жизнь будут здесь жить и всю жизнь будут охаивать и оплевывать свою Родину. Дескать, вот у них там все хорошо, а у нас все плохо. Мы ничего не можем сделать, а потому не надо и браться. И этим людям бесполезно приводить данные о том, что Россия в 2011 году совершила 32 пилотируемых запуска в космос, а США только 16, и до 2015 года космонавтов на международную космическую станцию будут доставлять только российские космические корабли. Нашим экономическим и политическим конкурентам очень нужны такие люди, которые бы в России жили и доказывали бы, что Россия развиваться не может. Так вот компрадорская

буржуазия – это такая буржуазия, которая свою прибыль получает от успехов конкурирующего с отечественным иностранным капитала. Есть и такая буржуазия, которая занимается развитием отечественного производства до тех пор, пока ей не предложили больше денег за его уничтожение. А много ли среди капиталистов тех, кто откажется от большей суммы ради меньшей? Поэтому компрадорская и не компрадорская буржуазия находятся в единстве, представляют собой моменты, а не просто разные части буржуазии. Компрадорская буржуазия активно лоббирует закупки иностранных самолетов, оставляя без средств для развития отечественное самолетостроение. Берутся компрадоры и за уничтожение ведущих предприятий отечественного кораблестроения, что особенно ярко проявилось в попытках вытеснить с занимаемой территории строящие атомные подводные лодки Адмиралтейские верфи. Есть и государственные чиновники, всюю помогающие нашим компрадорам. Чем ехать для заключения контракта на Урал, в Нижний Тагил или Ижевск, им больше нравится отправиться для закупки иностранной продукции во Францию или Италию. Ну, чего там в Нижнем Тагиле хорошего, чтобы ехать туда в командировку, чтобы давать заказ на танки, если можно поехать в Израиль или Германию? А кто нам будет запчасти в случае военного конфликта поставлять? Петр I ездил на Запад. Но он там плотничал, чтобы узнать, как здесь в России строить корабли. Он создавал Российский флот или собирал деньги, чтобы купить флот за границей? А вот Горбачев вполне

подпадает под категорию бытия-для-иного. Он лучший немец и худший русский. Будучи президентом СССР, он вел линию на уничтожение СССР. Его преемник Ельцин занялся уничтожением России. К бытию-для-иного вполне можно отнести радиостанцию «Эхо Москвы», хотя эта радиостанция выражает позицию бытия-для-иного с отдельными исключениями. Например, там регулярно предоставляют слово известному публицисту-патриоту главному редактору газеты «Завтра» Александру Проханову, как бы демонстрируя, что их бытие-для-иного находится в единстве с его в-себе-бытием.

А в-себе-бытие это что такое? Это равенство с собой. Каждый, кто читает эту книгу, равен самому себе или нет? Есть кто-нибудь, кто не равен самому себе? И в то же время каждый не равен самому себе. Если бы читатель этой книги дочитал до этих строк и по-прежнему был бы только равен себе, это бы означало, что чтение прошло зря. Кто виноват? Автор, разумеется. Я пытаюсь быть не равным самому себе, чтобы не остались только равными самому себе читатели, а продвинулись бы в понимании категорий социальной философии. А если читатель только не равен самому себе, то того, кто начал читать эту книгу, вообще уже нет. И если у вас, дорогой читатель, допустим, фамилия Петров, а вы стали совсем другим, то не надо прятаться за ту фамилию, которая раньше была, вы теперь другой человек. То есть если мы неравенство с собой абсолютизируем и оторвем от равенства с собой, то получается ерунда.

Те моменты нечто, которые мы сейчас рассматриваем, к чему относятся? Ко всему. Возьмем Российское государство. Советский Союз – разве это была не историческая форма существования Российского государства? Была царская Россия, свершилась революция, и от России отпали Финляндия и Польша. Если после установления в России Советской власти думали, как назвать Советскую Россию, – то ли РСФСР, то ли Советский Союз, и, в конце концов, решили назвать Советский Союз, то разве от выбора такого названия не стало России? СССР – это историческая форма существования Российского государства. Название другое! А если человек поменяет фамилию, разве он не тот же человек? После контрреволюции 90-х годов территория России и население уменьшились почти вдвое, но Россия же не исчезла. И даже когда был придуман раскалывающий Россию на отдельные субъекты федеративный договор, Россия не перестала быть единым централизованным государством. В чем был смысл ельцинского федеративного договора с превращением областей единого государства в субъекты, которые как бы соединились в Российскую Федерацию? Чтобы начать процесс разделения России на карликовые государства со своими законами и правительствами. Но не получилось. В том числе и потому, что Путин помешал, он очень сильно помешал этому процессу, и можно его за что угодно критиковать, но это выдающееся достижение Владимира Владимировича. Он эти тенденции распада России самым жестким образом пресек.

Таким образом, мы с вами сделали важный и интересный вывод – всякое нечто есть единство в-себе-бытия и бытия-для-иного. Как называется такое нечто? *Изменяющееся нечто*. Или, как сейчас говорят, – а вы что подумали? Вы как бы назвали? А как вы понимаете *изменяющееся нечто*? Только так и можно понимать. Если нечто только не равно самому себе, почему тогда оно изменяется? Нет уже этого «оно». Все время разные, разные, разные «они». Просто разные совершенно нечто, не связанные друг с другом. Если нечто изменяется, то оно есть и равенство с собой, а неравенство с собой выражается как раз в единстве неравного с равным. Поэтому древнегреческий философ Гераклит и писал, что мы входим в одну и ту же реку и не входим в одну и ту же реку одновременно. Мы входим в одну и ту же реку, но за то время, пока мы входим в нее, в ней все уже поменялось, и вода и русло немного, поэтому, входя в одну и ту же реку, мы входим не в одну и ту же реку, чего некоторые люди, которые не знают диалектики, никак не могут выразить. Говорят, например, что нельзя два раза войти в одну и ту же реку. Как же нельзя? Можно войти в одну и ту же реку и в то же время не в одну и ту же. А если некоторые деятели считают, что два раза нельзя войти в одну и ту же реку, значит, надо в разные входить. Ну, если я один раз войду в Охту, а другой раз в Неву, это не будет два раза в одну и ту же реку, это будет по одному разу в разные реки. Однако смысл любого диалектического высказывания в том, что в нем в единстве удерживаются прямо противоположные утверждения.

Ясно, таким образом, что такое изменяющееся нечто. Это равное и неравное себе нечто одновременно. То есть мы познали абсолютную истину в этом вопросе. Если нас спросят, что такое изменяющие нечто, мы ответим, что это нечто, которое есть равенство и неравенство с собой одновременно. Что тут непонятного? Не думаю, что надо добиваться титаническими усилиями, усилиями умственной воли сохранения этой категории в нашем сознании, усвоенные категории должны сами сохраняться в силу той внутренней связи, которая между ними есть, если усваивается сама эта связь.

Итак, мы знаем, что такое изменяющееся нечто. Это нечто как единство двух своих моментов – бытия-в-себе и бытия-для-иного. Но если эти моменты в единстве, то в каждом из них есть момент своего другого. Можно, следовательно, сделать вывод, что во в-себе-бытии есть также бытие-для-иного. Не может быть такого, чтобы два момента находились в единстве друг с другом и не было бы взаимопроникания. В каждом моменте есть его иное, значит, во в-себе-бытии есть и бытие-для-иного. И наличие во в-себе-бытии бытия-для-иного противоречит определению в-себе-бытия. Но это уже противоречие самого в-себе-бытия. В себе-бытие борется против этого бытия-для-иного внутри себя и выступает поэтому как момент в-себе-бытия, момент равенства с собой во в-себе-бытии, противостоящий бытию-для-иного во в себе бытии, то есть как бы внутри себя очищающийся от него. Так, например, партия рабочего класса противостоит буржуазии, но оказывается, что в

партии рабочего класса есть и те, кто в том или ином вопросе тянет руку буржуазии, уклоняется в буржуазном направлении, и партия рабочего класса сохраняет себя тем, что от этих уклонистов себя очищает. Или наоборот, если взять буржуазную партию, там оказываются люди, которые симпатизируют рабочим, и буржуазия стремиться изгнать их из партии.

Во в-себе-бытии мы обнаружили бытие-для-иного. Следовательно, в-себе-бытие противостоит бытию-для-иного во в-себе-бытии. Такое в-себе-бытие – это как бы ядро ядра. И вот ***такое в-себе-бытие, которое противостоит во в-себе-бытии бытию-для-иного называется в-нем-бытием или просто «в».*** Приведем пример, чтобы было понятней. Вот у нас есть недостатки? Есть. Это наше отрицание в нас. И нас без этих недостатков нет. Мы же не можем себя распилить пополам и сказать, что вот это – положительная наша часть, вот она какая большая, а вот это – отрицательная наша часть, видите, какая маленькая. Это аппендицит можно вырезать, а с недостатками надо бороться. Что из нас надо изъять, чтобы осталось только хорошее? Такой операции не получается. Борясь со своими недостатками, я отрицаю в себе свое бытие-для-иного, но я не могу его так отрицать, чтобы его вообще не было, я просто все время его отрицаю, все время себя очищаю. Вот я все время борюсь против своих недостатков. Вы против своих недостатков боретесь? Удалось вам победить? И мне не удастся, но борьба идет успешно, но так, чтобы их вообще не стало, не получается. Если у кого есть

такие результаты, кто полностью излечился от своих недостатков, тот пусть сообщит об этом, потому что это величайшее достижение, – такое не видано, не слыхано. Другой пример. Можно ли победить бюрократизм так – поймать всех бюрократов и утопить, чтобы не было никогда бюрократизма? Так могут думать люди, которые не понимают, что бюрократизм – это определенность, некоторое отрицание государственной деятельности, отрицание ее в ней самой, а речь ведут о законченных бюрократах. Бюрократ – это уже воплощение бюрократизма, таких воплощений не так уж и много, а бюрократизм – это широкое явление, болезнь, которая есть у очень многих чиновников. Это не нарыв, который надо вырезать, а болезнь, которую приходится очень долго лечить. И главное средство, главное лекарство от бюрократизма – это всеобщее участие в управлении государством. Для буржуазного государства это вообще невозможно. Для социалистического возможно, если всеобщее участие в государственном управлении организационно через Советы, избираемые по фабрикам и заводам, и материально, через увеличение свободного времени, обеспечено.

Таким образом, *момент нечто, состоящий в отрицании во в-себе-бытии бытия-для-иного или утверждении во в-себе-бытии в-себя-бытия с отрицанием бытия-для-иного, называется в-нем-бытием или, как отмечает Гегель, просто «в».*

Теперь мы, следовательно, знаем в нечто три момента. Не только в-себе-бытие и бытие-для-иного, но и в-нем-бытие или просто «в». Где есть эти моменты, в чем? Во всем. Если в человеке, то его бытие-для-иного – это его недостатки. Если в государстве, то его бытие-для-иного – это государственные болезни: бюрократизм, карьеризм, ведомственность, местничество, коррупция. Коррупция – это выражение государства или это отрицание государства? Отрицание. Мы, говорят, с ней боремся. А как вы с ней боретесь? А так, что мы смягчаем за нее наказание. Это уже бытие-для-иного в самом в-себе-бытии, то есть с коррупцией вроде бы и борются, но в этой борьбе есть и другая, противоположная борьба, раньше конфисковывали имущество у взяточников и сажали их в тюрьму, а теперь, если взяточник взял сто взяток и на одной его поймали, то он за последнюю заплатит в несколько раз больше и свободен, уголовной ответственности нет. Если бы я был коррупционером или сочувствовал коррупционерам, я бы обязательно дал каким-либо партиям в их избирательные фонды много денег, чтобы они провели такие законы. Например, о гуманизации борьбы с коррупцией. Я-то раньше по темноте своей думал, что гуманность – это когда к людям, к большинству людей гуманизм проявляется. Нет. Оказывается, гуманизм надо проявлять к тем, кто ограбил, убил, взял взятку, вот к ним. Тех, которых убили, все равно уже нет, а есть убийца. Надо ему теперь наказание смягчить. Вот маньяк, он 60 человек убил, их уже нет, тех людей, а есть живой человек, который их убил, давайте к нему проявим

гуманизм и не будем его приговаривать к смертной казни. И не приговаривают, поэтому каждый преступник знает, что может вас убить, и государство ему гарантирует, что смертную казнь за это он не получит. Темные люди считали, что смертную казнь должны отменять господа убийцы, и тогда не надо будет применять смертную казнь. Если никто никого не убивает, никого и не привлекают к смертной казни. Оказывается, нет, пусть они нас убивают, а государство смертную казнь к убийцам применять не будет. Вот такие мы демократы и гуманисты. А если у вас есть деньги, много денег, ваша жизнь дороже, и вы можете нанять себе частных охранников. Наше бытие-для-иного равняется на США, ну, так и равнялось бы, ведь в США есть смертная казнь. Вот какие мысли приходят, если дойти до категории в-нем-бытия. Но если зафиксировать ее место в системе категорий диалектической логики, – это важная категория, без которой не понять, что такое *определение*.

В изменяющемся нечто обнаружилось три момента. Каков дальнейший ход рассуждений? Какая логика дальше может быть? Давайте вспомним, что такое нечто. Это определенное наличное бытие. А мы чем пока занимались? Бытием, бытием, бытием. Бытие-в-себе, бытие-для-иного, в-нем-бытие. Но ведь нечто – это не просто наличное бытие, а *определенное* наличное бытие. А определенность неотделима от наличного бытия. Значит, все, что мы выяснили для бытия, то есть наличие в нем в-себе-бытия,

бытия-для-иного и в-нем-бытия, все можно отнести и к определенности.

Теперь остается только собрать плоды, можно сказать, трудов наших необычайных. А именно, берем определенность. Раз теперь мы заинтересовались отдельно определенностью, она выступает как изолированная определенность, как качество. Как только мы ее берем одну, саму по себе, то есть изолированно от наличного бытия, она подпадает под категорию качества. Так вот берем *качество, которое есть в себе в простом нечто*. Чтобы было понятно, что здесь сказано, надо вспомнить, что такое в-себе-бытие. Это равенство с собой. Следовательно, мы берем *такое качество, которое сохраняется, остается равным себе в изменяющемся нечто*. И берем его в единстве с другим моментом нечто – с в-нем-бытием. То есть не такое качество, которое сегодня есть, а завтра его уже нет, а такое, которое удерживается и сохраняется в изменяющемся нечто. То есть качество, которое есть в себе в нечто. Берется такое качество, которое, во-первых, сохраняется в изменении, и, во-вторых, находится в единстве с в-нем-бытием. А что значит в единстве с в-нем-бытием? Что оно противостоит бытию-для-иного во в-себе-бытии, а раз оно находится в единстве с бытием-для-иного, то оно в себе противится переходу в иное, сохраняет и удерживает себя в изменении. В результате имеем *качество, которое есть в себе в простом нечто и находится в единстве с другим моментом этого нечто – с в-нем-бытием – определение*. То есть

определение – это качество, которое в изменении сохраняется и противостоит иному. Например, если кто порядочный человек, то он порядочный не только тогда, когда нет никаких испытаний, а порядочный при любых испытаниях.

Итак, определение есть качество, которое есть в себе в простом нечто и находится в единстве с другим моментом этого нечто – в-нем-бытием, то есть не просто безразличное равенство с собой, нет, это такое качество, которое не только есть в себе, то есть сохраняется, но и активно противостоит своему переходу в иное, наоборот, оно восходит к иному и на него влияет, а не само легко поддается влиянию. Хотя, конечно, нетрудно понять, что если нечто влияет на другое, значит, другое влияет на нечто. Например, адвокаты защищают преступников и поэтому находятся в самой тесной связи с преступным миром, среди адвокатов тоже появляются преступники.

Теперь мы знаем, что, кроме определенности, имеется более сложная категория – *определение*, то есть качество, которое есть в себе в простом нечто и находится в единстве с другим моментом этого нечто – в-нем-бытием. Это научное диалектическое определение определения. Но если вы сейчас откроете любую рядовую книжку или словарь, где говорится об определении, то прочтете, что определение – это совокупность признаков, свойств и т.д., как мешок, в который накидали всего, все это собрали и назвали определением.

Мы теперь уже на такой стадии, что различаем определенность и определение. Напомним, что определенностью называется небытие, принятое в бытие так, что конкретное целое имеет форму бытия – и все. А мы дошли до определения, которое по сравнению с определенностью – гораздо более сложная категория. Например, *определенность* человека – это просто наличие мочек на ушах. Берем животное, как только мы обнаружим у него мочку, сразу вывод, что это человек, нет мочки – не человек. Это определенность. Единственная беда в том, что люди могут в аварии побывать, лишиться не только мочек, но и целиком ушных раковин, а мы их еще и из людей вычеркнем. Нехорошо получается. А *определение* человека? Гегель говорит, что определение человека есть мыслящий разум. И что тогда можно сказать про человека, который потерял разум или попросту сошел с ума? Кто он тогда такой? Человек, который не соответствует определению человека. Гегель, когда уже дошел до понятия, пишет, что дурной человек – это человек, не соответствующий своему понятию. Если определение человека – ум, а он дурной, то как раз главного, что выражается в определении, у него нет, хотя все остальное у него есть. Энгельс развил гегелевское определение человека, развил в том смысле, что он не перечеркнул и не противопоставил ему ничего, а еще выделил некоторые моменты, с этим связанные, связанные как раз со становлением разума, потому что этот разум становится, во-первых, благодаря тому, что человек есть общественное животное, а не просто животное. Во-вторых,

трудящееся животное. В-третьих, говорящее. И, в-четвертых, разумное. Труд создал человека. Из труда вытекла необходимость в развитии знаковых систем. Разумным стал человек потому, что он общественный, трудящийся и говорящий. Но он не просто говорит, он может выразить в понятиях мысль и передать ее другому человеку, а если я могу говорить как попугай, но выразить мысль и передать ее другому человеку не могу, то я, значит, не человек или не вполне человек, то есть дурной человек. Отсюда определение человека: *человек есть животное общественное, трудящееся, говорящее и разумное.* Но это определение. А для определенности достаточно наличия мочек на ушах. Тех, кто с ума сошел, лишают права голоса, то есть их даже и политически не признают вполне за человека. Более того, если сумасшедший зарезал человека, его не сажают в тюрьму, он не подлежит уголовному наказанию. По иронии истории у нас и семья Ельцина была заранее освобождена от уголовного наказания, что делается только по отношению к тем, кто не отвечает определению человека.

Определение определения мы получили, взяв качество только как в-себе-бытие, а что можно сказать про определенность, которая есть лишь бытие-для-иного, противопоставляется определению, но есть та же определенность, что и определение. *Такая определенность, которая есть лишь бытие-для-иного,* это что такое? Вот тут дороги переводчиков «Науки Логики» Гегеля в фундаментальном собрании сочинений Гегеля и других изданиях разошлись. В собрании сочинений Гегеля *такая определенность,*

которая есть лишь бытие-для-иного, называется характером.

В других изданиях эта определенность наличного бытия безосновательно называется свойством. Однако категория свойств в системе категорий «Науки логики» появляется только во второй книге «Науки Логики» – в Учении о сущности. Здесь же речь может идти лишь о характере. Если у меня есть определение мое как человека, то оно проявляется по отношению к другим людям как мой характер. Если человек хороший, то это определение получит свое выражение и воплощение в характере этого человека, в его отношениях с другими людьми. А если человек – подлец, то в характере его это тоже уж обязательно проявится, то есть как внутреннее, выступающее вовне. Вообще нельзя внутреннее рассматривать как отделенное от внешнего, поэтому Гегель говорит, что через характер можно проникнуть в определение и изменить его. Мы многократно убеждались в этом, видя, как путем реформирования, то есть путем изменения формы, в корне изменяли содержание или уничтожали его. Поэтому нужно, чтобы у нас зрение было философски подготовлено, то есть чтобы мы все моменты изменяющегося нечто видели и различали.

Одна и та же определенность выступила теперь двояко: как определение и как характер. Мы различаем, что есть определение, а что есть характер, имеем две разные категории. Но это одна и та же определенность, выступающая то как определение, то как характер. Одна и та же определенность, если она берется как в-себе-бытие в единстве с в-нем-бытием –

определение. А если она берется лишь как бытие-для-иного, то это характер.

Мы рассмотрели не так уж много категорий. Но если человек знает, что такое определение, он уже очень много знает. Понятно, что определение выражается через характер. А поменяв характер, можно поменять и определение. То есть обратное движение тоже возможно. Вот Горбачев организовал изменение содержания политической системы через изменение формы, через перестройку. Надо, говорил он, перестроиться. Вы еще не перестроились? Так надо перестроиться. Перестраивались, перестраивались, перестраивались, потом поняли, что на деле перестроить означает изменить строй, осуществить *перестрой* как переход к другому общественно-экономическому строю. Был один строй стал иной. Вроде бы только форму меняли, а получилось, что в корне изменилось все содержание. А ведь и вообще изменения идут через форму прежде всего.

Вернемся, однако к рассмотрению определения и характера. Что мы можете и должны прежде всего сказать про рассматриваемое определение? То, что оно есть. А это значит, что оно бытие. А какое? Наличное. И не просто наличное бытие, а определенное наличное бытие или нечто. То есть что мы получили? Что определенность – это нечто. Вроде того, как сейчас говорят, ну, это нечто. Определенность – это нечто. С определенностью разобрались. Берем теперь характер. Что мы можем вначале сказать про характер? Что он есть. Значит он что?

Бытие. Какое? Определенное наличное бытие, то есть нечто. И что получилось? Два определенных наличных бытия, два нечто, и они в единстве, причем одно из них – определение, а другое – характер. Они не изолированные, как выше были нечто и иное, а будучи по разному определенными, находятся в единстве. Два нечто, одно выступает как определение а другое как характер, и они в единстве. Одна и та же определенность выступает и как определение, и как характер. То есть имеет место *качественное инобытие*. В единстве находятся два нечто, по отношению друг к другу качественно иные. И можно уже сделать вывод, что если раньше мы говорили, что нечто есть *в себе* становление, то теперь нечто уже *положено* как становление, моментами которого являются два нечто, составляющие качественное инобытие. *Нечто теперь положено как становление, моментами которого являются два нечто*. Определение переходит в характер, характер переходит в определение, одно нечто переходит в другое. Таким образом, мы теперь получили такой инструментарий, который позволяет видеть, как меняются все общественные явления, все общественные институты, как одни переходят в другие, качественно иные. И происходит это вроде бы и незаметно. Так что не следовало бы успокаивать себя тем, что у нас, дескать, построен социализм и что эта победа окончательная. Социализм может внешне незаметно перейти в качественно иной строй – капитализм. Мы видели, что в СССР этот переход произошел под громкие лозунги типа «Развернутое строительство коммунизма», «Больше

социализма!» и «Вся власть Советам!». Переходный период к коммунизму и состоял в строительстве коммунизма, так что опять строить коммунизм вместо того, чтобы развивать его на собственной основе и освободиться от следов капитализма, означает топтаться на месте. Когда социализм построен, больше его быть не может, поскольку по окончании переходного периода других укладов уже нет, и социализм не мука и не крупа, которого можно подсыпать больше или меньше, он является неполным коммунизмом и должен развиваться в полный коммунизм. Советы в СССР отвечали своему понятию как органы, формируемые через трудовые коллективы, только до 1936 года. Поэтому лозунг «Вся власть Советам!» в период горбачевско-ельцинской контрреволюционной перестройки означал ликвидацию руководящей роли партии рабочего класса и переход к буржуазному парламентаризму. Перестройка оказалась качественным изменением общественно-экономического строя и реставрацией в России капитализма.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

В рамках предыдущей темы мы рассмотрели малоизвестную категорию определения. В порядке повторения и закрепления напомним определение определения и приведем некоторые дополнительные примеры. Что такое *определение*? Это *качество, которое есть в себе в простом нечто и находится в единстве с другим моментом этого нечто – в-нем-бытием*. Конечно, если человек впервые слышит такое высказывание, ему трудно понять, что тут говорится. А мы знаем, что такое качество. Чтобы иметь дело с качеством какого-либо нечто, мы должны взять его определенность, причем взять ее изолированно. Допустим, ум человека. Качество, которое есть в себе, – это не то, которое сегодня есть, а завтра нет, сегодня он что-то умное сказал, а завтра одни глупости, потом вдруг чью-то умную мысль пересказал и опять в глупости ударился. Это не будет в-себе-бытие. В-себе-бытие – это что такое? Это равенство с собой, момент нечто, который состоит в равенстве с собой. Поэтому надо брать не любую определенность, которая есть у человека. Каждый человек высказывает что-то умное, что-то, может быть, глупое, но у него равенство с собой в чем состоит? Если он дурак, грубо говоря, то равенство его с собой состоит в том, что он, в основном, глупости высказывает, но иногда говорит и умные вещи, нет таких дураков, которые ничего умного бы не сказали. А если это умный человек, это не значит, что он не делает ошибок и никогда не говорит глупости или не делает глупости, но эти глупости не принадлежат его в-себе-бытию, не составляют его равенство с собой, это скорее его бытие-для-иного. Кроме того, в определении определения речь идет о качестве, которое есть в себе в *простом* нечто. Почему в простом? Потому что нечто еще не было положено как становление, моментами которого являются два нечто, потому это

простое нечто. Но недостаточно равенства с собой этого качества, это должно быть равенство с собой в единстве с другим моментом нечто – в-нем-бытием. А что значит в-нем-бытие? В-нем-бытие – это в-себе-бытие с отрицанием в нем бытия-для-иного, в единстве с которым в-себе-бытие находится. Диалектически не подготовленный человек считает, что если отрицается бытие-для-иного, значит, с бытием-для-иного нет никакой связи. Это все равно, как если бы я подошел к кому-нибудь, толкнул и, поскольку я его не тянул к себе, а толкнул, это значило бы, что я к нему не притронулся, не прикоснулся. Прикоснулся, правда? Поэтому хотя в названии в-нем-бытия упор вроде бы сделан на внутреннее, но внутреннее означает ведь не что иное, как не внешнее. То есть, если в-себе-бытие находится в единстве с в-нем-бытием, это значит, что равенство с собой выходит вовне и, выходя во вне, оно не растворяется в этом «вне», а, утверждая себя, противостоит иному. Если человек умный, то он умный при всяких обстоятельствах, а не так обстоит дело, что стоит ветру дунуть, – он начинает глупости говорить какие-то. Если, скажем, человек представляется как исключительно последовательный, но стоит кому-то что-то сказать – и он сразу за ним повторяет, причем даже несусветную чушь, это означает, что этот человек – отнюдь не последовательный. Исходим мы при этом из того, что определение – это качество, которое есть *в себе* в простом нечто и находится в единстве с другим моментом этого нечто – с в-нем-бытием.

Мы уже говорили о том, что наличие мочки на ушах не является определением человека. Кажется, что обладание мочками на ушах относится ко в-себе-бытию человека, но это не так. Возможны обстоятельства, при которых человек лишается мочек на ушах или даже целых ушных раковин, но отнюдь не перестает быть от этого человеком. Гегель человеку давал определение такое – человек есть мыслящий разум. Мыслящий разум! А если человек

глупый, если он мыслить не может? Ну, значит, не соответствует своему определению и, в более широком смысле, не соответствует понятию человека. Энгельс, развивая определение человека, данное Гегелем, определял человека как животное общественное, трудящееся, говорящее и разумное. Причем эта последовательность здесь не случайна. Общественные животные берутся не всякие, а те, которые трудятся, то есть ведут *целесообразную* деятельность по приспособлению вещества природы к удовлетворению своих потребностей. Эта деятельность, будучи общественной, требует взаимодействия и приводит к возникновению речи, а обладание языком дает возможность выражать и передавать мысли. Знанием является только то, что можно передать другому. Понять – это значит выразить в понятиях. Если выразил в понятиях, значит, понял, то есть выразил мысль в той форме, в которой ее можно передать другому человеку. А если мне кажется, что я понимаю, но я это не могу выразить в понятиях, то, значит, я не понимаю.

Давайте возьмем другие примеры определений. Например, есть люди просто талантливые, а есть гениальные. Кто такой гений? В чем определение гения? Гитлер, будучи, несомненно, талантливым человеком, подпадает под определение гения? Нет. Гений определяется не просто как талантливый, способный человек. Важно направление использования таланта, будет ли он действовать в сторону прогресса или в сторону регресса. Гений – это выдающийся человек, который свои способности направил на развитие человечества и своей деятельностью продвинул человечество вперед. Если человек себя только стремится продвинуть, то он карьерист, а если человечество продвинул, тогда он гений. Гений и злодейство, как известно, не совместимы. Гений – это человек, который не остается просто равным самому себе. Это не тот, кто, будучи талантливым, так ничего и не сделал для

человечества. Гений – это тот, кто свой необыкновенный талант соединил с в-нем-бытием, через него вышел вовне и проявил свои способности на благо человечества. Маркс говорил, что история славит как самого счастливого того, кто принес счастье наибольшему количеству людей. А разве он при этом не страдал, этот человек? Да все выдающиеся люди страдают. А не выдающиеся еще больше страдают. Поэтому из страдания не следует, что он счастливый, но если он не просто за человечество пострадал, а принес людям счастье, то он счастливый человек. Гегель называл счастливым человека, который соответствует своему предназначению. Скажем, счастье женщины состоит не в том только, что она является человеком, который продвинул человечество вперед в какой-нибудь области, но и в том, чтобы родить и воспитать детей. Женщина, которой эту миссию не удалось выполнить, не чувствует себя счастливой.

Счастье приносит тот человек, который помогает не только ближнему – жене, детям, соседям, знакомым, но который заботится и о *дальних*. Этим отличается философское определение *гения* от определения перевозимого религиями *благодетеля*, помогающего *ближним*. Ну, конечно, хорошо, если вы и ближнему поможете. А если вы ближних ограбите и поможете только дальним, так это, ясное дело, нехорошо. Это противоречивая ситуация. А с противоречиями что делают? Их разрешают. По какой линии? Есть коренные интересы, а есть текущие, побочные, сиюминутные, и тот, кто коренные интересы приносит в жертву текущим и сиюминутным, тот, по определению, оппортунист. Всегда приходится выбирать: либо коренные вопросы решать, коренные интересы осуществлять, либо побочные. Если вы приоритет отдадите побочным интересам, вас закрутит жизненная «вермишель». Выдающиеся люди – это люди, которые отдают приоритет осуществлению коренных интересов. Тогда и текущие

интересы будут реализовываться, хотя необязательно сразу, какие-то жертвы придется принести. Художник создал прекрасную картину. Он сделал вклад в приобщение людей к прекрасному? Сделал. Значит, может чувствовать себя счастливым. А он говорит: «Я не чувствую себя счастливым, потому что надо было вот здесь не совсем так нарисовать», и человек мучается. Это, что называется, муки творчества. Ученые своими выдающимися открытиями, полученными тоже не без мук творчества, приносят счастье человечеству. То счастье, которое у людей есть, несомненно, базируется, в том числе, и на достижениях науки. Наука помогает создавать основу для счастья, а счастье наше личное зависит от того, соответствуем мы своему предназначению или нет. А какое у кого предназначение? Вот Жанна Д'Арк поняла, что ее предназначение – возглавить французскую армию и победить англичан. Удалось ей это сделать? Удалось. И в этом ее счастье.

Понятно, что одно дело – человек объективно счастливый, а другое – чувствует ли он себя счастливым субъективно. Бывает, люди восходят на костер, но чувствуют себя как люди, которые то счастье, которое есть в жизни, осуществили. Правда, они умерли. Так все же умрут, только одни умрут, как комары, или как блохи, или как клопы, а другие умрут, как великие люди. Кто нам наше предназначение подскажет? Мы сами должны определить свое предназначение.

Берем еще одно определение: вождь. Нередко мы говорим, что такие-то люди являются вождями народа или класса. Кого считать вождем? Вот если у вас внутреннее чувство, что вы вождь, этого достаточно, чтобы быть вождем? Нет. Вождем является тот, для кого это не только в-себе-бытие, но и находится в единстве с в-нем-бытием, то есть тот, кто себя проявил как человек, за которым

народ пошел или класс пошел. Если за кем-то никто не пошел, он, извините, не вождь.

Рассмотрим теперь определение политической партии. По определению, *партия есть авангард класса*, очень короткое определение. Если бы я филологически подходил к определению партии, я бы сказал: партия от слова part, часть. Но, как вы думаете, если взять часть рабочего класса, самую революционную, прогрессивную часть класса, получится партия? Нет. В работе Ленина «Что делать?» обосновано, что в силу своего положения рабочий класс не в состоянии самостоятельно выработать пролетарскую идеологию. Пролетарская идеология является выражением объективных экономических интересов рабочего класса, научным выражением того, что ему выгодно, но по форме она может явиться только как дальнейшее развитие науки. К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И.Ленин, научно разрабатывавшие пролетарскую идеологию, опирались на достижения английской политэкономии (Смит, Рикардо), немецкой классической философии (диалектика Гегеля), а не создавали учений, выскочивших неизвестно откуда. Кто открыл прибавочную стоимость? Смит и Рикардо, вот эти два человека являются первооткрывателями прибавочной стоимости. А Маркс? Маркс создал целостную научную систему, раскрывающую действие законов капиталистической формации. А классы кто открыл? Кто открыл теорию классовой борьбы? Иногда говорят – Маркс. Но это не так. Классы и классовую борьбу открыли французские буржуазные историки Тьерри, Минье и Гизо. То, что я сделал, писал Маркс, сводится к трем пунктам, к доказательству того, что: 1) вся предшествующая история была историей борьбы классов; 2) эта борьба классов ведет к диктатуре пролетариата; 3) диктатура пролетариата представляет собой переход к обществу без классов – к коммунизму.

Продолжим рассмотрение определения партии как авангарда класса. Партия означает авангард, то есть «идуший впереди», а не позади, не арьергард. Партия выполняет три важнейшие функции. Во-первых, она научно познает объективные интересы своего класса. Во-вторых, она вносит сознание этих интересов в класс. В-третьих, партия организует борьбу класса за его интересы через завоевание, удержание и осуществление государственной власти. Что это такое – завоевание, удержание и осуществление государственной власти? Нельзя ли одним словом выразить это? Можно. **Классовая борьба за завоевание, удержание и осуществление государственной власти – это политика.** Вот мы еще одно определение получили.

А как определяется война? Нам надо взять такое определение, чтобы под него подпала только война, а не неизвестно что. Ведь определение – это что такое? Это качество, которое есть в себе, то есть сохраняется в изменении, и оно отрицает бытие-для-иного, потому что оно находится в единстве с в-нем-бытием. Важно, чтобы под определение войны не подпали не войны. Например, некоторые журналисты, чтобы себя высоко поставить, говорят – мы ведем идеологическую войну. Перо у них – оружие, раньше его приравнивали к штыку, а теперь оно круче атомной бомбы. И все-таки это не война. **Война – это вооруженная борьба классов, наций или государств.** Вооруженная. Не просто насилие, а вооруженная борьба. Если нет вооруженной борьбы, то и нет никакой войны. Вооруженная борьба – это качество, которое есть в себе в простом нечто. Качество – вооруженная борьба. Но не всякая вооруженная борьба есть война. Это должна быть вооруженная борьба классов, наций или государств. Вооруженная борьба классов называется гражданской войной. Вооруженная борьба наций называется национальной войной. И третий вид войн – вооруженная борьба государств. Недавний пример

межгосударственных войн – позорная война стран НАТО против Ливии.

А если мы с вами ожесточенно спорим по какому-нибудь вопросу, это война или не война? Ну, прямо как война, но не война. Мы должны понимать, что есть научная постановка вопроса, а есть всякие метафоры. Можно, конечно, сказать, что настоящая война у нас развернулась в сфере идеологии. А чем вооружились? У одних – телевидение, у других – телевизор. Те, у кого телевидение, определяют содержание программ, а те, кого это содержание не устраивает, могут плевать в экран своего телевизора. Некоторые в негодовании выбрасывают телевизоры в окно, такие случаи были. И если на кого-то упал телевизор, все равно это не война и не стрельба по своим, а нанесение тяжких телесных повреждений по неосторожности.

Определение – это качество, которое есть в себе в простом нечто и находится в единстве с другим моментом этого нечто – в-нем-бытием. А *определенность, которая есть лишь бытие-для-иного, – это характер*. Характер – категория, применимая как к объектам природы (характер процесса), так и по отношению к людям. Мой характер проявляется в отношениях с другими людьми. Если я ни в какие отношения не вступаю, то мой характер никак не проявляется. Говорят: он проявил свой характер. Характер – это проявление внутреннего вовне.

Итак, мы имеем ситуацию, когда определение есть, и характер есть, каждое есть бытие, причем каждое есть наличное бытие, но они не просто разные, а качественно иные: одно есть определение, а другое – характер. То есть имеет место *качественное инобытие*. Имеется нечто, которое теперь уже *положено* как становление. Если раньше изменяющееся нечто не было положено как становление, то теперь оно положено как становление, и одна и та

же определенность соединяет и разделяет два качественно иных нечто.

Зададимся теперь вопросом о том, как называется та определенность, которая соединяет и разделяет два нечто. ***Одна и та же определенность, которая соединяет и разделяет два нечто, есть граница.*** Некоторые ограничиваются высказыванием о том, что граница – это то, что разделяет два нечто. Но если она их разделяет, значит, и соединяет. Возьмите государственную границу. Нейтральная полоса соединяет и разделяет два государства. Кому принадлежит нейтральная полоса? И одному государству, и другому, и не одному, и не другому. Или другой пример: вы берете нож и разрезаете кусок сливочного масла пополам. Пока вы нож не убрали, он у вас граница этих двух кусков масла. А если вы нож убрали? Уже не нож, а воздух, который их разделяет, который между ними есть, их и соединяет. Значит, он и соединяет два куска масла, и разделяет. Разве бывает такая граница, которая бы только соединяла и не разделяла или только бы разделяла, но не соединяла? Таких границ нет. Но люди в силу недиалектического образа мышления, который характерен для большинства, берут либо одну сторону определения границы, либо другую. Так было и в том случае, когда мы сначала использовали систему залпового огня на острове Даманский, потому что через этот остров проходила граница вражды между СССР и Китаем, а потом отдали этот Даманский Китаю, когда у нас граница опять стала границей дружбы. Сначала было убито определенное количество китайцев, которые хотели захватить священные наши земли, потом мы эту же священную землю им и отдали, потому что вышло, что не такая уж она и священная, а священна дружба китайского и советского народа. Хорошее определение границы? Хорошее.

Рассмотрим теперь ближе границу в соответствии с ее определением. Граница – это определенность, общая для двух качественно иных нечто. *Благодаря своей определенности, то есть границе, нечто есть.* В то же время определенность – это отрицание, она есть небытие, принятое в бытие так, что конкретное целое имеет форму бытия. Значит, поскольку определенность есть отрицание, можно сказать, что *нечто нет благодаря его границе*, оно прекращается благодаря своей границе и выходит к иному. То есть имеем классическую диалектическую ситуацию с двумя противоположными высказываниями – нечто есть благодаря своей границе, и благодаря своей границе нечто нет. ***А нечто, взятое со своей границей, определяется как конечное.***

Так как нечто есть благодаря своей границе, а граница едина с иным, значит, благодаря своей границе нечто выходит за свою границу и, выходя за свою границу, как бы преодолевает свою конечность: оно становится тем, что оно не есть. Следовательно, благодаря своей границе нечто становится тем, что оно не есть. ***Такой момент нечто, который состоит в том, чтобы быть тем, что нечто не есть, называется долженствованием.*** Говорят, например, что шахтеры должны добыть столько-то миллионов тонн угля. Хотя они ни у кого этот уголь не брали, только они и добывают его, но все же они должны. И студенты должны сдать то-то и то-то и то-то. Единственно, что радует, что *должны* не значит, что обязаны. Должны и должны. То, что *должно* быть, не обязательно есть или будет. То есть именно тот момент, который состоит в том, чтобы быть тем, что нечто не есть – *долженствование*.

Нечто выходит за свою границу к иному, и вот это выхождение через свою границу есть долженствование. Всякое государство выходит за свою границу. Например, размещает свои предприятия на иностранной территории. Вот, например, американцы

размещают у нас американские предприятия, японцы – японские, итальянцы – итальянские, французы – французские. А некоторые наши граждане, в том числе весьма высокопоставленные, думают, что это наше производство, отечественное, потому что ведь наших отечественных рабочих эксплуатируют иностранные монополии, на нашей территории. Но собственники иностранных монополий, получая прибыль с размещенных ими на российской территории предприятий, твердо знают, что это их производство, то есть что в любой момент они по своей воле могут его закрыть, расширить, уменьшить, могут с ним сделать, что хотят, и даже могут сказать, что для защиты своей собственности вынуждены применить известные действия. Что они и делают по отношению к ослабевшим государствам. Некоторые себя успокаивают тем, что это по отношению к Ливии может быть сделано, но по отношению к России не может быть. Не все такие операции делаются сразу. С Югославией тоже сначала ничего нельзя было сделать, пока не разбомбили Югославию и не превратили ее в кучку маленьких государств.

Рассмотрим границу, которую нечто благодаря своему моменту, называемому долженствованием, переходит. Согласитесь, что такая граница, до которой еще не дошли, еще не предел. Такая граница, которую перешли, уже не предел. Отсюда логический вывод: ***предел – это граница, которую переходят, переступают.*** Мы получили определение предела как момента нечто, решив по сути дела следующую логическую задачу: если я двигаюсь к границе, она для меня еще не предел, если я границу перешел, она для меня уже не предел. Какая граница является пределом? Ответ: та, которую переходят, переступают.

Приведем пример. Вот мы занимаемся столь трудным делом, как изучение диалектики, и пришли к выводу, что все, конец, мы дошли до предела. И тут мы вспоминаем определение предела.

Предел – это граница, которую переходят. Мы до того дозанимались, что думали, что сейчас голова лопнет, но она не лопнула и не лопнет, наш мозг развивается, переходя свой предел. Только ограниченные люди не выходят за свой предел. У меня был знакомый, который любил говорить: «Я профессионал. Я делаю только то, что умею». Я над ним подшучивал и спрашивал: «А что вы умели делать, когда вам было несколько месяцев?».

Дети постоянно делают то, что не умеют. А от профессиональных ученых прямо требуется открывать новое, то есть делать то, что никто никогда не делал и поэтому заранее никто делать не умеет. Я говорил, что я тоже профессионал, и поскольку я ученый, я делаю то, что не умею делать, а если я буду делать только то, что я умею делать, я перестану быть ученым. Ученый должен открывать новое или повторять старое? Нам за что деньги платят, ученым, чтобы мы что-нибудь новое сделали или чтобы мы, как попугаи, повторяли то, что уже известно науке? Если я буду делать только то, что умею, то меня вообще-то надо зарплату лишать. Я должен все время делать то, что не умею. Дети не знают этих категорий, их еще никто не успел научить тому, что нельзя выходить за предел. Они вечно выходят за свой предел. Сначала ребенок вообще и голову не держал, он не знал, что если не держишь голову, так надо все время и лежать. Матери думают: «Ой, сейчас у него отвалится голова!» Не отваливается. Потом – он только на спине лежит. Но вот переворачиваться начинает. А он что переворачиваться умел, ребенок, что ли? Нет, не умел. Он вышел опять за свой предел. А потом смотришь – он уже пополз. Он же ползать не умел. Он же не знал никаких наших наук, он не знал, что надо быть профессионалом и делать только то, что ты уже умеешь, он этого не знал. Потом он взял и сел. Опять вышел за предел, опять он делает то, чего не делает хваленый диалектически не образованный профессионал. А ребенок, став профессионалом

по ползанию, снова выходит за свой предел и встает, хотя некоторые дети, научившись профессионально ползать, долго не выходят за свой предел, не встают и не ходят, норовя быстро пробежать на четвереньках. Но если ребенок не имеет органических нарушений, он обязательно выйдет за свой предел. Наконец, он уже встает на ноги и, хотя качается и падает, иногда назад и здорово ударяется затылком, но все же осуществляет очередное выхождение за свой предел. Потом, когда долженствование толкает детей к тому, чтобы начать говорить, все смеются над тем, что и как они говорят. Но ведь они делают то, что не умеют, упорно стараются стать тем, что они не есть. Они умели говорить? Нет, не умели. И говорят. Вы были знатоком диалектики? Нет? Ну, так будете, в чем проблема? Берите пример с детей, для которых выхождение за свой предел более естественно, чем для некоторых взрослых, успевших получить метафизический, а не диалектический настрой.

Таким образом, выход за свой предел – это условие развития. Возьмем не сферу образования и науки, а сферу спортивную. Вот, например, Елена Исинбаева, известная рекордсменка по прыжкам с шестом, поставила 24 мировых рекорда. Кому они принадлежат? Ей принадлежат. Другие участники соревнования по сути дела приходят посмотреть, как она поставит новый мировой рекорд, поскольку никто выше нее прыгнуть не может. И что тогда получается? Что она на очередных соревнованиях выходит за свой предел. А предел был? Был – это ее предыдущий рекорд. Вот она эту границу перешла, вышла за предел.

Правда, есть новая категория, которую разработали уголовники – беспредел. Чуть что, журналисты, повторяя за уголовниками, пишут – у нас беспредел. То есть нечто, выходящее за все границы. Так это не что иное, как предел в его точном диалектическом определении. Но иногда и уголовники как люди,

которые долгое время сидят на тюремных скамьях и имеют время подумать, говорят вроде правильные вещи – мы должны жить по понятиям. Другое дело, что понятия у них не научные, а воровские, преступные. Но если иметь в виду научно выработанные, истинные понятия, то жить надо по ним и соответственно строить законы. Если люди понятий не имеют, то они и истинные законы не могут сформулировать.

Возвращаясь к пресловутому и широко распространенному «беспределу», отметим, что преступники как раз и переступают установленную законом границу, то есть, будучи пре(пере)ступниками, выходят за предел, что влечет соответствующее наказание. Так что никакой нужды в употреблении тарабарской категории «беспредел» не имеется. Как это беспредел? Есть пределы. Закон разве пределы не ставит, разве преступление – переступление через предел – не преследуется законом? Но через предел переступает и законодатель. Уголовно-процессуальный кодекс допускает установление судом наказаний ниже низшего предела, что еще раз демонстрирует, что предел – это граница, которую переступают.

И вот произошло выхождение конечного за предел. Было нечто со своей границей, стало иное, также взятое со своей границей, то есть иное конечное. Оно вышло за свою границу и пришло куда? К иному конечному. Это иное конечное, будучи нечто со своей границей, снова выходит за границу этого конечного, снова переходит в иное конечное и так до бесконечности. Спрашивается, состоялся ли переход конечного в бесконечное или имеет место бесконечный переход одного конечного в другое конечное? ***Бесконечный переход одного конечного в другое конечное называется дурной бесконечностью.*** Бесконечная цепь конечных – это дурная бесконечность. Дурная, потому что вместо перехода в бесконечное получается просто много конечных. Цепь конечных –

это не выход из конечного. Бесконечное же – это не просто противоположность конечного, *на самом деле есть лишь бесконечное, оно есть бытие, а конечное есть отрицание бесконечного в этом бесконечном.* При таком понимании мы имеем истинное бесконечное, отрицанием, определенностью которого является конечное. То есть ***истинное бесконечное – это единство бесконечного и конечного как бесконечное, определенностью, моментом которого является конечное.***

Пример – бесконечное и вечное по своей природе человечество, состоящее из конечных и смертных людей. Эта бесконечность себя проявляет только в конечных людях. И бесконечная история состоит из конечных фактов, событий. Сделайте что-нибудь бесконечное и вечное, и вас будут вечно помнить.

В немецком языке есть два вида идеального, два способа выражения, два написания. Одно написание для нас привычное – *ideal*. Однако поскольку в первом томе «Науки логики» Гегеля рассматривается объективная логика, здесь ни о каких идеальных в смысле сознания, в смысле идей, вещах речи не может быть, поэтому категория *ideal* не используется в первом томе «Науки логики», если не считать того, что в примечании говорится об идеализме и т.д. Зато применяется категория *ideel*. Категория *ideel* в Учении о бытии употребляется не как идеальное в смысле относящегося к сознанию, а в смысле выражения бесконечного в конечном, для конечного, воплощающего единство конечного и бесконечного в конечном.

Идеальная красота, например, проявляется в том, что скульптор создает такую статую, что в ней красота человека, красота женщины или красота юноши, бесконечная красота схвачена, закреплена, выражена в этой самой конечной статуе. И никакого другого идеального в объективности, которое не было бы

каким-либо конечным, не бывает. Идеальное – не выдуманное, а то, что есть в жизни, идеал, к которому не только можно стремиться, но который есть в жизни.

Что такое идеальный капитализм? По Марксу – это нормальный средний тип капитализма. Можно ли сказать, что у нас в России – нормальный средний тип? Да у нас сплошь ненормальности. Где вы такую систему подоходного налогообложения увидите, как в России – у олигарха 13 процентов и 13 процентов платит старушка уборщица? Где вы такое найдете!? Возьмите Францию, – там 56,8% с высоких доходов платят. Если у вас миллиард евро доход в каком-либо году, то 568 млн. евро вы уплатите в качестве подоходного налога, а 432 млн. можете тратить на свои нужды. 432 млн. А у нас хорошо в России, вольготно олигархам. С миллиарда рублей годового дохода олигарх заплатит только 130 млн., а 870 млн. с миллиарда у него останется для покупки яхт и островов. Поэтому у нас плодятся олигархи с гораздо большей скоростью, чем во Франции, чем в США, где 33% максимальная ставка подоходного налога, чем в Англии и в Италии, где ставка подоходного налога составляет 50%. И наследники в странах Запада платят очень высокий налог на наследство – до 90%, потому что классу капиталистов хорошо известно, что хотя умерший папа был крупным организатором производства, дети скорее всего только и будут заниматься тем, как бы его капитал превратить в деньги и промотать. Поэтому буржуазное государства как комитет по делам буржуазии и устанавливает 90% налог на наследство и 10% достается наследнику. А у нас государство о сохранении хотя бы и капиталистического производства не очень-то заботится, предприятия с молотка продаются и разбазариваются.

Если не подымается наше производство, то оно в этом смысле не идеальное, не нормальный средний тип. Соответственно

рассматриваемому определению идеального идеал надо искать не на небе, а на земле, и человеческий идеал надо искать в людях. В каждом из нас есть что-то идеальное. И в вас, и в вас, и в вас. Идеальное нужно видеть, его уважать и на него равняться. А если мы будем думать, что идеальное есть нечто потустороннее, так вы его никогда и не достигнете, объявляя его недостижимым, то есть трансцендентным. Но ведь не случайно, что все святые, изображенные на иконах, похожи на людей. И даже когда инопланетян рисуют, они получаются похожими, на людей.

Уважаемый читатель, мы с вами зашли далеко в «Учении о бытии», но, конечно, не охватим здесь всего богатства категорий, представленных Гегелем в его «Науке логики», рассчитывая и на самостоятельное их изучение в той последовательности, которая есть, с выведением из предыдущих последующих. Мы с вами рассмотрели две очень важные социально-философские категории «социальное становление» и «социальное изменение» и категорию социального развития хотим получить, опираясь на то, что нами уже усвоено. Выход за предел, долженствование – это же изменение, правда? Переход в другое конечное – это тоже изменение. Изменением является и переход конечного в бесконечное. Исторические личности в своей конечной деятельности, исторические фигуры, классы, политические институты в своей деятельности выходят за конечное в бесконечное и созданное ими навечно становится достоянием человечества. Культура человеческая, представляя собой по определению культуры накопленный материальный и духовный опыт человечества, по природе своей бесконечна. Вот египтяне строили для себя очень плохие жилища, а для тех, кто уже умер, для мертвых фараонов, очень хорошие. И вот эти жилища, которые построены для мертвых, – пирамиды, саркофаги дожили до нашего времени. А те жилища, которые египтяне строили для себя, для

конечных людей, они до нашего времени не дожили. И вот сейчас с иностранцев по 400 рублей берут за то, чтобы они попали в Эрмитаж и получили возможность посмотреть на бесконечные творения человечества, в том числе и на эти самые саркофаги. С тех, кто является гражданами России и Белоруссии, берут уже меньше – по 100 рублей. А с учащих, к которым относятся и студенты, и с пенсионеров не берут нисколько за приобщение к вечному и бесконечному. Но зимой нужно на морозе простоять полтора часа в очереди от Александрйского столпа до входа в Эрмитаж, то есть вечное и бесконечное отделяется от нас всего полтора часами.

К пониманию социального развития мы переходим от понимания социальных изменений. Чтобы понять развитие, надо исходить из того, что все находится в процессе становления и изменения. При этом всякое развитие есть изменение, но не всякое изменение есть развитие. *Развитие – это такое изменение, которое есть движение простого к сложному, низшего к высшему.* Иногда говорят, что *развитие – это движение от простого к сложному, от низшего к высшему*, но тогда следует ясно понимать, что это не движение от одного конечного, которое является простым, к другому конечному, которое является сложным, какого-то третьего конечного. Нет, речь идет о движении одного и того же нечто от более простого его состояния к более сложному. Не следует понимать это и так, что есть некое простое, есть некое сложное и есть я, который мысленно или в реальности перемещается от некоего простого к некому сложному, сам не претерпевая никакого внутреннего движения. Не так обстоит дело, что простое остается простым, сложное остается сложным, а мы двигаемся от простого к сложному, посмотрев сначала на простое, а затем посмотрев на сложное. Правда, в известном смысле мы и так движемся – мы хотим узнать, познать, чем сложное отличается

от простого. Но тогда уже *мы* развиваемся, совершая свое движение от более простого своего состояния к более сложному своему состоянию. Когда мы развиваемся, это движение не чего-то другого, а нас самих, движение не от нечто к иному, а от себя к себе, то есть на собственной основе – от своего более простого состояния к более сложному. В большинстве случаев развития простое – это относительно простое. Только чистое бытие есть абсолютно простое. А вот чистое ничто уже не оказалось самым простым, правда? Потому что оно есть результат движения чистого бытия. То логическое движение, которое представлено в «Науке логики» Гегеля и которое мы разбирали, есть пример логического развития более простых категорий в более сложные. Чистое бытие превращается в чистое ничто, ничто в бытие, движение исчезновения бытия в ничто, а ничто в бытии оказывается становлением. Становление превращается в наличное бытие. Наличное бытие – в нечто. Нечто как определенное наличное бытие превращается в конечное. Конечное – в бесконечное и т.д. И это логическое движение есть движение простого к сложному и подпадает под определение развития как движения низшего к высшему, простого к сложному.

Мы говорим: историческое развитие, общественное развитие, развитие социальных организмов, развитие политических институтов, развитие общественного сознания и т.д. и т.п. Когда мы слышим слово «развитие», то понимаем, что здесь имеет место не вообще любое изменение, не любое движение. Понятие развития включает и изменение, и становление, но в целом есть движение простого к сложному, низшего к высшему. Странно было бы, если бы кто-нибудь сказал про человека, собирающегося помереть, что в это время он находится в процессе развития, хотя движение налицо. – А почему вы собираетесь? – А потому что, говорит, похоронить сейчас дорого, не хочу, чтобы мои похороны

были финансовой трагедией для моих близких, сам деньги собираю. Только я собрал деньги, а тут придворные либеральные экономисты подсустились, и Егор Гайдар забрал те деньги у старушек, которые они готовили для своих похорон. Когда Чубайс выступал на открытии памятной доски Гайдару, он удивлялся, почему не любят наших реформаторов. А кто же полюбит таких реформаторов, у которых реформа состоит в том, чтобы забрать у трудящихся последнее, что у них есть и что они отнесли в Сбербанк, чтобы сохранить на «черный» день. А последователи этих реформаторов теперь пристают к трудящимся с предложением об участии в софинансировании пенсий. Вот, говорят, вы зря не думаете о своей пенсии. На накопительную часть сдавайте в негосударственные пенсионные фонды. Правда, немало поймали жуликов, окопавшихся в негосударственных пенсионных фондах. Но не все же жулики. Сдавайте в хороший. Наш хороший. В чужие-то не сдавайте, в наш сдавайте, где я учредитель, несите сюда. То есть фактически предлагают сократить заработную плату, используемую на потребление. Какой ответ этому от работающего мужчины? Примерно такой: «Вы мне предлагаете сдавать часть зарплаты, которой мне и так на нормальную жизнь не хватает, в какие-то негосударственные пенсионные фонды на увеличение накопительной части моей предполагаемой пенсии, тогда как сейчас в России средний возраст мужчин 59 лет, а на пенсию выходят с 60 лет. Какая мне разница, какая у меня будет пенсия, если я скорее всего до нее не доживу? Займитесь лучше увеличением продолжительности жизни и добейтесь, чтобы смертность в России не превышала рождаемость. А то в России число умерших в 2011 году превысило число родившихся на 127 тыс. человек. Займитесь лучше увеличением реальной заработной платы и повышением возраста жизни населения».

Пенсионные взносы и так обогащают те коммерческие банки, в которых они находятся. Чем больше в них находится наших средств, тем больше коммерческие банки могут дать кредитов под проценты и больше получить прибыли. А у нас банки есть? Не будем торопиться с ответом. Посмотрим, что они делают. Если меняют валюту и дают деньги в рост под проценты, то это еще не банки. Меняльные и ростовщические конторы были еще в средние века и никто банками их не называл. В чем состояла ростовщическая деятельность? Вы приходите к ростовщику и говорите – дайте мне 20 тысяч. Вам говорят: «Пожалуйста, но принесете 30. А если не принесете, посадим вас в долговую яму». То есть давать кредит под процент, это какая деятельность? Ростовщическая. У нас есть такая деятельность сейчас? Она широко распространена. На некоторых центральных улицах буквально на каждом втором доме написано «Банк». И чем они в основном занимаются? Они деньги дают в рост. А где они их берут? Это «дураки» в средние века давали свои деньги. А нынешние «умники» ссужают под процент деньги вкладчиков и средства, полученные в Центробанке. Центробанк дает кредиты только банкам коммерческим. Ни одному гражданину, ни одному предприятию Центробанк дать не может кредит по закону. По закону надо дать обогатиться коммерческим банкам. Центробанк дает кредит коммерческим банкам под 8,5%. А они уже организациям и населению под 20 и более процентов. Разницу в 20 минус 8,5% коммерческие банки берут себе. И этим, то есть спекуляцией чужими деньгами и ростовщицеством занимаются коммерческие банки сейчас в основном. Это, во-первых. Кроме того, все юридические лица держат свои деньги в банках и банки заставляют юридические лица за это платить, хотя платить должен тот, кто пользуется чужими деньгами, давая их в рост, то есть банк. А делается прямо противоположное. Вот, говорят, что у нас много

банков. Однако по сути дела банков у нас нет. Но такие элементы, которые характерны для банков, есть. Чтобы сделать такой вывод, надо обратиться к определению банка. Банк – это учреждение по обслуживанию производства, которое накапливает временно свободные в хозяйственном обороте средства и направляет их в те звенья общественного производства, где имеется их временная нехватка, ссужая деньги под низкий процент на операции по поддержке хозяйственной деятельности.

К сожалению, нынешнее российское государство больше содействует не развитию производства, а развитию ростовщических контор, выдающих себя за банки. Те люди, которые в них с умным видом сидят и называют себя банкирами, на деньги вкладчиков мрамором отделывают помещения своих контор, на ростовщические проценты устанавливают высокие вклады. А как начался кризис, у них начались проблемы с деньгами. Кому в кризис помогало государство? Банкам в первую очередь, чтобы они не лопнули. А где те деньги, которыми государство помогло банкам? А они их отправили в Америку, потому что у американских банков брали в долг. А почему брали в долг в Америке? А потому что у нас ставка рефинансирования 8,5%, а там давали под 6% или 4%. И те деньги, которыми государство помогло банкам, уже через две недели были в Америке. Владимир Владимирович выдал банкам деньги на поддержку штанов, а штаны оказались американскими.

Присмотримся также к тому, как, например, государство помогает в покупке отечественных автомобилей. Оплачивает половину ставки рефинансирования. Но кому? Банку. То, что вы будете машину покупать – это, получается, десятое дело, важно, чтобы коммерческий банк получил свои проценты. Ростовщический характер имеет сейчас и кредитование строительства жилья. Подписали договор ипотеки и денежки

потекли. От кого к кому? От вас к банку. Каков главный лозунг ипотеки? Одна квартира по цене трех. Так что развивается – строительство жилья или ограбление тех, кто пытается ликвидировать свою нужду в жилье? Правда, современные ростовщики должников в долговые ямы не сажают, а нанимают коллекторские конторы, которые, выбивая долги, не только могут сделать гражданина бомжом, но и довести до инфаркта. Настало время все коммерческие банки национализировать, превратив их в отделения единого государственного банка, призванного обслуживать производство и распределение продуктов и осуществлять государственный контроль за хозяйственной деятельностью страны. Такое изменение назрело и отвечает требованиям общественного развития.

Таким образом, мы должны на всякое общественное движение или изменение смотреть, исходя из определения развития – различать, где есть движение от низшего к высшему, от простого к сложному, а где нет, ясно видеть, что не является таким движением. Только в том случае, когда имеет место движение от низшего к высшему, от простого к сложному, мы имеем дело с развитием.

В философии есть разные концепции развития. Есть концепция, которая сводит развитие к накоплению количественных изменений. Больше угля, больше хлеба, больше сыра, больше дыма, больше гари, больше отбросов. Всего больше. В этом и состоит развитие. Вот, например, в Соединенных Штатах Америки всего много и даже кислорода они над своей территорией больше всех других государств потребляют, больше, чем выделяют кислорода все растительные ресурсы, которые есть на территории США. Там своего рода воронка, которая забирает кислород и выбрасывает углекислый газ. Поэтому и климат не может быть равновесным на Земле. И вот всего становится больше, больше и

больше. Однако если я больше съем, я буду более развитый? Я раздobreю, но от этого более развитым еще не стану.

В Советском Союзе позднесоветское руководство считало, что если всего больше производится, то, значит, идет развитие. Но это не так. Если больше стало продуктов хорошего качества, означает ли это, что реализуется цель социализма? А если продуктов больше, а людей все меньше, как в современной России? Или если идет изменение законодательства в сторону уменьшения ответственности за коррупцию? Чтобы не расстраивались взяточники, наш президент озаботился смягчением законодательства. Теперь уже не конфискуется их имущество и уголовной ответственности за получение взятки нет. Взяточник, пойманный с поличным, теперь может на вполне законном основании откупиться, уплатив сумму, кратную взятке, на которой его поймали. Он, к примеру, в течение года сто взяток получил, на одной его поймали, он уплатил за пойманную взятку в 10 раз больше ее размера и может, как ни в чем не бывало, брать взятки дальше. А государство будет деньги получать от взяточников. Это как бы налог на взятку.

Понимание развития как чисто количественного изменения ущербно. Например, Горбачев с Лигачевым говорили: «Больше социализма!». Наивные люди ахали: «Надо же, они хотят сделать больше социализма!». Но как можно сделать больше социализма, если страна не только социалистическая, то есть такая, в которой социалистической является государственная власть, а уже построен социализм? Никак. Вот в Гражданскую войну другое дело: красные больше заняли – больше социализма, отступили – меньше социализма. Или вообще в переходный период от капитализма к социализму, где социализм составлял один из пяти укладов, если социалистический (коммунистический) уклад расширился – это значит, что стало больше социализма. Он сузился – меньше

социализма. А если идет отступление, как было в период НЭПа, надо было в ряде вопросов отступить, дать мелкотоварному укладу возможность обеспечить больше продуктов, потому что народ недоедал, так это означало в соответствующих вопросах меньше социализма. А развитие общества от капитализма к социализму в целом шло? Да, шло, хотя нэп был временным отступлением с последовательно социалистических позиций. Но Ленин заявлял, что из России нэповской будет Россия социалистическая. Вот в тот, переходный, период можно было говорить: больше или меньше социализма. А как можно говорить «больше социализма», когда имеется единственный уклад – коммунистический? Больше социализма уже не может быть, но он может становиться все более развитым и перерастать в полный коммунизм.

Чтобы это понимать, надо знать, что такое социализм и что такое развитие. Горбачев не знал, хотя был генеральным секретарем ЦК КПСС и президентом страны. А вывод? Совсем не обязательно знать, что такое развитие, чтобы стать президентом. Горбачев себя показал пустомелей и хитрым предателем дела социализма. Хитрым. Действительно, многих он обманул своими разговорами про развитой социализм. А кто такой хитрый человек? Как хитрость соотносится с умом и глупостью? Не все знают, а Гегель знал и нам рассказал. Все согласны, что ум выше хитрости, потом идет хитрость, а дальше идет глупость. Можно это так рассматривать, что хитрость – это низшая степень ума, а с другой стороны если рассматривать, – это высшая степень глупости. И под это Горбачев подходит – был президентом огромной страны, а теперь, в том числе благодаря его хитрости, и огромной страны нет, и, соответственно, поста ее президента нет, пиццу, видите ли, он вынужден рекламировать, зарабатывая себе на жизнь, шикарную, конечно, другой он для себя и не мыслит. То есть хитрость есть высшая степень глупости, Горбачев многих обманул

и себя обманул. Умный человек не будет сам себя обманывать. Этот вывод основан на том, как соотносятся между собой ум, хитрость и глупость. На хитрость если сверху смотреть – низшая степень ума, снизу смотреть – высшая степень глупости. При движении от низшего к высшему вслед за глупостью идет хитрость. Хитрость – это граница между умом и глупостью. При этом каждый понимает, что лучше быть человеком умным, чем просто хитрым.

Умный – это кто? Кого считать умным человеком?

Умный человек – это человек, который обладает такими знаниями и способностями, которые позволяют ему самостоятельно приходиться к правильным выводам. Хорошее определение? Но умный человек может чего-то не знать или не понимать, и тогда он обращается с вопросами к другим людям. Обычно спрашивают умные, глупые не спрашивают – им и так все ясно. И все же по определению умный человек – это человек, который обладает такими знаниями и способностями которые позволяют приходиться к правильным выводам. Причем соотношение между знаниями и способностями может быть различным. Один человек, будучи более способным, меньше читает, потому что если он будет стремиться обо всем прочесть, а не додумываться, не докапываться до истины самостоятельно, он поглупеет. Другой больше читает, он более начитанный человек. Начитанный и умный – это не одно и то же. Если он главным образом начитанный человек – он скорее библиограф. Он начитанный и к некоторым выводам приходит потому, что чужие логические рассуждения читал и результат ему известен. Первый же старается не читать того, до чего может додуматься сам. Тут по-разному может быть. Когда человек пытается получить правильные выводы, он, во-первых, думает, а, во-вторых, он пользуется тем, что прочитал. Но если будешь больше читать, чем

думать, разучишься думать. Из этого не следует, что надо выбросить все книжки, нет, надо наоборот, читать и изучать, штудировать гениальные книжки. Если читать гениальные книжки, то общение с гениальными людьми послужит развитию ума и будет способствовать самостоятельности мышления. А читать плохие или просто слабые книги – это все равно, что загорать под луной. У нас времени нет читать плохие книги, потому что и гениальные-то за свою жизнь мы не успеем прочесть, но зато быстрее будем двигаться от простого к сложному, от низшего к высшему. А читающие плохие книги – враги чтению хороших книг, враги себе, потому что время утекает как песок в песочных часах.

Тот факт, что в Советском Союзе так много коммунистов, так много трудящихся были заражены антимарксистскими идеями отказа от классовой борьбы, от диктатуры пролетариата, воспринимали и усваивали болтовню про общенародное государство и развитой социализм, во многом объясняется тем, что диалектику подавляющее большинство изучало не по Гегелю, многие марксизм изучали не по Марксу и Энгельсу, ленинизм – не по Ленину, а по плохим книжкам для системы партийной учебы. Ленин же всегда подчеркивал, что лучше бы классиков меньше почитали, а побольше читали.

Помимо концепции развития как количественного изменения, уменьшения или увеличения, есть концепция развития, которая сводит развитие к круговому движению. Если сейчас у нас весна, то скоро будет лето, за ним придет осень, потом зима и снова наступит весна. И так и в общественной жизни все после ряда последовательных изменений возвращается, дескать, на круги своя. Согласно этой концепции развития все совершает круговое движение, все идет по кругу. Если у вас сейчас хорошо – ну, радуйтесь сейчас, что у вас хорошо, потому что потом будет плохо.

Если у вас сейчас плохо – не расстраивайтесь, что плохо, потом будет хорошо. Светлое в жизни сменяется темным, а темное – светлым и наша жизнь по кругу ходит. Если кризиса сейчас нет, то он будет, а если есть, то пройдет. Эта концепция отражает некоторые стороны и моменты нашей жизни. У Маркса, кстати, показано, что экономические кризисы в капиталистическом обществе имеют циклический характер.

Еще есть концепция развития, состоящая в поочередной смене прогресса регрессом, движения вперед – движением вспять. То вперед, то назад, то вперед, то назад. То жизнь идет на улучшение, то на ухудшение. Как будто есть какой-то переключатель, но он не в руках у человечества. Будто есть кто-то, кто переключает. Он думает о нашей жизни, чтобы она не была совсем скучной и потому время от времени переключает движение от низшего к высшему на движение от высшего к низшему и наоборот.

Действительно научной является диалектическая концепция развития, суть которой в том, что развитие совершается через борьбу противоположностей, через борьбу противоположных тенденций во всем – в природе и в обществе и в духе в том числе, то есть в сознании людей, в их головах. То есть не так идет развитие от низшего к высшему, что в порядке накопления количественных изменений плохого становится все меньше, а хорошего – все больше. Нет. Высшее прокладывает себе дорогу через борьбу с низшим, но низшее не пассивно сдает свои позиции, а противостоит высшему, активно борется с ним, и развитие складывается как результат борьбы противоположных тенденций. Если вы боретесь со своей противоположностью, то это не означает что ваша противоположность не борется с вами. Если человек, например, борется со своими недостатками, то это вовсе не значит, что его недостатки не борются с ним. Если государство борется с такими государственными болезнями, как бюрократизм и

коррупция, то это не значит, что бюрократизм и коррупция не борются с государством. Если общество борется с наркоугрозой, то это не означает, что в этой борьбе оно не терпит поражений от тех, для кого производство, транспортировка и продажа наркотиков представляет собой высокодоходный бизнес. Причем борьба положительной и отрицательной тенденций может идти с переменным успехом. Если кто-то боролся со своими недостатками, то может быть такое, что они его победили. Потому что они тоже с человеком боролись, но более успешно, чем он с ними. Или недостатки не борются? Вот пьяницы все время борются с водкой. Сколько уничтожили этого алкоголя, а он все равно остается непобедимым. А разве на папиросах не пишут, что курение убивает? И в этом состоит почти вся борьба с курением. Курение людей убивает, а вот общество курение не «убивает». Наркотик борется с человеком, даже такой элементарный как никотин или как алкоголь. Наркомафия не только не отступает, но и наступает, разлагая человечество. То есть борьба противоположностей никак не может пониматься как односторонняя борьба, как борьба только одной стороны против другой. Таких противоположностей нет ни в природе, ни в обществе, ни в сознании и мышлении. Если одна сторона борется с другой, то другая борется с первой. Поэтому развитие всегда идет противоречиво. Только через борьбу противоположностей и, соответственно, противоположных тенденций.

Вся общественная жизнь есть борьба противоположностей. Новое, передовое борется со старым, отживающим. Но старое так просто позиции не сдает. Когда новое рождается, оно, разумеется, слабее старого. Раз оно слабее, то сначала оно проигрывает, а выигрывает старое. Вот сейчас говорят про модернизацию, представляя дело так, будто тем самым внедряется новое, передовое. На самом деле модернизация – это просто

осовременивание. У американцев, французов, немцев, японцев современное, а у нас не современное. Решают, что надо у них купить. И покупают то, что есть. А в это время американцы, французы, немцы и японцы начинают разработку образцов продукции, которая будет передовой через 4 – 5 лет. Наше государство вместо того, чтобы также организовать разработку и продвижение продукции, которая будет лучшей в мире через несколько лет, закупает за границей старье и тем самым финансирует не свои институты и предприятия, а иностранные. В итоге эта «модернизация» сводится к тому, чтобы закрепить нашу отсталость и все время быть в хвосте у других держав. Такая «модернизация» оказывается формой борьбы старого с новым, передовым, формой подавления того передового, что есть в отечественном производстве. Вы сделайте новый, передовой самолет, новый, передовой автомобиль. Не покупайте за границей то, что уже собираются снимать с производства, как получилось с вытеснением нашей «Волги» самой плохой американской машиной «Крайслер», а сделайте тот продукт, которого еще нет, который будет современным через пять лет. Иначе мы вечно будем плестись в хвосте. Возьмите наши 30-е годы. Разве тогда ориентировались на изготовление того, что является современным? Нет, танки делали в расчете на то, чтобы они через несколько лет превосходили будущие немецкие, не так ли? Самолеты – чтобы они летали быстрее будущих немецких и были более маневренными, чем будущие немецкие. Пушки – чтобы были лучше, чем будущие немецкие. А если бы делали просто современные? Ну, тогда бы мы были разбиты в Великую Отечественную войну. А вроде бы красиво говорят – модернизация, да? Это форма борьбы против нового и передового. Одни предлагают в России сделать новые и передовые танки, а другие говорят: давайте оснастим армию современными, а

современные в Израиле купим. Дело сводится к торможению собственного развития и лоббированию интересов иностранных монополий. Если все деньги будут уходить на оплату американских боингов, сможет ли Россия производить хорошие самолеты? Ведь для разработки новых перспективных моделей требуются колоссальные деньги. А мы все эти деньги отправим в Америку и в Европу, где еще и аэробусы будем покупать. Ну, а если что-то останется, тогда мы и нашим умирающим НИИ, КБ и заводам дадим. Это пример того, что всякий прогресс, всякое движение вперед осуществляется в процессе борьбы противоположностей и новое, когда оно рождается, слабее старого и потому старое его, чаще под разными благовидными предлогами, душит. Новое, когда оно рождается слабее старого и терпит поражения, и без таких поражений не бывает развития. Но если это новое действительно передовое, то оно в этих поражениях не пропадает, а укрепляется и усиливается. И с известного момента начинает теснить старое, систематически побеждать его. Осуществляется прогресс. И на волне прогресса появляется новое новое, по отношению к которому прежнее новое оказывается старым. И вот это бывшее новое становится теперь старым, которое будет подавлять появившиеся новое. Процесс борьбы нового со старым продолжится.

Такая борьба идет даже в мире искусства. Нередко бывает, что режиссёр тормозит развитие талантливого артиста, не давая ему выступать. Бывает, что слабый руководитель оркестра активно борется против более талантливого, который идет ему на смену и т.п. А если вы концертирующий музыкант, вас могут не включить в концертную программу те, кто определяет концертную политику и т.п. А люди науки, которые делают великие открытия, разве все они счастливо живут? Они много принесли счастья другим людям, то есть история славит их как самых счастливых, а сами они себя

не считают счастливыми. Вот Джордано Бруно доказал что Земля ходит вокруг Солнца. И что с ним сделали? Сожгли.

Примеры борьбы старого против нового можно привести и из более поздней истории. Как появилась замечательная пушка, конструкции Грабина, установленная в том числе на нашем танке Т-34? Начальник вооружения Красной Армии товарищ Тухачевский считал, что нам пушки не нужны в современной войне, не нужны. А нужны только системы залпового огня, такие как «катюша». Другие товарищи, такие, как, например, товарищ Грабин, который был молодым конструктором на машиностроительном заводе, так не считали. Грабин придумал новую пушку, а товарищ Орджоникидзе, который возглавлял наркомат тяжелой промышленности и не имел прямого отношения к производству вооружений, поддержал разработку Грабина и помог направить ее в Москву на стрельбы, по итогам которых должно было решаться, какое вооружение запускать в серию. Пушку покрасили той краской, которая была под рукой – оранжевой, поставили на платформу и повезли в Москву. В своей книге «Оружие победы» Грабин рассказывает, как развивались события дальше. Пушку привезли на полигон и поместили в сарай. Это было накануне стрельб. А утром, осматривая привезенное вооружение, Тухачевский, открыв сарай и увидев грабинскую пушку, заявил, что это чудище оранжевое мы показывать не будем. Все собираются перед началом стрельб. Сталин поздравил всех и сообщил, что задача стрельб – отобрать образцы оружия, которое пойдет в серийное производство. Отбирать будем очень просто. Будем стрелять, и те образцы, которые долго не будут выходить из строя, берем в серию, а те, которые при стрельбе будут быстро ломаться, не берем. Всем понятно? Всем. Вопросы есть? Грабин говорит: «У меня есть вопрос». Сталин: «Какой вопрос?» А вот мы привезли хорошую пушку, а Тухачевский считает, что ее не нужно

показывать. «Давайте вашу пушку! С нее и начнем». И ее поставили. Стреляют час, стреляют два. Ждали, ждали, когда она развалится, а она не разваливается и точно бьет в цель. Сталин говорит: «Эту пушку передаем в серийное производство».

Короче говоря, нет такой сферы, где развитие, то есть движение от простого к сложному, от низшего к высшему совершается без борьбы противоположностей. А раз есть борьба противоположностей, значит, в развитии есть две противоположных тенденции в едином сложном движении низшего к высшему, простого к сложному. Две противоположные тенденции – это моменты развития, неотделимые друг от друга и от целого. Движение низшего к высшему – это только одна тенденция в развитии. А вторая – это тенденция движения высшего к низшему, разрушение сложного и движение сложного к простому. И вот теперь мы можем эти два момента назвать. Как называется движение низшего к высшему в развитии? Прогресс. То есть ***прогресс – это движение в развитии, которое совпадает с направлением развития.*** А движение, которое ему противоположно? Регресс, или, применительно к общественной жизни, – реакция. ***Регресс – это движение в развитии, противоположное развитию.*** По отношению к физическим процессам не употребляется слово реакция. Мы же не скажем, что если чайник остывает, то это реакция, но это регресс. Вы чай налили, хотели горячего чайку. Но пока вы поговорили, чай стал уже холодным. Не успеешь поговорить, чайник опять надо греть, то есть надо бороться с регрессом. Только позавтракаешь, пройдет немного времени – и уже к обеду опять есть хочется. Только вроде организм получил все необходимое для существования и развития, так нет, мало. И так все время. Вы только что вдохнули, зачем вдыхаете еще? А потому что обратная тенденция действует и чтобы человек не отравился углекислым газом, приходится снова

вдыхать. Вдохнули. Но свежего воздуха хватило ненадолго, опять приходится вдыхать. Так нам все время приходится в буквальном смысле бороться за жизнь!

И так же в социальной жизни приходится бороться за всякую формацию, за власть приходится бороться. А тот, кто не борется за власть, – у того власть отбирают. Говорят: «Мы вне политики!». То есть вы вне классовой борьбы за установление, удержание и осуществление государственной власти? Ну, раз вы не занимаетесь политикой, то политика занимается вами, и вы будете пассивным предметом политической борьбы. То есть вы будете относиться к тем щепкам, которые будут отбрасывать с исторического пути или наступать на вас будут, или танками по вам будут проезжать, раз вы вне политики. Совет опытных людей – не ходить по баррикаде. Тропинка, прокладываемая по баррикаде, самая неудобная и опасная – стреляют с обеих сторон. Ленин говорил, что того, кто в революционное время не встал на ту или иную сторону в классовой борьбе, – избыют и убьют.

Очень важно понимать, что прогресс и регресс не определяются отдельно друг от друга и от развития в целом, что это противоположные моменты, тенденции развития. Только если мы знаем, что такое развитие и какие в нем есть противоположные тенденции, мы можем сказать, что есть прогресс и что регресс. Во всяком развитии есть прогресс и регресс. Например, человек все время может развиваться до самой своей смерти, он накапливает знания и умения, опыт у него нарастает и в то же время нарастает слабость организма, появляются все новые болячки и т.д. Обе тенденции действуют одновременно. Когда регрессивная тенденция абсолютно побеждает, человек заболевает и умирает. А пока прогрессивная тенденция берет верх, человек живет. Люди творческие, которые это понимают, продолжают творить до самой смерти. Понимают, что если ты не будешь творить, будешь

приспосабливаться к своим болезням или к старости, то умрешь раньше, чем тебя заберет смерть. Поэтому те люди, которые не прекращают своей жизненной борьбы, дольше живут.

Вопрос о прогрессе и регрессе и их соотношении имеет чрезвычайную важность. Например, есть такое понятие в политике – текущий момент. Текущий момент характеризуется сложившимся соотношением противоположных сил. И мы решаем, куда нам приложить свой, субъективный фактор, чтобы изменить ситуацию, усилить одну тенденцию против другой. Если борются противоположные тенденции, то что может сделать отдельный человек, ну, допустим, вождь передового класса? Он может собрать передовых людей, убедить их, объединить вокруг общей идеи, а идея, овладевая массами, становится материальной силой, и эта материальная сила, прибавившись к той объективной силе, которая действует и порождает прогрессивную тенденцию, позволяет ей взять верх. Точно так же и реакционер. Он что делает? Он свою реакционную идею распространяет. Потому что, если реакционная идея будет распространена, широко войдет в умы, она станет материальной силой и усилит реакционную тенденцию в ее борьбе с прогрессивной. А кто в итоге победит? Это решает борьба. Борьбой решается вопрос о том, какая тенденция, прогрессивная или реакционная, в обществе возьмет вверх. Вот почему бывают зигзаги и попятные движения в истории, и никто из серьезных историков не скажет, что история – это одно сплошное движение – только вперед, вперед и вперед, только вверх, вверх и вверх. Возьмем, например, Францию эпохи буржуазной революции. Сначала «Ура!» – победила, да здравствует французская буржуазная революция! Потом – «Увы» – проиграла французская буржуазная революция. Потом – опять победила. И так, пока окончательно не победила. Сейчас многие опечалены – «Ой, социализм в СССР проиграл!» А почему он

должен все время выигрывать? Это безграмотный Хрущев провозглашал, что мы победили окончательно, то есть ничего делать не надо и только пользоваться благами социализма. Классовая борьба, дескать, прекратилась, бороться не надо, красота! Дескать, отстальные люди говорили, что будет классовая борьба, будет борьба прогресса и регресса, борьба противоположностей и не может получиться окончательной победы социализма при социализме, потому что социализм есть неполный, неразвитый, незрелый коммунизм с отпечатками капитализма во всех отношениях. До полного коммунизма, который наступит, когда классы будут полностью уничтожены, имеются социально-классовые причины для антисоциалистических тенденций – попытки утвердить приоритет не передовых интересов рабочего класса, а каких-либо иных. Но и при полном коммунизме борьба прогрессивной тенденции с регрессивной не может не продолжаться, ибо всякое развитие идет через борьбу противоположностей, через борьбу противоположных тенденций.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Проблема революции и контрреволюции актуальна всегда, а в настоящее время особенно, потому что те люди, которые только и делали, что революции осуждали и подавляли, вдруг занялись организацией «революций» по всему миру, да еще на американские деньги – время удивительное в этом смысле. Остается только разобраться, кто организует так называемые «революции» и что на самом деле есть такое революция и контрреволюция.

С одной стороны, разобраться в этом – не такое уж и трудное дело, а, с другой стороны, практика показывает, что люди очень часто не придерживаются определений, точно не формулируют понятий, и поэтому и выводы получаются у них неправильные. Не потому, что они люди плохие, а потому, что они говорят без понимания того, какие слова и понятия употребляют и какие понятия здесь подходят. Мы же с вами взяли точно понятия употреблять и твердо этого держаться.

Выше мы рассматривали вопрос о движении, об изменении и занимались *качественными* изменениями, то есть имели дело с такой определенностью, которая неотделима от бытия. Мы рассматривали определенное наличное бытие. И вот это определенное наличное бытие – нечто изменялось, переходя в иное. А вот если происходит изменение не обязательно с изменением качества, то это *количественное* изменение. Гегель даже называл количество более глубоко понятым качеством. ***Такие изменения, которые происходят и без изменения качества, суть количественные изменения.*** В этом смысле самовозрастание капитала – пример количественных изменений. Говорят: «Зачем им столько денег? Например, Абрамовичу?». Это говорят люди, которые смотрят на процесс увеличения капитала с точки зрения потребителя – ну, съем я два обеда, ну, съем я три обеда, ну,

четыре – заболēju даже. Зачем мне столько? Прокачусь я на одной яхте, прокачусь на другой, ну, на третьей – это же сколько надо охранников содержать, это такая головная боль! Так говорят люди, которые рассматривают сей процесс с точки зрения потребления, с точки зрения потребителя. А с точки зрения увеличения абстрактного богатства этого богатства не может быть много. Оно всегда недостаточно, его всегда может быть больше. Если капитал – это самовозрастающая стоимость, то появившаяся в буржуазное время потребность в накоплении абстрактного богатства, в увеличении количества этого богатства в смысле увеличения стоимости, не имеет границ. То есть капитала всегда может быть только мало, много не бывает, поэтому для людей, которые решили проблему удовлетворения всех своих насущных потребностей и занимаются накоплением абстрактного богатства, строительство домов и строительство квартир – вовсе не средство обеспечить жилье всем своим родственникам и знакомым, а средство сохранения и преумножения накопленного богатства. То есть с точки зрения возрастания капитала недостаточно иметь одну квартиру, две квартиры, три квартиры, сто, сто пятьдесят квартир, мало иметь сто домов, двести, триста, чем больше, тем лучше, так как вместе с ростом цен на жилье растет богатство, капитал домовладельцев. Вы можете пройти по пригородам Санкт-Петербурга, лучше всего поехать в Курортный район Санкт-Петербурга, там стоят этакие «маленькие частные домики» в три, четыре, пять этажей с башенками, они охраняются полицией. Те, кто их получил, наверняка получили их нечестным путем, потому что, как известно, от трудов праведных не наживешь палат каменных. Но после того, как они стали добропорядочными буржуа, столпами, опорами современного российского общества, они наняли полицию, и она их охраняет от тех, кого они ограбили, чтобы сколотить свое богатство. Поэтому вы, наверное, заметили,

как пишут представители этих граждан в печати и как они выступают по радио и по телевидению в отношении кризиса, – дескать, кризис, слава богу, проходит, и упавшие было цены на недвижимость, в первую очередь на жилье, снова возвращаются на прежний высокий уровень. Народ-то вроде должен был бы порадоваться тому, что цены на жилье, вместо того, чтобы быть заоблачными, стали чуть-чуть меньше. Нет, оказывается, это было плохо. Хорошо стало, когда цены снова вернулись на высокий докризисный уровень, поскольку они обеспечивают так называемым девелоуперам норму прибыли триста процентов и прирост капитала домовладельцам. Вот это хорошо. Это хорошие цены. А цены, которые не обеспечивают 300% прибыли, – это плохие цены. Участки земли зачем покупаются в огромном количестве гектаров? Потому что цена земли, а вместе с этим и богатство землевладельцев, растет.

В это же время трудящимся и пенсионерам предлагают сдать деньги на увеличение накопительной части пенсии, добровольно отняв сейчас значительную часть от своей нищенской зарплаты или пенсии ради предполагаемого будущего увеличения пенсий, до которой не все и доживут. В 2011 году ниже прожиточного минимума был доход у 18,6 миллиона наших граждан, и превышение числа умерших над числом родившихся составило 127 тыс. человек.

Таким образом, само качество капитала как самовозрастающей стоимости, как абстрактного богатства исключает качественную границу – не может быть много капитала, его может быть только мало. Количественная же граница выступает как *снятая* граница. Капитал стремится к бесконечному самовозрастанию. Это характеристика богатства буржуазного общества. В других общественно-экономических формациях дело обстоит по-иному.

Чем меряется богатство феодала? Количеством принадлежащих ему крепостных крестьян. Вот если у вас двое крепостных, то вы – мелкий феодал. А если у меня тысяча, то я – крупный феодал. Поэтому некоторые помещики, как известно, чтобы выставить себя более крупными, даже специально мертвых душ приписывали.

Ну, а если мы возьмем рабовладельцев? У одного два раба, а у другого двести, – кто богаче? И кто больший демократ? Поскольку в рабовладельческом обществе демократия была рабовладельческой, то настоящим демократом, самым демократическим демократом был, конечно, тот, у кого было больше всего рабов.

То есть вопрос количественных границ имеет в истории очень большое значение. Конечно, мы должны это учитывать. Недостаточно определить, что такой-то является эксплуататором. Одно дело, когда он эксплуатирует одного человека. А другое – когда эксплуатирует тысячу человек. Есть сейчас в мире такие капиталисты, которые эксплуатируют десятки, а то и сотни тысяч человек, причем граждан самых разных стран. Пример – экономическая империя Форда. При этом говорят, что компания «Форд моторс компани» нам якобы помогает. А помощь состоит в том, что построен сборочный завод для эксплуатации российских рабочих, то есть для присвоения их неоплаченного труда. К нам эта компания приехала потому, что в России столь низкая зарплата, что норма прибавочной стоимости гораздо выше, чем в США. А если бы эта компания в Америке построила подобное предприятие, ей пришлось бы платить в несколько раз больше заработную плату, и норма прибыли была бы значительно меньше. И кто кому помог, спрашивается?

Иногда поражаешься наивности людей, которые радуются – нам привезли инвестиции. А мы свои инвестиции куда увезли?

Куда мы деньги деваем от нефти и газа? Куда? Надо их увезти в Америку, – убеждал мой бывший дипломник и бывший министр финансов России Кудрин. Давайте мы отвезем свои деньги в Америку, а сами будем ждать из-за границы инвестиций. А почему бы сюда свои деньги не вкладывать? А потому, дескать, что может разрушиться экономика наша. Может, потому и в Америку повезли, чтобы разрушить американскую экономику? А что такое «инвестировать» в бумаги? Это значит, что американцы, всучив нам ценные бумаги, получили реальные деньги, эти реальные деньги вкладываются в реальное производство, приобретаются средства производства, платится зарплата. В итоге там получают, допустим, от использования наших средств прибыль 30 – 40% , а нам платят два процента, 28–38% оставляя себе. Кто кому помог?

Вообще человек образованный должен быть критически мыслящим человеком, все подвергать сомнению и разбираться в том, что происходит, а не просто слушать и верить тому, что скажут. Вот, например, руководители стран НАТО говорили, что закрыли для полетов небо Ливии. На деле это что означало? Что закрыли небо Ливии для полетов ливийских самолетов и открыли для полетов иностранных самолетов, приступивших к бомбежке ливийских наземных объектов. Вот если к нам сейчас прилетит иностранный самолет, мы с ним что сделаем? Мы его собьем, потому что у нас небо закрыто для полетов тех самолетов, нахождение которых в нашем воздушном пространстве не согласовано с нашим государством. И в Ливии небо было закрыто для полетов тех самолетов, движение которых над ливийской территорией не было согласовано с ливийскими властями. А когда была объявлена операция по закрытию ливийского неба, она оказалась операцией по открытию ливийского неба, чтобы мог летать, кто угодно и бомбить, что угодно. А чтобы это вторжение в воздушное пространство Ливии обеспечить, страны НАТО стали

уничтожать ливийские средства ПВО. А затем для поддержки так называемых повстанцев с воздуха стали уничтожать ливийские танки, бомбить опорные пункты и коммуникации ливийской армии. Оказалось, что «повстанцы» могут продвигаться только под прикрытием и при прямой военной поддержке крупнейших империалистических государств, являясь по существу их агентами на территории Ливии. Некоторые организации, члены которых объявлялись повстанцами, были созданы ЦРУ еще в 1968 году. А организованная странами НАТО «революция» на поверку оказалась **реакционным государственным переворотом**, обеспечившим в Ливии безраздельное империалистическое господство, заодно уничтожившим бесплатную медицину, бесплатное образование, обеспечение жильем за государственный счет, выплату пособий при рождении ребенка и другие «антидемократические прегрешения» ливийского режима. Чашу терпения империалистических государств переполнило то, что этот «безобразный диктатор» Муаммар Каддафи решил, что надо не 50% доходов от разработки ливийских природных ресурсов отдавать иностранным монополиям, а только 20%. Как только он это провозгласил, те, кто с ним ранее целовались и обнимались и расставляли его шатер в своих странах, сразу объявили его страшным диктатором и начали «закрывать» небо Ливии, бомбя и разоряя ее землю. А наш тогдашний президент Д.А.Медведев наивно запрочитал, что мы, дескать, не знали, к чему приведет пропущенная нами резолюция Совета Безопасности ООН. А ведь серьезные политики должны додумывать всякое свое действие до конца и смотреть, к чему оно приведет.

События в Ливии еще раз продемонстрировали, что в экономике и политике откровенный обман и употребление вместо соответствующих прямо противоположных им категорий – это обычное дело. Кто в экономике и политике верит на слово, говорил

Ленин, тот круглый дурак. Или круглый идиот. Других вариантов нет.

Вернемся к количеству. Количество – это такая определенность, изменение которой не обязательно приводит к изменению качества. Но, как выясняется, если прочитать соответствующий раздел «Науки логики» Гегеля, анализ этой количественной определенности приводит к выводу о том, что качество безразлично к изменению количества лишь в определенных границах, за которыми происходит переход в иное качество. То есть *за известными пределами изменение количества приводит к изменению качества*. Это иногда называют переходом количества в качество. На самом деле имеется в виду, конечно, не переход количества в качество, а переход имеющегося качества в другое качество при соответствующем изменении количества.

Если мы возьмем различные исторические типы общества, то увидим, что эпохи перехода от одних исторических типов к другим связаны с изменением орудий труда. Были орудия костяные и каменные, были бронзовые, появились железные и т.д. А что было количественной характеристикой этих орудий? Количественной характеристикой этих орудий была производительная сила труда, то есть то количество продуктов, которое одно и то же количество людей могло произвести с помощью таких орудий за единицу времени. Если мы берем количество продукции, произведенное за единицу времени в расчете на одного человека, то оно выражается показателем производительности труда. Обратный производительной силе труда показатель – трудоемкость единицы продукции, то есть количество рабочего времени, которое затрачивается на производство единицы продукции. Соответственно, чем выше производительность труда, тем меньше трудоемкость продукции.

Совершенствование орудий труда идет постоянно, и вместе с этим развивается и главная производительная сила человечества – работники. **Работники, вооруженные средствами производства, образуют производительные силы**, с развитием которых развивается и **способ производства как единство производительных сил и производственных отношений, характеризующийся определенным качеством производственных отношений**. Этот способ производства образует тот **базис**, на котором основываются другие отношения общественно-экономической формации.

Производительные силы могут длительное время развиваться при одних и тех же производственных отношениях, в рамках одной и той же общественно-экономической формации, а формация, изменяясь количественно, остается той же самой. В то же время усиливается и обостряется противоречие между производительными силами и производственными отношениями, что, в конечном счете, приводит к перевороту в производственных отношениях, в политической и идеологической надстройке, и скачком совершается переход к **более передовой общественно-экономической формации**. Такой **переворот во всей системе общественных отношений, означающий скачкообразный переход к более передовой общественно-экономической формации, называется социальной революцией**.

Обратный переворот, который тоже нередко случается в истории, **то есть переход от прогрессивной к отживающей общественно-экономической формации, называется контрреволюцией**.

Социальная революция – это такая определенность, которая соединяет и разделяет две общественно-экономические формации и потому выступает их **границей**. Эта граница охватывает определенный период, называемый переходным от низшей

формации к высшей, который либо завершается (как в случае буржуазной революции), либо начинается (как в случае социалистической революции) политическим переворотом, *политической революцией, то есть низложением прежде господствовавшего класса и установлением диктатуры прежде угнетенного класса.*

Если же происходит обратный политический переворот, в результате которого власть от передового класса переходит к реакционному, имеет место политическая контрреволюция.

Отсюда вывод, что так называемые «оранжевые революции» на Ближнем Востоке – это не революции и не контрреволюции, а *реакционные государственные перевороты*, организуемые империалистическими государствами, игнорирующими буржуазную демократию в других странах и осуществляющие тем самым *фашизм на экспорт.*

Количественные изменения производительных сил первобытнообщинного коммунизма долгое время не меняли характера его производственных отношений и в целом системы общественных отношений. Когда произошел качественный скачок? Когда производительные силы развились настолько, что один человек с помощью орудий труда мог уже произвести столько жизненных средств, сколько требуется, чтобы прокормить другого человека. *Продукт, произведенный сверх меры средств, необходимых для обеспечения жизни работника, называется прибавочным продуктом.* Если прибавочный продукт меньше, чем нужно, чтобы обеспечить жизнь второго человека, сохраняется первобытный коммунизм. Но если прибавочный продукт уже такой, что может обеспечить жизнь не только работника, но и еще одного человека и более, то становится невыгодным убивать представителей другого племени, с которым воевали, и появляется возможность превращать их в рабов.

Это прогресс или не прогресс – переход от первобытнообщинного коммунизма к рабовладению? С точки зрения того, кого раньше бы просто убили, – прогресс. Хотя прогресс прежде всего объективно произошел в производстве – рабовладельческий строй по сравнению с первобытнообщинным коммунизмом дает более высокий уровень производительности труда. На основе труда рабов появилась и демократия. Правда, демократия на кого распространялась? Прежде всего на рабовладельцев, а также и на свободных граждан, которые не имели рабов. По сути дела это была демократия рабовладельцев. То есть первоначально демократия родилась как рабовладельческая демократия.

И в буржуазном обществе демократия по сути дела является демократией эксплуататоров, обеспечивающей их диктатуру. Поэтому когда империалистическая пропаганда кричала о цели военной операции в Ливии, ею объявлялось насаждение демократии, то есть по сути дела превращение ливийцев в граждан второго сорта, не являющихся хозяевами в своей собственной стране. И как в Древней Греции или Риме убить раба не считалось преступлением, так же не считалось преступлением убить ливийца, выступающего против насаждения в его стране иностранного господства. И ливийцев убивали, не считая, даже откровенно заявляя, что не знают, сколько погибло мирных ливийских граждан от бомб, брошенных иноземными «спасителями демократии». То есть к ливийцам посланцы западных демократий относились даже не как к говорящим орудиям, а как вообще к ненужным предметам.

Оказалось, что «во имя демократии» можно убить сколько угодно людей. У американских империалистов в этом отношении очень большой опыт. Они, видимо во имя чистоты и преемственности демократии, завезли в Америку себе рабов из Африки, и при этом 1,5 миллиона негров задохнулось в трюмах

при перевозке. Во имя демократии! Демократия же выше, подумаешь какие-то негры из какой-то Африки! И партия демократическая – это партия, которая выступала на стороне рабовладельцев юга, которые воевали с республиканцами севера. А республиканцы севера вели войну против рабства в Америке, и они выиграли. Но ничего, зато теперь демократы держат верх.

При переходе от первобытнообщинного строя к рабовладению произошел не просто *скачок, то есть перерыв постепенности*, но и *переворот во всех общественных отношениях*, прежде всего в отношениях собственности. Если при первобытнообщинном коммунизме производство было общее и все работали сообща (латинское слово *коммунис* и означает *общий*), то с переходом к частнособственнической формации большинство эксплуатируемых стало работать на меньшинство эксплуататоров.

Можно сказать о революции, что это качественный скачок. Но этого сказать недостаточно, потому что качественные скачки могут быть и без того, чтобы стать революциями. Например, превращение капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм является, несомненно, качественным скачком, но не подпадает под понятие социальной революции и под понятие революции вообще, так как переворота в производственных и базирующихся на них других общественных отношениях при этом не происходит. Не всякий скачок – это революция. Например, если я чайник поставил, и чайник вскипел, – это качественный скачок? Скачок, но не революция. Если вода оставлена в чайнике на даче и замерзла, превратившись в лед, это качественный скачок? Да, но не контрреволюция. Если сказать про революцию, что это качественный скачок, то это правильное *суждение* о революции, но это не *определение* революции. Всякая революция – это качественный скачок, но не всякий качественный скачок – революция. Революция – от английского слова *revolve* –

вращаться и непременно означает *переворот*, а не только скачок. Как устроен револьвер? В нем есть вращающийся барабан, поворачивающийся при выстреле.

Но и не всякий переворот есть революция. ***Политическая революция означает политический переворот с низложением реакционного класса и установлением диктатуры прогрессивного класса.*** Социальная революция включает политическую революцию, но означает не только переворот в политической надстройке, но и в экономическом базисе, переворот во всей системе общественных отношений и в идеологической надстройке.

Если исторически изначально господствовали идеи о том, что надо все делать, решать сообща, думать, заботиться об общем деле, то после перехода первобытнообщинного коммунизма в рабовладение сообща уже решали кто? Рабовладельцы. Они тоже решали сообща и можно сказать, что их братство – коммунистическое братство рабовладельцев. Коммунис – это ведь общий, да? Можно даже сказать что рабовладельцы – это своеобразные коммунисты, только коммунизм их распространяется только на рабовладельцев. Если вы не рабовладелец и не свободный гражданин, значит, вы раб. А кто такой раб? Раб – это не *кто* такой, а *что* такое. Для рабовладельца раб – это не человек, а просто говорящее орудие. Задача раба – производить материальные блага для тех, кто является настоящим человеком, а настоящие люди – это рабовладельцы.

Сейчас те, кто является преемником рабовладельцев, запросто объявляют некоторые государства государствами-изгоями, рассматривая их как лишенных прав преследуемых чужаков. То есть они не считают их полноценными государствами. Если ваше государство объявлено странами НАТО изгоем, значит, натовские самолеты могут прилетать и бомбить вас в любой момент, потому

что вы как бы не настоящие люди. А люди из натовских государств – настоящие люди.

Мы знаем вообще, что обычно люди богатые считают людей бедных дураками – мол, дескать, если вы такой умный, почему вы такой бедный? Ответ таков: потому что я не эксплуататор, не жулик и не вор, потому что сейчас, чтобы иметь очень большое богатство, надо было жульничать или воровать. И наш народ рассказывает всякие анекдоты про «новых русских», никак не хочет засчитать их за умных людей. Даже, говорят, Пушкин писал про «новых русских» – «златая цепь на дубе том».

Итак, социальная революция – это переворот в экономических и других базирующихся на них общественных отношениях, в политической и идеологической надстройке. При первобытнообщинном строе политики еще не было, так как классов еще не было, а *политика – это классовая борьба за завоевание, удержание и осуществление в классовых интересах государственной власти*. Классы появились впервые только в рабовладельческом обществе. До этого общество было бесклассовым. Человечество прожило в бесклассовом обществе первобытнообщинного коммунизма около 100 тысяч лет и только 2,5 тысячи лет – в классовом обществе. И даже социализм, то есть первая фаза коммунизма, вышедшего из капитализма, – это такое бесклассовое общество, в котором классы еще полностью не уничтожены, и поэтому оно должно быть охарактеризовано как уничтожение классов.

В исторически первом классовом – рабовладельческом – обществе продолжалось развитие, совершенствование орудий труда. Естественно, рабовладельцы стремились получить от своих рабов как можно больше благ. Уже тогда было два способа решения такой задачи. Первый – экстенсивный: больше иметь рабов и заставить их больше работать. Вот как сейчас миллиардер

Прохоров хочет перевести рабочих вместо 40-часовой на 60-часовую рабочую неделю. Вообще с точки зрения рабовладельцев и их преемников самые лучшие работники – это те, которые бы как можно меньше ели, как можно меньше отдыхали и как можно больше работали.

Но есть и другой способ повышения эффективности производства – интенсивный. Некоторые отдельные передовые рабовладельцы понимали, что если заставлять рабов работать большее время, то они хуже свою работу сделают. И если решать проблему увеличения объема производства продуктов только лишь увеличением количества рабов, то потребуется больше войска, чтобы заставлять рабов работать, предотвращать и пресекать их побеги и восстания. Потребуется, следовательно, более мощное и более дорогое государство рабовладельцев, которое рабовладельцы должны содержать. А для этого надо увеличивать объем производства продуктов. Чтобы разомкнуть этот круг, нужно увеличивать производительность труда рабов, а для этого совершенствовать орудия их труда, чтобы это же количество рабов производило больше продуктов для своего рабовладельца. Мысли о том, как усовершенствовать орудия труда, могли рождаться и в умах рабов, тех, кого рабовладельцы специально освобождали для этой цели и создавали им особые условия. В целом процесс совершенствования орудий труда совершался в соответствии с экономическими интересами рабовладельцев. И вместе с этим развивалось рабовладельческое производство. Об этом свидетельствуют сохранившиеся до наших дней гигантские прекрасные сооружения – памятники древнегреческой и древнеримской цивилизации. Без применения специальных механизмов, в том числе для перемещения и поднятия тяжестей, воздвигнуть такие сооружения, сколько бы ни привлекалось при этом рабов, было бы совершенно невозможно. То есть в

производительных силах происходили не только количественные, но и качественные изменения, повышавшие производительную силу труда. Препрежнее количество работников производило все больше и больше продукции. В этом состоит закон роста производительности труда. В этом состоит развитие производительных сил как основы всякого общественного прогресса.

Но так же, как при рабовладении могут развиваться производительные силы, точно так же само рабовладение является тормозом развития производительных сил. В чем этот тормоз состоит? В том, что работник, непосредственный производитель-раб, никак, никоим образом не заинтересован в развитии производительных сил. От того, что он что-нибудь усовершенствует и больше сделает, его жизнь и судьба не изменятся. Он предназначен к тому, чтобы умереть на работе для своего хозяина. Поэтому никаких стимулов для раба увеличивать производительную силу своего рабского труда нет и не может быть. В этом ограниченность рабовладения.

По сравнению с рабовладением, более передовым, более прогрессивным является такой строй, когда работника можно продать отдельно от земли или вместе с землей, но убить нельзя. То есть когда его, хотя еще и не воспринимают как полноценного человека, но уже и не считают рабом. Что это за строй? Это феодализм.

Прехождение рабовладения и возникновение феодализма связывают с набегами варваров. Вот, говорят, набежали варвары и уничтожили такой прекрасный Рим. А варвары какой строй несли? Варварами они являлись, во-первых, постольку, поскольку еще не впитали культуру Древней Греции и Древнего Рима, а, во-вторых, их, может быть, считали варварами потому, что они не знали, что к людям можно относиться просто как к говорящим орудиям. Точно

так же можно считать варварами, дикими племенами ливийцев, установивших в «цивилизованном» буржуазном мире бесплатную медицину и образование. Вот мы в современной буржуазной России точно не варвары – у нас бесплатные медицина и образование хиреют, а платность развивается. А там варвары. У нас в этом смысле Россия – не варварская страна.

Иногда говорят, имея в виду крепостничество, что у нас было рабство. Даже президент Медведев, выступая в 2011 году в Санкт-Петербурге на конференции, посвященной отмене крепостного права, говорил, что, вот, мы празднуем-де 150 лет освобождения от рабства. У нас, однако, в 1861 году было отменено не рабство, а крепостничество. Рабство или крепостничество – это большая разница. Можно работника убить или нельзя его убить – это мелочь что ли? Это не мелочь! Это не значит, конечно, что в нарушение феодальных законов при феодализме не убивали людей, и сейчас убивают каждый день, но это – преступления. А при рабовладении убить своего раба не было преступлением. Если чужого, то это преступление, а если своего раба – это не преступление, это личное дело рабовладельца. Остатки рабовладельческих замашек еще и сейчас можно наблюдать на международной арене. Вот если американца кто убьет, – это преступление, это предлог, чтобы прилетели бомбардировщики и чтобы были убиты, в том числе, и те, кто к этому преступлению непричастен, а если американские солдаты, размещенные на военной базе в другой стране, убили гражданина этой страны, то это небольшая ошибка, и даже к суду убийцу не привлекут. Суверенность другой страны для США не существует. Например, американские спецслужбы в нарушение норм международного права вывезли российского гражданина Бута из Тайланда, привезли его в США, осудили и посадили в тюрьму. А почему мы не выкрали тех, кто совершил эту незаконную операцию и не осудили

их по российским законам? У нас что – нет самолетов? Так у нас меньше самолетов и меньше расходов на армию, поэтому мы не такая демократичная, как США, страна. А в Ливии уж точно варвары – надо их бомбить. И вот сейчас вроде неприлично иметь и убивать рабов, зато можно просто убивать граждан другой страны, не объявляя их рабами, убивать и все. Вот если бы не было санкции Совета Безопасности ООН, это был бы фашизм на экспорт. Потому что фашизм состоит в отбрасывании демократических форм и в переходе к открытой, не прикрытой голосованием, демократическими учреждениями, диктатуре наиболее реакционных кругов империалистической буржуазии. А поскольку есть резолюция Совета Безопасности, то хотя она и нарушается, вроде это и не фашизм. Вроде это все демократично. Демократично – голосовали же. Вот если я сейчас подойду и ударю кого-нибудь по голове, чтобы отнять у него то, что у него есть, это, скажут, – бандитизм. А если проголосуют, что он плохой, и что надо порядок навести и что каждый должен подойти и по голове его ударить, – ну, это будет демократично.

Вернемся, однако, к развитию и разложению рабовладения. Наконец, появились такие средства производства, которые по существу исключали использование их рабами, потому что раб их испортит или ломает. Возникло острое противоречие – были уже средства производства, которые значительно повышали производительность труда, но раб не был заинтересован их использовать, не хотел надлежащим образом действовать, да еще мог и сломать их. Что нужно было сделать для разрешения этого противоречия? Нельзя ли было как-нибудь так заинтересовать работника, чтобы он не ломал более эффективные средства производства и в то же время хозяина содержал? И вот совершился качественный скачок – переход к феодализму.

Сохранение имеющегося качества в известных границах при наличии количественных изменений, качественные скачки, к которым приводит накопление количественных изменений очередного нового качества – это в Учении о бытии в «Науке логики» Гегеля изображается *узловой линией отношений меры*. В Учении о бытии вообще три части – качество, количество, мера. Мера – это окачественное количество, количество определенного качества. Так вот, идет изменение окачественного количества без изменения качества, затем совершается качественный скачок – переход к другому качеству. Снова идет изменение количества, но уже нового качества – опять качественный скачок, переход к новому качеству и т.д. Количество меняется непрерывно, а качество в порядке скачков, то есть перерывов постепенности. ***Перерыв постепенности – это скачок.*** История предстает как узловая линия отношений меры развития производительных сил, скачками же в порядке революций совершаются переходы от более низких к более высоким общественно-экономическим формациям. При этом революции – это не просто скачки, не просто перерывы постепенности, а это такие качественные изменения, которые означают *перевороты* в экономическом базисе, во всех общественных отношениях, в политической и идеологической надстройке и установление более передовой общественно-экономической формации, базирующейся на более высоком способе производства.

Если брать только политическую форму, то можно сказать, что при разложении демократических рабовладельческих государств получились антидемократические монархические режимы. Править в феодальных государствах стал феодальный класс. Феодалы изначально, по рождению, то есть как благородные, предназначены к управлению экономикой и государством. А неблагородные, то есть крестьяне, должны работать на

благородных, и за это им после работы на барщине допускается часть времени работать на себя, на свою семью. Кроме потомственного, было и так называемое служилое дворянство. Так, например, когда В.И.Ленину исполнилось 16 лет, отец его получил за свои заслуги дворянство, и В.И.Ленин стал дворянином. И этот дворянин, пройдя царские тюрьму и ссылку, организовал в России революционную партию рабочего класса и возглавил социалистическую революцию.

Другие вожди пролетариата не были дворянского звания. Вот Энгельс, хоть и фабрикант был, но не благородного звания. Но раз фабрикант, то проспект его имени в Петербурге не переименовали. А Маркс вообще – и не фабрикант, и не благородного звания, поэтому проспект Маркса в Большой Сампсониевский проспект переименовали. Зато книгу его «Капитал» так роскошно после кризиса издали, как и в советское время не издавали. Видимо, кризис допек и помог понять значение гениального произведения Маркса.

При феодализме класс дворян – изначально правящий, а класс крестьян вообще не допускается к государственному управлению. Так что для выборов и голосований, характерных для буржуазной общественно-экономической формации, места нет. Соответственно, нет места и спорам о честных или нечестных выборах. Феодализм – очень честный строй. Крестьяне добывают хлеб насущный, дворяне управляют, вот и все. Это при буржуазной демократии обманывают трудящихся, говоря, что если провести честные выборы, трудящиеся победят. На самом деле – хоть честно проводи буржуазные выборы, хоть нечестно, все равно победят буржуазные партии, потому что господствующей идеологией в обществе является идеология господствующего класса, а люди голосуют в соответствии со своей идеологией. Только безграмотные люди считают, что в результате буржуазных

выборов в буржуазном обществе может победить рабочий класс. Большевики так не считали и потому не рассчитывали победить на выборах в Учредительное собрание. Большевики стали Советы создавать и в Советах бороться. Но разве при буржуазной власти во всех Советах было большинство большевиков? Да ничего подобного. Большевики понимали, что для удержания власти надо привлечь на свою сторону большинство народа. Но как они завоевали большинство? Сначала взяли государственную власть, с помощью этой власти дали землю крестьянам, фабрики – рабочим, объявили мир народам и благодаря этому привлекли на свою сторону большинство. Об этом очень хорошо написано в статье Ленина «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» в 40 томе Полного собрания его сочинений.

То есть после рабовладения более прогрессивное общество образовалось, с прозрачными отношениями и потому, можно считать, честное: продукт, созданный крестьянином на его клочке земли – это необходимый продукт, а продукт, созданный им на барщине, – прибавочный продукт. Помещик выделил крестьянину кусок своей земли, и его не интересует, что и как крестьянин возделывает. А на барщине крестьянин делает то, что ему скажет назначенный баринот управляющий. Раньше рабовладельцу приходилось голову ломать, что сеять, что сажать, что делать, чтобы рабы смогли прокормить себя и хозяина. А теперь? А теперь пусть крестьянин думает о своем прокормлении, а хозяин-барин должен думать, как рациональнее использовать труд крестьян для увеличения своего могущества. Труд на барщине – это святое. Если кто не пойдет на барщину или плохо работать будет, так и плетью сечь можно, закон позволяет. Вспомним Некрасова: «Вчерашний день часу в шестом зашел я на Сенную. Там били женщину кнутом, крестьянку молодую». То есть необязательно сам помещик бил своих крестьян – ведь он благородный. Он отправлял ее на

Сенную, а там были люди, которые за отдельную плату это делали, чтобы после этой процедуры крестьянка была, как шелковая. Это, конечно, строй не демократический, но порядок соблюдали. Смотрите, как все честно: не отработает человек на барщине, то чтобы в следующий раз не увиливал, – поведут на Сенную. И понятнее станет крестьянину, что продукт его труда на барщине – это прибавочный продукт. А необходимый продукт для поддержания своей жизни и жизни своей семьи извольте создавать в свободное от барщины время на своем клочке земли. Вы себе и сено можете накопить – барин разрешает. В лес тоже можете ходить за грибами. И за ягодами тоже можете ходить. И коров пасти – только пусть не заходят на помещичье поле, а вот на неудобьях вы можете своих лошадей и коз пасти. Короче говоря – ну, почти полную свободу дали этому крестьянину. Излишек своих продуктов можете продавать, если после работы на барщине после того, как вы накормили жену и 10–13 детей, у вас еще остались излишки продукта, созданного в свободное от барщины время. Тогда вы можете свезти их на рынок, продать, а на вырученные деньги купить гвозди, подсолнечное масло и соль. А остальное сами делаете, опять же в свободное от барщины время – прядите, тките, шейте, стирайте – почти полная самостоятельность, если бы не барщина. В переходный период от социализма к капитализму многие требовали – дайте нам самостоятельность в хозяйственных вопросах! Так вот была такая самостоятельность у крестьянина, хотя и не полная.

Так что феодализм – замечательный строй. Теперь при буржуазном строе разве так? Вот вы пойдете на работу, устроитесь на завод. Вам скажут – мы вас наняли на восемь часов, и восемь часов вам будут указывать, что делать. Пойдите туда, сделайте то, потом то, потом вот это и т.д., тут есть нормы, контроль и т.д. На заводе какая свобода? Там обстоятельства господствуют над вами,

а не вы над обстоятельствами со знанием дела. Вот выйдете за ворота – тут, пожалуйста, свобода. Считается, что вы свободный человек, если свободно продали на восемь часов в день свою рабочую силу, то есть способность к труду. И в течение рабочего времени ее свободно использует тот, кто ее купил. Но кончатся восемь часов, и вы скажете: «Все». А могут вас заставить работать сверхурочно? Нет, это будет нарушением Трудового кодекса Российской Федерации. Так вот миллиардер Прохоров хочет изменить Трудовой кодекс и заставить всех работать не 40, а 60 часов в неделю. Видимо, ему не хватает средств на покупку новых островов. Ни один помещик не додумался до того, чтобы сделать барщину такой, чтобы работник практически не имел времени для заботы о себе и своей семье. Помещики, между прочим, в случае голода у крестьян открывали амбары и выдавали зерно крестьянам, чаще всего в долг. Потому что если умрут крестьяне, не будет помещика. А если будет мало крестьян? Тогда помещик будет мелкопоместным дворянином, ничтожным по своему влиянию.

Можно считать, что для своего времени феодализм был замечательным строем, долго от него не хотели освободиться. Взять крестьян – в таких сарафанах ходили! А дворяне какие балы давали! Да разве нынешняя дискотека с ними сравнится? Почему же феодализма не стало? Потому что крепостные крестьяне работали на барщине хотя уже и не так, как рабы, но и без особого энтузиазма. Ну, как могли относиться на барщине крепостные крестьяне к работе? Так, что серьезную технику им лучше не давать. А техника развивалась уже вовсю в период крепостничества, уже открытия были крупные сделаны технические. Уже не только механизмы применялись, но и машины появились. Но эти машины не могут использоваться подневольными крепостными. Поэтому не только были крестьянские восстания Степана Разина, Петра Болотникова,

Емельяна Пугачева, но в России против крепостничества в 1825 году восстали даже передовые представители господствовавшего помещичьего класса – декабристы. А царь, вместо того чтобы сказать, что еще рано, подождите еще 39 лет, кого повесил, а кого в ссылку отправил. Почему наиболее просвещенные представители господствующего, эксплуататорского класса выступили против феодализма? Потому что как люди образованные, культурные, как передовые люди своей эпохи, они видели тенденции исторического развития и понимали, что для развития России нужно уничтожить крепостничество. И в России крепостничество довольно быстро уничтожили – в 1861 году. А в Соединенных Штатах Америки в 1863 году еще только было уничтожено рабовладение.

Истины ради следует отметить, что крестьян отпустили на волю, отобрав у них, отрезав значительную часть той земли, которую они фактически использовали. Поэтому земельный вопрос не был решен в 1861 году в России. Но после 1861 года никто в России за крепостничество не выступал. Да и затем события в России развивались не совсем так, как в других странах, которые почему-то называют передовыми. В них после буржуазных революций проходили феодальные контрреволюции, а в России через несколько месяцев после февральской буржуазной революции произошла социалистическая революция.

История развития феодализма в различных странах подтвердила необходимость не просто скачка, но и полного переворота во всех общественных отношениях, в политической и идеологической надстройке и перехода от феодализма к более передовому – буржуазному строю. Политический переворот состоял в том, что феодальный класс, который был правящим, перестал быть правящим, а буржуазия, которая народилась в лоне феодализма, стала господствующим классом.

Перед тем, как в европейских странах произошли буржуазные революции, в сфере общественного сознания также наметился переворот, произошли изменения, затронувшие и историческую науку. В преддверии буржуазных революций феодальные историки доказывали, что управлять государством могут только благородные, а чернь, в том числе и буржуазия, не может управлять государством. В спор с феодальными историками вступили историки, явившиеся выразителями интересов класса буржуазии. Буржуазные историки Тьерри, Минье и Гизо выступили с теорией о том, что в обществе существуют классы, и управлять государством могут не только феодалы, но и другие, противоположные им классы. Тем самым они сделали выдающееся открытие – впервые выдвинули теорию классов и классовой борьбы. Нередко открытие классов и классовой борьбы приписывают Марксу. Но Маркс от этого решительно отрекся. В одном из писем к Кугельману Маркс специально подчеркнул, что не он открыл классы и классовую борьбу – это сделали французские буржуазные историки. То, что я сделал, писал Маркс, сводится к обоснованию того, что: 1) предшествующая история есть история борьбы классов; 2) эта классовая борьба ведет к диктатуре пролетариата и 3) диктатура пролетариата есть переход к обществу без классов, к коммунизму.

Таким образом, мы видим, что изменения в идеологической надстройке сыграли свою роль в подготовке буржуазной революции, причем в России даже некоторые представители господствующего феодального класса выступили против прежней системы ведения хозяйства и прежнего общественного строя. Часть активно, часть пассивно. Те помещики, которые не выступали против отмены крепостного права, по сути дела поддержали эту отмену. «За» они не выступали в отличие от декабристов.

«Против» тоже не выступали. И что стало? И стала буржуазной Россия в итоге.

Но царь и помещичье-царская власть еще оставались. А кто царя прогнал? Большевики? Нет, буржуазия прогнала. Сказала – править вам уже хватит, и царь отрекся в пользу брата Михаила. Пошли к Михаилу, время военное – убедили его также отречься. При поддержке народных масс была уничтожена царская власть – власть помещиков. Буржуазия, используя народные выступления в Петрограде, сформировала свое правительство. Произошла февральская буржуазная революция. В экономике она уже произошла давно и, наконец, произошла и в политике.

Буржуазное правительство не пошло на быстрое решение задач буржуазной революции и тем ускорило приближение социалистической революции, которая передала землю крестьянам, доведя тем самым буржуазную революцию до конца.

Великая Октябрьская социалистическая революция по сути дела произошла мирно, в том числе потому, что те, кто ее совершал, были хорошо вооружены и готовы к подавлению любого сопротивления. А сопротивление проводимому под руководством большевиков вооруженному восстанию рабочих, матросов и солдат было слабым – юнкера да женский батальон. До сих пор историки не могут точно сказать, сколько человек при этом погибло и погибло ли. Говорят, не больше шести. В современной России ежедневно в одних ДТП погибает гораздо больше людей, чем погибло в Октябрьскую социалистическую революцию. Генерала Краснова отпустили под честное слово, что он не будет воевать против Советского правительства. Он вроде благородный был человек, но не сдержал своего слова и стал поднимать на Дону казачество против Советской власти, оказался среди тех, кто развязал гражданскую войну.

В основе скачка, который произошел при переходе от феодального общества к буржуазному, конечно, лежали изменения в орудиях и средствах производства, которые привели к бурному развитию производительных сил. Это факт, что в рамках буржуазной общественно-экономической формации произошло колоссальное развитие производительных сил. Мы сколько угодно можем говорить, что это строй эксплуататорский, но и предыдущий строй тоже эксплуататорским был. И рабство было эксплуататорским строем. И, тем не менее, каждый способ производства и, соответственно, каждый общественно-экономический строй были способом и формой развития производительных сил. Недостаточно просто констатировать – там эксплуататорский строй, там эксплуататоры. Они подавляют. Они господствуют. Они паразиты. Это все так. Но это не вся правда. А правда состоит и в том, что каждый последующий строй способствует более быстрому развитию производительных сил. А главной производительной силой является трудящийся человек. Следовательно, переход от отживающей к более передовой общественно-экономической формации способствует развитию трудящихся.

Хоть и говорят про крепостного крестьянина, что он темный, он уже не такой темный, как раб. По сравнению с помещиком крестьянин был, конечно, темным, ясное дело. Он Вольтера не читал. Вот царица Екатерина Вторая была просвещенной и не только книги его читала, но и переписку с ним вела. Недаром ей в Петербурге хороший памятник стоит – она, и вокруг нее ученые, писатели, деятели искусства.

Как стать просвещенным? Свободное время надо иметь. Когда у нас появился капитализм, сколько у нас в России был рабочий день? 11,5 часов. А после февральской буржуазной революции уже 8-часовой. Расширилось пространство для развития работников.

До буржуазной революции правил класс дворян. Буржуазия была подавляемым классом. Буржуазия взяла верх под общенародными лозунгами. Каков главный лозунг буржуазной революции? Свобода. От чего? От всего. И вот трудящиеся, которые учувствовали в этой буржуазной революции, стали свободными от всего, прежде всего от средств производства. Осталась у них только их рабочая сила, за счет продажи которой собственникам средств производства – капиталистам – они только и могут жить в буржуазном обществе.

Буржуазия обеспечила всем формальное равенство, про которое еще Чернышевский говорил, что каждый может есть на золотом блюде, если оно у него есть. В современной России у олигарха Усманова – порядка 18 миллиардов долларов, а средняя зарплата в России лишь 23 тыс. рублей в месяц. При этом 18,6 миллиона человек получают доход ниже 7 тыс. рублей в месяц, а топ-менеджеры ведущих компаний – свыше 200 тыс. рублей в месяц. В банках топ-менеджеры получают около 300 тыс. рублей. А самые топ-топ менеджеры, например, как в Сбербанке, получают в месяц свыше 3 миллионов (зарплата плюс бонусы). Видно, больно тяжкий это труд – со всей страны, со всего народа деньги собирать. Во всяком случае, чувствуется, что у нас свобода. Дескать, вы свободно несете деньги, а мы свободно устанавливаем себе зарплаты и бонусы. Кто сейчас устанавливает зарплаты? Не государство. У нас банки коммерческие, сколько хотят, столько и устанавливают.

И все-таки капитализм – более прогрессивный строй по сравнению с феодализмом. Многие в России в конце XIX века не хотели верить, что у нас нарождается капитализм. Не хотели. Прямо писали – у нас община, у нас все по-другому. Ленин же в работе «По поводу так называемого вопроса о рынках» показал, что у нас развивается рынок для капиталистической

промышленности. А более обстоятельно, на огромном статистическом материале это Ленин доказал в книге «Развитие капитализма в России», написанной им в сибирской ссылке. В ссылку Ленина отправили, сначала продержав в тюрьме. А в тюрьме он сидел за организацию «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». При царизме действовал такой порядок, что тех дворян, которые выступают за освобождение рабочего класса, надо сажать в тюрьму и отправлять в ссылку.

И вот Ленин, отсидев срок в тюрьме, был отправлен в ссылку и, используя, в том числе, и то, что пособие у него как у дворянина было не маленькое, больше чем у других, не благородных, написал фундаментальную книгу «Развитие капитализма в России», изданную под псевдонимом В.Ильин. Она составляет теперь 3-й том Полного собрания сочинений В.И.Ленина. Более скучной книжки у Ленина не знаю. Одни цифры. Показывается, как у нас нарождается капитализм везде – в деревне, в городах. Причем все – по данным переписей. Земские переписи очень хороши были у нас тогда, была прекрасная статистика земская, такой сейчас нет. Настолько работа Лениным была проделана фундаментальная, что после этой книги дискуссии у нас в России по поводу того, развивается у нас капитализм или нет – завершились, и очень быстро.

Но все это относилось к экономическому базису. А произошел в России переворот в надстройке в 1861 году? Нет. Он происходил в экономическом базисе. В экономическом базисе он шел без всяких разрешений или указаний феодальной власти. И так уже некоторые помещики отпускали крестьян и нанимали их уже как рабочих. А раз уже не было крепостных, значит, в экономике пошло бурное развитие капитализма. А в политике? Пока в политике переворот не произошел, нельзя говорить, что эта революция завершилась, потому что революция означает

переворот не только в экономическом базисе, но и в надстройке. А в надстройке буржуазный переворот произошел в феврале 1917 года.

После февральской революции Троцкий выдвинул лозунг: «Без царя, а правительство рабочее!» Дескать, давайте прямо сейчас установим рабочее правительство и будем непосредственно переходить к социализму. А Ленин объяснял, что невозможно это. Пока люди работают по 11,5 часов и пока они не получают некоторого опыта участия в государственном управлении, для чего, как минимум, нужен 8-часовой рабочий день, пока рабочие не привыкли пользоваться этим расширением свободного времени для участия во всех государственных делах, без этого никакого социализма быть не может. Поэтому не получается сразу без царя рабочее правительство, должен пройти определенный период, хотя бы самый маленький, хотя бы несколько месяцев, когда люди не по 11,5 часов работают а по 8 часов и, следовательно, широкие массы прежде всего рабочего класса могут участвовать в революционном движении и в управлении государством. И вот пошел бурный процесс создания Советов и в этом Россия вышла на самые передовые позиции по сравнению с развитием рабочего движения в других государствах. Потому что Советы придумал не какой-то теоретик. Советы придумали русские рабочие. Впервые в истории человечества они появились в России в Иваново-Вознесенске в 1905 году. Говорят – во Франции была Парижская коммуна. И это великое достижение французского рабочего класса. А у нас таких городских коммун было одиннадцать. В одиннадцати городах Советы установили рабочую власть. Только в Париже коммуна формировалась по территориям, по районам, по аналогии с тем, как формируется буржуазный парламент. А у нас Советы формировались из представителей заводов и фабрик – депутатов в Советы направляли от забастовочных комитетов. Забасткомы же –

это органы, которые могут остановить производство на предприятии в любой момент и тем самым представляли собой реальную власть. И вот если в других странах после буржуазных революций нередко происходили обратные перевороты к установлению власти свергнутого феодального класса, то есть совершались феодальные контрреволюции, то в России не удалась ни феодальная контрреволюция, ни буржуазная.

Советская власть доказала свой прогрессивный характер и в гражданскую войну, которую при поддержке империалистических государств развернула свергнутая российская буржуазия. Контрреволюция не получилась, хотя Антанта белогвардейцам всю помогала. А почему? А потому, что у нас не только рабочие, но и крестьяне, то есть сельские мелкие буржуа, получившие наконец в результате Октябрьской революции землю, отдавать ее не хотели и встали грудью на защиту завоеваний третьей русской революции. Вот Деникин двигался с юга к Москве во время гражданской войны, все больше и больше завоевывал территорию, и казалось, что Советская власть висела на волоске. Но Деникин, наступая, отбирал у крестьян землю, которую передали им большевики, реализовывая эсеровскую программу разделения земли по едокам. Большевики понимали, что если разделить землю по едокам, то неравенство в деревне на основе товарного производства восстановится, но если народ требует – надо осуществить его волю, и большевики эту народную волю осуществили. Большевики реализовали не свою программу уничтожения отрезков и создания общественного сельского хозяйства, а программу крестьянскую. И вот наступает Деникин, и везде, где он прошел, вешали тех крестьян, которые получили землю, и устанавливали опять помещичье землевладение. И тогда крестьяне решили для себя, что большевики, конечно, плохие люди, но белогвардейцы гораздо хуже. Крестьяне решили с

Деникиным и белогвардейцами биться насмерть, погнали Деникина и белогвардейцев и разгромили их. Или кто думает, что рабочие без активной поддержки крестьян могли победить в гражданской войне? Они победили также при помощи бывших царских офицеров, которые, между прочим, считали, что Советское правительство – это правительство отечественное, оно нам тоже не нравится, но оно же не иностранное. А другая часть офицеров, в целом менее высокого ранга, поддерживала иностранные правительства, направлявшие белогвардейцев.

Рассматривая вопросы революции, мы должны отдавать себе отчет в том, что и в революционное время наряду с более сильными прогрессивными тенденциями имеются реакционные. Так что победа революции – это победа прогрессивной тенденции, но это не значит, что реакционная тенденция после революции вообще исчезла куда-то. Она не пропала, может усилиться и привести к ликвидации завоеваний революции и снова к возврату всего старого общественного строя или прежнего политического строя. Конечно, возврат к прежнему экономическому строю – вообще дело тяжелое. Например, превратить экономику капитализма в экономику феодализма еще никому не удавалось. Это не получится. Хотя монархические партии и есть и они выступают за то, чтобы у нас был царь или король, но чтобы вернуть царя или короля, надо вернуть дворянство, феодалов, а для этого нужно свободных работников снова сделать крепостными, вернуть феодальную зависимость. Но это сделать уже никакими силами невозможно. Поэтому все сводится просто к любви к маскараду – ведь царь, ясное дело, красивее одевается, чем президент. Некоторые у нас сейчас покупают дворянские титулы. Есть же у нас сейчас всякие дальние родственники царей, королей, графов и они не прочь за мзду устроить дворянский титул тому, кто став преступным путем собственником нескольких крупных

предприятий, хотел бы обзавестись и звонким дворянским титулом. Однако после того, как капиталистический экономический строй установился, вернуть крепостническое производство с барщиной никому не удавалось. Поэтому хотя и может быть контрреволюция и бывает контрреволюция, но не всегда контрреволюция может вернуть прежний способ производства. Трудно было и экономику первобытнообщинного коммунизма вернуть после того, как вожди племен вышли из общин, заведя себе рабов и заставив их на себя работать. Практически невозможно было вновь превратить в рабов и тех крепостных, которые уже освободились от крепостной зависимости. Так же невозможно рабочего превратить в крепостного. Поэтому когда мы говорим о контрреволюции как о перевороте в обратную сторону, противоположную прогрессу, мы осознаем, что все, что завоевала революция, контрреволюция забрать не может. Поэтому Ленин и говорил, что чем дальше пойдет революция, тем меньше отберет контрреволюция.

Представим себе, что в 1917 году в России победил бы корниловский мятеж. Что бы произошло? Были бы попытки насадить крепостничество снова. Так если царь в 1861 году издал указ об освобождении крестьян от крепостной зависимости, так даже кровавая корниловская диктатура, попытавшись, не смогла бы вернуть крепостнически-помещичье хозяйство. И поэтому с корниловщиной воевало Временное правительство. А кто помогал Временному правительству? Большевики, красногвардейцы. Сначала помогли разбить Корнилова. Ну, а потом разобрались и с Временным правительством. Так бывает в политике. Большевики временно соединялись с теми, кто левее, чтобы вместе разбить тех, кто правее.

Всякая контрреволюция – это движение вспять. Ну, а может быть криминальная революция? Нет, не может по определению,

потому что революция – это гигантский скачок вперед, в направлении общественного прогресса. Революции – это локомотивы истории, это праздники угнетенных масс. Революция – это гигантский шаг вперед, шаг прогрессивный, а не реакционный. Поэтому он может считаться преступным лишь с точки зрения тормозящего общественный прогресс бывшего правящего класса, с точки зрения реакционеров. Реакционеры возмущены тем, что хотя на них раньше все время работали, а теперь больше работать не будут. Поэтому представители реакционных классов и объявляют революцию криминальной. Тем более, что прежний правящий класс все сделал для своего господства, закрепив его законом и силой своего государства. Но революция разбивает вдребезги государство реакционного класса и рвет на клочки порабоцевавшие трудящихся прежние законы. Так передовая буржуазия, приходя на смену феодалам, поступила с феодальным государством и феодальными законами, установив диктатуру капиталистического класса. Так же поступил и передовой рабочий класс России, камня на камне не оставивший от буржуазного государства и обеспечивавших господство буржуазии законов, установив диктатуру пролетариата в форме Советской власти.

С точки зрения феодальной знати, когда к власти приходит какая-то буржуазия и устанавливает свою власть – это точно криминал, потому что она нарушает законы феодального государства. Не только нарушает – она вообще разрушает всю феодальную законность и устанавливают какую-то другую, для феодалов – неизвестно откуда выскочившую, поэтому с точки зрения феодалов криминальную законность. А те, кто нарушает установленные классом феодалов законы, кто такие? Преступники. А раз они преступники, значит, это криминал и, значит, революция с точки зрения реакционного класса – криминальная. Но это с точки зрения реакционного, а не передового класса.

Вообще историк – это человек, который изучает современность как продукт предшествующего развития человечества. Знания исторические мы получаем не для того, чтобы рассказать, как нужно было действовать такому-то царю в прошлом, а для того, чтобы можно было сегодня сделать правильные выводы, в том числе в отношении проводимой политики, основываясь на историческом опыте человечества, той борьбы, которую человечество вело в разных формах, в том числе и внутри прежних обществ. Вот с этой точки зрения, когда нам сегодня рассказывают, что на Ближнем Востоке якобы совершаются революции, мы однозначно можем сделать вывод, что это обман. Есть там хоть одна страна, где совершается революция? Нет там сейчас таких стран. Напротив, во многих арабских странах свое влияние усиливает Аль-Каида. Если Аль-Каида непосредственно придёт к власти или придут близкие к ней буржуазно-исламистские силы, это прогресс или регресс? В свое время уничтожавшие феодализм прогрессивные буржуазные революции отделили церковь от государства. Наиболее решительно выступали французские буржуазные революционеры за отделение церкви от государства и школы от церкви. И вот на Ближнем Востоке приходят или возможно придут к власти в целом ряде стран, при поддержке крупнейших буржуазных государств, которые уже давно отделили государство от религии и церкви, реакционные силы, которые вновь пытаются соединить государство и религию, как это было в период феодализма. В период феодализма имело место соединение государства и церкви. Это, конечно, не будет контрреволюцией в том смысле, что как там был капиталистический строй, так он там и останется, не реставрируется крепостничество после прихода исламистов. Поэтому контрреволюции не будет, а вот наступление реакции будет. Будет устанавливаться более реакционный политический строй по сравнению с тем, который имеется в США.

Более реакционный, чем в Англии, более реакционный чем во Франции. И те же Америка, Англия и Франция, исходя из своих империалистических интересов, грубой силой насаждают реакционные исламские режимы, поскольку рассчитывают, что им легче удастся подчинить их своему влиянию. Какую еще власть, как не марионеточную, могут установить так называемые повстанцы, которые могут продвигаться только с помощью вооруженной поддержки империалистических государств?

Известно, что буржуазия делится на национальную и компрадорскую. Что такое компрадорская буржуазия? Это буржуазия, которая не просто сотрудничает с иностранной буржуазией, а служит ей и за счет этого имеет свою прибыль. Компрадорская буржуазия обеспечивает передачу национальных богатств в руки иностранного капитала. США выгодно, чтобы в Ливии был компрадорский режим. И в Йемене было бы хорошо иметь такой режим, и в Сирии. Компрадорская буржуазия с удовольствием будет прислуживать американцам, потому что американцы ей за это платят. И вот уже компрадорски настроенные мелкобуржуазные элементы объявляют себя повстанцами. А крупнейшие империалистические государства поддерживают этих «повстанцев». То есть получилось, что интересы крупной империалистической буржуазии, которая уже давно у себя отделила церковь от государства, требуют того, чтобы власть на Ближнем Востоке получили хоть и исламисты, но лишь бы они помогали из стран Ближнего Востока выкачивать те богатства, то сырье, которое нужно для обогащения империалистических государств. И в этом смысл организуемых там реакционных переворотов, которые для прикрытия выдаются за революции.

Если раньше ЦРУ скрытно занималось организациями переворотов в интересах американской монополистической

буржуазии, то сейчас этим занимаются другие организации открыто. В США есть так называемый Международный республиканский институт, который возглавляет бывший кандидат в президенты Маккейн. Этот институт располагает очень большим бюджетом, из которого оплачивается деятельность десятилетиями находящихся в соответствующих странах эмиссаров, которые там живут, работают, играют в гольф, контактируют, создают независимые от правительства соответствующей страны средства массовой информации, но, разумеется, зависимые от тех, кто платит деньги. И вот эти самые эмиссары помогают так называемым повстанцам, то есть сторонникам империалистической буржуазии в данной стране – компрадорской буржуазии взять там власть.

То есть получилось у нас, что мы искали, искали по всему миру современные политические революции и пока не нашли. Сейчас нет политических революций. Потом стали искать контрреволюции – и пока тоже не нашли. А реакцию нашли, реакционные действия, проявления реакции, тенденции реакционные. Осуществление и поддержку реакционных тенденций тоже нашли. Политическую безграмотность или умышленное запутывание ситуации тоже мы нашли в отношении того, что происходит на Ближнем Востоке. Надо сказать, что, к счастью, тут у нас в России всех не запутаешь, у нас очень много было здравых выступлений, в том числе и по телевидению, и в Думе, и в печати, в которых вполне правильно оценивается то, что происходит на Ближнем Востоке. И если не все, то очень многие знают, что у Маккейна есть большая карта – на ней зеленым закрашены все те государства, которые идут в кильватере американского государства, и синим закрашены все те, кто проводит независимую от США политику. В «синие» попадают Россия, Китай, Северная Корея, Куба, Венесуэла, значительная

часть Африки и часть Ближнего Востока. Непорядок. Так надо навести американский порядок в мире, над чем работает бывший кандидат в президенты США Маккейн, который занимается непосредственно практической работой во главе соответствующего института.

Однако вернемся к современной буржуазной России, которая, как известно, является преемницей Советского Союза. У нас в Советском Союзе был социализм, то есть коммунизм в низшей фазе, а сейчас в России капитализм. Значит, у нас произошла социальная контрреволюция. Остается выяснить ее период. Началась она с политической революции – если социалистическая революция в политической надстройке у нас произошла в Октябре 1917 года с установлением диктатуры пролетариата, то политическая контрреволюция произошла в октябре 1961 года, когда XXII съезд правящей КПСС принял новую партийную программу, из которой диктатура пролетариата была изъята. Это было началом перехода опять к диктатуре буржуазии. Не случайно, уже в следующем 1962 году в Новочеркасске были расстреляны рабочие, выступившие против понижения расценок и повышения цен.

Если диктатура пролетариата записана в Программе партии, то ее может и не быть. Правильно? А вот если она выбрасывается из Программы партии, ее уж точно не будет. В Программе партии, написанной Лениным, от которой КПСС отказалась в 1961 году, было записано, что при дальнейшем росте производительности труда необходимо осуществить переход к шестичасовому рабочему дню с обязательством каждого работника два часа уделять ежедневно обучению военному, профессиональному искусству и практическому обучению технике государственного управления. Это означало бы реальное осуществление диктатуры пролетариата. Программу эту не выполнили и при Хрущеве выбросили.

Произошла политическая буржуазная контрреволюция и началась социальная, которая завершилась к началу 90-х годов полной ликвидацией общественной собственности на средства производства и установлением капиталистической системы хозяйствования с соответствующим преобразованием всей системы общественных отношений, политической и идеологической надстройки.

Из старых сундуков достали пропахший нафталином либерализм, который провозглашал, что, дескать, рынок все решит. Быстро выяснилось, что рынок крупных современных проблем не может решить, но зато крупные предприятия и лучшие научные и проектные институты может порешить. И рынок стал уничтожать высокотехнологические производства, институты, образование, культуру, медицину, науку. А что говорит передовая буржуазная наука? Что нельзя полагаться на рынок, а надо осуществлять государственное регулирование экономики. Кейнс об этом книгу написал в 1935 году – «Общая теория занятости, процента и денег». А контрреволюционерам некогда было современные книжки читать. Они повторяли то, что было написано Адамом Смитом применительно не к современному монополистическому капитализму, а применительно к капитализму стихийной конкуренции – «о невидимой руке рынка». В итоге был учинен форменный разгром экономики, от которого она до сих пор оправиться не может. Сейчас мы наблюдаем не извлечение уроков из пройденного, а ренессанс этого либерализма, отсталой теории, которая была годна для прошедшего уже времени капитализма стихийной конкуренции. Раньше было так, что я произвел корзину и пошел на рынок: «Купите, пожалуйста, корзину!». А вы говорите: «Нет, корзину я не куплю». Я взял корзину и пошел домой, чтобы прийти завтра. Это было раньше. А сейчас я что, на свой страх и риск сделаю подводную лодку атомную, заверну в

газетку и пойду к метро: «Купите подводную лодку, вам не надо до Гавайских островов? Отлично доедете, и пираты вам не помешают!». Не купили – я завернул лодку в газетку и понес обратно – Так рынок регулирует? Это просто смех. Сейчас ведь весь мир работает на заказ. Приехал товарищ Путин в другую страну и говорит: «Хотите танки?» Те говорят: «Хотим». «Давайте деньги». Те: «Даем». Что мы продали? Идею танков. Идею продали, этих танков нет еще, мы лишь получили на них заказ и часть финансирования этого заказа. Мы в Индию так продали 300 танков. Индия заказала 300 комплектов, чтобы на индийском заводе самим их собрать. Пожалуйста. Послали в Индию комплекты танков наших. Они и собрали их, индийские специалисты. Хорошие танки получились, только не едут и не стреляют. Индийцы: «А вы не можете обратно забрать эти комплекты, собрать и дать нам готовые танки?». Мы: «Давайте деньги». Забрали эти комплекты и дали им танки, которые ездят и стреляют. Индийцы нам: «Спасибо!» Что продавали, следовательно, наши руководители? Сначала идею танков. Продали идею танков, а как только деньги поступили, мы на эти деньги развернули производство, оплачиваем рабочих, инженеров, служащих, закупаем необходимые средства и материалы и производим танки, потому что мы умеем производить танки. Ну, а пока не заключим договор и не получим под него финансирование, ничего не будем производить. Вот что такое работа на заказ, а не на неизвестный стихийный рынок. Или вот у нас есть новый самолет «Суперджет». Наше правительство не очень его закупает и «Аэрофлот» не очень хочет. Но мексиканцы у нас купили. Что купили? Есть эти самолеты? Отдельные экземпляры. Поэтому что купили? Идею. Деньги поступят – мы самолеты произведем и им сдадим. Деньги дадите – будут самолеты, деньги не дадите – не будет самолетов.

Весь мир работает на заказ. Это должен усвоить современный человек – не только любой экономист, но просто любой грамотный человек должен знать и понимать, что весь мир работает на заказ. Будет заказ – сделаем, не будет заказа – так никто и не пошевелится. Никакая серьезная фирма на рынок просто так, кроме разве рекламных демонстрационных образцов, делать не будет. Сколько лет строится, например, современная атомная подводная лодка? 10 лет. Таких предприятий просто нет, которые могут себе позволить 10 лет на свой страх и риск такую лодку делать, чтобы потом вынести ее на рынок и узнать, купит ее кто-либо или нет. Нет, вы сначала заключите с предприятием договор, дайте заказ и хотя бы частично его оплатите, только после этого изделие начнут производить, а иначе и не начнут. А корабль военный? Авианосец – сколько его делают? Поэтому у нас из надводных военных кораблей выпускали, в основном, корветы. А что такое корвет? Это сторожевой корабль. Выйдут американские авианосцы, а мы на корветах выплывем навстречу. И что? И посмотрим, куда они плывут. А что мы еще можем сделать на корвете против авианосца или крейсера? Ну, вот уже начинают фрегаты делать, уже заказали фрегаты. Есть прогресс в работе на заказ, и заказы обещают давать не во второй половине года, а в первой и со сроком не один год, а три или даже семь. И хотя либеральный бред о регулирующей роли рынка еще продолжают нести, но характерная для этапа монополистического капитализма работа на заказ все же берет верх.

Так когда же у нас произошла буржуазная контрреволюция? Когда у нас из Программы правящей в государстве партии выкинули главное в марксизме? Чтобы знать, что главное в марксизме, не обязательно быть марксистом. Если я представитель буржуазной науки и занимаюсь марксологией, могу я узнать, что главное в марксизме? Могу. Или так уж трудно прочитать труды

Ленина и узнать, что главное в ленинизме? Квалифицированные сотрудники ЦРУ знают, что главное в марксизме и ленинизме – это учение о диктатуре пролетариата. И вот выкинула КПСС на XXII съезде из своей Программы тезис о диктатуре пролетариата. Причем это сделал не какой-то свихнувшийся член партии или какой-то отдельный зараженный ревизионизмом идеолог, а совершил этот акт отречения от марксизма и ленинизма высший орган правившей в Советском Союзе партии. И вот на XXII съезде по докладу Н. С. Хрущева, первого секретаря, который отличался тем, что вообще в марксизме и ленинизме не разбирался, но считался верным ленинцем, вот по докладу Хрущева XXII съезд единогласно, единогласно, что очень печально, принял решение изменить Программу партии и тезис о диктатуре пролетариата оттуда изъять. Итак, правящая партия решила выбросить из своей Программы диктатуру рабочего класса, то есть больше не быть партией диктатуры рабочего класса, а заодно и вообще партией рабочего класса. Цель производства решила тоже поменять. До этого цель производства была сформулирована и в первой, и во второй Программе партии так – обеспечение благосостояния и всестороннее развитие всех членов общества. А вместо этого записали – удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей советских людей. Будем удовлетворять растущие потребности ваши! Вы больше пьете, а мы все более полно удовлетворяем. Еще больше – мы еще более полно удовлетворяем. То есть новая задача производства – уже не в развитии всех членов общества, а просто в удовлетворении потребностей людей, вне зависимости от того, что это за потребности. Есть потребность – курите, пока не умрете от рака легких. Есть потребность в наркотиках? Есть. Тем более водка и курево – это тоже наркотики. И нашли другие. Давайте все более полно удовлетворять. Сейчас так и делается – все более и более полно удовлетворяются

потребности. А обеспечения полного благосостояния и всестороннего развития всех членов общества нет. Ешьте, пейте, а о ликвидации социального неравенства не думайте. А раньше какая цель была? Социализм есть уничтожение классов – писал Ленин. Все более-менее грамотные марксисты понимают, что уничтожить социальное неравенство – это значит уничтожить деление общества на классы. А для полного уничтожения классов недостаточно уничтожить частную собственность, нужно еще уничтожить различие между городом и деревней, людьми физического и умственного труда. А это дело очень долгое, и пока это не сделано, должна существовать диктатура рабочего класса. Эта диктатура должна соответственно существовать до полного уничтожения классов, то есть до полного коммунизма. А у нас был полный коммунизм? Нет.

Вывод, который мы должны сделать и подчеркнуть – политическая контрреволюция произошла в 1961 году. Поэтому, конечно, мы можем ругать Ельцина, Горбачева, Брежнева. На Брежнева что-то не нападают, а зря, можно некоторые обвинения добавить. Вот в Программе партии, принятой XXII съездом КПСС, было записано, что рабочий класс имеет при социализме *руководящую* роль. Но в брежневский период ее вытеснила другая формула – у рабочего класса *ведущая* роль. А в чем разница? В том, что тот, кто руководит, определяет, кто ведет и куда. Если человек садится за руль и едет один, то у него управляющая роль, а ведущая роль у ведущего моста. Так вот: во всей идеологической практике брежневского времени везде вместо руководящей роли рабочего класса редакторы вписывали: «ведущая», то есть упоминание о руководящей роли рабочего класса изгонялось.

А про тех членов партии, которые в вопросе о диктатуре пролетариата не разбирались, ленинскими словами можно и нужно сказать следующее. Тот, кто не понимает, что должна быть либо

диктатура пролетариата, либо диктатура буржуазии, тот либо безнадежный идиот, либо политически настолько неграмотен, что его не только на трибуну, но и на собрание пускать стыдно². И вот политически неграмотные члены партии у нас, к сожалению, ко времени XXII съезда стали легкой добычей ревизионистов, ренегатов, отступников от марксизма. Поэтому правильно будет считать, что политическая контрреволюция произошла в СССР в 1961 году. Октябрь 1961 года следует считать началом переходного периода от коммунизма к капитализму.

Если государство уже не было государством рабочего класса, то государственная собственность стала формой какой собственности? Вот если государство – это государство рабочего класса, а рабочий класс имеет самые передовые, общественные интересы, то, направляя экономику в общественных интересах, он экономически обеспечивает общественную собственность. Потому что общественная собственность имеет место как экономическая реальность тогда и только тогда, когда она осуществляется посредством подчинения производства общественным интересам. Следовательно, с уничтожением диктатуры рабочего класса рабочий класс, а вместе с ним и все общество лишилось подчинения производства интересам рабочего класса, то есть общественным интересам и тем самым лишилось общественной собственности на государственные средства производства. А государственно-партийный номенклатурный верх получил государственную собственность. Правда, для прикрытия государство и собственность объявили общенародными. Но общенародных государств не бывает, поэтому так называемая общенародная собственность фактически стала частной собственностью партийно-государственной верхушки. И что

² В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т.38, с. 56.

осталось сделать, чтобы прийти к обычной частно-капиталистической собственности? Когда-то ее надо было поделить. А делить ее стали уже после Горбачева при Ельцине. Горбачев стремился привести партию к тому, чтобы она постановила осуществить приватизацию. И он это сделал. Апрельский 1991 года Пленум ЦК КПСС, несмотря на решительный протест со стороны представителя Движения коммунистической инициативы члена ЦК КПСС профессора А.А.Сергеева, провозгласил ориентацию на рынок и приватизацию. А что такое приватизация? Превращение общей собственности в частную собственность отдельных лиц. Тем самым КПСС перестала существовать как коммунистическая партия. А непосредственно приватизация проводилась уже при Ельцине. И все это было продолжением той по сути дела антикоммунистической политической линии, которая была взята на XXII съезде КПСС.

В экономике поворот на рынок, на товарное хозяйство, высшей формой которого является капитализм, произошел в 1965 году. Летом 1965 года в газете «Правда» прошло как бы обсуждение вопроса о том, на что должны быть сориентированы предприятия. Харьковский экономист Е.Г.Либерман выступил в газете «Правда» со статьей о том, что надо основным показателем деятельности предприятия сделать прибыль. Его поддержали директор Объединения им. Свердлова Г.А.Кулагин и член-корреспондент АН СССР Л.А.Леонтьев. Представителям другой точки зрения слово в «Правде» предоставлено не было. А ведь советская социалистическая экономика добилась грандиозных успехов благодаря тому, что предприятия были сориентированы не на прибыль, а на снижение себестоимости продукции. А за счет чего можно снизить себестоимость? За счет внедрения достижений научно-технического прогресса, лучшей дисциплины,

умелости рабочих, лучшей организации производства. От уровня снижения себестоимости зависела величина фонда директора, являвшегося источником материального поощрения за трудовые успехи. Соревнование между предприятиями также шло по линии снижения себестоимости на продукцию, производство которой установлено заданиями по номенклатуре. Величина прибыли же устанавливалась нормативно фиксированным процентом от величины себестоимости. Оптовая цена формировалась так – себестоимость плюс нормативная прибыль. А дальше – если себестоимость пошла вниз, значит оптовая цена тоже пошла вниз. Разница между фиксированной розничной ценой и уменьшающейся оптовой, которая называлась налогом с оборота, соответственно увеличивалась. Причем налог с оборота составлял около половины доходов государственного бюджета, вторую половину обеспечивала прибыль. Когда разница между розничной ценой и оптовой становилась ненормально большой, государство приводило ее в норму путем снижения розничных цен на предметы потребления. И цены снижали при Сталине регулярно. Не потому только, что Сталин в соответствии с целью социалистического производства заботился о повышении благосостояния народа, а потому, что сама организация экономики требовала периодического снижения розничных цен. Если в результате роста производительности труда под воздействием научно-технического прогресса снижались затраты, появлялась возможность и необходимость снижать цены, а это, в свою очередь, повышало спрос и создавало условия для расширения производства. Увеличение же масштабов производства, как известно, облегчает внедрение научно-технических достижений и способствует более быстрому росту производительности труда.

На публикации трех статей указанных выше авторов в органе ЦК КПСС газете «Правда» экономическая псевдодискуссия была

завершена, а уже в сентябре 1965 года Пленум ЦК КПСС принял решение об экономической реформе, которая состояла в выбрасывании из числа плановых показателей для предприятий номенклатуры производимой продукции, производительности труда и себестоимости и замене их показателями прибыли, объема реализованной продукции и нормы рентабельности. От величины этих показателей зависела теперь величина поощрительных фондов, и предприятия были сориентированы не на реализацию общественных интересов, а на борьбу за интересы отдельных коллективов, все более и более выступавших не как производители непосредственно общественных продуктов, а как товаропроизводители. Началось становление товарного хозяйства, высшей формой которого, как известно, является капитализм. С сентября 1965 года все было сориентировано на прибыль, рентабельность и объем реализации, и цены, естественно, пошли вверх. Предприятия превращались в продавцов товаров, а планомерная организация производства стала заменяться стихией рынка. В политике и идеологии возобладала ориентация на рынок. И потом из тех людей, которые сориентированы на рынок, стали формировать партийный и государственный аппарат под лозунгом привлечения инженерно-технических работников в партийный аппарат.

И что у сориентированного на рынок работника было в голове? Вот есть такой горбачевский холуй В.А.Медведев, он сейчас прислуживает Горбачеву в Фонде Горбачева. Фонд Горбачева был основан как центр иностранного влияния на территории России, в состав учредителей которого наряду с Горбачевым входят известный враг СССР и России Киссинджер, американский сенатор Крэнстон и японский Накасонэ. На учреждение этого Фонда Горбачевым было потрачено 400 тысяч долларов, полученных Горбачевым за разрушение СССР. И вот в

этом Фонде у Горбачева в помощничках ходит бывший секретарь ЦК КПСС доктор экономических наук В.А.Медведев. Этот В.А. Медведев в переходный от социализма к капитализму период издал книжечку для системы партийной учебы, в которой есть характерная иллюстрация: человек нарисован многорукий, который показывает на хозрасчет, прибыль, рентабельность и тому подобные атрибуты экономической реформы 1965 года, а вместо головы у него круглая рублевая монета. – рубль. И вот если в системе партийной учебы пропагандировалась такая идея, что у человека вместо головы должен быть рубль, то становится понятно, куда разворачивалась экономика. Она и развернулась на рынок, уйдя от цели обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества. В экономике победила капиталистическая контрреволюция.

Вопрос о том, когда считать произошедшей контрреволюцию в СССР, обсуждается и в международном рабочем и коммунистическом движении. Некоторые товарищи из компартий других стран считают, что политическая контрреволюция произошла уже на XX съезде, где Хрущев выступил с антисталинским докладом о преодолении культа личности. Но это был доклад вне рамок повестки дня съезда, не было его обсуждения и решений по нему никаких не принималось. Члены партии не обязаны были этим докладом руководствоваться. А вот постановление XXII съезда КПСС по Программе было принято на XXII съезде, причем самое печальное, что единогласно. Допустим была бы борьба – одни за диктатуру пролетариата, другие против, и те, кто за диктатуру рабочего класса, оказались в меньшинстве. Нет, этого не было. Такое было на XXVIII съезде, где Виктор Аркадьевич Тюлькин, выступавший от имени Движения коммунистической инициативы, предложил осудить ориентацию на рынок как губительную для партии и страны. Третью делегатов

съезда проголосовала за это предложение, а две трети – против. Опять же высший руководящий орган партии принял антикоммунистическое решение, что говорит о том, что КПСС к этому времени потеряла коммунистический характер. Поэтому нельзя снять с КПСС ответственности за контрреволюцию в СССР. Последовавшие за XXII съездом КПСС контрреволюционные события, и прежде всего расстрел рабочих в Новочеркасске в 1962 году, продемонстрировали, что означает уничтожение диктатуры рабочего класса – реставрацию диктатуры буржуазии.

СОЦИАЛЬНОЕ БЫТИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

Задача наша не в том, чтобы отдельно исследовать общественное бытие, а затем еще и общественное сознание, а в том, чтобы понять взаимосвязь общественного бытия и общественного сознания, их диалектическое единство при определяющей роли общественного бытия.

Главный тезис, который мы должны воспринять, – это тезис о том, что *общественное бытие определяет общественное сознание*. В начале настоящей книги, когда речь шла о материализме как таковом, мы говорили, что главный тезис материализма состоит в том, что *бытие*, то есть материя, первично, сознание вторично. Здесь же речь идет не о материи вообще, а об ее высшей форме – об обществе. Речь идет об общественном бытии и общественном сознании, а не о бытии и сознании вообще. Поэтому тезис о том, что общественное бытие определяет общественное сознание, – это не просто тезис материализма, а тезис *материализма, примененного к истории*, к развитию человеческого общества или, другими словами, *исторического материализма*. Альтернативой ему может служить только идеализм, примененный к истории, то есть *исторический идеализм*.

С одной стороны, исторический материализм – это выдающееся открытие Маркса и Энгельса, которое позволяет науку о развитии общества поставить на прочный фундамент надежной методологии. С другой стороны, это открытие настоящим образом не освоено. Одни основной тезис исторического материализма вообще не знают, другие знают, но не понимают, третьи трактуют вульгарно, подменяя его основным тезисом материализма о том, что бытие определяет сознание, и пытаясь напрямую применить этот тезис к истории.

Но разве правильно будет сказать, что бытие человека определяет сознание человека? Или еще более грубо: можем ли мы сказать, что я есть то, что я ем? Или: можем ли мы сказать, что то, что я ношу, или то, на чем я сижу или на чем я езжу, определяет мое сознание? Можем ли мы сказать, что те материальные условия жизни, которые у меня есть, определяют и мое сознание? Можем? Не можем. Не можем мы этого сказать, так как имеем очень крупные и хорошо известные исторические примеры, которые это абсолютно опровергают. Самый яркий пример, который дала история России, – это выступление декабристов против крепостного права. Кто такие декабристы по своему материальному положению, по своему бытию? По своему бытию декабристы являлись представителями господствующего класса феодального общества на таком этапе его развития, когда этот господствующий класс уже перестал быть прогрессивным классом и стал классом реакционным. То есть их положение – это положение членов реакционного, уходящего класса общества. А идеи, которые отстаивали декабристы, идеи ликвидации крепостничества, феодальной зависимости всякого рода являются идеями класса другого, класса прогрессивного, нарождающегося класса буржуазии. То есть мы имеем очень яркий и очень крупный исторический пример, которым не только не подтверждается, а прямо опровергается мысль или предположение о том, что бытие людей определяет их сознание. Точно так же, если мы будем рассматривать различных исторических, политических деятелей, о чем мы уже не раз говорили, мы обнаружим, что очень часто люди принадлежат к одному классу, а выражают мысли и идеи, выгодные другому классу, содействуют тому, чтобы другой класс осознал свои интересы или прямо вносят в класс сознание его интересов. Например, Ленин по своему положению не был

рабочим. Более того, с 16 лет, когда его отец получил дворянство, он тоже приобрел титул дворянина, ну, а по своей политической деятельности он, конечно, был представителем, выразителем интересов рабочего класса. Не только его идеологическим представителем, но и политическим вождем и руководителем.

Если взять Маркса, то кто такой Маркс по его бытию? Маркс родился в Германии в семье немецкого адвоката еврейского происхождения, потом отец принял католичество, а тогда это означало фактически смену национальности, которая считалась не по крови, а по религии, и вот сын этого самого немецкого адвоката явился представителем вовсе не того слоя, к которому он принадлежал, а, наоборот, стал самым ярким и последовательным борцом против всякого мещанства, против мелкобуржуазности и буржуазности, стал вместе с Энгельсом основателем научной идеологии пролетариата. Большевики, к какому бы классу или слою каждый из них конкретно ни принадлежал, вносили идеи Маркса, Энгельса и Ленина в рабочий класс. А рабочий класс, как показал Ленин в работе «Что делать?», имея пролетарское бытие, не может самостоятельно выработать пролетарскую идеологию, которая может возникнуть лишь на основе дальнейшего развития науки. Условия жизни рабочего класса в царской России были таковы, что рабочий день составлял 11,5 часов, почти столько же, сколько недавно предлагал установить для рабочих нынешней буржуазной России олигарх Прохоров. При таком рабочем дне у рабочего класса нет свободного времени, необходимого для того, чтобы освоить те научные достижения, результатом которых только и может быть научно выработанная идеология рабочего класса.

Из сказанного следует, что предположение, будто бытие отдельно взятых людей определяет их сознание, противоречит

историческим фактам. С одной стороны, индивиды, принадлежащие к одному классу или слою, нередко выражают интересы другого класса или слоя. С другой стороны, взятый сам по себе, класс, который имеет вполне определенное бытие, свои интересы не выражает в сфере идеологии или это делают в порядке исключения отдельные представители этого класса. Был, например, такой немецкий рабочий-кожевник Иосиф Дицген, который самостоятельно пришел к диалектическому материализму, и Ленин цитирует в своих «Философских тетрадах» его мелкие философские работы.

Основной тезис исторического материализма *«общественное бытие определяет общественное сознание»* не следует путать с основным тезисом диалектического материализма о том, что бытие первично, а сознание вторично. Тем более что, во-первых, общественное бытие – это не бытие вообще и не бытие отдельного человека, а бытие общества, а, во-вторых, общественное сознание – это не сознание отдельного лица или отдельных лиц, а это сознание общества. Тезис *«общественное бытие определяет общественное сознание»* относится не к отдельным лицам, а к обществу в целом.

Применение этого основного тезиса исторического материализма к конкретному обществу является довольно простым. Например, если общество рабовладельческое, то какое сознание господствует в этом обществе – сознание рабов или сознание рабовладельцев? Какие мысли господствуют в этом обществе – мысли, которые рождаются у рабов, или мысли господствующего класса рабовладельцев? Я думаю, что никто не будет спорить на эту тему, и это не подлежит какому-то длительному обсуждению, потому что ответ исторически очевиден и состоит в том, что, безусловно, в рабовладельческом обществе господствует идеология рабовладельцев. Тем более, что это

общество демократии, которая распространялась на рабовладельцев и некоторых свободных граждан, но не распространялась на рабов, на огромное большинство, на тех, кто создает материальные блага, на тех, кто находится, можно сказать, в бытии общества. Из этого не следует, что идеология рабовладельцев, тем более на ранних стадиях развития рабовладения, непременно реакционна или только реакционна, потому что на известном этапе, когда образовывалось рабовладение, это был значительный шаг вперед, прогрессивный по сравнению с первобытнообщинным коммунизмом.

Если мы возьмем общество феодальное, я думаю, никто не станет доказывать, что в феодальном обществе господствуют мысли крепостных крестьян. Отдельные представители феодального класса или отдельные писатели, отдельные представители сферы искусства выражают в той или иной мере мысли крестьян. Но в целом господствующие в феодальном обществе мысли – это мысли класса феодалов.

То, что идеология господствующего класса является господствующей идеологией, в рабовладельческом и феодальном обществе почти самоочевидно. А вот в буржуазном обществе, благодаря тому, что здесь нет такого очевидного господства эксплуататорского класса, которое было бы выражено в юридически закрепленных привилегиях этого класса по сравнению с другими, в буржуазном обществе такой самоочевидности уже нет. Почему? Потому что здесь формально как бы все равны, различия же касаются того, у кого сколько богатства, кто имеет средства производства, а кто не имеет. Господствуют так называемые права человека, в отношении которых Чернышевский высказывался так, что каждый может есть на золотом блюде, если оно у него есть. Есть у вас золотое блюдо? Вот, пожалуйста, ешьте

на золотом блюде. Яхта есть? Догоняйте Абрамовича. Если у вас денег больше, чем у Абрамовича, сделайте больше яхту, в чем проблема? А если у вас нет денег, то, значит, вы неудачник, а Абрамович удачник, как нам сейчас объясняют. Все очень просто — дескать, у вас были равные стартовые возможности, он первый побегал со старта и первый захватил огромную долю общественного достояния, а остальные в силу своей порядочности просто не побегали, как мародеры, растаскивать общественное добро. Ну, а раз вы не побегали, вас и сняли с дистанции, а раз сняли, дескать, вот так и живите впроголодь. То есть формальное равенство тут присутствует — дескать, все тут равны. Но некоторые равнее. А именно те, кто имеет у себя в собственности значительные средства производства, в которых воплощен труд иных членов общества. Другие совершенно свободны от всего, прежде всего от собственности на средства производства. У нас есть люди, свободные даже от зарплаты и вообще от всяких доходов и от жилья — бомжи. Это абсолютно свободные люди, ничто их не отягощает – сидят себе на помойках, завернувшись в выкинутое барахло, и читают книги, пока не замерзнут. Замерзнут не летом, пока солнце греет, а зимой, когда бездомных уже ничто не сможет согреть. И к этому выбрасывающему своих членов на помойки обществу точно так же применим тезис о том, что в нем господствуют мысли господствующего – буржуазного класса.

Что значит господствуют? Это не значит, что в общественном сознании присутствуют мысли только господствующего класса. Имеются и мысли, отражающие положение эксплуатируемого класса, но мысли господствующего класса преобладают. Позиции угнетенного класса представлены в меньшей степени и с меньшей широтой. Скажем, книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», вышедшая в 1790 году, вряд ли отражала интересы

господствующего феодального класса, но она же была опубликована, эта книга. Или возьмем поэзию Некрасова. Конечно же, она отражала жизнь крестьянского класса и показывала то ужасное положение, в котором он находился. Но все же она имела место в феодальном обществе, стихи и поэмы Некрасова публиковались.

Все мысли, которые есть в обществе, как мысли ныне живущих людей, так и плоды духовного творчества прежних поколений, составляют общественное сознание. То есть не только те мысли, которые высказываются представителями ныне существующего поколения, но и те, которые были высказаны или выражены тем или иным способом представителями прежних поколений и сохраняются для будущих поколений. Каждый конкретный человек конечен и смертен, человечество же бесконечно и бессмертно. И те творения, которые создали отдельные смертные люди и которые продвигают человечество вперед, тоже бесконечны и бессмертны, что выражается в понятии классики. Классика – это не просто то, что было в какое-то время и безвозвратно ушло, а то, что всегда современно в том смысле, что оно составляет основу, стержень дальнейшего духовного развития общества — вот что такое классика. Все современное предстает перед судом истории, которая разбирается в том, что является прогрессивным, что отсталым, что является действительно великим, а что является на самом деле мелким, ничтожным, но вот сейчас забавляет толпу. В последнем случае говорят о поп-культуре. Что значит поп-культура? Что значит «поп»? «Поп» — популярная. А почему популярная? Может, потому, что существуют определенные приемы раскручивания тех или иных певцов или других представителей сферы культуры, и эти приемы столь могущественны, что люди, которые занимаются таким

раскручиванием, иногда теряют вообще голову, как можно было, например, наблюдать в связи с кончиной артистки Гурченко. Хорошая актриса. Но когда начинают воинские почести отдавать на похоронах артистки, это уже явный перебор, ибо все за известными границами переходит в свою противоположность.

Что касается науки, то в ней число сторонников истины и число ее противников определяющей роли не играет. Каждое научное открытие делается одним, от силы несколькими людьми, большая редкость, чтобы двое ученых одновременно что-либо открыли. Первооткрыватели, естественно, всегда в меньшинстве, поэтому в сфере науки не может быть оглядки на большинство. Вот Евклид дал свою геометрию, и все человечество ею пользуется.

Математические теоремы не затрагивают интересы классов, поэтому в сфере математики классовый подход неприменим. Это касается и других естественных наук. Ну, а в общественных науках картина другая. Поскольку они затрагивают интересы тех или иных классов, очень часто бывает, что истинная точка зрения широко не распространена, а распространена точка зрения ложная. Но это для науки как бы безразлично. Потому что с ходом истории, с развитием человечества все встанет на свои места. Почему? Потому что наука – это движение к истине. А истина есть соответствие понятия объекту, знания – действительности, поэтому здесь ни на каких шоу не проедешь. И когда говорят: «Большинство экономистов считают...», – ну и пусть себе считают, это не так уж и важно. Или «большинство юристов считают...» — ну, и что, что они считают. Не это ли большинство юристов обеспечило рейдерство юридически? Кто это сделал? Химики? Философы? Политологи? Или юристы, которые подготовили такие законы? А теперь вот у нас есть рейдерство. Рейдерство связано с

тем, как построены законы. В то же время мы прекрасно знаем, что есть в науке крупные ученые, и вот эти крупные ученые сделали крупные открытия, и они остаются навечно. А были они, когда сделали свои открытия, в большинстве или в меньшинстве? — Ну, конечно в меньшинстве. Как можно сделать открытие и сразу оказаться в большинстве? Ну, как это может быть? У нас соответственно коллизии происходят во время защиты диссертаций. Ведь если это серьезная докторская диссертация, то она открывает новое научное направление. А что значит новое научное направление? Она открывает некоторые мысли или идеи, с которыми пока мало кто согласился. Значит, что должен сделать диссертант, чтобы защитить диссертацию? Или он должен постареть или какую-нибудь слабую идею принести, на которую никто не обращает внимание, он бормочет что-нибудь, потом проголосуют члены ученого совета, и пусть идет. И часто бывает, что очень хорошие работы не защищаются или защищаются не сразу, и наоборот — слабые работы проходят. Более того, Положение о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий устанавливает, что диссертация считается защищенной, если за нее проголосовало 2/3 членов Специализированного совета. Ну, а как за действительно новую идею сразу 2/3 может быть? Либо она уже должна как-то постареть, чтобы за нее могло быть сразу 2/3 голосов, либо время должно пройти, чтобы диссертант постарел. И вот когда он уже с палочкой ходит, тогда наверняка признают, что у него свежая идея и можно за нее голосовать.

Наука – это особая сфера. Сфера искусства – тоже особая сфера. Как ты ее ни направляй, и как только господствующий класс ни пытается для этого использовать свое экономическое господство, исходя из того, что общественное бытие определяет общественное сознание, никогда так не получалось и не

получится, чтобы в сфере искусства прямо или однозначно выражались только интересы господствующего класса. Вот Ленин, например, писал про Льва Толстого, что это матерый человечище, что это зеркало русской революции, независимо от того, что думал про революцию лично Лев Толстой. Он стал зеркалом русской революции объективно как великий писатель, величайший писатель всех времен и народов. Ну, а если взять его философскую концепцию, то Ленин ее резко отрицательно оценивал — как концепцию помещика, юродствующего во Христе. И хоть важно, какая философская позиция у писателя, для оценки его творчества это не является определяющим, потому что это сфера искусства. А сфера искусства — это сфера постижения мира в образах, а не познания истины в понятиях. Художник постигает мир через создание таких образов, которые непосредственно влияют на чувства людей. А что думают по этому поводу создающие эти образы писатель, композитор, поэт — это не самое важное дело. Можно сказать, например, что в политике Ростропович глупости говорил, выступая как антисоветчик. Но так ли уж важно, что говорил Ростропович? Играл-то он хорошо. Давайте лучше его слушаем. А в политике мы как-нибудь без него разберемся, ведь в ней он не профессионал и просто повторял расхожие буржуазные идеи. Или вот у нас памятник Сахарову стоит недалеко от Санкт-Петербургского государственного университета — памятник плохой, а вот физиком Сахаров был хорошим, плодотворно участвовал в разработке советской ядерной программы, и Родина его вклад высоко оценила. А вот что касается его концепции конституции России, опять же это перепев отживающих буржуазных идей. Передовые — в проекте Конституции России Слободкина!

Таким образом, с одной стороны, нам надо твердо усвоить основополагающий тезис исторического материализма как тезис материализма, примененного к сфере истории, что *общественное бытие определяет общественное сознание*, и попытаться понять, что он выражает и каким образом. И, с другой стороны, избежать его примитивизации — не изображать дело так, что он применим к любому бытию в обществе, ибо это не в целом общественное бытие. Термин «**общественное бытие**» означает **бытие всего общества, его способ производства**, который определяет сознание опять-таки не отдельных людей, а всего общества. *Бытие всего общества определяет сознание всего общества*. К частям, элементам и моментам общества рассматриваемый тезис непосредственно не относится.

А что значит *определяет*? Что во взаимодействии общественного бытия и общественного сознания определяющим является общественное бытие, но при этом общественное сознание и его элементы оказывают на общественное бытие обратное воздействие. Неверно считать, что общественное сознание не влияет на общественное бытие или что людям бесполезно ставить какие-либо цели и потом их осуществлять. Разве постановка цели и направление больших масс людей на осуществление этой цели ни к чему не приводит? Приводит. Ведь идея, овладевая массами, становится *материальной* силой.

Сказанное относится не только к прогрессивным идеям, но и к реакционным. Например, у нас сейчас некоторые люди, даже на уровне руководителей, считают, что надо сделать к 2020 году в России половину работников так называемыми самозанятыми. Это кто такие самозанятые? Это люди, выброшенные с современных капиталистических предприятий и превращенные сначала в безработных, а затем в *мелких буржуа, то есть в мелких*

хозяйчиков, имеющих мелкие средства производства и работающих на рынок. То есть предпринимается реакционная попытка реставрировать класс мелких буржуа, который самым ходом развития капитализма разлагается на ничтожное меньшинство капиталистов и огромное большинство наемных рабочих. А государство при этом вместо того, чтобы осуществлять регулирование экономики, объективно необходимое в условиях монополистического капитализма, умывает руки: дескать, вы самозаняты, что хотите, то и делайте, чем хотите, тем и занимайтесь, спасайтесь, кто может, на государство не надейтесь, а вот налоги исправно платите. Для начала «своего дела» вам дают ничтожную по меркам современной монополистической конкуренции сумму, и если после этого вам не удалось выжить в суровой конкурентной борьбе с крупным монополистическим капиталом, государство не виновато, вы оказались неудачниками, а вот Абрамович, Лисин и Прохоров, отхватившие огромные куски общественной собственности и использовавшие их в качестве стартового капитала, оказались удачниками.

Что значит половину работников превратить в самозанятых? Это значит половину предприятий постараться уничтожить, а заодно закрыть и половину вузов. В свое время был такой представитель президента в Санкт-Петербурге Цыпляев, который призывал оставить 40% вузов. Ну, хорошо, давайте на фоне разговоров о гигантском развороте научно-технического прогресса, модернизации, инновациях, умной экономике выгоним половину преподавателей вузов. Куда вы их выгоните сейчас? Куда? На заводы? Так заводы разрушены и уничтожаются. И раз у нас объявлено информационное общество, давайте преподавателей и из информационной сферы выгоним. И куда вы их выгоните? В самозанятые. Пусть доцент купит коз и будет у него три козы. Так

что ли? Или, как Чубайс на заре его приватизаторской молодости, цветочки пусть разводит. Спрашивается, кому мешают люди образованные? Человеку серому, случайно попавшему во власть, ему мешают люди образованные, ну, а если человек не серый, разве он должен, если человек что-либо умное сказал, опечалиться или, наоборот, порадоваться? Если руководитель серый, он старается от себя умных людей отогнать, поснимать. А если он умный, то он радуется, что вокруг умные, образованные люди. Скажем, у нас сейчас очень много частных вузов. Частные вузы создаются за счет тех же капиталистов, у них есть лишние деньги, которые они потратили на финансирование образования, а закроют вузы – они их на финансирование казино потратят. Мне могут не нравиться эти капиталисты, но мне больше нравится, что они создают образовательные учреждения, а не казино.

Одновременно с разговорами о расширении рядов «самозанятых» наверху говорят и о том, что сейчас мало рабочих. Но пойдет ли молодежь в рабочие, если разрушаются заводы, а, значит, выпускникам профессионально-технических училищ на работу будет не устроиться. Сейчас требуются рабочие 3 разряда? Нет. Нужны какого разряда? Пятого – шестого. А где их взять? А нигде их не возьмешь, их надо после ПТУ выращивать на производстве, потому что, чтобы стать рабочим пятого – шестого разряда, нужно десять – пятнадцать лет на производстве отработать по соответствующей специальности, потому что ни в какой школе и ни в каком вузе, ни в каком ПТУ вы к высокому рабочему разряду сразу не подготовитесь – его дает только опыт работы по рабочей профессии. Вот корреспонденты рассказывали про завод в Воткинске, который делает ракеты, что стоят у верстаков рабочие и напильниками доводят до ума то, что сделали машины, ловят микроны, убирают лишние. А если не будут доводить? Будут

ракеты падать. Сильными мы будем, если вооружимся ракетами, которые будут, не долетая до цели, падать?

Итак, сама по себе формулировка основного положения исторического материализма очень проста — ***общественное бытие определяет общественное сознание***, а вот понимание этого положения сплошь и рядом не глубокое, некоторые люди его вообще не понимают и не воспринимают. Услышали и запомнили только одно, что бытие первично, сознание вторично, это все знают. Я таких не встречал людей, которые бы этого не знали. Они даже могут к этому положению относиться отрицательно, но знают, что материализм основывается на том, что материя первична, а сознание вторично. А когда им говоришь, что применительно к обществу общественное бытие определяет общественное сознание, они очень удивляются. А ведь по отношению к отдельному человеку действительно совсем другое положение, сформулированное Марксом в «Тезисах о Фейербахе»: ***человек есть продукт обстоятельств и воспитания***. Каждый отдельный человек есть продукт обстоятельств и воспитания. В обстоятельства, конечно, входят условия жизни, характеризующие бытие этого человека, но его индивидуальное бытие не является для него определяющим. Человек определяется и обстоятельствами, и воспитанием. А кто явился воспитателями? Те люди, которые на человека оказали воздействие. Люди друг на друга влияют или не влияют? Влияют. Родители влияют на детей? Влияют. Учителя влияют? Влияют. Друзья влияют? Влияют. Авторитетные люди, которые позаботились о вас и много сделали для вас как для человека, влияют на вас? Влияют? Нередко бывает, что какой-то человек играет решающую роль в судьбе другого.

Теперь, после того, как мы выяснили, в чем состоит важнейший тезис материализма применительно к истории, то есть

к человеческому обществу, взятому в развитии, давайте вернемся к тому, что собой представляет общественное бытие и что собой представляет общественное сознание. А потом снова обратимся к тезису об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию.

Что такое общественное бытие? Общественное бытие – это бытие общества. Этот ответ недостаточный. Почему? Потому что не раскрыто, что есть бытие общества. Неправильным пониманием бытия общества будет сведение его просто к бытию его членов, взятых порознь. Ведь *общество – это люди, связанные отношениями*, и только вместе со своими отношениями они образуют общество, определенный социальный организм. И вот бытием этого социального организма является *способ производства*, обеспечивающий поддержание жизни общества, то есть его бытие. Вообще говоря, бытие общества – это не только производство материальных благ, это производство действительной жизни, то есть не только материальных благ, но и людей. Каждый человек смертен, поэтому люди из жизни уходят, но отдельные люди, а человечество из жизни не уходит, человечество в этом смысле бесконечно и вечно. А почему оно бесконечно и вечно? Потому что одновременно с тем, как идет производство материальных благ, в это же время идет производство людей, и в этом сущность семьи с материалистической точки зрения. Что такое семья – это ячейка общества, определяющим моментом которой является производство кого? Людей, рождение детей и воспитание их членами общества. Но производство людей, в свою очередь, тоже основывается на производстве материальных благ. Поэтому производство материальных благ в характерной для него общественной форме образует экономический базис общества. То

есть экономический базис общества – это способ производства как единство производительных сил и производственных отношений, определенность которому придает форма производственных отношений.

В настоящее время способ производства в России – капиталистический. Это накладывает свой отпечаток и на производство людей. Например, дополнительные субсидии строительным или образовательным организациям, к услугам которых семьи, в которых родилось двое и более детей, прибегают для строительства жилья или обучения детей на коммерческой основе, называются «материнским капиталом». У кого-нибудь есть из матерей в руках этот капитал? Нет. А что означает так называемый «материнский капитал»? Это значит, что деньги выделены, но не непосредственно матерям, а финансовым структурам. Если у вас в семье родился второй ребенок, то если будет у вас столько денег, что вы сможете купить квартиру, то государство оплатит 10% от стоимости квартиры, причем деньги поступят не матерям, а в строительную организацию. А если вам не хватает доплатить 90% за квартиру, то и этих 10% вам не будет выделено. Или вот если у вас вырастут дети большие и пойдут в платный вуз, то государство заплатит вузу за обучение ваших детей. Оказывается, предполагается, что и тогда, когда дорастут до поступления в вуз ныне родившиеся дети, будет платное образование. Но матери непосредственно ни сейчас, ни в будущем никаких денег не получают, а выплаты **строительным предприятиям и вузам** будут происходить из государственного капитала. И это называется «материнский капитал», и все матери у нас, имеющие не менее двух детей, изображаются «капиталистками». Поэтому, когда такие броские названия дают

вроде «материнского капитала», надо смотреть, что там за этим стоит, что на самом деле предполагается.

Когда и поскольку, начиная с периода рабовладения, производство материальных благ стало решающим, тогда и постольку производство людей как фактора, который в совокупности с производством материальных благ определяет сознание общества, отошло на второе место. Производство материальных благ с развитием производительных сил стало решающим. Поэтому теперь мы общественное бытие рассматриваем прежде всего как материальное производство, хотя всякого рода клановость, семейственность проявляет себя во всех общественных сферах. То есть этот фактор тоже существует. Но все-таки решающим является материальное производство, производство материальных благ.

Что такое производство? ***Производство есть процесс присвоения предметов природы в рамках определенной формы общества и посредством нее.*** Процесс – это изменение явления во времени. *Присвоение – это превращение в свою жизнедеятельность.* Форма общества — это те общественные отношения, в рамках которых идет данное производство.

Время труда и время производства не всегда совпадают. Можно привести примеры таких ситуаций, когда труд не совершается, а производство продолжается. Вот когда поля, на которых были посеяны озимые культуры, закрыты снегом, процесс производства зерна на них продолжается, озимые там взошли, поскольку были посеяны в октябре, за зиму они уже укрепились, и когда сойдет снег, они продолжат свой рост. И не случайно озимые дают гораздо больший урожай, чем яровые.

С понятием производства мы разобрались. Теперь надо более конкретно понять, каков смысл выражения, что общественное

бытие, то есть материальное производство, определяет общественное сознание. Прежде всего производство – это не средства производства и даже не производительные силы. Производительные силы – это средства производства и люди или, лучше сказать, работники, вооруженные средствами производства. Они действуют с помощью тех отношений, в которые вступают, чтобы производить, то есть с помощью производственных отношений. Совокупный работник – это работники, которые взаимодействуют со средствами производства, с одной стороны, и друг с другом с помощью производственных отношений, с другой. Без средств производства и без производственных отношений совокупный работник не функционирует.

Совокупный работник бесконечен и вечен в том смысле, что одни индивиды из него уходят, другие приходят, а он остается. С того времени, как труд создал человека, сохраняется и воспроизводится совокупный работник, все время совершается производство. Оно никогда не останавливалось, никогда не останавливается и никогда не остановится, пока живо человечество, хотя уже сколько написано по поводу того, что эра индустрии закончилась и теперь у нас на дворе информационное общество. Вместо молока натурального, видимо, будем пить молоко информационное. Будем книжки про молоко читать, когда молока захочется, а когда захочется мяса — читать статьи про мясо, о том, что, вот, было когда-то мясо, причем даже в колбасе. Вместо завтрака, обеда и ужина будем читать соответствующие разделы книги о вкусной и здоровой пище. Короче говоря, все вырем, если не усвоим и не поймем, что материальные блага и, соответственно, их производство являются вечным условием человеческого существования. Не наступит время, когда для того, чтобы заниматься искусством, наукой, переработкой информации

не нужно будет есть, пить и одеваться. А в материальном производстве всегда будут производительные силы, то есть работники и средства производства.

Средства производства, в свою очередь, делятся на предметы труда, из которых изготавливается продукт, и средства или орудия труда, то есть машины, станки, механизмы, инструменты. Но, конечно, общественное сознание определяют не станки, машины и механизмы и не другие элементы производства, а производство в целом как противоречивое единство производительных сил и производственных отношений, характеризующееся определенной формой производственных отношений.

Общественное производство влияет на общественное сознание через те *большие общественные группы, которые отличаются по положению в производстве*, то есть через *классы*. Если мы хотим разобраться в том, как производство влияет на сферу общественного сознания, надо знать, какие большие группы в общественном производстве имеются и как они отличаются по своему положению в производстве, потому что через них идет это влияние. Мы знаем, что одна такая отличающаяся от других по своему положению в производстве большая общественная группа занимает в классовых обществах положение класса господствующего, класса эксплуататоров, а другие занимают положение классов подчиненных, классов эксплуатируемых. И каждый из этих классов имеет свои экономические интересы.

Эксплуатирующий и эксплуатируемый классы находятся в единстве. Тот, кто эксплуатирует другого, вынужден вступать с ним в единство. Первый не сможет есть, если второй не будет на него работать. И в современном буржуазном обществе есть это единство. Если бедные не будут помогать богатым, откуда возьмутся богатые? Бедные должны помогать богатым. Если

богатые будут помогать бедным, тогда не будет ни бедных, ни богатых. Поэтому, чтобы сохранить деление на бедных и богатых, надо, чтобы бедные помогали богатым. В буржуазном обществе большинство людей абсолютно свободно, у них нет никаких средств производства, поэтому, чтобы жить, они вынуждены идти к тем, кто не свободен от средств производства, и наниматься к ним на работу. И им говорят — да, пожалуйста, продавайте нам на время свою рабочую силу и будете нашими работниками: и вам хорошо, и нам хорошо. Что вам хорошего? Вам хорошо то, что вы будете зарплату получать. *А зарплата это что? Цена рабочей силы.* А нам что хорошо? А я буду получать прибавочную стоимость. То, что вы наработаете сверх того, что вы получили, все мое. Почему мое? Потому что средства производства мои, я с вами на этой основе сделку уже заключил? Заключил. Вы получили то, о чем мы договорились? Получили. Все остальное вас не касается, выполняйте свои обязанности производственные.

На этом построено современное капиталистическое общество, очень свободное. Я свободно создал, держу в руках завод. А вы свободны: хотите – приходите ко мне на завод работать, не хотите – не приходите. Походите немножко, кушать захотите и придете – куда вы денетесь. Вы же совершенно свободны, у вас ничего нет. А раз ничего нет, то вы придете наниматься на работу. А к кому вы придете? К тем, у кого есть средства производства. Полная свобода! Никто никого ни к чему не принуждает. И зарплату мы с вами свободно определяли – мы же с вами договор заключали, что вы за эту зарплату работаете, а то, что сверх этого, вас не касается. Все! Красота! Все по закону стоимости – хотели на рынок – пришли на рынок. Мы же с вами на рынке – я у вас вашу рабочую силу купил. Ну, вы же не крепостные, я же вас целиком не купил, а только вашу *способность к труду, то есть рабочую силу*, купил на

время, на восемь часов в день. Хотел, конечно, не на восемь, а на двенадцать часов, но пока не получается. Ну, будем над этим работать.

Значит, единство интересов у противоположных классов есть, а противоположность интересов у них есть? Тоже есть. И противоположность интересов не отменяет их единства, а предполагает его – обеим сторонам противоположности выгодно, чтобы производство развивалось. Если не будет развиваться производство, то пострадают и капиталист, и рабочие. Так что единство интересов у представителей противоположных классов есть. Естественно, это единство имеется при противоположности интересов: больше прибыль – меньше зарплата. Но если не брать ситуацию в статике, то возможно обеспечить одновременно и рост прибыли, и увеличение зарплат. Если на капиталистическом предприятии внедряются технические достижения, растут производительность труда и зарплата, причем производительность труда растет быстрее, чем зарплата, то на единицу продукции будет приходиться зарплата все меньше. А раз меньше будет содержаться зарплата в издержках производства единицы продукции, то соответственно будет возрастать прибыль. Единство интересов налицо: и зарплаты работников растут, и прибыль капиталиста.

Но в перспективном плане вряд ли такое единство может удовлетворить работников. В головах работников может зародиться мысль, что если взять у капиталиста средства производства в аренду, то, заплатив ему арендную плату, работники по справедливости всю созданную ими прибавочную стоимость могут забрать себе. Да и средства производства капиталисты сами не создавали, это дело рук рабочих, так что вполне справедливо эти средства производства вернуть тем, кто их

создавал, то есть рабочим. В этом, в уничтожении продажи рабочей силы путем установления общественной собственности на средства производства, состоит коренной интерес рабочего класса, но рабочий класс может осуществить его только путем революции. Почему? Да потому, что капиталисты находящиеся у них во владении средства производства добровольно рабочим не отдадут.

Таким образом, противоположность интересов эксплуататорского и эксплуатируемого классов, конечно, предполагает единство этих интересов, но при этом единстве они остаются противоположными: одни трудятся и содержат своим трудом все общество, а другие живут за счет эксплуатации, то есть присвоения чужого труда. Так жил в свое время класс рабовладельцев, потом класс феодалов-помещиков, а сегодня так живет класс капиталистов. При этом эксплуататорские классы всегда вели не только паразитическое существование, но выполняли и определенные объективно необходимые функции по организации производства и развитию производительных сил. Вот рабовладельцы жили трудом рабов, но разве по замыслу рабовладельцев плохие водопроводы и храмы построены рабами Рима? А разве в эпоху феодализма под руководством представителей феодального класса не построены замечательные памятники архитектуры? А разве мало для развития промышленности сделал капиталистический класс, движимый жадной наживы? Однако, как показывает не только теория, но и историческая практика, господствующие классы получают больше материальных благ, чем те, кто эти богатства создает. Как гласит народная поговорка, «от трудов праведных не наживешь палат каменных». Так что когда спрашивают, почему у Абрамовича столько денег, так и хочется в шутку сказать, что он, видимо, на стройке работал, носилки вместе с Прохоровым носил. Наверно,

сверхурочно подрабатывал, вот и стало у него столько миллиардов долларов.

Итак, при рабовладении, при феодализме и при капитализме, то есть в обществах, основанных на частной собственности на средства производства, в общественном бытии, в общественном производстве есть два противоположных класса. Один класс в этом общественном бытии непосредственно создает материальные богатства, а другой, выполняя некоторые функции, необходимые для создания общественного богатства, или перепоручая выполнение этих функций наемным управляющим, присваивает созданный непосредственными производителями прибавочный продукт. Есть и такие капиталисты, которые никаких полезных для общества функций не выполняют и живут просто как паразиты на те проценты, которые они получают от вложенных в банки крупных денежных сумм. Они и представителей эксплуатируемого класса зовут класть деньги в банк, позволив вложенные деньги давать в кредит под высокий процент и тем самым обогащаться собственникам банков. Кроме рантье, абсолютных паразитов в обществе не было и нет. Сказать, что помещичий класс состоял из одних паразитов, было бы неправильно. Дворяне и территории государств расширяли, организовывали строительство городов, поддерживали искусство и т. д. А рабовладельцы? Демократию развивали рабовладельческую, чтобы потом последующие господствующие классы научились и дальше устраивать такую демократию, чтобы с виду она казалась демократией большинства, а на самом деле была бы властью меньшинства. Этому нужно было научиться когда-то, основы заложить. Вот у нас сейчас демократия, а правит большинство или меньшинство? Меньшинство, конечно. В этом и смысл буржуазной демократии — чтобы по виду правило как бы большинство, а на самом деле меньшинство. Поскольку

правлящий класс имеет в своем владении все рычаги и инструменты формирования общественного мнения, он оказывает решающее влияние на волеизъявление избирателей и гарантирует победу на выборах политических партий, представляющих интересы буржуазии. И это безо всяких исключений. Никогда в истории человечества через выборы не приходил к власти эксплуатируемый класс и прийти к власти таким образом не может. А для представителей крупного капитала дорога к власти открыта. При той системе абстрактного, формального равенства, при том, что все равны, но есть равнее, он с помощью финансовых рычагов обеспечивает себе прохождение в Думу, не нарушая никаких законов. Он, например, может добровольно внести в избирательный фонд какой-нибудь парламентской партии сумму, достаточную для финансирования избирательной кампании десяти кандидатов, предложив при этом, разумеется, устно, что он будет одним из этих десяти. Просто он любит эту партию. А партия не обязана, но может его в свой партийный список на проходное место вставить, потому как он является явным сторонником партии. Партия его тоже полюбила, разумеется, не за то, что он деньги внес в избирательный фонд, а за то, что он такой бескорыстный человек. Поэтому партия его также бескорыстно вставила в список. И вот он пройдет в Думу, а вы не пройдете, читатель, если не внесли круглую сумму в избирательный фонд партии. А почему? А потому, что вас не полюбила партия. А почему вас она не полюбила? А за что вас любить, вы ведь в партию ничего не принесли, для партии ничего хорошего не сделали. И выясняется, что в области политической реальный доступ к власти на практике имеют не представители всех классов одинаково, а прежде всего те, кто представляет интересы господствующего класса. При этом вовсе не обязательно, чтобы

депутатами Думы были непременно те, кто непосредственно принадлежит к господствующему классу. Достаточно просто служить ему верой и правдой. Не обязательно быть собственником яхты, как Абрамович. Может быть, вы на яхте будете штурманом и будете показывать, куда плыть. Или вместо Абрамовича временно по его заданию будете плавать, потому что ему надо, чтобы яхта постоянно на ходу была, а не ржавела. Пока он на нее не заходит, кто-то должен на ней плавать, отрабатывать все механизмы и т.д., а заодно и банкеты готовить. Представителей других классов или слоев могут позвать писать программу партии правящего класса. Программу-то писать должны образованные люди, знающие науку. Из интеллигентов набирают спичрайтеров, чтобы писать речи малограмотным капиталистам. Те, кто выступает с этими подготовленными спичрайтерами выступлениями, занимают, как правило, более высокие позиции в обществе, чем спичрайтеры. Но если я кого-либо умнее, разве я буду его нанимать спичрайтером? Не буду. А если я его глупее? Тогда надо ему заплатить, чтобы он был моим спичрайтером, и тогда мне останется только зачитывать подготовленные мне речи: «Уважаемые господа, ...» – и далее по тексту. Вот В. В. Путин, как правило, не опускается до зачитывания чужих мыслей, он или сам пишет свои выступления или, когда он написанные ему листочки читает, морщится — видно, что ему не совсем нравится или совсем не нравится то, что ему написали. А если взять Ленина или Сталина, нет ни одного случая, чтобы им доклад или речь кто-нибудь написал. Потому что они понимали, что помощникам можно передавать какие-то функции, но только не самую главную, которая есть у руководителя – думать он должен сам и сам формулировать свои мысли.

А когда это началось, чтобы за руководителя кто-то думал и писал? Да с приснопамятного Н. С. Хрущева, который тексты зачитывал вредоносные, а как отступал от текста, вообще нес ахинею. Но есть и другая противоположность. Горбачеву, например, для выступлений спичрайтеры были не нужны, поскольку он научился политической болтовне, которая прикрывала его черные дела. Некоторые до сих пор любят таких болтунов и положительно относятся к этой фигуре изменника Родины и разрушителя великого Советского Союза. Не случайно Горбачев праздновал свое восьмидесятилетие не в России. Однажды мне пришлось читать лекцию немецким туристам, и я им объяснял, кто такой Горбачев. А они: «Так он же лучший немец!» Правильно – я говорю – он лучший немец и худший русский, я вам это и объясняю. Конечно, он лучший немец, он много сделал для Германии. Но больше всего он сделал для разрушения Советского Союза.

Анализируя возможности влияния различных классов на общественное сознание, мы должны различать возможности класса, господствующего в экономике, и класса, который хотя и создает все материальные блага, но не является господствующим классом, а является классом эксплуатируемым, подчиненным. Возможности подчиненного класса значительно меньше, мягко выражаясь, чем возможности класса господствующего.

Когда мы говорим о классе эксплуататоров и классе эксплуатируемых, мы всегда имеем в виду, что класс эксплуататорский получает прибавочный продукт. Прибавочный продукт — это продукт сверх необходимого. Если произведен совокупный общественный продукт, то часть, которая пошла классу, производившему его непосредственно, занимавшемуся материально производительным трудом, трудящемуся классу, – эта

часть называется *необходимым* продуктом. Соответственно та часть продукта, которая не попадает тому, кто его создавал, называется *прибавочным* продуктом.

При рабовладении весь продукт принадлежал рабовладельцу. Весь без остатка. И тот, сколько хотел, столько и отдавал рабам. Продукт был создан, естественно, рабами при известной управленческой, регулирующей роли либо самих рабовладельцев, либо их ставленников. Весь продукт изначально принадлежал рабовладельцу, и та часть продукта, которую рабовладелец оставлял рабам, составляла необходимый продукт. Естественно, если рабовладелец хочет, чтобы у него рабы постоянно работали, а не вымирали, он им оставляет прожиточный минимум, который и сегодня считают в России, но минимальную зарплату до этого минимума никак поднять не могут или не хотят. А ведь прожиточным минимумом определяется размер необходимого продукта при рабовладении. Весь остальной продукт за вычетом необходимого продукта называется продуктом прибавочным.

Короче говоря, то, что является при рабовладении необходимым продуктом, в современной России называется прожиточным минимумом. У нас прожиточный минимум официальный — 5 900 рублей. А минимальная зарплата? 4 300 рублей. То есть при рабовладении при таком соотношении прожиточного минимума и фактически получаемого продукта рабы умирали бы от голода у рабовладельца на глазах, а в капиталистической России, если рабочие уволились с капиталистического предприятия, собственник их больше не знает, в крайнем случае наберет гастарбайтеров на еще более худших условиях. Капиталисты не соблюдают основной экономической закон капиталистического общества – закон стоимости, требующий цену *товара-рабочая сила* устанавливать по его стоимости, то есть

на уровне, обеспечивающем нормальное воспроизводство работника и членов его семьи.

При крепостничестве умные представители эксплуататорского класса, как и при рабовладении, заботились о том, чтобы не умерли те, кто создает для них материальные блага. Если крестьяне умрут, то помещик уже не будет помещиком. А вдруг голодный год, и помещик должен об этом подумать заранее и часть продукта заранее складывать в амбар на случай неурожая. Но это был не свободный строй, а сейчас свободный. Прохоров, например, скажет: «А мне-то какое дело, что народ вымирает? Я всегда куплю себе рабочую силу на свободном рынке труда, особенно если он будет международным». Вот в годы капиталистической перестройки и умирало в год почти по миллиону. И до сих пор, начиная с 90-х годов XX века, число умерших за год в России превышает число родившихся. Новоявленные капиталисты поначалу даже умудрялись зарплату не платить по 1,5 года – как же при такой практике числу умерших не превзойти число родившихся. Я знал рабочего, который ушел в могилу, перед этим показывая листки, что предприятие должно ему 500 тысяч. Уже и завода того нет, и рабочего нет, и долга, получается, тоже нет. Тем более, что в соответствии с новым Гражданским кодексом создавались ОАО, в которых работодатель не отвечает по обязательствам руководителя, руководитель не отвечает по обязательствам работодателя, фактически никто за невыплату зарплаты работникам не отвечал. А общества с ограниченной ответственностью, то есть ООО, при миллиардных долгах по зарплате отвечали только в пределах уставного капитала, который был на уровне 10 тысяч рублей.

И сейчас для учреждения ООО достаточно записать в уставной фонд имущество, оцениваемое суммой в десять тысяч

рублей. Записать, сдавать такую сумму никуда не надо. Вот если у вас есть компьютер, вы можете учредить ООО, записав, что вносите в ООО свой ноутбук. Что значит вносите? Он от вас никуда не уйдет, просто вы удваиваетесь — вы как вы, и вы как общество с ограниченной ответственностью из вас одного, и в нем у вас 100% капитала. Капитал – это ваш компьютер. И вы там и учредитель, и генеральный директор, и на первых порах бухгалтер.

Вернемся к категории прибавочного продукта. В товарном хозяйстве он выступает как товар и имеет поэтому стоимость. ***Стоимость прибавочного продукта называется прибавочной стоимостью.*** Прибавочный продукт выступает в стоимостной форме, то есть как прибавочная стоимость, там, где есть товарное хозяйство, где все основано на купле-продаже, где продукт есть не просто продукт, а еще и товар, то есть продукт, произведенный для обмена. Это имеет место при капитализме или в известных уголках предыдущих способов производства. Что-то производить для обмена можно и в условиях рабовладения, где основная масса продуктов производилась не для обмена, а для непосредственного потребления. Деньги как товар особого рода, товар-эквивалент появились уже при рабовладении. Но сказать, что рабовладельческое хозяйство было товарным хозяйством, конечно, нельзя. При капитализме же как всеобщем товарном хозяйстве все, что производится, производится для продажи, то есть выступает как товар, причем форму товара принимают не только вещи, но даже и идеи. Отсюда и продажность как широко распространенная черта капиталистической личности. Не удивительно, что в США оказался и был выставлен на продажу по цене в 10 миллионов долларов спускаемый аппарат «Восток», который вывозил с орбиты «Ивана Ивановича», манекен космонавта, запущенный перед полетом Гагарина.

То есть в товарном хозяйстве все продается. А главное – продается рабочая сила, то есть способность к труду. Вам же больше нечего продать, если вы не имеете средств производства. При капитализме в отличие от крепостничества работники целиком не продаются. Да капиталистам это и не надо, чтобы вас целиком покупать. При феодализме тот, кто вас купил, в случае неурожая заинтересован был вас кормить, если вам нечего было есть. А зачем капиталистам это надо? Нет, им это не надо. Преимущества капитализма перед феодализмом ощутили и представители эксплуататорского класса. Если бы вы были у него крепостным, а потом заболели и не смогли работать, то были бы для хозяина-барина обузой. А при капитализме, если вы заболели, хозяин-капиталист просто нанимает другого работника, спихнув заботу о заболевшем на государство. Да еще нередко капиталисты норовят, купив вашу рабочую силу, не оформлять эту покупку, не заключать трудовой договор. Мы вас, говорят, берем, но без трудовой книжки. Это что значит? Что не будет налоговых отчислений в соответствующие фонды, ни пенсионных, ни на нужды медицинского и социального страхования. А работодатель обязан платить соответствующие налоги, взяв вас на работу. С вас государство возьмет 13% вашего дохода, а работодатель должен уплатить единый социальный налог на фонд заработной платы. А если он не будет платить? Значит, он сэкономил. На чем? На вашей жизни. Ваша жизнь будет короче. Его жизнь будет длиннее. Ну, что у вас за жизнь? Зачем вам такая жизнь? Она не была счастливой, была плохой, но зато короткой, чтобы вы долго не мучились. Но зато у капиталиста жизнь счастливая и долгая, если конкуренты не найдут киллера, чтобы его убить в расцвете лет.

А вот если вы возьмете социализм как низшую фазу коммунизма или, лучше сказать, коммунизм в низшей фазе, то там

уже ни рабочая сила работников, ни продукт не превращаются в товар. Прибавочной стоимости нет, а прибавочный продукт есть — это продукт сверх того, что получают непосредственные производители материальных благ на свою зарплату и через общественные фонды потребления. За счет прибавочного продукта общества содержится вся непроизводственная сфера. Прибавочный продукт направляется на решение общественных проблем — на социальные нужды, то есть на развитие медицины, культуры, образования, науки, на пенсии и пособия, на оборону, на содержание государственного аппарата и т.п. Значительная часть прибавочного продукта распределяется по потребности. Если посчитать, какую долю в расходах нынешних российских семей составляют расходы на то, что при социализме в СССР распределялось по потребности, то получается что только на жилье, образование и медицину надо потратить 56% дохода. То есть основная масса продуктов и услуг распределялась по потребности, а остальная часть по труду. Жильем, например, семьи обеспечивались не в зависимости от того, какая семья больше работает, а от того, у кого семья больше, то есть жилье распределялось по потребности, а не по труду. И образование — хочешь учиться? Учись! А сейчас — хочешь учиться? Хочу. Деньги есть? Нет? Проходи мимо, хотя какое-то число бюджетных мест пока сохраняется. Медицина стала уже платной в основном.

Мы должны различать прибавочный продукт, необходимый продукт в натуральной форме и их стоимость. А стоимость в точном политико-экономическом смысле есть у продуктов только в том хозяйстве, которое является товарным. Ни рабовладение, ни феодализм, ни коммунизм не являются товарным хозяйством. И наоборот — *товарное хозяйство на том этапе его развития, когда рабочая сила становится товаром, называется*

капитализмом. Вот красивое диалектическое определение капитализма. Не такое, что вот капитализм – это общество злодеев, которые эксплуатируют рабочих. Нет, это просто *всеобщее товарное хозяйство*. Точно с такой же неизбежностью, с какой, если вы посадите зерно пшеницы, вырастет пшеница, а не рожь, с такой же неизбежностью, если посеян и стал основным и всеобщим продуктом производства товар, вырастает капитализм. Поэтому, когда у нас в Советском Союзе правящей партией был выбран курс на рынок, на товарное хозяйство, он оказался курсом на капитализм. Ведь всеобщее товарное хозяйство предполагает, что и рабочая сила является товаром. А *товарное хозяйство на том этапе его развития, когда и рабочая сила становится товаром, означает капитализм*. Но Горбачев убаюкивал партию и народ, заверяя, что мы, дескать, не капитализм строим, а делаем больше социализма, идя на рынок. А чтобы этому поверили, этот изменник Родины и политический проходимец ко всем несоциалистическим категориям прибавлял слово «социалистический», и в общественном сознании брэнчали «социалистические товары», «социалистический рынок, а в итоге дело дошло до «социалистической спекуляции» и «социалистической проституции», как будто бы искусственное прибавление к товарно-капиталистическим категориям слова «социалистический» может изменить их социальный смысл на противоположный. Но это есть лишь широко распространенный политический обман. А обман в политике – дело обыденное и каждодневное.

Итак, к чему мы пришли? Что в любой классовой формации класс, который создает все материальные блага, эксплуатируемый класс, имеет меньше могущества, чем тот класс, который получает прибавочный продукт и который живет за счет прибавочного продукта, то есть класс эксплуататоров. Почему он имеет больше

могущества? Потому что в совокупном общественном продукте, который создают работники, доля необходимого продукта не велика, а доля прибавочного продукта может очень большой, и потому, что на каждого представителя эксплуататорского класса работает много людей. То есть тут действует и эффект количества.

И какой вывод из всего этого сделали Маркс и Энгельс? Такой, что в экономике, в общественном бытии в классовом обществе господствует всегда какой-то один класс. Какой класс? Эксплуататорский. И мысли этого класса являются господствующими мыслями в сфере общественного сознания. Короче говоря, *мысли господствующего класса являются господствующими мыслями.*

Таким образом, тот класс, который занимает господствующие позиции в сфере материальной, господствует и в сфере духовной. Рабочие могут купить себе телевизор, а капиталисты с помощью телевидения, которое им принадлежит, и телевизоров, которые принадлежат рабочим, будут навязывать им свои идеологические установки. Зачем мне только один телевизор? Я телевидение куплю — центральное. Если я могу вещать по центральному телевидению — это будет большое влияние. Правильно? А если я не могу купить центральное телевидение? Значит, меня могут пригласить на телевидение выступить, а могут и не приглашать. Вот у меня был такой опыт, меня пригласила Белла Куркова в прямой эфир в программу «Пятое колесо» по поводу пьес Шатрова. У меня там было четыре оппонента, и мы обсуждали ленинскую тему. Я тогда был кандидатом экономических наук и настаивал на том, что Шатров искажает и извращает в своих пьесах ленинизм. Шатров приехал, Владлен Логинов, соавтор Шатрова, доктор исторических наук из Москвы, доктор исторических наук Геннадий Соболев из нашего Санкт-Петербургского

государственного университета, доктор исторических наук Вилли Старцев из педагогического, ныне покойный. И вот мы дискутировали четыре часа в прямом эфире. И после этого меня долго на телевидение не приглашали. Однажды попросили прокомментировать различные проекты трудового кодекса. А немногим более года назад в г. Пушкине какие-то вандалы попытались взорвать памятник Ленину, мне звонят в пять часов вечера с «ТВ-100» и говорят: «Не могли бы вы через час приехать на телевидение и сказать, что вы думаете по этому поводу?» Я приехал и выступил. А не позвонили бы, так я бы не приехал и не выступил, поскольку телевизор у меня свой, а телевидение при существующей структуре собственности находится в руках правящего класса.

Кто управляет идеологией? Управляет тот, у кого в руках соответствующие средства воздействия на умы, то есть издательства, журналы, газеты, радио, телевидение. В этом конкретно и выражается, что *идеология господствующего класса является господствующей идеологией*.

То, что идеология господствующего класса является господствующей идеологией, вроде бы всем и понятно. И тем не менее это совершенно не усвоено в обществе. Люди живут в мире иллюзий. Говорят – вот будут выборы, кого выберут? Ну, кого-кого – того, кого выберут те, у кого в руках телевидение, кого по телевизору показывают, того и выберут. Вас часто показывают по телевизору? Нет? Тогда у вас слишком низкий рейтинг, и вас не выберут. На радио, по телевидению и в газетах выборная кампания не формально, а по существу идет постоянно, и когда официально объявляется старт выборной кампании, ваши конкуренты на выборном поле находятся далеко впереди вас. Вот Дмитрий Анатольевич, которого не меньше показывали, чем Владимира

Владимировича, даже устал отвечать на вопросы, кто из них двоих будет выдвигаться в президенты. А потом сообщил, что мы, дескать, потом сядем с Владимиром Владимировичем и решим, кто из нас для народа нужней на следующий период. И народу сообщили, кто нужней, через все средства пропаганды и агитации в информации со съезда главной буржуазной партии «Единая Россия». Голосовать-то будет народ. А за кого он будет голосовать? За того, кого раскручивают средства массовой информации.

При любых выборах, в том числе при выборах в Государственную Думу, вопрос надо ставить не столько о личностях, сколько о том классе, представители которого получают большинство на выборах. Ответ совершенно ясен: в буржуазном обществе большинство мест в выборном органе власти получают всегда представители правящего буржуазного класса. А наивные люди ждут и гадают, кто же победит, кто же победит или чрезмерно озабочены тем, чтобы на выборах было меньше нарушений, чтобы они, дескать, были честными. А вот если будут честными-пречестными, каков будет результат? Принципиально, за исключением отдельных лиц, тот же самый, который готовился всей буржуазной пропагандистской машиной задолго до голосования. К.Маркс характеризовал буржуазную демократию таким образом, что представителям угнетенного класса один раз в пять лет дозволяется решать, кто из представителей угнетающего класса будет представлять и подавлять их в парламенте. Для буржуазии удобно, если вы сами выберете тех, кто будет вас подавлять, меньше будет конфликтов, а в случае конфликта всегда можно сказать: «Вы ведь сами выбрали тех, действиями которых теперь недовольны». Вот в Соединенных Штатах Америки есть две буржуазные партии – республиканская и демократическая. На

выборах побеждают то республиканцы, то демократы. То слон, то осел. То осел, то слон. И что, куда-то уходит власть из рук буржуазии? Никуда не уходит. У нас вариантов тоже мало. Есть буржуазная партия «Единая Россия». Не нравится «Единая Россия» – голосуй за «Справедливую», которая буржуазная по сути, но критикует «Единую Россию». Не нравится «Справедливая Россия», у нас есть ЛДПР Жириновского. За какую бы из этих трех партий избиратель ни проголосовал, он проголосует за одну из буржуазных партий и, представьте себе, в России, как и во всем буржуазном мире, большинство голосов на выборах достается представителям буржуазных партий.

При рабовладении и феодализме никто ни в какую демократию не играет. При рабовладении рабы вообще за людей не считаются, а при феодализме крепостным практически закрыт путь в духовную и политическую сферу. Вся борьба по вопросу о власти, за исключением время от времени происходящих бунтов и восстаний угнетенных, сводится к борьбе различных групп класса эксплуататоров между собой. Если взять феодализм, то там какие только замысловатые интриги ни плели цари, князья и высшее духовенство, но это не подрывало экономического, политического и идеологического господства класса эксплуататоров. Класс помещиков отдал свою власть только тогда, когда уже начали всюду развиваться буржуазные экономические отношения, то есть тогда, когда удержать ее уже было невозможно. А до этого даже при победе крестьянских восстаний власть все равно не перешла бы в руки крестьянского класса, потому как в головах у крестьян господствовала помещичья идеология, и боролись крестьяне во времена Степана Разина и Емельяна Пугачева не против царизма, а против плохого царя за хорошего и не против крепостничества, а против плохих помещиков за хороших.

Почему крестьянские восстания называют бунтами, а не революциями? Потому что они расшатывают устои крепостничества, но вместо крепостничества другого общественного строя не дают. Когда в России негативные моменты по отношению к крепостничеству начали превращаться в позитив? Когда начал созреть капитализм. Он вызревает прежде всего экономически, а не только в борьбе за власть. Наоборот, успешная борьба за власть является уже следствием изменений в экономике. Сначала появился капитализм, а потом произошла политическая буржуазная революция. В XIX веке в России произошло становление капитализма в экономике, а в феврале 1917 года буржуазная революция привела политическую власть в соответствие с тем экономическим базисом, который был к тому времени создан. Разложилось уже крепостное хозяйство, поэтому и царизм как характерная для феодализма форма государственного правления потерял основу для своего существования.

Это не значит, что сразу после буржуазной революции исчезли монархические взгляды, но они перестали быть господствующими. Даже и сейчас есть носители монархических взглядов и продолжают попытки создать монархические партии. Монархистам нравятся одежды, в которых ходил царь. Мне тоже нравятся. В конце концов, снова можно эти одежды пошить, как это и делают в театрах для соответствующих постановок. И в Эрмитаже висят такие одежды. Вроде как все есть для монархии. Даже желающие записаться в дворянство есть. Беда только в одном – нет желающих записаться в крепостные крестьяне, чтобы их можно было новоявленным дворянам продавать, покупать и заставлять при поддержке государства на себя работать. Поэтому монархизм при буржуазном строе – это театр или живой музей, как в Соединенном королевстве Великобритании и Северной

Ирландии, некое старинное украшение на теле современного буржуазного государства. А монархизм в идеологии и политике – это не что иное, как реакционная утопия. Утопия потому что этого не может быть, а реакционная потому что в будущее пытаются привнести то, что уже исторически изжито. Все! Обратного хода нет. То есть еще можно было сделать в той же Франции, совершившей буржуазную революцию, контрреволюцию в политике. А в экономике капитализм продолжал развиваться и тогда, когда Бонапарт пришел к власти и стал снова королем Франции. В экономике продолжало совершаться то движение, которое называется становлением капитализма, оно никуда не исчезло.

Вот в этом и проявляется себя определяющая роль экономического базиса. Его движение можно пытаться задержать, затормозить, можно исказить его формы, но ход истории не остановить: за одним общественно-экономическим строем следует другой не потому, что он кому-то нравится, а потому, что такова логика развития производительных сил и производственных отношений. И если в экономике буржуазия уже господствует, значит, переход к капиталистической общественно-экономической формации предрешен. Дело только за тем, чтобы буржуазия стала классом политически господствующим.

Когда совершается буржуазная революция, буржуазия выступает за народное государство, поднимая народ на борьбу за свободу от крепостничества. И народ идет против крепостничества воевать. С ним борются реакционеры-помещики. Как помещики они, разумеется, не столько сами боролись, сколько посылали тех, кто был у них на службе. А буржуазия направляла тех, кто в расчете на улучшение своей жизни одновременно расчищал поле для капитализма. Представители нового нарождающегося класса –

буржуазии, смотрели, как направляемые ими народные массы побеждают или проигрывают представителям старого, уходящего класса. Но поскольку экономическая мощь буржуазии нарастала с каждым днем, постольку рано или поздно наступало такое время, когда сопротивление старого феодального класса было окончательно сломлено. Например, у нас в России помещичий класс после отмены крепостничества в 1861 году перестал быть классом, который организовывал сельское хозяйство и стал просто классом-паразитом. У помещиков оставались в собственности значительные земельные ресурсы, которые они сдавали в аренду капиталистам и получали абсолютную земельную ренту. Что такое абсолютная земельная рента? Это экономическая форма реализации собственности на землю. Помещики в России не только оставили крестьян без земли, но они задерживали и развитие капиталистического производства, поэтому их участь была предрешена.

Тезис о том, что идеология господствующего класса есть господствующая идеология, неправильно понимать так, что в общественном сознании не присутствуют мысли и угнетенного класса. Они выражаются, в частности, наиболее просвещенными представителями господствующего класса, которые встали на сторону класса угнетенного. Это чаще всего выдающиеся ученые или крупные художники, то есть те люди, которые видят дальше узкого горизонта своего класса. Типичный представитель класса видит, как правило, только то, что этому классу выгодно. А действительно гениальные люди, принадлежащие по своему положению к отживающему классу, видят дальше. А раз они видят дальше, они не замыкаются на интересах своего класса, они начинают поддерживать другой, более передовой, класс, за которым будущее.

Вот есть книжка Бушкова «Красный монарх». Бушков – достаточно известный писатель, известный тем, что он всякие фантастические, исторические книги пишет, и, я думаю, что он много денег на этом заработал. И вот он вдруг взял и написал книгу про Сталина «Красный монарх». В этой книге Бушков представил точные данные о том, сколько в Красной Армии находилось выходцев из бывшего царского офицерства и сколько в Белой. Из этих данных следует, что наиболее крупные военные специалисты находились в Красной Армии, а не у белогвардейцев. А почему? Во-первых, потому что Советское правительство хорошо оплачивало эту работу, считая, что специалистов надо содержать хорошо. А, во-вторых, потому, что бывшие царские офицеры, которые пошли в Красную Армию, понимали, что то правительство, которое Ленин возглавлял, – российское. А вот белогвардейцы действовали при прямой, в том числе материальной, поддержке правительств стран Антанты, то есть иностранных правительств. И честные русские офицеры не хотели идти на службу иностранным правительствам. Вот вместе с этими бывшими царскими офицерами Красная Армия разбила белогвардейцев, хотя и у них было немало военных специалистов.

И в той, и в другой армии были крестьяне – представители класса мелкой буржуазии, они составляли основной состав армии. Кто такой мелкий буржуа? Мы уже об этом говорили. Мелкий буржуа – это мелкий хозяйчик, работающий на рынок. Работающий – это значит трудящийся. Ну, а поскольку он работает на рынок и цель его труда – стоимость, мелкий хозяйчик хочет стать настоящим хозяином, получать прибавочную стоимость. Ведь кто настоящий хозяин в буржуазном обществе? Тот, кто не просто имеет в собственности средства производства, а кто уже сам не работает, а живет за счет труда наемных

работников. Они трудятся, а хозяин управляет. Мелкий буржуа равняется на капиталиста как на свой идеал. Поэтому какая для него характерна идеология? Буржуазная. А еще у него есть и пролетарская идеология. Он же трудящийся, поэтому он воспринимает и пролетарские идеи, идеи, которые соответствуют положению рабочего класса. Поэтому в итоге какая у него идеология? Противоречивая, смешанная, каша у него в голове. И буржуазные, и пролетарские идеи, и это и это у него есть. Не потому каша, что он такой плохой ученик, а потому, что он воплощает, так сказать, позиции и того, и другого класса. Он есть живое воплощение противоречия между рабочим классом и буржуазией, экономическое воплощение противоречия между теми, кто трудится, и теми, кто их эксплуатирует. Мелкую буржуазию ведь тоже эксплуатируют. Вот крестьянин, средний крестьянин, то есть зажиточный, вырастил зерно, потратив, допустим, на его производство в расчете на день десять часов своего труда. Поехал на рынок продавать. А на рынке свои законы. И свои цены. Крестьяне что ли устанавливают эти цены? Крестьянин долго ехал, зерно на подводах вез. Приехал. А там цены такие, что хоть поворачивай назад. Ну, не ехать же обратно. А черт с ними, делать нечего, продам им по этой цене, да куплю, что наметил. И крестьянина там обдерут как липку. И что крестьянин получил в итоге всей этой операции? В итоге в расчете на день он получил за десять часов труда лишь столько товара и денег, в которых содержится всего три часа труда. А семь часов кто забрал через цену? Кто покупал, тот и забрал. Ну, что тут такого необыкновенного. У нас и сейчас у предприятий сельскохозяйственных молоко оптовые скупщики принимают по цене одиннадцать рублей за литр, а в магазине вы покупаете его уже с пониженной жирностью за сорок – пятьдесят рублей. Кто

разницу за вычетом затрат на сепарирование молока и его упаковку положил в карман? Тот, кто вклинился между потребителем и производителем. С книготорговлей сегодня та же картина. Почему хорошие книги трудно идут к людям? Потому что торговая наценка составляет 100% к той сумме, что получают автор, издательство и типография. То есть это есть в нынешней рыночно-капиталистической России, а разве этого в первом издании капиталистической России не было? Поэтому крестьян эксплуатировали. Кто эксплуатировал? Те, кто покупали у них продукцию. Через цены. Эксплуатация – это что такое? Это присвоение чужого неоплаченного труда. А есть такая форма присвоения чужого неоплаченного труда – через цены. Перекупщики-спекулянты покупают товары по заведомо заниженной цене, а реализуют по завышенной и присваивают чужой неоплаченный труд как производителей, так и потребителей.

Определяющее влияние экономического базиса на политическую и идеологическую надстройку осуществляется через удовлетворение интересов классов. Интересы господствующего класса при этом осуществляются в большей мере. Почему? Потому что материальные возможности у господствующего класса для проведения своих интересов гораздо больше.

Если мы в политике хотим понять, в чем внутренние пружины того, что происходит, мы должны ставить вопрос, кому это выгодно. Кому выгодно повышать цены на хлеб? Ну, кому-кому – тем капиталистам, кто этот хлеб как товар производит, тем капиталистам и выгодно, что тут непонятного. Или кому выгодно повышать цены на тарифы ЖКХ? Кому? Жителям что ли? Тем, кто пришел на ниву ЖКХ обогащаться, прежде всего управляющим компаниям. А депутаты, которые принимали законы про ЖКХ и

которые теперь возмущаются, что управляющие компании наживаются на жильцах и ущемляют интересы государства, они что, всерьез думали, что люди по домам на собрания соберутся и будут голосованием решать, какую управляющую компанию выбрать? Да чтобы собрать жильцов дома, по квартирам надо ходить с автоматом, а вот составить поддельный протокол о выборе управляющей компании ничего не стоит. И эта управляющая компания, которая изготовила поддельный протокол о том, что жильцы дома выбрали именно ее, прямо спит и видит, как починить вам кран. Что ей выгодно – чтобы у вас был хороший кран и чтобы у вас в туалете ничего не текло или, напротив, поменьше для дома делать и побольше с жильцов денег взять? Если прислать жильцам квитанции, в которых на управленческие расходы увеличена сумма на 500 рублей, и если в доме 60 квартир, то прибавка для управляющей компании составит 30 000 рублей в месяц, которую компаньоны спокойно могут положить себе в карман, ничего не сделав для жильцов. Вот сейчас жители возмущаются – растут тарифы! Во-первых, они не растут, а их повышают. А, во-вторых, повышают их умышленно те, кому это выгодно. Чтобы понять это, надо правильно поставить и решить вопрос теоретически и практически экономически – затраты в ЖКХ растут или падают? Падают, если растет производительность труда, поскольку рост производительности и означает снижение затрат труда на предоставленную услугу. А если не падают, значит, не внедряется передовая техника, а полученные от государства и жильцов деньги просто рассовываются по карманам.

Кому выгодно, что наши заводы закрываются один за другим? А тем, кто будет сюда из-за границы переводить вредные производства, наши рабочие будут тут сваривать, свинчивать и собирать то, что привезено из-за границы, где будут

осуществляться операции развивающие, а не отупляющие рабочих, а прибыль от российского производства будет уходить туда же, за границу.

Показательна история с «Сапсаном», который фактически ездит со скоростью 160 км/ч. Да у нас такие поезда, которые скорость 160 км/ч могут дать, только освободите дорогу, и раньше были, а новые отечественные разработки заморожены. Вот стоит на приколе поезд «Сокол», спроектированный и изготовленный КБ «Рубин», которое разрабатывает подводные лодки. Прекраснейший поезд, который имеет алюминиевые гофрированные части, там, где тамбуры, которые при лобовом столкновении сминаются, и никто в вагонах не погибает. Нет, надо же Германию поддержать, немецкого производителя. Кому это выгодно? Выгодно тем, кто свои прибыли получает от уничтожения нашей промышленности и развития иностранной. То есть компрадорской буржуазии.

Буржуазия делится на две группы – на ту, которая связывает свое будущее с эксплуатацией российских работников и поднимает российское производство и ту, бизнес которой состоит в организации уничтожения наших предприятий, чтобы освободить поле для иностранных. Возьмем, например, миллиардера Дерипаску. Он купил горьковский автозавод и уничтожил производство «Волги». Купил и установил оборудование для выпуска самой плохой машины, которая есть в Америке – «крайслер». Постановка ее на производство потребовала переоборудования всей технологической линии, в том числе замены электрической системы. Все это сделали. И что выпускается вместо «волги»? Никому не нужная «волга-сайбер». Впрочем, и она практически не выпускается. А зачем? Ведь задача состояла в том, чтобы убрать конкурента. Задача решена. Пока еще выпускается «газель», в Павлово под Нижним Новгородом есть

завод микроавтобусов, но по Нижнему Новгороду ездят «форды» и «мерседесы». А теперь компрадорская буржуазия и ее представители в различных органах экономической и политической власти работают над уничтожением флагамена нашего автомобилестроения АМО «ЗИЛ». На его площадях компрадоры хотят развернуть очередное иностранное сборочное производство. К ним присоединяются так называемые девелоперы, то есть те, кто ради прибыли пытается застроить территорию, на которой уже есть необходимая инженерная инфраструктура, позволяющая от строительства получать особенно высокую прибыль. Дома будут строить для чего? Для жилья? Нет, для денег, не случайно представители этих девелоперов радуются тому, что после кризиса наконец-то рынок стал нормальным, цены снова вернулись на прежний заоблачный уровень. Когда цены на жилье в кризис упали, это для населения было хорошо, а для девелоперов плохо, но теперь, слава богу, все вернулось на круги своя. Теперь можно заняться уничтожением «ЗИЛ»а.

После летних пожаров на «ЗИЛ» был спущен заказ на пожарные машины. И возникли большие трудности с его выполнением. Есть люди, есть техника и технология, но колеса нужного размера на «ЗИЛ»е уже давно не делали, поскольку долгое время выпускали «бычков» для мелкого бизнеса, а для пожарных машин нужны нормальные большие колеса. Насосы нужны, которые делали другие предприятия. А почему теперь не делают? Потому что эти предприятия уже уничтожены. А один завод не может сделать все, что изготавливалось по кооперации с другими заводами. И получается, что вроде и заказ есть, и деньги даже выделены, но что с этими деньгами государственными делать? Дело со стороны соответствующих должностных лиц государства ставится так, будто они только сейчас узнали, что

бывают пожары и что летом их бывает больше, чем зимой. А те люди, которые Кодекс лесной делали, придумали, что не надо нам этих лесничих. Давайте их уберем всех и будем продавать леса. А когда загорелись леса по всей России, выяснилось, что за состояние лесов никто конкретно не отвечает, никто огонь этот не будет останавливать, пока он не дойдет до очередного села и пока не выяснится, что там пожарных машин нет.

К чему нас ведут компрадоры? Чтобы мы свои машины не производили, а только добывали и продавали нефть, а все наукоемкие машины покупали за рубежом. Так мы скоро все будем на трубе сидеть. А потом цены упадут на нефть и закончится Россия. Надо же думать, куда это ведет и кому это выгодно. Уж, конечно, не трудящимся России и не той буржуазии, которая строит свой бизнес на развитии отечественного производства. А вот компрадорской буржуазии, конечно, выгодно все высокотехнологичное отечественное производство загубить, потому что она от этого прибыль получает. Выгодно это и тем топ-менеджерам, которые ездят за границу в командировки заключать договора на поставку иностранной продукции. Одно дело в Нижний Тагил командировка, а другое дело во Францию в Париж. В Рим надо ехать, если мы на Хельсинки пускаем новый поезд «Аллегро». Это же итальянский поезд. И техническое обслуживание итальянское. В том числе производство запчастей, ремонтное обслуживание. Это же относится к немецкому «Сапсану», договор на техническое обслуживание которого заключен с немецкой фирмой «Сименс» на 30 лет. На 30 лет у нас будет целое немецкое хозяйство, которое будет «Сапсан» обслуживать, а мы будем только деньги за это платить. Что тогда будет с нашим производством? Ответ на этот вопрос ясен, как ясно и то, кому это выгодно – компрадорской буржуазии.

Есть представители компрадорской буржуазии в органах власти? Есть, конечно. Вот, говорят, надо сделать руководителей госкорпораций независимыми. А разве бывают независимые руководители корпораций, скажите, пожалуйста? Разве можно жить в обществе и быть свободным от него? Разве есть независимые от экономических интересов люди? Нет, конечно. Ну, хорошо, это будут не представители нашего государства, а представители других государств или лоббисты частных компаний, но независимыми они не будут, они будут зависимыми от других политических или экономических единиц. Может быть, государство кому-то не нравится, потому что представляет класс господствующий. У нас господствующий класс – буржуазия. Мне тоже не нравится, что класс буржуазии господствует, но уж пусть лучше класс буржуазии господствует, а не отдельные сумасшедшие буржуа, которые Россию удавят и удушат за свою прибыль, потому что класс буржуазии – это более высокий уровень, чем отдельные предприниматели, независимые от российского государства и российского общества. Наши «независимые» банки, как только государство им в кризис помогло, первое что сделали? Отправили деньги за границу, и в США оказались все эти деньги ровно через две недели – там, где они брали займы деньги. Не только потому, что банкиры у нас плохие, а еще и потому, что у нас ставка по кредитам такая, что дешевле было взять кредит в Америке, чем в своем Центробанке. Спрашивается, кому выгодна такая высокая ставка рефинансирования? Американцам. Ведь если у нас ставка рефинансирования, то есть ставка, по которой Центральный банк дает деньги в кредит коммерческим банкам, будет ниже, чем за границей, банки будут стремиться брать кредиты не за границей, а в своем Центробанке. Но сам Центробанк не может дать кредит ни

предприятиям, ни населению, он должен, по замыслу создателей нашей банковской системы, обогащать коммерческие банки, которые в Центробанке берут под низкий процент, а предприятиям и населению дают под высокий, и на этом обогащаются, не выполняя функцию аккумуляирования временно свободных средств и направления их туда, где в производстве ощущается их нехватка. Если вы хотите получить квартиру по ипотеке, то при нынешних ставках по кредиту это будет означать покупку одной квартиры по цене трех. Ипотечный договор заключен, и деньги потекли. Куда? К вам или от вас? От вас.

Выше давалось определение *экономических интересов как такой характеристики положения людей в производстве, которая показывает, что им выгодно в силу этого положения и в какой мере*. Это определение, естественно, применяется и к интересам классов. Чтобы узнать, что выгодно тому или иному классу, нужно узнать, что улучшает его экономическое положение в системе производственных отношений и в какой мере. По отношению к тому или иному изменению, тому или иному проекту или намечаемому действию требуется определить, выгодны они классу или нет и, если выгодны, то в какой степени. Надо понять, как изменится положение класса, если будет реализована эта идея, этот проект, если будет совершено это действие. Если положение класса улучшится, то классу это выгодно. Если положение ухудшится, это классу не выгодно. Если выгодно, значит, это в его экономических интересах. Если невыгодно, значит, не в его экономических интересах. Вот есть такая статья у Ленина, которая по-латински называется *Cui prodest* – кому выгодно, в которой он в самом начале говорит – люди оставались и будут оставаться глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они за всякими программами, заявлениями, идеями не будут различать интересы

известных классов и не будут ставить вопрос, кому выгодно. То есть никто ничего не поймет в социальной жизни, если он не научится ставить в общественной жизни вопрос о том, кому выгодно то, что делают или собираются сделать субъекты общественной жизни, прежде всего какому классу, каким слоям, каким группам и их представителям в силу их положения в общественном производстве это выгодно и в какой степени.

Вот, например, мелкие буржуа – им одновременно выгодны противоположные изменения. То, что будет сделано в интересах трудящихся, им выгодно. Они же трудящиеся. Все, что будет сделано в интересах буржуазии вроде тоже им выгодно, ведь мелкий буржуа мечтает и надеется, что он тоже будет буржуа, хотя из ста мелких буржуа 99 предстоит упасть в ряды рабочего класса, и только один мелкий хозяин, работающий на рынок, может вырасти в настоящего хозяина, стать буржуа, капиталистом. Мелкие буржуа, движимые своими прямо противоположными интересами, мечутся между исключаящими друг друга противоположностями, поддерживая то одно, то совсем другое, противоположное первому. Соответственно и мелкобуржуазные партии так выглядят. Они и за народ, они и против народа одновременно. Вот типичная мелкобуржуазная партия – это партия «Яблоко». Иногда ее представители и правильные вещи говорят. И при этом говорят вещи неправильные, в корне неверные. Типичная фраза: «Нам нужно поддерживать мелкий бизнес». Зачем нам поддерживать мелкий бизнес? Весь мир поддерживает крупный, а мы давай поддерживай мелкий. Сколько денег уже ухлопано на поддержку мелкого бизнеса. В этой партии собираются мелкие люди с мелкими мыслями, отражают положение мелких хозяйчиков и, конечно, поэтому призывают этих мелких хозяйчиков и поддерживать. Одновременно они воюют против

крупных государственных корпораций. Почему? Потому что не они хозяева этих корпораций. А если бы были хозяевами крупных корпораций, то воевали бы против мелкого бизнеса. Помните, у нас движение экологов было по всей стране? О – о – о!!! И вот эти экологи прошли куда? Во власть прошли. И как-то все стихло. У них больше экология не является основной проблемой. А почему бились за экологию? Рассчитывали, что если будут за экологию выступать, народ их поддержит, а когда они сели во власть, – трудящиеся им, вроде, уже и не нужны: «Спасибо, товарищи из народа, мы задачу уже решили, мы теперь господа».

Таким образом, для того, чтобы разобраться в том или ином общественно-политическом процессе нужно, ставить вопрос — кому выгодно то или иное его течение. Это относится и к любому историческому процессу. Кому и в какой степени то или иное действие или изменение выгодно – это относится и к классам вообще, и к отдельным политическим личностям. Кому выгодно, кому невыгодно.

Могут ли отдельные люди идти против своей выгоды, против своих экономических интересов? Могут. Нельзя упрощать исторический процесс. Не следует думать, что люди только то и делают, что им выгодно. Это совершенно не верно. Скажите, пожалуйста, представители какого класса составляли большую часть живой силы, брошенной фашистской Германией под началом гитлеровского командования против СССР? Представители какого класса? Буржуазия лично к нам пришла? Летали на самолетах немецких собственники заводов по производству самолетов? Крупн стрелял из пушек Круппа? Нет. Ну, кто сюда пришел? В массе своей пришли сюда одетые в гитлеровскую форму немецкие рабочие. Послала их немецкая империалистическая буржуазия воевать за ее реакционные интересы. И воевали эти немецкие

рабочие за чуждые им интересы. А тут с ними кто воевал? А тут с ними воевали русские рабочие. Ну, не только русские, но и рабочие всех народов и народностей Советского Союза. И не только рабочие – воевали и колхозники, и представители всех слоев трудящихся нашей страны, но уже за свои общие им всем, а не за чуждые им интересы. И в этом был залог победы СССР над фашистской Германией.

А во Вьетнаме кто воевал, если взять грязную войну США во Вьетнаме? На стороне США в массе своей воевали трудящиеся американцы, причем процент социально притесняемых в США негров в американской армии во Вьетнаме был выше, чем в среднем в США. Как только речь пошла о том, чтобы умирать за интересы американской империалистической буржуазии, пропорции сместились в сторону наиболее эксплуатируемого негритянского населения. Аналогичную картину можно было наблюдать и во время выгодной американской империалистической буржуазии, осуществляющей фашизм на экспорт, и не нужной американскому народу войны в Ираке.

То есть если бы дело обстояло так, что люди всегда действуют в своих экономических интересах, то все было бы очень просто в истории. Однако в истории это не так. Люди сплошь и рядом действуют не в своих экономических интересах. Существуют общественные институты и формы воздействия господствующего класса на другие классы с тем, чтобы эти классы делали то, что нужно эксплуатирующему их классу. Когда мы говорим, что идеология господствующего класса является господствующей идеологией, мы фактически констатируем, что господствующий класс так организовал общество, что большинство тех людей, которые по своему общественному бытию принадлежат к

угнетенному классу, идейно находится на стороне того класса, который их угнетает. И это не исключение из правила, а правило.

Таким образом, бесконечную ценность имеет основное положение материализма, примененное к истории, то есть утверждение исторического материализма, что общественное бытие определяет общественное сознание. Поэтому во всех обществах, и во всех странах и во все эпохи, пока еще классы полностью не уничтожены, идеология господствующего класса является господствующей идеологией. Поэтому тот, кто рассчитывает на переход к другому, более передовому общественному строю через то, что сначала на эту позицию встанет большинство народа, – тот грубо ошибается. Никогда этого большинства не бывает при господстве того или иного класса. Вот, скажем, господствуют помещики. Какая идеология в умах крепостных крестьян? Разве идеология крепостных крестьян? Нет – помещичья идеология. Вот, дескать, есть хозяин-барин, и он сказал, что о нас заботится и не даст нам умереть. И когда голод, он достает свое зерно из амбара и нам ссужает его, спаситель наш. А без него бы все мы пропали. Без него мы никто и ничто. Он наш господин, он нас и учит, и если что – поможет и спасет. Ну, конечно, за это надо работать на барщине. Эта идеология помещичья была внедрена в крестьянские умы. А как она была внедрена? Ну, во-первых, класс помещиков образованный, а крепостные – не образованные. А необразованные должны слушать образованных. Чего тут такого удивительного?

Тот, кто за разговорами о большинстве и меньшинстве, о честных или нечестных выборах не видит интересов классов и классовой борьбы, не понимает, что идеология господствующего класса является господствующей идеологией, тот выступает как жертва обмана и самообмана в политике. Еще никогда выборами

власть от одного класса к другому не перешла. Вот если это выборы внутри господствующего класса, то сколько угодно может происходить внутриклассовых переделов и переходов, в том числе путем образования новых политических партий правящего класса и передачи им основных рычагов государственного влияния. Процесс этот не так прост и может опосредствоваться всеобщим голосованием. Но чтобы через выборы власть перешла от эксплуататорского класса к эксплуатируемому, – в истории это никогда не происходило, не происходит и произойти не может. И теоретически не может быть так, чтобы большинство класса подчиненного выступало на выборах с позиций своего класса. Большинство экономически подчиненного, эксплуатируемого класса и идеологически находится в подчинении у эксплуататорского класса. Поэтому у большинства членов подчиненного класса в голове мысли господствующего класса, а не свои. Чтобы иметь свои мысли, иметь головы еще не достаточно. Для этого, как минимум, нужно свободное время как время для свободного развития, а оно узурпировано эксплуатирующим классом. Свободного времени меньше всего у того, кто в поте лица добывает хлеб не только для себя, но и для всего общества. Поэтому, когда обсуждают, кого выберут на очередных выборах, так и хочется сказать: «Ну, кого выберут, неужели вы не понимаете, что уже выбрали давно, и теперь с помощью голосования хотят только этот выбор оформить. Каков господствующий класс, такова и господствующая идеология. А голосовать люди пойдут с той идеологией, которая у них есть к моменту голосования. Что у человека в голове, с тем он и идет голосовать. А что у людей в голове? Грубо говоря, что показывают по телевизору, то у большинства в голове и есть. Но все же есть отдельные люди, есть целые идейные течения, движения,

политические партии, которые распространяют противоположные правящему классу позиции и их отстаивают, хотя и находятся в меньшинстве.

Поэтому когда перед большевиками, Лениным встал вопрос о возможности установления власти рабочего класса через выборы в Учредительное собрание, Ленин сразу сказал – нет, нет, нет, мы в эти сказки про то, что власть в государстве есть результат свободного голосования, мы в эти сказки не верим. Мы согласны с тем, что для того, чтобы удержать власть, надо иметь на своей стороне большинство народа. Это бесспорно. Вот мы это большинство народа и завоюем. Только нам говорят, чтобы мы завоевывали власть на буржуазных выборах при буржуазных определителях воли избирателей. Нет, мы сначала возьмем власть. Поскольку государственная власть – это главный инструмент в политике, мы с помощью этого инструмента быстро завоюем на свою сторону большинство народа, передав землю крестьянам, фабрики – рабочим и обеспечив мир народам. У Ленина есть блестящая работа, специально посвященная проблеме завоевания власти – «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» в 40 томе полного собрания сочинений. В ней Ленин ставит вопрос о выборах в Учредительное собрание. Большевики на них выиграли? Нет. Но это не помешало им установить Советскую власть, для которой характерно, что основной избирательной единицей и основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а завод, фабрика.

В одно и то же время в одной и той же стране России в один и тот же 1917 год проходили организованные буржуазной правящей верхушкой выборы по территориальным округам в Учредительное собрание и поддержанные большевистской партией организуемые трудящимися по своей инициативе выборы снизу в Советы.

Октябрьская революция потому и великая, что впервые передала власть открытым русскими рабочими новым органам власти – Советам, основанным не на нарезаемых сверху территориальных округах, а на трудовых коллективах производственных предприятий. Последующая история показала, что Советская власть является организационной формой диктатуры пролетариата и без этой формы диктатура пролетариата ослабляется и долго существовать не может. К сожалению, в СССР в связи с принятием новой Конституции выборы с 1936 года снова стали проходить по территориальным округам. Органы власти хотя и назывались по-прежнему Советами, таковыми уже по сути не являлись. Советы изначально, начиная с первого в истории Иваново-Вознесенского Совета, избирались по фабрикам и заводам, а, начиная с 1917 года, – еще и по ротам и кораблям. На селе территориальный и производственный принципы совпадали. Поэтому можно считать, что и после 1936 года на селе название «Советы» отвечало понятию Советов как органов, формируемых по производственному принципу, и значительная, хотя и уменьшающаяся в связи с уменьшением доли сельского населения, часть органов власти продолжала оставаться Советами.

В 1917 году при выборах в Учредительное собрание большевики оказались в меньшинстве. Но в Советах в Москве и Петрограде, да еще и в войсках Северного фронта большевики получили большинство. Раньше эти Советы были эсеро-меньшевистскими, но после Корниловского мятежа в Советах начался отзыв не отражающих позиции избирателей депутатов, тем более что в Советах, избираемых по фабрикам и заводам, ротам и кораблям, практически легко осуществимы отзыв тех, кто больше не выражает волю избирателей, и избрание в Советы вместо них других депутатов. Одних отозвали и послали других, разделяющих

позиции большевиков. И вот Ленин в статье «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» пишет, что после того как путем вооруженного восстания мы разрешили ситуацию двоевластия в пользу единовластия Советов, мы должны были с помощью государственной власти привлечь на свою сторону большинство народа. Как? Мы сразу после установления государственной власти предложили мир народам, опубликовали все грабительские международные договоры. И главное — дали землю крестьянам. Крестьяне хотели землю — пожалуйста. Нельзя же одними словами убедить крестьянина поддержать большевиков. Но, получив землю, крестьянин в Красной Армии воевал за большевиков. Почему? А потому что ценнее, чем земля, для крестьянина ничего нет. Большевики дали, а Деникин стал отнимать. Тогда крестьяне в массе своей стали выступать за большевиков и против Деникина. А Деникин уже подходил к Москве, вот-вот заберет Москву. Но, идя к Москве, Деникин вешал крестьян, отбирая у них землю. И тогда они с удвоенной силой стали бороться против Деникина, Красная Армия, которая более чем наполовину состояла из крестьян, погнала деникинскую армию и разгромила ее, выбросила белогвардейцев из России. А разве большевики без поддержки крестьян могли разбить Белую армию? Мог ли с этим справиться рабочий класс России, который тогда составлял около 10 процентов населения? Да, рабочие составляли ядро Красной Армии, но основную массу ее составляли крестьяне, то есть мелкая буржуазия. Кто победил в Гражданской войне? Рабочий класс вместе с мелкими буржуа, которые встали в массе своей на его сторону. Рабоче-Крестьянская Красная Армия победила белогвардейцев, которые при помощи обманутых и запуганных мелких буржуа, защищали интересы помещиков и

капиталистов и поддерживающих их капиталистов иностранных держав.

Огромную роль в том, чтобы привлечь на сторону Советской власти большинство народа сыграло то, что эта власть предприняла конкретные шаги к тому, чтобы прекратить империалистическую войну. А кто еще это сделал, кроме большевиков? Кто предложил мир? Хотя и внутри большевистской партии оказалось немало противников прекращения войны, аргументирующих тем, что империалисты навязывают грабительские условия заключения мира. В период Брестского мира даже некоторые видные партийные руководители выступили против позиции Ленина. Бухарин, выступая на Седьмом экстренном съезде РСДРП(б), говорил, что можно обойтись и без Ленина, раз он не выступает за то, чтобы вести революционную войну, раз он говорит, что надо заключить «похабный» мир. И все же съезд принял решение заключить Брестский мир, а после революции в Германии все территории были возвращены Советской России.

В итоге не голосованиями, а поддержкой и осуществлением самых насущных интересов трудящихся классов большевики завоевали большинство на свою сторону. И это получило свое отражение при выборах в Советы. И большинство так и голосовало за кандидатов большевиков, пока были Советы. А потом, когда Советов не стало в городах с середины 30-х годов, начали набирать силу негативные тенденции. Сыграло свою роль и то, что прямые выборы по территориальным округам практически исключают возможность отзыва снизу не оправдавших доверия избирателей депутатов. Другое дело – выборы по фабрикам и заводам. Вот на «Кировском заводе» до перехода к территориальной системе выборов непосредственно избиралось четыре депутата горсовета и

их в любое время коллектив завода мог отозвать, заменив другими. Собрали конференцию «Кировского завода» и проголосовали. Не ограничивались *выдвижением* кандидатов в депутаты, как это было потом, а прямо *избирали* депутатов. А значит, если завтра передумают и перерешат, то вместо Иванова в городской Совет пойдет Петров. Собирается городской Совет — кто от «Кировского завода»? Петров. А был же Иванов ? А мы послали Петрова. Это же дело «Кировского завода», правильно? А ведь самое демократическое право – право отзыва, поскольку ничего не стоит право избрать депутата, если его практически невозможно отозвать. И вот систему, практически осуществляющую право избирателей на отзыв депутатов, самую современную и самую демократическую открыл рабочий класс России в 1905 году. И эта система просуществовала как организационная форма диктатуры рабочего класса до 1936 года. С 1936 года снова начались выборы по территориям, когда уже никого практически нельзя было снизу отозвать. Поэтому заражение аппарата номенклатурного, аппарата партийно-государственного бюрократизмом и карьеризмом, другими мелкобуржуазными замашками стало нарастать, и появилось много-много разных Горбачевых. Раз их невозможно снизу отозвать, они идут только вверх, вниз они не падают и в конце концов делают невозможным осуществление диктатуры пролетариата.

Таким образом, если мы хотим найти ответ на вопрос, где и как определяющая роль производства проявляет себя в надстройке, то ответ состоит в том, что она проявляет себя прежде всего через экономические интересы классов и слоев. Но и это положение мы не должны понимать грубо механически, что если у меня экономические интересы буржуазные, поскольку я принадлежу по своему положению к буржуазному классу, то обязательно у меня в

голове буржуазная идеология, и наоборот, если я рабочий, то совсем не обязательно у меня в голове пролетарская идеология. Более того, в большинстве голов рабочих сейчас в современной России какая идеология? Буржуазная. А в некоторых головах буржуазии может быть идеология пролетарская. Почему? Потому что тезис о том, что общественное бытие определяет общественное сознание относится к обществу в целом, а не к отдельным индивидуумам, которые всегда есть конкретный продукт обстоятельств и воспитания.

Если же мы берем всю массу избирателей, то тут уже тезис исторического материализма об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию срабатывает однозначно. Сознание большинства в буржуазном обществе буржуазно, люди голосуют в соответствии со своим сознанием, поэтому непременно выберут такой орган, в котором большинство будут составлять представители класса буржуазии. Они и будут осуществлять буржуазную диктатуру, прикрытую выборами и голосованием, ведя между собой конкурентную борьбу за местечки. И никогда еще угнетенный класс не пришел к власти через выборы. Некоторые говорят: «А вот в Чили...» А что в Чили? Господин Альенде выступал еще до своего избрания президентом Чили против основного положения в марксизме – диктатуры пролетариата. Был у нас такой журнал «За рубежом», и вот вышел номер этого журнала с большой статьей Альенде с огромным красным заголовком «Социализм без диктатуры пролетариата». Поэтому никакой Альенде не марксист, и его социалистическая партия тоже не марксистская, не являющаяся партией рабочего класса. А поскольку со своим «открытием» социализма без диктатуры пролетариата Альенде выступил после Ленина, растолковавшего ревизионистскую и ренегатскую суть такой

позиции, то политическая оценка деятельности Альенде такова: попытка построить социализм без диктатуры рабочего класса ведет рабочее движение к поражению и краху или даже еще хуже, как это произошло в Чили: она прокладывает дорогу фашизму. В чилийском парламенте называвшаяся социалистической партия, получившая большинство, осуществляла *буржуазную* революцию. А именно что она делала? Отбирала у помещиков землю, потому что помещики в Чили еще держали земли в своих руках. Как только социалистическая партия закончила решение этой буржуазной задачи, буржуазия в лице своих институтов, таких как армия, корпус карабинеров, чиновничество, предприняла меры по ликвидации парламентаризма, и в стране воцарилась открытая террористическая диктатура наиболее реакционных кругов империалистической буржуазии, наступила черная полоса фашизма.

Или еще приводят в качестве примера того, что якобы рабочий класс может прийти к власти через выборы победу на выборах в Молдавии партии коммунистов Молдовы. О чем говорит эта «победа»? Что партия эта не коммунистическая, что и подтвердило ее сидение при власти, поскольку она за время своего сидения не затронула никаких основ буржуазной власти, а только чуть смягчила буржуазную диктатуру, сделала более удобным для трудящихся буржуазный хомут. Какой там строй стал, когда пришел «коммунист» Воронин на пост президента Молдавии? Как был капитализм, так и остался, но кое-что улучшилось. Однако никакого перехода власти из рук буржуазии в руки рабочего класса не произошло.

Это пример и того, что нельзя определять классовый характер партии по ее названию. Политические партии могут быть сначала партией одного класса, а потом, сохранив свое прежнее название,

стать партией другого класса. Например, Германская социал-демократия была партией рабочего класса, а сейчас социал-демократическая партия Германии – это партия буржуазии. Лейбористская партия родилась как партия рабочего класса, а сейчас это так называемая буржуазная рабочая партия, то есть такая буржуазная партия, у которой в ее составе много рабочих в лице профсоюзов, поэтому буржуазии очень удобно иметь такую партию, она помогает подчинять рабочий класс влиянию буржуазии. Или Гитлер какую партию основал, как она называлась? Красиво называлась: национал-социалистическая рабочая партия Германии. Мы по названию будем о ней судить или будем смотреть, интересы какого класса она фактически представляла? В ней, говорят, было много представителей мелкой буржуазии, это понятно. А в чьих интересах она действовала? В интересах крупного монополистического капитала, который отбросил все демократические формы и пришел к прямому террористическому господству. Это как называется? Фашизм.

Фашизм есть отбрасывание демократических форм и переход к открытой террористической диктатуре наиболее реакционных кругов монополистического капитала на этапе сращивания банковского капитала с промышленным капиталом, образования так называемого финансового капитала. Вот в это время может появиться фашизм. А может быть так, что он в какой то стране теперь уже, после разгрома немецкого фашизма, в капиталистических странах больше и не появится. Фашизм осужден Нюрнбергским процессом. Почему на это пошла и буржуазия? Потому что убедилась, что через выборы и голосования власть надежней в своих руках можно удержать, осуществлять диктатуру буржуазии. Сейчас буржуазия вроде бы против фашизма. Правда, ее идеологи при этом говорят, что

Сталин такой же тоталитарист. А что такое тоталитаризм? Давайте разберемся в понятии. Total означает целое. Тотальное бесплатное образование означает всеобщее бесплатное образование. Тотальное бесплатное медицинское обслуживание означает также его всеобщность. При фашизме же одна часть общества терроризирует другую и эксплуатирует ее. Сталин никакой не тоталитарист, а коммунист, последовательный выразитель интересов рабочего класса, осуществляющего свою диктатуру. А Гитлер – воплощение худших форм диктатуры буржуазии. Сталин и Гитлер – абсолютные противоположности, и тот, кто ставит их на одну доску – враг рабочего класса и сторонник диктатуры буржуазии. В хорошей книге для учителя по новейшей истории под редакцией Филиппова, выпущенной издательством «Просвещение», правильно написано, что словечко «тоталитаризм» запущено для того, чтобы исказить действительные исторические факты, действительное положение вещей.

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что тезис о том, что общественное бытие определяет общественное сознание, применяется к обществу в целом. Господствующие в обществе мысли – это мысли экономически господствующего класса. Но есть другие мысли, они пока не господствуют, но если они выражают интересы передового класса, за ними будущее. При этом члены одного класса нередко защищают интересы другого класса и умирают даже за них. В этом сложность истории. Действительная жизнь очень сложна, но в основе, в конечном итоге решающим является производство, и если в производстве идут изменения, рано или поздно произойдут соответствующие изменения и в обществе, но, конечно, не сами собой, а через сознательную классовую борьбу передового класса, на сторону которого

переходит все больше выдающихся представителей других слоев и классов.

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФОРМАЦИИ

1. Пять способов производства

Категория общественно-экономической формации важна своим собирательным значением – в ее содержание входит в единстве то, что выше рассматривалось по отдельности. Речь идет о том, чтобы применить принцип материалистической философии более полно и системно к историческим событиям и к общественному развитию. Категория общественно-экономической формации делает положение об определяющей роли общественного бытия еще более полным, рельефным и конкретным. Она выражает то целое, в котором проявляют себя определяющая роль *общественного бытия в развитии общества* и подчиненная, но отнюдь не пассивная роль *политической и идеологической надстройки*, в том числе противоположных течений общественного сознания.

Принцип материализма, примененный к рассмотрению материи и сознания, представляет собой однозначный ответ на вопрос о том, что первично, а что вторично – материя или сознание – и утверждает, что материя первична. И тут расходятся дороги разных философий. Ведь, кроме материалистической, есть и другая, не материалистическая философия. Гегель, будучи представителем и создателем в наиболее развернутой и систематизированной форме диалектического метода, является при этом представителем, если брать его философию в целом, идеалистической линии в философии. Но мы не должны увязывать то, что внес тот или иной ученый в науку, только с тем, на какой философской позиции он стоял. Пример Гегеля показывает, что хотя в целом данный философ стоял на ошибочной философской позиции, он, тем не менее, произвел систематическую разработку диалектической логики. Причем нет никакой нужды в том, чтобы

переделывать эту логику, потому что вопрос о том, как связаны между собой человеческие понятия, не зависит от того, с какой точки зрения на них смотрят – либо это выражение абсолютной идеи, либо это выражение в общественном сознании действительных законов природы и общества. И в том, и в другом случае связь логических категорий, последовательность категорий, выведение одних категорий из других будут по форме одними и теми же, хотя философские позиции являются противоположными.

Особой разновидностью идеалистической философии является субъективный идеализм. В яркой форме он выступает как солипсизм, стоящий на той позиции, что есть только Я, и больше якобы ничего нет. Все, что я вижу, все, что наблюдаю, все, что чувствую, – это будто бы лишь мои ощущения. Будучи последовательной, эта философская позиция не опровержима логически, потому что если вы будете ее опровергать, вам скажут, что вас же нет, поэтому ничего не значат ваши опровержения, ведь есть только я и есть только моя голова, а всех вас я как бы во сне вижу. Поэтому солипсизм, исключаящий из рассмотрения общество, в принципе не может быть *социально-философской* позицией. Социально философских позиций может быть только две – объективный идеализм, примененный к истории, то есть *исторический идеализм*, и материализм, примененный к истории, то есть *исторический материализм*.

Применяя материализм к истории, раскрывая определяющую роль общественного бытия в развитии общества по отношению к общественному сознанию, политической и идеологической надстройке, мы отдаем себе отчет в том, что общественное бытие не является простым, внутренне неразличимым. Однако когда мы писали «материя», мы абстрагировались от всякого рода конкретностей, от форм материи, от элементов этой материи, от

вещей. Когда мы говорим «материя», мы употребляем категорию высочайшей степени абстракции. Когда же употребляем понятие «общественное бытие», то мы должны довольно обстоятельно и конкретно разбираться в том, что это такое. **Общественное бытие – это общественное производство.** А производство как процесс присвоения предметов природы в рамках определенной формы общества и посредством нее включает в себя **производительные силы**, которые тоже делятся на элементы. Они подразделяются на **главную производительную силу – работников** и **средства производства**, с помощью которых трудятся работники. Работников и средства производства мы должны брать не абстрактно неподвижно, а в процессе присвоения предметов природы в рамках определенной формы общества и посредством нее. Бездействующие средства производства и бездействующие работники не являются ни действительными средствами производства, ни действительными работниками. Если они не производят ничего, то они не производительная сила, тогда работник – не работник и средства производства – не средства производства. Стакан, говорит Гегель, из которого не пьют, – не стакан. Он такой же по форме, он стоит, но он не является действительным стаканом. Только те средства производства, которые действуют непосредственно в производстве, заняты, используются, являются **действительными** средствами производства. И только те работники, которые участвуют в производстве, действуют как работники, выявляют себя как **действительно** главная производительная сила.

В производстве материальных благ люди вступают в объективные, от их воли не зависящие отношения, которые называются **производственными отношениями**, и вот **производительные силы, взятые в единстве с**

производственными отношениями, образуют определенный способ производства, при этом производственные отношения, в рамках которых действуют производительные силы, составляют общественную форму способа производства. Способ производства и есть то бытие, которое фигурирует при рассмотрении общества. Это общественное бытие.

Категория «**способ производства**» – основополагающая. Когда говорится об общественном бытии, то имеется в виду, подразумевается способ производства как наличное бытие, а способы производства бывают разные. Чем определяется способ производства? Прежде всего его функционирование зависит от средств производства и от людей, которые трудятся с помощью этих средств производства. Но определяется он тем, в чьей собственности эти средства производства находятся благодаря сложившейся общественной форме производства.

Развитие человеческого общества прежде всего связано с развитием производительных сил. Был каменный век, потом бронзовый, потом железный. Средства производства все время совершенствуются, а на этой основе изменяется и способ производства. Если взять каменный, медный, отчасти бронзовый века, – способ производства изменялся, оставаясь долгое время первобытнообщинным. Родоплеменной строй был *первобытнообщинным коммунизмом* – от слова *коммунис*, то есть *общий*. Сообща всем владели, сообща работали, сообща распределяли. В рамках этого способа производства постоянно происходило развитие производительных сил. И способ производства тоже менялся, но долго оставался при этом первобытнообщинным коммунистическим способом производства.

Если мы откроем основную книгу по диалектике «Науку логики» Гегеля, то в третьей части «Учения о бытии» найдем

раздел «Узловая линия отношений меры». Там речь идет о том, что количественные изменения, во-первых, могут осуществляться в рамках данного качества, когда данное качество изменяется только количественно, оставаясь при этом тем же качеством, не переходя в другое качество, и, во-вторых, по мере нарастания количественных изменений происходит *перерыв постепенности, то есть скачок, переход в новое качество*. И хотя нередко этот переход характеризуют так, что количество якобы переходит в качество, на самом деле с нарастанием количественных изменений до определенной границы одно качество переходит в другое качество. Люди, которые «Науку логики» внимательно не читали, не изучали, не штудировали, объявляют в связи с этим о том, что есть- де некий закон перехода количества в качество *и обратно*. Что значит *обратно*? В каком смысле *обратно*? Какая категория проще, а какая сложнее, какая, соответственно, идет сначала, а какая потом? Сначала идет категория качества – это первая непосредственная определенность. Потом совершается переход этого качества в количественную определенность. Количественная определенность дает более глубокое понимание качества и выражает количественное изменение качества. Данное качество при накоплении количественных изменений может оставаться тем же самым качеством, но есть *мера* количественных изменений этого качества, при переходе которой качество скачком превращается в новое качество. Затем идет уже количественное изменение этого, уже другого качества, и в его изменении тоже совершается *перерыв постепенности*, то есть новый *скачок* и так далее. Так образуется *узловая линия отношений меры* как определенного единства качества и количества. Народы, говорит Гегель, боготворят меру.

Открытая Гегелем абстрактно-всеобщая узловая линия отношений меры свое конкретное выражение получила в теории общественно-экономических формаций Маркса и Энгельса. Они открыли и раскрыли историческую узловую линию отношений меры, которую образуют следующие один за другим пять типов производственных отношений, пять способов производства и, соответственно, **пять общественно-экономических формаций, представляющих определенное наличное бытие общества: 1)первобытнообщинный коммунизм, 2)рабовладение, 3)феодализм, 4)капитализм и 5)коммунизм, вышедший из капитализма.**

Больше всего, около 90 тысяч лет, человечество прожило в рамках первобытнообщинной коммунистической формации. Постепенно развиваясь в рамках этой общественно-экономической формации, производительные силы достигли, наконец, такого уровня, что на одного члена общины производилось уже столько продуктов, что он создавал, кроме *необходимого*, дополнительный, то есть *прибавочный* продукт, достаточный, чтобы содержать еще одного человека, кроме него самого, его родителей и детей. Это означало, что появилась экономическая возможность рабства. Создались такие экономические условия, что побежденного представителя враждебного племени можно уже было не убивать, а под страхом смерти заставить работать на победителя. При этом понятно, что рабовладелец должен был заботиться о том, чтобы раб не умер, ибо богатство рабовладельца зиждилось на труде его рабов. Поэтому в эпоху рабовладения рабам был обеспечен прожиточный минимум, в отличие от всячески прославляемой эпохи капитализма. В «свободной» России, например, минимальную зарплату правящий буржуазный класс вот уже более двадцати лет держит на меньшем, чем прожиточный минимум,

уровне. Так, на конец 2012 года прожиточный минимум у нас для трудоспособных составлял в России 7 191 руб., а минимальный размер оплаты труда – 4 611руб. С 1 января 2013 года минимальный размер оплаты труда был повышен до уровня 5 205 рублей, с 1 января 1914 года – до 5 514 рублей, но по-прежнему был оставлен заведомо ниже прожиточного минимума, составлявшего за третий квартал 2013 года для трудоспособного населения в целом по России 7 263 рубля. Неудивительно, что с начала 90-х годов число умерших за год стабильно превышает число родившихся. И при этом еще постоянно слышатся призывы обеспечить стабильность, что означает продолжение вымирания населения России.

Если мы откроем Трудовой кодекс, принятый в 2001 году и введенный в действие в 2002 году, то увидим, что им заработная плата вроде бы устанавливается не ниже прожиточного минимума. Но в одной из заключительных статей (ст. 421) сделана приписка, что порядок и сроки поэтапного повышения минимального размера оплаты труда устанавливаются федеральным законом. А федерального закона, который бы установил минимальный размер оплаты труда не ниже прожиточного минимума, все нет и нет. Значит, не введена в действие правовая норма, которая бы обязывала нанимателей устанавливать минимальную зарплату хотя бы на уровне прожиточного минимума. Вот такие юридические игры идут – дескать, вы же понимаете – если бы не было записи, что минимальный размер оплаты труда устанавливается специальным федеральным законом, а было бы просто записано, что минимальная зарплата не может быть установлена ниже прожиточного минимума, тогда эта норма Кодекса была бы нормой прямого действия, и надо было бы зарплату устанавливать не ниже прожиточного минимума. А раз записано по-другому – заработная

плата устанавливается не ниже прожиточного минимума федеральным законом. А где такой федеральный закон? Нет его. Когда Починок уходил с поста министра труда, он сказал, что вы такого закона пятнадцать лет не увидите. И в самом деле, вот уже двенадцатый год идет, а этого закона все нет и нет.

А при рабовладении рабам прожиточный минимум был обеспечен. Потому что при рабовладении отношения господства-подчинения были персонифицированными. Рабовладелец сам себя накажет, если его рабы умрут. При капитализме такой персонализированной зависимости нет – ну, умрут нанятые капиталистом работники, – так на их место другие придут наниматься, из Киргизии приедут, из Таджикистана, из Узбекистана. Они, может быть, и будут умирать один за другим, но новые все время приходят и приходят, то есть данного конкретного капиталиста судьба его работников как бы и не касается, не беспокоит. Более того, зарвавшиеся работодатели во главе с рвущимся к власти миллиардером Прохоровым, вместо повышения реального содержания заработной платы, требуют увеличения рабочей недели до 60 часов. При этом пытаются аргументировать тем, что это якобы повысит производительность труда. Но производительность труда кто в первую очередь должен повышать? Повышение производительности труда идет в первую очередь за счет усовершенствования средств производства, только тогда можно требовать от работника, чтобы он, овладев этими более совершенными средствами производства, повысил производительность труда. А если я просто быстрее работаю, так это называется не повышением производительности, а повышением *интенсивности* труда, когда трудоемкость производимой продукции остается той же самой или растет, а не снижается. Трудоемкость же, то есть количество труда,

содержащееся в единице продукции, является наиболее точным показателем уровня *производительности* труда.

Сейчас много говорят о внедрении достижений научно-технического прогресса, о нововведениях. Решение этих задач предполагает такие условия для работников, которые позволяют им думать в процессе труда, а если работникам думать некогда из-за чрезмерной интенсивности трудового процесса, то внедрение достижений научно-технического прогресса будет буксовать. Есть такой жизненный анекдот. Комиссия как-то приходит на завод, и вдруг мимо членов комиссии с тачкой несется рабочий. Они ему: «Стой, стой!». А он: «Некогда, некогда!». И полетел в другой конец цеха, там развернулся и помчался по направлению к членам комиссии. Они встали прочными рядами, взялись за руки и остановили его. Он рвется: «Некогда, некогда, некогда!» – «А почему у тебя тачка пустая?» – «Да некогда нагружать – везти надо!»

Чтобы повышать производительность труда, надо не интенсивность его увеличивать, а обновлять средства производства. А если у нас старая техника на заводах, не обновлявшаяся с советских времен, то никакого повышения производительности труда быть не может. Будет происходить *интенсификация труда* вместо *интенсификации производства*. А это совершенно разные категории. Если там, где, допустим, сидело два авиадиспетчера, сидит теперь один и выполняет работу за двоих – это интенсификация труда авиадиспетчера. Но это будет не рост производительности, а рост аварийности полетов. Просто больше разобьется самолётов, больше народу погибнет и все, какая тут будет интенсификация производства? Вот Д.А.Медведев, в бытность свою президентом, обратился к вопросу улучшения условий труда рабочих и сообщил, что только в обрабатывающих

отраслях свыше 500 человек погибло, в добывающих более 200 за год. Так если еще больше интенсифицировать труд, еще больше людей погибнет. Сейчас признаны профессионально заболевшими более 155 тысяч человек, и ежегодно этот список увеличивается на 7-8 тысяч. Количество «вредных» рабочих мест между тем растет. По данным Минтруда, в 2010 году во вредных и тяжелых условиях работало 29 процентов работников, в 2011-м – 30,5 процента, в 2012-м – 31,8 процента³.

В чем причина аварии на Саяно-Шушенской ГЭС, унесшей жизни 70 человек? Как в чем? Уничтожили созданную трудом многих поколений советских людей единую энергосистему страны. Организатор этого преступления Чубайс разделил ее на куски, которые захватили генерирующие компании, и теперь, в отличие от того, чему нас учили на уроках физики в школе, мы должны, видите ли, поверить, что электричество вырабатывают не генераторы, а генерирующие компании. Известно, что главная задача этих компаний вырабатывать не ток, а прибыль для хозяев этих компаний. А народ еще удивляется, почему у нас тарифы растут. На Саяно-Шушенской ГЭС не только не обновлялось оборудование, а и на ремонт было выделено вместо необходимых 15 млрд. руб. только 7,5 млрд., то есть в два раза меньше. Вот станция и разрушилась. Тут та же самая ситуация, что и с людьми: чтобы человек не умер, надо платить ему не ниже прожиточного минимума. Для техники есть даже специальное понятие «амортизация», что означает *неумирание*. Если для ремонта, чтобы станция не развалилась, чтобы какой-нибудь агрегат не разболтался и не вылетел, чтобы станция не «умерла», нужно было затратить 15 млрд. руб., а выделили только 7,5 млрд., то

³ Российская газета, 2013, 8 октября.

изначально было ясно, что станция «умрет» сама и «убьет» работников, которые ее обслуживают. Тем более, что, как выяснилось, в компании, которая занималась ремонтом, оказались родственнички директора этой самой компании, которые перекачивали бюджетные деньги из государственного кармана в родственный карман.

Гидростанция – это крупнейший объект. Что же тогда говорить о более мелких? Постоянно падают то самолеты, то вертолеты. Исправно создаются комиссии для определения причин падения. Но общая причина одна – техника старая, ее надо вовремя списывать и заменять новой. А по отношению к старой, свое отработавшей авиатехнике скорее надо было бы создавать комиссию для определения причин того, почему она еще летает. Если упавшему вертолету тридцать два года, то надо создавать комиссию для выяснения того, почему он еще летал. Несколько лет назад два летчика с падающих МиГов катапультировались, остались живы. Создали комиссию, начали проверять. Что выяснилось – старые МиГи, ну, такие старые, что все хвостовое оперение в микротрещинах. Потому что их эксплуатировали больше 15 лет. Ведь даже легковые автомобили, которым более 10 лет, утилизируют как хлам, а тут сверхзвуковые самолеты. И сразу 200 МиГов пришлось вывести из состава военно-воздушных сил.

В российской гражданской авиации ситуация еще страшнее. Новые «Боинги» 1,5 года служат в Америке, потом их продают в Китай, где они летают 10 лет, затем наши частные компании покупают по дешевке эти отслужившие свое самолеты, и тут они летают до возраста в 25 лет, если не упадут раньше вместе с пассажирами. Капиталисты людей не жалеют, они на покупке и эксплуатации старья, угрожающего жизни людей, делают деньги.

Некоторые наши псевдопатриоты плакали, когда нашу космическую станцию затопили. Дескать, она могла еще летать. Могла. И правильно сделали, что затопили, не стали ждать, когда космонавты погибнут. Ведь нормативные сроки ее эксплуатации были превышены и намного. Надо было сделать новую, а не пытаться бесконечно эксплуатировать старую. И в капиталистических Соединенных Штатах Америки сложилась аналогичная ситуация: к моменту завершения эксплуатации шаттлов новые средства доставки оказались не созданными и теперь до 2015 года американских космонавтов на Международную космическую станцию будут за деньги возить российские космические корабли. За это США придется заплатить России 730 млн. долларов.

Современная техника буквально требует экономического планирования. Ведь за один год ее не сделаешь. Ее надо разработать, сконструировать, создать и отладить. Однако потребность в экономическом планировании вступает в противоречие с частной формой присвоения.

Созданный еще в Советское время наш космический корабль «Союз» имеет наименьший процент отказов по сравнению со всей космической техникой, которая в мире есть. И в этом плане и сейчас ощущается, что именно мы открыли космическую эру. Но некоторые говорят, что космические корабли мы делать можем, а вот легковые машины – нет. Чудаки!!! Ну, что такое автомобиль по сравнению с космическим кораблем или с атомными подводными лодками, которые у нас выпускаются на потоке? Конечно, если те деньги, которые можно направить на развитие отечественного автопрома, тратить на приобретение иностранных автомобилей, отечественный автопром будет умирать. Говорят, что зато в Петербурге создается настоящий Детройт. Нет, создается нечто

прямо противоположное Детройту. Детройт – это американский город, в котором делают свои, американские автомобили. А Санкт-Петербург – это российский город, в котором свои, то есть российские, автомобили не делают, а собирают, свинчивают и сваривают иностранные автомобили на заводах иностранных фирм из импортных компонентов, обеспечивая прибыль иностранных капиталистов. И никто не додумался в Детройте делать российские автомобили.

Проблема развития средств производства, конечно, очень большая, но мы ее рассматриваем в связи с изменением способов производства. Как только развились средства производства до такой степени, что уже один человек мог прокормить, кроме себя и своей семьи, еще и других людей, то есть когда появился *прибавочный продукт*, по величине достаточный для осуществления *эксплуатации, то есть присвоения чужого труда*, – произошел скачок. Стремление выйти из общины, особенно со стороны вождей племен вместе с их приближенными, стремление выделиться и сделать своим то, чем до этого пользовались как общими средствами производства, мы как бы уже второй раз в другом виде наблюдали при разрушении Советского Союза. На новом витке исторической спирали проявилось то же стремление представителей явного меньшинства урвать побольше куски общей собственности, которой до этого они пользовались на равных правах с другими членами общества. И появились частные собственники общих прежде богатств. Когда спрашивают, откуда у нас столько миллиардеров, всем понятно, что это не за счет того, что они на стройке сверхурочно работали, а за счет разграбления общего богатства.

При переходе от первобытнообщинного коммунизма, основанного на общей собственности на средства производства, к

рабовладению, основанному на частной собственности, произошел скачок. Этот скачок означал революцию. Мы знаем, что не всякий скачок – революция, но всякая революция – скачок. С момента совершения этой революции, произошедшей на основе изменения способа производства, производственных отношений, произошли соответствующие изменения во всех других общественных отношениях и в идеологии. Дальнейшее развитие средств производства и развитие работников пошло уже в рамках других, новых производственных отношений.

Главной производительной силой рабовладельческого общества являлись рабы. Было создано рабовладельческое государство, с помощью которого меньшинство равноправных между собой рабовладельцев силой удерживали в повиновении составляющих большинство общества совершенно бесправных рабов. Так выглядело первое «демократическое» общество. Произошел расцвет искусств и наук, занятие которыми требует освобождения от материально производительного труда. Таким трудом занимались люди, чьи имена не будут даже поименованы. С тех времен и ведется традиция упоминать лишь тех, кто принимал решения о строительстве дворцов и храмов или был их архитекторами. Те, кто их непосредственно возводил, не упоминаются. Царь Петр построил Петербург, Монферран – Исаакиевский дворец, Растрелли – Смольный собор и так далее. А ещё никто не строил? Да там были еще какие-то люди – они камни поднимали, обтесывали их, укладывали, но что о них говорить... То же самое и в политике. Говорят, что Ленин сделал революцию. А кто делал доклад о вооруженном восстании на VI съезде РСДРП в 1917 году? Это уже мало кто знает – Сталин. А вооруженное восстание-то кто совершал? Вроде бы, кто был

участником вооруженного восстания в Петрограде в октябре 1917 года, историкам и известно, но имена этих людей не на слуху.

Если, например, почитать не так давно публиковавшуюся из номера в номер в газете КПРФ «Правда» книгу «Неизвестный Ленин» В.Логинова, соавтора известного извратителя ленинизма Шатрова, то, оказывается, Ленин добивался *своей* власти, то есть был карьеристом. Не *власти рабочего класса* он якобы добивался, не рабочему классу служил, не организовывал класс для того, чтобы этот класс осуществлял свою диктатуру и последовательно проводил свои интересы, нет, Ленин, видите ли, своей личной власти добивался. Вот уж, действительно, *неизвестный* Ленин, а правильнее сказать, что это *не Ленин*. Это Троцкий не служил революции, а видел себя в революции, Логинов Ленина меряет своим обывательским аршином на троцкистский лад, а газета КПРФ эту стряпню пропагандирует, тем более что у нас доверчивых читателей, даже среди считающих себя коммунистами, хоть отбавляй.

Обратимся вновь к рабовладельческому обществу, знание устройства которого помогает лучше понять современность. Как было организовано производство в рабовладельческом обществе? Были работы, на которые сообща рабовладельцы привлекали своих рабов, поскольку рабы, принадлежащие только одному рабовладельцу, не способны были выполнить такие грандиозные работы, как строительство водопровода, дворцов и храмов. Достаточно упомянуть афинский Акрополь, храм Парфенона, строительство которых предполагало участие больших масс работников и использование специальных механизмов для поднятия на большую высоту огромных каменных плит и установки колонн. Обычное же, рядовое рабовладельческое производство, то есть производство рабами материальных благ для

обеспечения благосостояния рабовладельца и членов его семьи и поддержания существования рабов, осуществлялось в рамках рабовладельческой латифундии. Возделывались, в частности, зерновые, масличные культуры, виноград. Рабы пасли стада домашних животных. Соответственно, рабовладелец имел в собственности средства производства, работать которыми заставлял рабов. Сами рабы никаких средств производства в своей собственности не имели. Они сами были говорящими орудиями. И если это говорящее орудие говорило что-то не то, оно могло быть тут же и казнено, поскольку в соответствии с юридическими и моральными нормами, господствовавшими в рабовладельческом обществе, раб мог быть убит его хозяином. Раб изначально и чаще всего, – это поверженный и взятый в полон враг. А врагу даровали жизнь под условием, чтобы он работал и беспрекословно подчинялся своему хозяину. Но убивали не только в процессе, так сказать, коллективных или индивидуальных споров по вопросу о работе, а убивали и в ходе развлекательных мероприятий – зрелищ, какими были бои гладиаторов. Для рабовладельцев было очень занимательно заставить одного раба, дав ему меч, воевать против другого, также вооруженного раба, и смотреть, кто из них и как победит. То есть уже в те давние времена одних представителей угнетенного класса натравливали на других представителей этого же класса.

Но все же рабовладельцы, по крайней мере, поначалу, были не столь праздными, как, например, те буржуа, которые положили деньги в банк и живут на проценты, то есть так называемые рантье, эти паразиты из паразитов. Также никакой пользы для общества не представляют те землевладельцы, которые не ведут производство на своей земле, а просто получают абсолютную ренту, сдавая эту землю в аренду капиталистам. Если капиталисты, по крайней мере,

организуют производство, то живущие на земельную ренту земельные собственники являются просто паразитами. Их опять в России расплодилось немало. Социально тупые идеологи буржуазии не понимают, что государственная собственность на землю *выгодна* буржуазии, поскольку означает экспроприацию земельных паразитов и ликвидацию абсолютной земельной ренты, понижает издержки производства и поэтому способствует развитию капитализма.

Наши новоявленные землевладельцы, которые рядятся под помещиков, в частности, очень хотели бы получить в частную собственность участки озер и рек, на которых обычно люди ловят рыбу. И вот рыбаки сидели бы на льду, ловили рыбу, а к ним бы подходили люди в камуфляжной форме и говорили: «Ты знаешь, что этот участок частный? Давай деньги или давай плати штраф, то есть еще большие деньги». И вот когда рыбаки по всей стране стали возмущаться и митинговать, товарищи Путин и Медведев стали удивляться, как это человек у нас не может бесплатно ловить рыбу. А ведь новый закон о рыболовстве, к которому и Путин, и Медведев в силу своих должностей не могли не иметь отношения, предусматривал, что можно сдавать части водоемов в аренду, и дальнейшее уже явилось следствием принятия такого закона. А ведь принятие закона предполагает довольно длительную процедуру, позволяющую понять, к чему его принятие приведет. Законопроект, как правило, направляется на отзыв в правительство. Первое чтение позволяет выбрать один, основной, из нескольких проектов закона. Второе чтение дает возможность внести содержательные поправки. Третье предполагает внесение уже технических поправок и оценку законопроекта в целом. После принятия законопроекта Государственной Думой он рассматривается Советом Федерации Федерального Собрания РФ.

И Совет Федерации имеет право и возможность вернуть законопроект на доработку Государственной Думе, как было с проектом закона о Знамени Победы, который предлагал копией Знамени Победы считать то, что копией не является. Наконец, законопроект, прошедший обе палаты российского парламента, идет на подпись к президенту. Так что для правительства и президента вновь принятые законы никак сюрпризами стать не могут.

При рабовладении все было проще. Все было построено на рабском труде, но судьба раба была полностью во власти рабовладельца, и собственнику раба эту судьбу ни с кем обсуждать было не надо, ни с кем дискуссии вести не надо, он сам определял жизнь рабов, но прежде всего он организовывал их труд, нанимая управляющего или назначая кого-либо из рабов за лучшую кормежку. И вот этот назначенец управляет, и все для рабовладельца хорошо идет. Ну, если будет восстание рабов, то ведь рабовладельцы все вооружены, и все они занимаются спортом и военным делом, не такие люди, которые только ездят на автомобилях и отращивают животы, они сразу выступают в поход и подавляют это самое восстание рабов. Они все отмобилизованы. И класс феодалов, мы знаем, тоже был всегда отмобилизован. Дворяне с детства знали, что им предстоит управлять, надо служить. Царь тоже должен служить, он приписан к какому-нибудь полку. Поэтому феодалы загодя готовились к возможным военным действиям. Феодалный класс не терпел таких царей, которые не удовлетворяли его суровым требованиям, и выгонял их из царей по-разному – кого придушили, кого прибили. Таких случаев было много и в истории нашей страны.

И рабовладельческое, и помещичье производство были коллективными. Какие же производственные отношения были в

таком производстве? Отношения кооперации. Некоторые не знают значение слова «кооперация». Маркс писал, что *кооперация – это такая форма труда, при которой много лиц планомерно работают в одном или связанных между собой процессах производства*. Если взять, например, большую рабовладельческую латифундию, – осуществлялся совместный труд, и рабовладелец планировал, что посадить, сколько получить винограда, сколько вина сделать в итоге, сколько иметь овец, сколько других животных, фисташек столько-то вырастить и т.д. Так что в пределах одного рабовладения имела место планомерная форма труда – кооперация, и никакого обмена там не было. Кто там с кем мог обмениваться? Может ли обменивать раб не свое имущество с другим рабом? Нечего ему обменивать и не может он обменивать. Движение всех продуктов в пределах одной латифундии происходит безо всякого обмена, но что-то из произведенного один рабовладелец может поменять с другим, поэтому уже в период рабовладения появились обычные товары и товары-эквиваленты, то есть деньги, которые выступали как всеобщее средство обмена. Но само производство в рабовладельческом обществе не является товарным. Это натуральное хозяйство. Производятся потребительные стоимости, в отличие от капиталистического производства, где производятся в конечном счете стоимости, и потребительная стоимость рассматривается лишь как носитель стоимости.

Если я, к примеру, произвожу потребительную стоимость как предмет, предназначенный для удовлетворения потребностей, то буду ли я сою класть в пельмени? Нет, конечно. А если я произвожу стоимости? Чем больше я сои положу, тем больше стоимости я получу при тех же или меньших затратах. Правильно? Поэтому товаропроизводители и кладут. Пойдите сейчас поищите

пельмени или даже фарш без таких добавок. Даже в товары для диабетиков, которым, как известно, сахар противопоказан, хотя сам сахар не кладут, кладут крахмальную патоку, что для диабетиков еще вредней. И колбасы производятся у нас сейчас раза в два больше, чем мяса, из которого она вроде бы должна делаться. Рецепт колбасы после экономической реформы 1965 года, имевшей целью превращение непосредственно общественного производства в товарное, сложился такой – мяса немного кладут, жир, крахмал, костная мука (много можно положить, хоть она и не переваривается), нитриты, нитраты, поташ, казеинат натрия, ну, еще молочный или яичный белок и субпродукты.

При рабовладении такое было невозможно, поскольку целью производства была не стоимость, а потребительная стоимость. Товар – тоже потребительная стоимость, но цель товарного производства не произвести потребительную стоимость, а получить от того, кому я сумею свой товар впихнуть, другую потребительную стоимость. Если я произвожу товар, то мне не важна его потребительная стоимость. Мне важно, сколько денег я за него выручу. Поэтому в товарном производстве такую колоссальную роль играет реклама. Товаропроизводитель потратит большие деньги на рекламу, чтобы убедить потенциальных потребителей, что его товар – это очень хорошая вещь, ешьте. Скажем, если вы проглотили бритву, выпейте кока-колу, и бритва растворится. Но вам не скажут, из чего кока-кола состоит – это секрет. Пейте кока-колу. Ее потребители заметили, что она очень сладкая и что после нее пить хочется. Так это и хорошо – купят больше кока-колы. Примерно так же нам помогают американские компании в производстве минеральной воды. Есть два вида воды, которые я, например, никогда не беру, потому что я лучше из крана

ее налью напрямую. Одна называется «Бон-аква», что означает по-французски «хорошая вода», но производится в России американской компанией «Кока-кола». Тот, у кого хорошее зрение, сможет на бутылке прочесть, что это очищенная вода централизованного источника водоснабжения. Централизованного. То есть из-под крана. Но есть у этой компании конкурент, который тоже делает деньги в России – «Пепси-кола». Вместе с «Кока-колой» она успешно вытесняет полуостровскую минеральную воду, выпуская очищенную водопроводную воду под названием на французский манер «Аква-минерале». И при этом честно пишет на бутылках, только очень мелким шрифтом, что это очищенная вода муниципального источника водоснабжения. Это что значит? Тоже из-под крана. И продают ее вместо настоящей минеральной воды.

Такое и подобное этому при рабовладении, конечно, было бы невозможно. Тому, кто делал бы колбасу не из мяса, сразу бы отсекали мечом голову, то же самое было бы и с тем, кто попробовал бы сою в фарш кинуть. А сейчас под названием «фарш домашний» продают некое месиво из мяса и сои. Причем соя откуда? Да из той же Америки, товаропроизводителям которой сою нужно продать.

Как не все в производстве при рабовладении было отрицательным, так и не все в современном товарно-капиталистическом является передовым. И сегодня полезно изучать, как велось производство при рабовладении. Как было организовано производство в латифундиях и как они взаимодействовали, кооперируясь или обмениваясь между собой. Какова была экономическая роль рабовладельческого государства. Какое место в экономике занимали мелкие производители – свободные граждане, будущие ремесленники. При этом хорошо известно, что основу рабовладельческого способа производства

составляли рабовладельческие латифундии. Почему мы говорим «рабовладельческого», а не «рабского» способа производства? Потому что не рабы владели средствами производства, а рабовладельцы.

Рабовладельческий способ производства – это такой, в котором средства производства находятся в собственности рабовладельцев, работают рабы, а плоды труда принадлежат рабовладельцам. В рабовладельческом обществе уже есть освобожденные от производительного труда ученые, деятели искусств, жрецы. Но освобожденные от производительного труда утопающие в роскоши рабовладельцы в массе своей все больше ведут праздную паразитическую жизнь. Развитие тут идет, но не всех и не всестороннее. Однозначно поступательно развиваются средства производства и становятся все менее совместимыми с рабским трудом. После блестящей Древней Греции не менее блестящая Римская империя становится огромным государством, и мощь ее начинает подрываться не только набегами варваров, но и все обостряющимся противоречием между передовыми средствами производства и рабовладельческим способом их применения. Рабы не заинтересованы в использовании новых средств производства, которые в рабовладельческом обществе являются лишь новыми средствами их порабощения. Только такие средства производства могли широко использоваться, которые можно было дать рабам. Поэтому не могло быть такого развития, которое было бы связано со сложными механизмами и машинами. Рабовладельческая форма производства, то есть производственные отношения рабовладения, превратились в тормоз, в оковы развития производительных сил. А праздность, в которой пребывал класс рабовладельцев, весьма ослабила этот класс. Ослабила настолько, что он уже не мог сопротивляться набегам варваров. Так разрушительными

тенденциями изнутри и снаружи рабовладельческое общество было уничтожено.

В каком смысле уничтожено? Мы уже отмечали, что всякое отрицание, которое есть в диалектической логике, а диалектическая логика есть отражение того, что есть в истории, всякое диалектически понимаемое отрицание – это *снятие, то есть отрицание с удержанием*. Накопленный опыт, материальный и духовный, передался новым поколениям, и на место пут рабовладельческих пришли путы менее жестокие – крепостнические. При этом пришедший на место рабовладельца помещик мог уже не думать о содержании крепостного, заставляя его работать на барщине под началом управляющего и предоставляя крестьянину самому заботиться о своем прокормлении за счет выделенной его семье полоски земли и предоставленных в общинное пользование угодий для выпаса скота и сбора дикорастущих плодов. На предоставленной ему помещиком в пользование земле крестьянин создавал продукт, необходимый для существования его самого и членов его семьи, а на барщине своим прибавочным трудом он создавал прибавочный продукт, с самого начала выступавший как собственность помещика.

Барщина могла составлять три, четыре и больше дней в неделю – по-разному у разных помещиков. Но феодальное производство означало освобождение рабов от рабства, при котором они могли быть убиты в любой момент по прихоти хозяина, и признание их за людей. Их нельзя было убить, но можно было нещадно сечь плетью и продавать как обычный товар, в том числе вместе с землей или без земли, вместе с семьей или без семьи. То есть товаром стали работники. Но лучше быть живым товаром, чем быть убитым. Это был большой прогресс. Прошла целая

феодалная революция. На место рабовладельческого способа производства заступил феодальный способ производства. И на место рабовладельческой политической и идеологической надстройки пришла базирующаяся не на рабовладельческом, а на феодальном способе производства политическая и идеологическая надстройка.

Феодалная революция прошла не так эффектно, как это было позже с буржуазными революциями. Некоторые рабовладельцы сами перешли к феодальным отношениям. Они уже давно не убивали своих рабов. Зачем их убивать? Зачем убивать курицу, которая несет золотые яйца? Эти рабовладельцы были не настолько глупы, чтобы не понимать, что все их богатство базируется на труде рабов и прямо измеряется их числом. Переход к крепостническим отношениям освобождал бывшего рабовладельца от заботы о том, чтобы рабы были накормлены. Крепостным выделяются участок земли и угодья под тем условием, что они будут работать на барщине, и они сами должны заботиться о своем пропитании. Добро пожаловать на барщину, будьте добры работать на помещичьей, на феодальной земле столько-то дней и часов, и это все, что от вас требуется.

И вот когда крестьяне работают на помещичьей земле, в какие отношения они вступают – кооперации или обмена? Это производство натуральное или товарное? Кому принадлежит то, что создает крестьянин на барщине? Феодалу. Поэтому никакого обмена тут нет и быть не может. И помещик организует труд крестьян на барском поле, чтобы продукты труда крепостных крестьян использовать главным образом для его потребления. То есть помещичье производство в целом – натуральное. Хотя кое-что помещики продавали, например, коноплю для выработки пеньки и производства канатов, а на вырученные деньги приобретали

необходимые им продукты и предметы роскоши. Пеньки очень много продавалось Россией в другие страны. Туда везли пеньку, а оттуда какие-нибудь драгоценные украшения, которые жена и дочери помещика наденут, отправляясь на бал. Крестьяне на барщине должны много работать, чтобы, кроме зерна, овощей, мясных и молочных продуктов, было много пеньки. Помещики сами будут балы давать, на званые балы будут ходить. И хотя помещичьи усадьбы, выстроенные крестьянами, хороши были, зимой помещичьи семьи жили в городе, где уж без балов и без показа богатства никак нельзя. Рабовладельцы жили неплохо, а помещики еще лучше. Производство натуральное, опять же продукты все натуральные. Не удивительно, что некоторые люди феодальной жизнью восхищаются и всерьез строят планы о том, как бы вернуть в Россию-матушку царя-батюшку, надеясь при нем зажить, как помещики живали! Царям ведь было хорошо и дворянам хорошо, и в дворяне с радостью бы многие записались. Загвоздка только в одном – никто в крепостные не хочет записываться, вот что плохо. Поэтому у монархических партий сегодня в политике ничего не получается и нет никаких перспектив.

Вернемся, однако, к экономической стороне дела. В пределах помещичьих латифундий имела место кооперация. А у крестьянина? У крестьянина – в пределах семьи. Семья ведь была не маленькая – до 13 и более детей, жена работает, а потом еще и жены взрослых сыновей. В большой семье тоже мог быть кооперативный труд, где глава семьи определял, что производить, когда сажать, когда сеять и при этом был совершенно свободен в выборе того, что выращивать, как ухаживать за скотом, и, поскольку семья на себя работала, крестьянин старался, и зажиточные крестьяне приобретали более современные средства

производства. А помещики, естественно, приобретали такие средства производства, которые можно было использовать на барщине. Такие, что рабу их не дашь, а вот крестьянину дать можно, потому что он и самостоятельно работает и понимает, что средства производства портить нельзя, иначе помещик отберет у него его средства производства и заберет себе. Потому что он может же и продать этого крестьянина. С одной стороны, крестьянин мог себе приобрести средства производства, а, с другой, – помещик мог забрать у крестьянина все, что у того есть, и сказать: «Все, я тебя продаю Иванову без земли».

Понятно, что класс помещиков, класс феодалов, чтобы удержать крестьян в повиновении должен был организоваться в господствующий класс, все члены которого находились на государственной службе.

Дворяне были постоянно готовы к тому, что крестьяне, поняв, что они тоже люди, как и дворяне, потребуют таких же прав, как у благородных, и тогда благородным силой придется усмирять «чернь». Поэтому надо было иметь большое войско. Из кого его набрать? Из феодалов? Не только. Из феодалов надо набрать офицеров и убивать тех крепостных в этом войске, которые не убивают восставших крестьян. Поэтому класс феодалов научился использовать угнетенный класс для борьбы с другими членами этого угнетенного класса. В чем это выражалось? Прежде всего, в том, что на 25 лет крестьян в солдаты брали, муштровали, отрывая полностью от семьи. Есть такая песня «Как служил солдат...» Отслужил солдат 25 лет, и генерал-аншеф ему отпуск дал. И вот солдат пришел домой и видит: на крыльце стоит его молодая жена. И говорит: «Значит, ты, жена, хорошо жила, хорошо жила, не состарилась». А оказалось, что это не жена, а дочь его, а жена его уж давно во сырой земле лежит. Так это отразилось в песенном

творчестве. Большое политическое искусство – взять часть крепостных и отправить их в солдаты защищать закабаляющее их крепостническое государство и крепостное право, заставить их сражаться против членов своего класса. Как известно, в подавлении восстания Пугачева на последнем этапе участвовал наш великий полководец Суворов. Ну, а войско его из кого состояло? Из крепостных крестьян, переодетых в солдатские мундиры.

Анализируя феодальный способ производства, мы констатируем его нетоварный характер. Внутри помещичьих латифундий действовала кооперация, то есть такая форма труда, при которой много лиц планомерно работает в одном или связанных между собой процессах производства. Труд крестьян на барщине был объединен одной собственностью. В пределах собственности помещика, феодала никакого обмена, естественно, нет. Но вот один феодал с другим феодалом или с представителями других стран мог обмениваться своими продуктами. Тогда эти продукты, которые шли в обмен, выступали как товары. Как и сегодня, например, выращенные на приусадебном участке огурцы, которые я продам на рынке, – это товары. А вот те, которые съем сам, – это не товары. В целом огурцы были произведены не для обмена, но те, которые используются для обмена, *переходят в потребление через обмен, оказываются товарами.*

При феодальном строе общественные производительные силы получили дальнейшее развитие. Были построены такие здания и сооружения, которые и сейчас являются украшением городов. Большие массы крепостных под руководством архитекторов и строительных инженеров направлялись на соответствующие работы. И царская власть в этом активно участвовала. Петр I, говорят, построил Петербург. Ясное дело, что непосредственно он

не строил, но это был его замысел и он участвовал в организации этого строительства. Для защиты города от иноземных захватчиков в Финском заливе были созданы искусственные острова – форты, которые идут от Горской до Кронштадта и за Кронштадт. На них ставились орудия, с внешней стороны они были окружены волноломами, а со стороны города имелись лагуны, в которые могли заходить свои корабли. Между фортами из валунов были возведены подводные стены – ряжи, расстояние от верха которых до поверхности залива было всего два метра. И таким образом за исключением специально оставленных фарватеров был перекрыт залив, что делало практически невозможным взятие города противником с моря. После этого уже никто никогда с моря не мог надеяться зайти и захватить город ни на подводных лодках, ни на надводных кораблях, поскольку линия Кронштадта была той линией, дальше которой было невозможно пройти. Для этого была проделана колоссальная военно-фортификационная работа.

Возглавляемый Петром I прогрессивный тогда еще дворянский класс не забывал и о природе. Тогда же под Петербургом в Сестрорецке были посажены сотни дубов, и парк «Дубки» стал самым северным ареалом их произрастания.

Характерное для раннего феодализма бурное развитие производительных сил было прямым результатом освобождения от рабовладения и рабства. И хотя непосредственных производителей эксплуатировали и притесняли, быть крепостным – это не то же самое, что быть рабом, который трудился под страхом смертной казни. Поэтому развитие и шло в производстве. Но, понятное дело, что, хотя крепостной мог использовать более совершенные средства производства, чем раб, подневольный труд на помещика высочайших результатов дать не мог. Поэтому прогрессивные представители даже феодального класса стали выступать против

крепостничества, против феодальной зависимости крестьян. В России наиболее ярким было восстание декабристов в 1825 году, когда члены благородных дворянских родов, блестящие представители дворянского класса, наиболее образованные, наиболее умные, наиболее дальновидные выступили против крепостнического строя. В 1825 году декабристов подвергли репрессиям, одних казнили, других сослали в Сибирь, но уже через 36 лет царь вынужден был издать указ об освобождении крестьян от крепостной зависимости. И никто против этого не стал активно выступать. А почему? А потому что уже к этому времени многие помещики предпочитали сами освобождать крестьян без земли, но и без обязательства крестьян работать на барщине – пусть, дескать, они сами работают, а нам пусть дают оброк. Или стали их нанимать, считая, что так будет больше толку, потому что лучше купить хорошие современные средства производства для использования наемными сельскохозяйственными работниками, чем вести производство на барщине только с той техникой, которую можно доверить подневольному крестьянину.

В 1861 году в России крестьяне юридически стали свободными работниками. Поэтому можно сказать, что тогда Россия вступила на дорогу буржуазного общественного прогресса. У нас крепостничество было прекращено в 1861 году, а Соединенные штаты Америки только в 1862 году расстались с рабовладением.

Что же в России происходило после 1861 года? Политическая надстройка оставалась по внешней форме и по устройству феодальной. А в экономическом плане это уже не феодализм, если крестьяне освобождены. Те люди, которые были помещиками, стали землевладельцами в переходящей к буржуазному способу производства России. Как землевладельцы, не передавшие крестьянам всю ту землю, которой крестьяне обычно пользовались,

забравшие себе так называемые отрезки, бывшие помещики стали взимать с крестьян за пользование отрезками абсолютную ренту, не выполняя при этом никаких производительных функций. Остатки крепостничества в экономике выражались в том, что бывший помещик продолжал притеснять крестьян, не давая им зайти в лес, не давая им пользоваться бывшей общинной землей, отрезав от нее «отрезки». Большевики выступали за передачу «отрезков» крестьянам путем изъятия этой земли у бывших помещиков. Бывшие помещики и их государство сопротивлялись. Но в России, тем не менее, уже всюду развивался капиталистический способ производства. И не только в городах. Бывшие помещики стали нанимать не только своих бывших крепостных крестьян, но и бывших крепостных крестьян других помещиков. Зажиточные крестьяне стали все шире нанимать разорившихся бедняков, и те из крестьян-нанимателей, для которых основным источником дохода стал не свой, а чужой неоплаченный труд, превратились в *кулаков, то есть сельскохозяйственных капиталистов*, а их наемные работники – в *батраков, то есть сельскохозяйственных рабочих*. В деревне стало развиваться капиталистическое производство как со стороны бывших помещиков, поскольку они выступали держателями средств производства и крупных земель, так и со стороны зажиточных крестьян. Основную же массу сельхозпроизводителей составляли середняки. Средняк – это сельский *мелкий буржуа, то есть мелкий хозяйчик, работающий на рынок*. Он не буржуа, потому что он живет своим трудом, он трудящийся. Но нацеленность его производства как товаропроизводителя на производство стоимости с перспективой в дальнейшем перейти к присвоению прибавочной стоимости, позволяет такого трудящегося называть мелким буржуа. Почему он мелкий? Мелкий

потому, что он еще не присваивает прибавочную стоимость. Если он, будучи мелким буржуа, нанял работников, он все равно еще не буржуа до тех пор, пока получение прибавочной стоимости, присвоение чужого неоплаченного труда не станет основным источником его дохода. Чтобы быть капиталистом, недостаточно просто пользоваться наемным трудом, а требуется основной доход получать не от своего труда и труда своей семьи, а от наемного труда. Это очень строгий критерий. Кулаков малограмотные люди определяли иногда так – «А у них мельница». Ну и что? Или – «А у них три коровы!» Ну и что? Ну, три коровы и две лошади, ну и что? Если у семьи основной доход от ее собственного труда, – семья не кулацкая. Но если совсем недавно основной доход семьи был от собственного труда, а с определенного момента основным стал доход от эксплуатации наемных работников, а не от собственного труда, семья незаметно для себя, продолжая трудиться, не покладая рук, превратилась в семью сельского буржуа, то есть в кулацкую семью. А те, кто на обогащение этой семьи работал, называются батраками.

В итоге все крестьянские жители капиталистической деревни делились на три класса – батраки, кулаки, и середняки, то есть сельскохозяйственные рабочие, сельскохозяйственные капиталисты и сельская мелкая буржуазия. Капиталисты сельскохозяйственные сформировались как из бывших крестьян, так и из бывших помещиков. Не все бывшие помещики превратились в капиталистов, некоторые не захотели заниматься организацией наемного труда и просто разорились, продав, промотав и проев все имевшиеся у них ранее богатства.

Так состоялся в России переход к капиталистическому способу производства. Это крупный исторический скачок, перерыв постепенности. Один способ производства, феодальный, уходил и

ушел. Другой способ производства, капиталистический, приходил и пришел.

Общественное бытие, как видим, качественно меняется скачками. И вот мы уже в нашем рассмотрении дошли до буржуазного способа производства. В городе капиталистическое развитие начинается с капиталистической мануфактуры, основанной на кооперации. А простая кооперация означает планомерное соединение труда, ибо кооперация есть такая форма труда, при которой много лиц *планомерно* работают в одном или связанных между собой процессах производства. Но что соединяет работников капиталистической мануфактуры? Капитал, капиталист как персонификация капитала, который их нанял и использует их рабочую силу для производства прибавочной стоимости и тем самым для самовозрастания капитала.

Можно купить работника при буржуазном строе? Нет. В отличие от рабовладения и крепостничества работника купить нельзя. Но можно купить его *рабочую силу, то есть способность к труду*. При капитализме идет купля-продажа уже не работника, а купля-продажа его рабочей силы. *Заработная плата – это цена, по которой работник продает свою рабочую силу*. Работник свободен от всего, в том числе и от средств производства, и может свободно продавать свою рабочую силу на какое-то время. А собственник средств производства, в отличие от работника, не свободен от средств производства, и чтобы эти средства производства реализовать как капитал, он эту рабочую силу покупает. Купив рабочую силу, он может теперь использовать ее как средство, способное производить больше стоимости, чем стоимость самой этой рабочей силы, то есть как средство создавать *прибавочную* стоимость.

Покупатель товара заинтересован в том, чтобы *понизить* цену на то, что он покупает. А в чем заинтересован продавец товара рабочая сила? В том, чтобы *повысить* цену того, что он продает. Поэтому, когда рабочие спрашивают, когда им повысят заработную плату, ответ получается такой: «Никогда!». Ибо какой же покупатель будет повышать цену на то, что он покупает? Это может быть только результатом совместной борьбы продавцов рабочей силы, и для этой борьбы они создают соответствующие объединения по профессиям – профессиональные союзы.

Капиталистическая мануфактура – это уже не простая кооперация, а кооперация, основанная на разделении труда. В мануфактуре много лиц планомерно разделяют свой труд и планомерно работают в одном или связанных между собой процессах производства. При переходе от капиталистической мануфактуры к капиталистической фабрике происходит расширение планомерной формы труда и масштабов планомерного ведения хозяйства, хотя хозяйство ведется планомерно лишь в рамках капиталистических предприятий.

В дальнейшем развитие капиталистического способа производства приводит к тому, что целые монополии планомерно подчиняют производство в рамках отраслей или почти целых отраслей единым интересам. Отношения кооперации расширяются до размеров монополий. В рамках монополий отношений обмена нет, потому что в рамках собственности одного и того же монополиста при планомерном переходе продуктов труда от одного к другому участнику производственного процесса отчуждения не происходит, тогда как ***обмен есть взаимное отчуждение продуктов труда и иных объектов собственности на основе свободного договора или соглашения.*** Два лица не могут обменивать то, что принадлежит третьему лицу. Обменивать

можно то, что принадлежит разным собственникам, только тогда совершаемую ими *взаимную и взаимообусловленную* передачу продуктов можно называть отчуждением. *Обмен – это взаимная и взаимообусловленная передача чего-либо принадлежащего двум субъектам.*

И, наконец, что означала бы единая капиталистическая монополия, но обращенная на пользу всего народа? *Единая капиталистическая монополия, но обращенная на пользу всего народа и потому переставшая быть капиталистической монополией, означала бы социализм, то есть первую, низшую фазу коммунизма.* Отсюда видно, что из капиталистического строя вырастает прямо противоположный общественно-экономический строй. Он вырастает не так, что кто-то его придумал, некие социалисты или коммунисты. Нет, он является результатом развития современных производительных сил, которые требуют планомерного общественного производства в интересах не тех, кто не трудится, а в интересах прежде всего тех, кто трудится, в общественных интересах. И именно в силу этой своей противоположности капитализму следующий – коммунистический способ производства – не может родиться так же постепенно, как рождался капитализм из феодализма. Буржуазная революция лишь приспособливает политическую надстройку к уже сложившемуся капиталистическому экономическому базису, а коммунистическая революция, опираясь на экономические предпосылки коммунизма, созданные капитализмом и этому капитализму в нем противоположные, с помощью государства диктатуры пролетариата доводит кооперацию до масштабов всего общества, образуя единую монополию, экспроприрует капиталистов и планомерно направляет производство на **обеспечение полного благосостояния и свободное всестороннее развитие всех членов**

общества, а не ничтожного меньшинства эксплуататоров. Такую революцию может совершить лишь класс, который подготовлен к этому самим же капиталистическим производством, который не в умах социалистов-утопистов появляется, а который вырастает благодаря капитализму и в самом капитализме является его же противоположностью. Кто готовит рабочий класс, который свершает социалистическую революцию? Капитализм готовит. Можно сказать, что коммунистическую революцию готовят, в первую очередь, капиталисты, а коммунисты лишь довершают эту подготовку.

Капиталистический общественный строй породил рабочий класс. В связи с этим интересно обратиться к «Коммунистическому манифесту» и посмотреть, в чем суть этого произведения. Маркс и Энгельс рассказывают в нем, какие бывают социализмы. Слово «социализм» тогда означало некое идейное течение. Социализма как общественного строя еще не было, К.Маркс и Ф.Энгельс при социализме не жили и поэтому видеть его не могли, а анализировали лишь социалистические течения. Под социализмом изначально понималось идейно-теоретическое, идеологическое отрицание капитализма. Тот, кто критиковал капитализм, назывался социалистом.

Самыми первыми социалистами были *феодалынные социалисты*. Они выступали за возвращение к капитализму, доказывая, как было хорошо, когда был хозяин-барин, были грибочки, и варенья, и соленья, и теплые отношения, когда барин спасал крестьян в голодный год, ссужая им хлеб. Капитализм же – строй бездушный: не зная рабочего, капиталист его нанял, а потом выкинул за ворота, если что. Так что первые, кто отрицает капитализм, это феодалы. Отсюда – *феодалынный социализм*.

Идейным выражением положения мелкой буржуазии является *мелкобуржуазный социализм*. Мелкая буржуазия – это такая социальная группа в буржуазном обществе, которой с развитием капитализма предстоит исчезнуть. Такого класса, как мелкая буржуазия, не должно быть в чисто капиталистическом обществе – либо рабочий, либо капиталист. А мелкий буржуа – как бы и рабочий, и капиталист одновременно. Крупный капитал через закупочные цены эксплуатирует мелких буржуа. Они, работая на рынок, не могут выручить за свой товар столько стоимости, сколько они создали. Поэтому мелкая буржуазия ненавидит капитализм и особенно монополистический капитализм – империализм. Монополистический капитализм для нее особенно ужасен, поскольку он подрывает рынок, с которым мелкая буржуазия связывает свои надежды на обогащение.

Есть *социализм буржуазный*, поскольку нет такого капиталиста, которому нравились бы условия, при которых он ведет свое хозяйство. Разве миллиардер Прохоров доволен нынешним капитализмом? Не доволен. Он говорит, что Трудовой кодекс плохой. Действующий Трудовой кодекс вступил в силу в 2002 году на волне борьбы с Кодексом законов о труде (КЗоТ), который якобы сохранил какие-то социалистические черты. Но тот КЗоТ, который был отменен в 2002 году, уже полностью был подготовлен для ведения капиталистического хозяйства, что было достигнуто методом внесения в него поправок, и эти поправки были такими, что ничего социалистического в нем уже не было. Но Прохорову и нынешний Трудовой кодекс не нравится. Он не доволен теми буржуазными законами, которые сейчас есть. А раз он недоволен этими законами, он недоволен нынешним буржуазным обществом, он как бы социалист, но буржуазный, так как отрицает тот буржуазный строй, который есть. Да и вообще мы

не найдем ни одного капиталиста, который был бы доволен экономической и политической системой, которая у нас есть. Нет довольных. Например, послушайте рупор компрадорского проамериканского капитала радиостанцию «Эхо Москвы», которая вроде бы у нас подвизается, но больше похожа на эхо Вашингтона. Это орган недовольных капиталистов, они все критикуют и иногда даже правильно. Это какая критика? Критика капитализма. Не такой капитализм, не те люди, не та страна, не тот президент, не тот премьер и так далее. Причем в числе этих критиков выступает, например, Немцов, который много сделал сначала для уничтожения нижегородской, а потом и в целом российской промышленности, отличившись на этом поприще, будучи вице-премьером. Он тоже является критиком нашего капитализма.

Есть еще *социализм христианский или клерикальный*. Дескать, Христос учил, что богатому труднее попасть в рай, чем верблюду через угольное ушко проскочить. У нас появились даже коммунисты христианские, которых немало среди руководства КПРФ, представители которого систематически с попами лобызаются и газету «Советская Россия» используют, чтобы верующих с Пасхой и другими религиозными праздниками поздравлять. На международной конференции в Киеве, посвященной К.Марксу, отмечалось, что самый большой вклад в развитие религии в России и религиозного сознания в последние десятилетия внесла КПРФ.

Есть еще противники капитализма – это *социалисты-утописты*, которые гениально предвосхитили дальнейшее развитие, но именно что предвосхитили, угадали его. Виднейшие представители – Сен-Симон, Фурье и Оуэн. Вот Сен-Симон, например, в деталях разработал устройство будущего коммунистического общества. Не хватало ему одного – чтобы кто-

нибудь деньги ему принес на реализацию его замечательных планов, но он верил, что придет такой человек, и каждый день в 12 часов дня находился дома, ждал такого человека, но тот так и не пришел.

И вот, наконец, единственный социализм, который не занимается *придумыванием* будущего, а обращает взор на рабочий класс как на ту материальную силу, которая призвана уничтожить капитализм и построить полный коммунизм, называется **научным социализмом**. Рабочий класс самим капитализмом вырабатывается, самим капитализмом дисциплинируется, обучается, готовится к выполнению своей всемирно-исторической роли. Его породило крупное машинное производство, с которым связан капитализм, и капиталистический способ производства. Машины – это уже не просто какие-то орудия труда, в них соединены многие механизмы и энергия мускульной силы заменена энергией пара, тепла или электрической энергией. Современное капиталистическое производство представляет собой гигантский прогресс в развитии производительных сил, чего некоторые капиталисты не понимают. Они думают, что существуют для того, чтобы прожигать жизнь. Но вообще-то капитализм есть прежде всего форма развития производительных сил. И мы можем сколько угодно говорить, что при рабовладении была эксплуатация, при феодализме была, при капитализме есть, но тем не менее это последовательно сменяющие друг друга общественные формы развития производительных сил. Таково движение человеческого общества, которое совершается через противоречия. И вот научный социализм, единственный из всех «социализмов», усматривает в самом капиталистическом производстве ту силу, которая не только теоретически, но и созидательно практически отрицает это самое капиталистическое

производство. Сам капиталистический строй воспитывает, обучает, дисциплинирует и подготавливает рабочий класс к созданию своей власти, к тому, чтобы образовать единую монополию и обратить ее на пользу всему народу. Монополистический капитализм уже решил задачу подчинения производства в крупных масштабах единым интересам, и рабочему классу предстоит только обобществить с помощью своего государства средства производства, которые уже приобрели общественный характер, и планомерно подчинить их использованию задаче обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития *всех членов общества*.

Реакционеры сегодня те, кто вместо опоры на развитие крупного производства делают ставку на поддержку мелкого бизнеса. Не надо, дескать, монополий, давайте вернемся назад в эпоху капитализма свободной конкуренции. Ну, как не надо монополий?! Мы находимся сейчас в капитализме стихийной конкуренции или в капитализме монополистическом? В монополистическом, а капитализм свободной конкуренции уже исторически пройден. Пойдите, посмотрите хотя бы, как семечки продают, – их продают не бабушки, а крупные торговые сети и по монопольной цене. Все монополизировано. Или, к примеру, говорят, что вы можете выбирать компании, осуществляющие услуги ЖКХ. Однако и в этой сфере практически все монополизировано, и цены диктует монополия. Монополистический капитализм у нас. Это плохо или не плохо? В целом это прогресс, это необходимый результат развития капитализма свободной конкуренции. Конечно, можно сказать, что в этом прогрессе много отрицательного. Но разве есть положительное без отрицательного? Диалектическое понимание

развития составляет один из источников и составных частей научного социализма.

И вот этот единственно научный социализм и стал тем учением, которое выразило объективные интересы рабочего класса. Рабочий класс с помощью своей партии осознал свою историческую миссию, развернул свою классовую борьбу, что привело к социалистической революции и затем к созданию коммунистического способа производства.

Коммунистический способ производства был создан в СССР в ходе переходного периода, то есть в процессе становления, потребовавшегося для замены частной собственности на средства производства общественной. Такая замена произошла не в ходе политической революции, произошедшей в 1917 году, и не в процессе национализации, которая прошла в 1918 году, а осуществлялась в течение довольно длительного периода, завершившегося только лишь примерно к середине 30-х годов. А до этого у нас было пять укладов: это и *патриархальный* уклад, и *мелкобуржуазный*, и *частнокапиталистический*, поскольку и капитализм был допущен Советской властью для борьбы с мелкобуржуазной стихией, в чем состоял смысл НЭПа, и *госкапиталистический* уклад, который образовали государственные предприятия, не охваченные становящейся планомерностью и продолжавшие действовать по законам рынка, и, наконец, *коммунистический* уклад, который состоял из предприятий, производство которых государству рабочего класса уже удалось соединить в единое кооперативное целое и планомерно направлять в общественных интересах.

Коммунистический уклад поначалу был довольно слабым. То есть власть-то была у рабочего класса, объективно заинтересованного в коммунистическом преобразовании общества,

но в экономике коммунистический уклад не был ни господствующим, ни тем более единственным. Однако после реализации плана ГОЭЛРО и завершения коллективизации, когда под нее подвели машинную базу и на селе через систему машинно-тракторных станций были задействованы принадлежащие государству трактора и другие сельскохозяйственные машины, сложились отношения кооперации в масштабах всего народного хозяйства. Тогда в СССР не просто господствующими, а по существу единственными стали *отношения общественной собственности, то есть коммунистические*. Благодаря тому, что государство было государством рабочего класса, наиболее полно и последовательно заинтересованного в осуществлении общественных интересов, *государственная собственность* выступала *ф о р м о й общественной*. Это означало, что коммунистический уклад, при поддержке государства рабочего класса экономически победивший все другие уклады, превратился в коммунистический способ производства как экономический базис для уже имевшейся коммунистической политической и идеологической надстройки. К середине 30-х годов XX века в СССР завершилось *становление* коммунистического способа производства и он стал наличным бытием, выступив как результат снятия своего становления.

Коммунистический способ производства – это пятый, наиболее развитый из известных способов производства. Вышедший из капитализма коммунизм является отрицанием частнособственнических формаций и открывает подлинную историю человечества. Это коммунизм как отрицание отрицания, это возрождение коммунизма, непосредственно снятый капитализм, обогащенный всеми приобретениями, которые человечество сделало в лоне частнособственнических формаций.

На сегодняшний день коммунистический способ производства не в виде одного из укладов, а в виде единой экономики, разумеется, с отпечатками своего выхождения из капитализма, имеется только в Корейской Народно-Демократической Республике. На Кубе он был, но в связи с восстановлением мелкобуржуазного уклада, в котором теперь задействовано около миллиона «самозанятых», кубинская экономика снова погрузилась в переходный от капитализма к коммунизму период. В переходном от капитализма к коммунизму периоде находятся Китай, Вьетнам и Лаос. И там решается вопрос, по принципу «кто кого», – какой из двух способов производства – капиталистический или коммунистический – в конце концов возьмет верх.

В Корейской Народно-Демократической Республике создан коммунистический способ производства, но если мы возьмем надстройку, в ней наблюдается довольно странное явление, состоящее в том, что три поколения высших руководителей – Ким Ир Сен, Ким Чен Ир и Ким Чен Ин соотносятся как дед, его сын и внук, что является в среде революционеров-коммунистов большой редкостью, хотя хорошо известны и уважаемы немецкие революционеры-коммунисты отец Вильгельм и сын Карл Либкнехты. Так или иначе, но способ производства в КНДР однозначно коммунистический, по другому его никак не определишь – нет там капиталистов и мелкой буржуазии также нет, в экономике различные уклады преодолены, становление коммунистического способа производства завершено и идет процесс развития первой, низшей фазы коммунизма во вторую, высшую, которая будет свободна от отпечатков капитализма в экономическом, нравственном и умственном отношении.

А какой способ производства в современном Китае, в Китайской Народной Республике – КНР? Там переходный период

от капитализма к коммунизму. Там нет уже как господствующего капиталистического способа производства, но и становление коммунистического способа производства далеко не завершено. Идет борьба возникновения и прехождения по принципу «кто кого», и какой способ производства в конце концов возьмет верх и станет не только господствующим, но и единственным, – это большой вопрос. С одной стороны, коммунистическая партия в политическом плане после социалистической революции 1949 года является правящей, и социалистическое государство определяет ход экономики. С другой стороны, сильны капиталистический и мелкобуржуазный уклады. Историческая основа для коллективистского производства в Китае прочнее, чем была в аналогичной ситуации в России, по той причине, что в восточных странах возделывание основной пищевой культуры – риса издревле требовало соединения усилий работников и государства. В Китае кооперация в масштабах общества существовала и при феодализме, и при капитализме. Производство риса требовало орошения, а орошение является процессом коллективного труда, организуемого государством. Можем мы сказать, что в Китайской Народной Республике есть планомерно развиваемый коммунистический уклад? Можем. Есть и госкапиталистический уклад, состоящий из национализированных предприятий, которые предоставлены стихии рынка. Есть там частнохозяйственный капитализм, и есть мелкое товарное производство мелких буржуа, плоды которого расходятся по всему миру. В мелком товарном хозяйстве преобладает ручной труд, средства производства отсталые и с помощью них производятся отсталые товары. Например, в отличие от продукции расположенного под Ленинградом Сестрорецкого инструментального завода, который, пока его не порушили приватизаторы, делал уникальные

инструменты, китайские инструменты практически одноразовые, одноразового пользования. Отверткой поработали? Ну, и все на этом — выбрасывайте. Понятно, что ее производили не на передовом производстве. Хорошо еще, что это продукция мелкобуржуазного, а не патриархального уклада, который в Китае тоже есть.

Примерно такова же структура переходной от капитализма к первой фазе коммунизма экономики Вьетнама, Кубы и Лаоса.

Подводя некоторые итоги, подчеркнем, что теория общественно-экономических формаций позволяет свести все многообразие форм общества к формам, базирующимся на одном из пяти способов производства или к этим же формам, находящимся в процессе становления. Она относит *к одной и той же общественно-экономической формации все те общества, политическая надстройка которых имеет одну и ту же классовую природу*, опирается на *экономические* интересы одного и того же класса, имеет своим основанием как наличное бытие или как становление один и тот же способ производства.

Те общества, которые основаны на одном и том же имеющемся налицо или находящемся в становлении способе производства, имеют общие черты не только в экономике, но и в политике. *Каковы бы ни были конкретные различия, связанные с историей, национальным составом, географическим положением и т. д., страны относятся к одной и той же общественно-экономической формации, если в этих странах политически господствует один и тот же класс.* Это может быть класс, который одновременно является и экономически господствующим, тогда формация выступает как *наличное бытие*. Политически господствующим может известное время оставаться и экономически *преходящий* класс, который (как феодальный класс

перед буржуазной революцией) *перестает* являться экономически господствующим. Политически господствующим классом в переходный от капитализма к коммунизму период выступает рабочий класс, который, совершив политическую революцию и не имея поначалу экономического господства, стремится превратить свое достигнутое политическое господство также и в экономическое, обеспечивая ***возникновение*** соответствующего экономического базиса.

Понятное дело, что господствующий класс не может без насилия удержать свою власть в обществе, где осуществление его экономических интересов наталкивается на интересы других классов и слоев. Поэтому он создает организацию насилия. Такая ***организация или машина систематического насилия, которая создается господствующим классом для обеспечения своего господства не только в экономике, но и в обществе в целом, называется государством.***

Государство, таким образом, возникло как средство разрешения классовых противоречий, как орган господствующего класса, как машина или дубина насилия в интересах господствующего класса. Соответственно тому, какие имеются способы производства, если общество разделено на классы, различаются и типы государства. В первобытнообщинном коммунизме нет деления на классы, поэтому там ***еще*** нет государства. Точно так же, если мы возьмем коммунизм, вышедший из капитализма и преодолевший отпечатки капитализма, в том числе все классовые различия, то есть полный коммунизм, там ***уже*** не будет государства. В течение того исторического периода, пока классы есть или еще не полностью уничтожены, развитие общества идет через классовую борьбу, через преодоление классовых противоположностей, и в течение

всего этого периода имеется государство как государство экономически господствующего класса.

Соответственно, какие мы имеем типы государств? Мы имеем *государство рабовладельческое* – раз. Мы имеем *феодалное государство* – два. Мы имеем *государство буржуазии* (буржуазное государство) – три. И, наконец, имеем *государство рабочего класса* – четыре.

Единственное из всех названных государств, которое действительно является государством большинства, – это государство рабочего класса. В переходный от капитализма к коммунизму период оно осуществляет насилие большинства эксплуатируемых над меньшинством эксплуататоров. А в первой фазе коммунизма, когда эксплуататорских классов уже нет и некого подавлять в смысле подавления целого класса, социалистическое государство, как подчеркивал Ленин в работе «Государство и революция», это уже *полугосударство*, поскольку оно не вполне подпадает под определение государства.

Государство рабочего класса по своей природе есть преходящее, *отмирающее* государство. Оно с самого начала установлено для того, чтобы уничтожить деление общества на классы, то есть саму основу существования государства. Оно отмирающее не в том смысле, что его надо отменять, а именно в том плане, что его функционирование по подавлению действий, противоположных коренным интересам рабочего класса, способствует его прехождению, отмиранию. Так же обстоит дело и со смертной казнью – пусть смертную казнь сначала отменяют господа убийцы. Если они перестанут убивать, их не будут приговаривать к смертной казни. Это нормальный путь к отмиранию смертной казни. А когда у нас решили, что смертную казнь за убийства применять не надо, появились маньяки, которые

убивают десятки человек. Заботливое буржуазное государство взялось по 30 тыс. долларов в месяц пожизненно на них выделять, то есть брать с наших трудящихся, чтобы убийцы на эти деньги жили, смотрели телевизор и выходили в интернет. «Комсомольская правда» рассказывала, как живут те, кто приговорен к пожизненному заключению. Некоторые трудящиеся позавидуют такой безбедной жизни.

Марксистское учение об общественно-экономических формациях является теоретическим выражением того, что экономический строй, способ производства, то есть экономическое бытие общества, в конечном счете, является решающим в определении дальнейшего развития общества. Это экономическое бытие общества, будучи само противоречивым, противоречиво влияет и на общество в целом – ***в экономике надо искать как базис существующей политической и идеологической надстройки, так и зародыш революционного изменения всей общественно-экономической формации.*** Если бытие первично по отношению к сознанию, то экономическое бытие определяет дальнейшее развитие общества.

Некоторые люди, которые не поняли, что такое общественно-экономическая формация, думают, что если мы указали, какой у общества экономический базис и какова политическая и идеологическая надстройка, то тем самым мы как бы все об обществе уже сказали. Но это, конечно, не так. Это все равно, что про конкретного совершенно неповторимого человека, который есть индивидуум, микрокосм, сказать лишь то, что он мыслящий разум. Это правильно, но слишком общо, абстрактно, с отвлечением от того, что характерно только и именно для данного человека. Так что про понимание конкретного общества, которое мы изучили как общественно-экономическую формацию, можно

сказать, что это истина, но это не вся истина. Потому что если мы изучаем конкретную страну, государство, то наряду с общим имеется еще особенное и единичное. Тот, кто читал «Науку Логике» Гегеля, хотя бы и не вполне понял, не может не заметить, что в третьей книге «Науки Логике», то есть в «Учении о понятии», проводится обстоятельное рассмотрение соотношения всеобщего, особенного и единичного. Единичное содержит в себе, во-первых, то, что характерно только для этого единичного. Во-вторых, то, что характерно не только для него, но и для других аналогичных объектов, предметов или особей, и, в-третьих, то, что является всеобщим. При этом всеобщее и особенное не существуют отдельно от того, в чем они являются всеобщим и особенным. В каждом человеке есть всеобщее, каждый человек как представитель бессмертного человечества бессмертен несмотря на то, что каждый человек смертен. Никакого другого бессмертного человечества, да и вообще человечества, кроме состоящего из конкретных смертных людей, нет. Отдельные люди приходят и уходят, а человечество, из них состоящее, остается. Новые поколения, говорил Маркс, приходят в этот мир, получают те производительные силы, которые к этому моменту накоплены, видоизменяют эти производительные силы, развивают их и передают их следующему поколению. И так образуется связь в человеческой истории. Материальный и духовный опыт человечества по мере его развития накапливается, и этот накопленный опыт обнимается общим понятием – культура.

Категория общественно-экономической формации означает понимание общества как развивающегося под воздействием определенного способа производства и его отрицания в нем самом. С помощью этой категории исторические исследования ставятся на прочную материалистическую основу. Понимая данное общество

как общественно-экономическую формацию, мы этим не только не игнорируем более богатое, более подробное, более конкретное рассмотрение, а мы увязываем, соединяем это более конкретное рассмотрение с более общим. Иначе мы не установим и не проследим связи с той живой основой общества, которой является материальное производство. Тем более, что производство более подвижно, чем другие общественные институты и взгляды людей. Ведь средства производства развиваются непрерывно. И способ производства должен браться живым, и производственные отношения должны также браться как изменяющиеся под воздействием производительных сил эволюционно или революционно.

С позиций развития материального производства можно и нужно оценивать те или иные идеи. Говорят, например, что надо якобы поддерживать мелкий бизнес. Но ведь перед этим нам доказывали, что конкурентная борьба – это борьба, в которой на рынке побеждает наиболее прогрессивный. А поддерживать предлагают отсталых. Отсталый, реакционный в конкурентной борьбе умирает и тонет. Зачем же поддерживать реакционное против прогрессивного и раз за разом бросать на это гиблое дело все больше денег налогоплательщиков? Почему надо поддерживать мелкий бизнес, а не отечественное крупное производство? С какой стати? Разве в Россию из-за границы приходит мелкий бизнес или приходят предприятия крупных иностранных монополий. Что «Кока-кола» – это мелкий бизнес? Или «Пепси-кола» мелкий бизнес? А наши правительственные чиновники всерьез выделяют деньги для начала мелкого агробизнеса, на которые можно купить три козы. Отлично! Зоотехника не надо, агронома не надо. И что будет? Да понятно, что будет. Государственные деньги очередной раз будут

выброшены на ветер. Сейчас выбрасывается по 60 тыс. рублей. Какие в мелком торговом бизнесе могут быть нововведения, какие нанотехнологии, если в ларьке ведро вместо туалета. Ларько-бизнес, видите-ли, надо поддерживать. Почему его надо поддерживать? Кто его будет поддерживать? Население и будет принудительно поддерживать. С него налоги возьмут и будут поддерживать этот мелкий бизнес. Вместо того, чтобы содействовать получению продукции крупного современного производства. Почему современного? Да потому что в нем не самозанятые будут какие-нибудь. И крупного, поскольку в нем производство контролируется, там есть люди, которые проверяют качество, которых можно в конце концов под суд отдать, если они не то сделают. А мелкие фирмы? Где их потом найдешь? Раз и закрылись. Что такое, например, ООО? Это общество с ограниченной ответственностью. А ответственность – в пределах уставного капитала. Десять тысяч рублей уставных – вот и вся ответственность. Миллиард прокрутил и убежал, и вот это надо поддерживать?

Вернемся к историческому исследованию. Диалектико-материалистический метод исследования истории требует понимания того, от чего зависит дальнейшее развитие истории, чем оно определяется, требует раскрытия внутренних пружин развития общества, а не просто собирания исторических фактов и запоминания, в каком году кто родился и что сделал. Описание событий еще не есть наука. Хотя дело это полезное – описывать. Описание позволяет отразить бытие. Но ведь мы в сущность должны проникать, а не ограничиваться бытием. Нет науки без проникновения в сущность. А описанием действительности и ее отражением и беллетристика занимается. Писатели замечательно описывают бытие. Неужели какой-нибудь ученый, хотя бы и

историк, может состязаться с писателем по поводу живописания действительности? Александр Сергеевич Пушкин написал «Капитанскую дочку» так, что вряд ли кто может сравниться с ним по точности и яркости оказавшихся в поле его художественного зрения событий. Но художественная литература не ставит своей задачей решать научные проблемы, хотя у писателей нередко бывают необыкновенные догадки. Как говорится, умный писатель лучше дурного ученого.

Наука состоит не в том, чтобы ограничиться бытием, поверхностью явлений а в том, чтобы проникнуть в сущность. А чтобы проникнуть в сущность, надо иметь метод. Вот таким методом является материалистический метод, более конкретно – диалектико-материалистический метод, а будучи примененным к исследованию истории и рассматривающим не просто бытие, а общественное бытие как способ производства, он выступает как историко-материалистический метод или, короче, как исторический материализм.

2. Экономический базис и политическая и идеологическая надстройка

Теперь нам предстоит более конкретно присмотреться к устройству формаций, остановиться на том, как на экономическом базисе строится политическая и идеологическая надстройка, через какие опосредствующие звенья экономический базис воздействует на политическую и идеологическую надстройку. Для формации, выступающей как наличное бытие, таким опосредствующим звеном является класс. Какой класс? Класс правящий, господствующий политически. Политически господствующий класс действует в своих собственных экономических интересах. Почему согласно историко-материалистическому методу мы берем именно класс? Потому что понятие классов связано не с идеями, не

с мыслями, не с моралью и с нравственностью – это понятие связано только с положением больших общественных групп в производстве. Если речь идет о разделении общества на такие большие группы, которые отличаются положением в производстве, это есть его деление на классы. А с положением в производстве неразрывно связаны экономические интересы классов, показывающие, что выгодно представителям этого класса. Не что они думают по поводу того, что им выгодно, а что им объективно выгодно, то есть какие изменения улучшают их экономическое положение и в какой степени. Подчеркнем, что *экономические интересы – это такая характеристика положения людей в системе производственных отношений, которая показывает, что им объективно выгодно, то есть что улучшает их положение и в какой мере.*

Например, совсем не обязательно спрашивать рабочих, что им выгодно в капиталистическом обществе. Поскольку они продают свою рабочую силу, постольку им выгодно продать ее подороже, получить большую заработную плату, которая является ценой товара рабочая сила, а коренной интерес рабочих состоит в том, чтобы ликвидировать саму эту продажу, то есть совершить социалистическую революцию. Или – что выгодно капиталисту? Неужели непонятно, что капиталисту, как правило, невыгодно повышать цену на тот товар, который он покупает, то есть повышать зарплату рабочим. Капиталисту повышение зарплаты может быть выгодно только в том случае, если он совмещает его с введением новой техники и рассчитывает, что рабочие будут соответственно действовать – осваивать и использовать эту технику, в результате чего повысится производительность труда, снизятся затраты труда, а, следовательно, и затраты рабочей силы на одну единицу изделия, издержки производства сократятся и

повысится прибыль. Поэтому если капиталист заинтересован в росте прибыли, а он заинтересован, то он может быть заинтересован и в повышении заработной платы рабочих, если он занимается внедрением научно-технического прогресса. А если он этим не занимается, у него статическая ситуация вроде раздела пирога – чем больше получит капиталист, тем меньше останется рабочему, чем больше получит рабочий, тем меньше достанется капиталисту. Поэтому в статике коллективные переговоры – это просто перетягивание каната. А если речь идет о научно-техническом прогрессе, то ситуация меняется. Повышается производительность труда в результате развития средств производства, которое должен осуществлять их собственник – капиталист. Скажем, вместо 50 изделий работник будет делать 100. Значит, зарплата этого работника будет делиться не на 50 изделий, а на 100 и, следовательно, доля зарплаты в одном изделии снизится вдвое. В этом случае если зарплату повысить, к примеру, в полтора раза, то вырастут и прибыль, и зарплата. То есть повышение заработной платы рабочих совместимо с ростом прибыли, но при условии, что предприниматель обеспечивает повышение производительности труда более высоким темпом, чем поднимает зарплату. Но этого не делают наши доморощенные капиталисты, которые не умеют быть капиталистами, не понимают, что капитал – это самовозрастающая стоимость, а не самоугасающая и не самоудушающая. Капитализм как общественная форма развития производительных сил предполагает, что производительность растет быстрее зарплаты, и то, и другое растет, при этом рост зарплаты выступает одним из стимулов роста производительности труда. Поэтому просвещенные капиталисты это могут понять. А у нас сейчас по большей части непросвещенные, которые вышли из бандитов, из

номенклатурщиков, из жуликов, из мошенников. А вот Форд вышел из инженеров-изобретателей. Кто сейчас талантливый организатор производства? Что организовал, а не развалил? Те, кто хапнул большую часть государственной собственности, разве организаторы производства? Они и дальше продолжают ее паразитически использовать. Ну, вот Дерипаска, например, купил оборудование для производства самой плохой машины, какая есть в Америке – «Крайслер» и заменил на ГАЗе линию по производству отечественной «Волги» линией по изготовлению из импортируемых деталей никчемной машины «Волга-Сайбер», да и та не производится. И что получилось? А получилась диверсия – разорение ГАЗа, подрыв экономической безопасности страны. Кто из нынешних капиталистов внес лепту в развитие научно-технического прогресса? Вот нам про Сколково говорят. Да у нас таких сколковых под Москвой и так немало – это и Дубна, и Троицк и другие, только не игрушечные, а настоящие. Есть у нас центры научно-технического прогресса и в ряде других городов: это и Томск 7, и Челябинск 24, и Саров Нижегородской области.

Строго говоря, нельзя рассматривать экономические интересы буржуазии только как противостоящие прогрессу. Есть у буржуазии и такие интересы, которые находятся в соответствии с прогрессом. То есть интересы буржуазии противоречивы. Буржуазии выгодно понизить зарплату рабочих с точки зрения ближайших интересов, но с точки зрения долгосрочных интересов ей выгодно зарплату повышать. Поэтому, когда рабочие нажимают в ходе забастовочной борьбы, капиталисты уступают. И те капиталисты, которые уступают, не проигрывают. Об этом говорит и новейшая экономическая история России. Вот, например, в Санкт-Петербургском морском порту есть стивидорные компании миллиардера Лисина, а есть ЗАО «Первый контейнерный

терминал», к которому Лисин не имеет никакого отношения, там собственник Южилин. У него только один миллиард долларов, а не 17, как у Лисина. И вот компания Южилина, где идут на уступки рабочим, а рабочие там нередко ведут коллективные трудовые споры и совершают коллективные действия, развивается гораздо быстрее лисинских и осуществляет уже более 35 процентов всех контейнерных перевозок в России. И если в лисинских компаниях зарплаты 40-50 тыс. рублей, то на «Первом контейнерном терминале» – 70 тыс. рублей. На современные перегружатели с вычислительной техникой не поставишь неквалифицированного докера-механизатора, а впридачу к нему надсмотрщика, который будет погонять: «Давай, давай!». Если вы хотите, чтобы рабочие осваивали новую технику и давали более высокую производительность труда, их надо вооружать все более прогрессивными средствами производства и повышением зарплаты стимулировать их более производительный труд. А если, как говорят рабочие, вы нам будете платить разбавленную зарплату, мы вам будем давать разбавленную работу. Сколько у нас заводов пропало, технику для которых закупили, и она так и пролежала, пока совсем не заржавела! А почему они пропали? Да потому что если зарплату не платили, народ просто разошелся. Начали потом искать, собирать, но в наличии имеются рабочие главным образом третьего разряда, а надо пятого и шестого. А чтобы иметь пятый или шестой, разряд, надо лет 10 –13 отработать рабочим. Причем речь о разряде идет не в смысле удостоверения, а в смысле квалификации, а такой квалификации ни в каком ПТУ не получишь, нужен длительный труд с современными средствами производства. Но чтобы средства производства были современными, надо выдерживать сроки амортизации и часть прибавочной стоимости направлять снова в производство на

накопление. А нынешние хозяева предприятий норовят на всю прибавочную стоимость купить острова на вывезенную за границу прибыль. Отсюда и разрушение, разорение крупнейших предприятий. Прославленный ЗИЛ сейчас в каком положении? Он сейчас в собственности правительства Москвы. На этом заводе, на котором раньше было 120 тыс. работающих, осталось 2 тысячи. А ведь ЗИЛ снабжал грузовиками всю страну и многие зарубежные страны, выпускал и правительственные машины. И тогда наши руководители выезжали на парады на отечественных машинах. И теперь если американские руководители на парад выезжают на американских машинах, французские на французских, немецкие на немецких, то наши руководители тоже на французских, немецких и американских, на каких угодно, только не на отечественных. А ведь представительские ЗИЛы обладали уникальной устойчивостью, поскольку имели смещающийся центр тяжести и демонстрировали утраченный ныне передовой уровень отечественного автопрома. Зато теперь другие рекорды. Прошлый директор, которого выгнали за развал завода получил за год 250 млн. рублей как топ-менеджер при задолженности по зарплате 200 млн. рублей. И это не редкость. Уволенный топ-менеджер «Урал-Каля» получил «золотой парашют» в 220 миллионов рублей в соответствии с самим им составленным и подписанным контрактом. А соответствующие предприятия хиреют. Вот и в Петербурге еще не окончательно отброшены планы перевести строящиеся подводные лодки «Адмиралтейские верфи» в Кронштадт. Средства производства, конечно, не хитро перевести. А что будет с рабочими? Те рабочие, которые сейчас есть, туда не поедут. А новые не смогут делать то, что делают нынешние. Может быть, будут делать такие подводные лодки, которые только по поверхности воды могут плавать. Ведь сделали же

баллистическую ракету «Булава», которую запускать можно, но в цель она не всегда попадает и по пути нередко взрывается или приходится ее подрывать. Хотя вроде бы и есть у господствующего капиталистического класса интересы, которые связаны с подъемом, а не разрушением российского производства, но сплошь и рядом верх берут узкокорыстные интересы отдельных капиталистов и потакающих им чиновников.

Гораздо легче представителями господствующего класса осознаются общие интересы по подавлению эксплуатируемого класса. У рабовладельцев был общий интерес в том, чтобы держать в узде рабов, чтобы они не разбежались и не поубивали своих хозяев. Поэтому они создали организованную вооруженную силу, с помощью которой они подавляли рабов. Эта сила стала первым в истории государством. Государство – это машина насилия господствующего класса, а не определитель и проводник народной воли, как полагают совсем уж темные люди или пишут заведомые обманщики. Хотя по форме первое государство было демократическим. Однако демократия на рабов не распространялась. Она была демократией рабовладельцев и еще некоторого количества свободных. В эту демократию рабы уж точно никак не попадали.

Демократия родилась как диктатура рабовладельцев. Точно так же «демократически» решал вопросы и формировавшийся на американском континенте буржуазный класс США, когда завозил для себя рабов из Африки, причем 1,5 миллионов задохнулось в трюмах при перевозке. Демократически, видимо, решался вопрос о том, как будущих рабов военной силой вырвать из привычной жизни, оторвать от семей и бросить в трюмы. А вот освобождение от рабства в Северной Америке прошло не демократически, а в результате войны Севера против Юга, когда рабов стали заменять

наемными рабочими, формально свободными, а фактически влачащими рабское существование. Формально демократия распространилась на всех, но правил по-прежнему господствующий эксплуататорский класс.

Из трех эксплуататорских формаций только при феодализме правящий помещичий класс не играет ни в какую демократию, а открыто осуществляет подавление эксплуатируемого класса крепостных крестьян, фактически лишенных элементарных прав. И часть эксплуатируемого класса отдается в солдаты и используется для борьбы с эксплуатируемым классом в целом, для удержании его в повиновении. Для того, чтобы столь большую массу людей держать в положении товара, который можно продать в любой момент, с землей или без земли, для этого надо иметь очень сильное государство. И феодалы такое сильное государство, такую сильную машину насилия смогли создать.

Буржуазия, чтобы лишить феодалов эксплуатируемых и обеспечить необходимую для капиталистической эксплуатации свободную продажу товара рабочая сила, при помощи буржуазной революции установила всеобщее равенство прав. Перед буржуазией встала непростая задача создать свою машину насилия, свое государство при условии, что все формально равны. Помогла чудесная идея прав человека, смысл которых, по выражению Н.Г.Чернышевского, в том, что каждый может есть на золотом блюде, если оно у него есть. Согласно Декларации прав человека и гражданина, принятой в Великую французскую буржуазную революцию каждый имеет права на жизнь, на частную собственность и на искание счастья. А поскольку частная собственность оказалась не у всех, то у тех, кто оказался вынужденным продавать свою рабочую силу, вместо счастья оказалось лишь право на искание счастья без всяких перспектив

его получения при капитализме. Буржуазия же на всякий случай создала демократическое государство, в котором на свободных выборах один раз в пять лет эксплуатируемому классу позволяют решить, кто из представителей эксплуататорского класса будет представлять и подавлять его в парламенте.

Вскоре после социалистической революции в январе 1918 года в Советской России была провозглашена Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. В ней было записано, что каждый трудящийся имеет право на освобождение от эксплуатации и установление социализма на всей земле. Характерным для Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа и последующих советских конституций был упор не просто на провозглашение прав, а на обеспечение их осуществления. Это касалось в первую очередь права на труд, что обеспечивалось уничтожением капиталистической эксплуатации и планомерным ведением народного хозяйства, исключаящим безработицу. Это и другие права трудящихся обеспечивались благодаря тому, что производство подчинялось цели обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества. Права трудящихся защищались также силой социалистического государства.

В нынешней буржуазной России снова у трудящихся нет права на труд, не обеспечено право на жилье, и вместо счастливой жизни трудящимся предлагается туманное право на искание счастья. Зато права капиталистических собственников на эксплуатацию наемных рабочих надежно защищены силой буржуазного государства.

Различие социалистического и буржуазного права весьма ярко прослеживается на примере права на образование. Если вы «в мрачные годы тоталитаризма», проучившись бесплатно, закончили вуз, это что означало? При наличии красного диплома вы

освобождаетесь от распределения и можете пойти в аспирантуру. А если вы не имеете красного диплома, то вы на три года по государственному распределению направляетесь на работу молодым специалистом в одно из предприятий или учреждений и получаете, причем, привилегированное положение – прежнее жилье для вас забронировано и предоставляется новое в первоочередном порядке на новом месте, как молодого специалиста вас нельзя уволить, что бы вы ни делали, как бы вы ни работали. Поскольку был закон о молодом специалисте – не тронь молодого специалиста, уволят. Кого? Директора. И вот этот молодой специалист через три года мог свободно вернуться домой, потому что бронь была на его квартиру. А мог по своему желанию остаться там, где проработал три года, но уже не на правах молодого специалиста. Ведь он там уже три года проработал, получил авторитет, уже не только теоретически, но и практически освоил свой предмет. И немногим хотелось бросить уже любимившуюся работу, товарищей и коллег по работе и вернуться под крылышко родителей. Поэтому по-разному вели себя молодые специалисты, разный делали выбор. Кто-то приезжал обратно к маме и папе, а основная масса бывших молодых специалистов работала там, где они нашли свое предназначение, могли работать по специальности, творить и расти. И причем у них это делом выбора было. Ну, а сейчас что означает для выпускников окончание вуза? С точки зрения распределения на работу ничего не означает. Летите голуби, куда хотите. Больше ничего не означает. Особенно если бакалавров выпустят. Их в аспирантуру не берут, а если возьмут на госслужбу, то в подчинении у них должно быть не больше одного человека. И преподавать в ВУЗе нельзя, если ты бакалавр. Идите в магистры! Пойду в магистры. А тогда деньги давай большие. Финансовые препятствия созданы и для

соискателей ученых степеней. Раньше можно было молодому человеку, молодой девушке, у которых имеются творческие способности и задатки, чтобы стать кандидатом наук, посоветовать пойти в аспирантуру на три года или оформиться соискателем без сдачи экзаменов на четыре года для подготовки и защиты диссертации. Нормально можно было работать. А сейчас для этого нужны десятки тысяч рублей в год. А если нет у вас таких денег? Тогда вы свободны. Все, у кого больших денег нет, свободны от возможности защитить диссертацию. То есть абстрактная свобода имеется, она провозглашена. Теперь что нужно сделать? Нужно сделать так, как раньше делали дворяне. Благородные идут и учатся, а неблагородным нечего учиться – идите на барщину и все будет хорошо. Сейчас так – богатые в магистры и выше, а небогатым – бакалавриат, чтобы в итоге возможности влиять на общественные дела были существенно меньше. Благородных у нас сейчас нет, зато выдумана «элита общества». Элита у нас кто? У кого деньги получены за счет ограбления народа и его нещадной эксплуатации, тот и элита. Мы же там изобретателей особенно не видим – инженеров, крупных ученых, которые вдруг благодаря своему необыкновенному таланту получили необыкновенные результаты. Результаты мы знаем – разваливаются одно за другим производства. И вот виновных в этом социальных паразитов нам предлагают считать элитой. До сих пор элитой считались лучшие, а теперь делается попытка внедрить сугубо буржуазное и корыстное понимание элиты как людей, которые обладают большими деньгами. Эта «элита» если не за границей выучила своих детей, то здесь выучит в магистратуре. А все, у кого больших денег нет, могут получить высшее образование, но, как правило, не выше бакалавриата. Чтобы они с этим образованием высоко не прошли. То есть внедряется двухступенчатое образование – для

господствующего класса и класса подчиненного. Но если у кого есть особо выдающиеся способности, они все равно пробьются несмотря на все препоны, как пробились Ломоносов, Менделеев и Тимирязев. Все равно они пройдут и при этой системе, в магистры они пройдут так или иначе. И при этой двухуровневой системе надо еще так организовать управление образованием, чтобы очень талантливые высокообразованные люди помогали господствующему классу держать в подчинении класс эксплуатируемый. Но на примере декабристов, Ленина и Дзержинского мы видим, что особых перспектив в этом отношении у господствующего класса нет, поскольку люди действительно просвещенные встают на позиции передового, а не реакционного класса. А что очевидно, так это то, что при двухуровневой убудочной системе высшее образование разрушается, ослабляется, ухудшается, и степень образованности населения понижается. Потому что решается задача повышать образование не всех, а тех, кто имеет деньги, или, как говорил мой коллега профессор Рященко, в обществе капиталистическом дело обстоит так, что «деньги есть – Иван Петрович, денег нет — паршива сволочь».

Во всяком случае, овладение категорией общественно-экономической формации позволяет сделать понятными и ясными те отношения, которые сквозь поверхность или лакировку, которая имеет место в той или иной степени, не проступают, не просвечивают. А ведь мы должны, исследуя общество, видеть глубинные причины происходящих событий. Если обратиться к Ленину, то особенно ярко он подчеркнул эту задачу в статье, названной по-латински «*Qui prodest?*», что по-русски означает «Кому выгодно?». В ней он писал, что люди были и будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они

не научатся за всеми заявлениями, программами и обещаниями видеть интересы известных классов, пока они не будут ставить вопроса – кому выгодно? Мы можем не знать, кто конкретно и в связи с какими намерениями совершает то или иное действие, но узнать, кому оно выгодно, мы можем и должны. К примеру, кому было выгодно развязывание войны, кому и как было выгодно прекратить данную войну. Кому было выгодно революцию подавить, а кому было выгодно довести ее до конца. Все такие вопросы могут быть решены на основе изучения экономических интересов. А экономические интересы определяются экономическим положением людей, то есть положением их в системе общественных производственных отношений. В этом суть историко-материалистического метода как диалектико-материалистического метода, примененного к истории. И вот такой метод является самым передовым, самым современным и ничего более великого не создано. Не создано не потому, что кто-то является менее способным, чем Маркс и Энгельс, а потому что есть открытия, которые делаются раз и навсегда. Раз и навсегда доказана теорема Пифагора, раз и навсегда выяснено, что не Солнце вращается вокруг Земли, а Земля вокруг Солнца, раз и навсегда установлено, что материя первична, а сознание вторично. Точно так же открыто, но еще не освоено человечеством положение исторического материализма о том, что общественное бытие в конечном является определяющим по отношению к общественному сознанию. Понимать это положение так, что сознание ничего не значит, конечно, было бы глупостью. Вот сознание как раз должно подняться до понимания того, что, если люди действуют сознательно и действуют массово, то, когда идея овладевает массами, она становится материальной силой. Поэтому от борьбы идей, от сферы идей, от сферы идеологии зависит

преобразование действительности. Это особенно ярко видно при создании коммунистического способа производства, поскольку, когда появляется власть рабочего класса, экономика известное время остается капиталистической, а потом смешанной. И только по окончании длительного переходного периода завершается становление коммунистического способа производства, и он выступает как наличное бытие. Поэтому разложить коммунистический способ производства не так-то быстро удалось. Если контрреволюционная идея ликвидации диктатуры пролетариата, уничтожения ее появилась в решениях XXII съезда в 1961 году и тогда начался переходный от социализма к капитализму период, то до окончания его в 1993 году и реставрации капиталистического способа производства потребовалось более 30 лет. И понятно почему. Да потому, что, если бы дело шло об уничтожении реакционного способа производства, то это могло бы происходить относительно быстро. А поскольку разрушению подверглись прогрессивный способ производства и прогрессивная формация, постольку их уничтожение и реставрация капитализма явилось делом реакционным, требующим очень больших усилий, в том числе и со стороны международного капитала, оно заняло и достаточно много времени.

Рассматривая соотношение общественного бытия и общественного сознания, мы выяснили, что общественное бытие и общественное сознание взаимодействуют друг с другом и что в этом взаимодействии определяющая роль в конечном счете принадлежит общественному бытию, которое понимается как способ производства, как единство производительных сил и производственных отношений.

Сказанное не исчерпывает действие положения об определяющей роли производства. Дело в том, что производство носит определяющий характер не только по отношению к общественному сознанию, но и по отношению к другим сферам общества, то есть к обществу в целом. По сути дела это ядро общества. Способ производства – это ядро общества. И конечные причины всех других общественных явлений, непосредственные причины которых могут быть какими угодно, следует искать в производстве. Метод поиска этих причин мы уже рассматривали. Для того чтобы выяснить достаточно глубоко, достаточно глубоко понять суть какой-нибудь концепции, предложения, программы, заявления, действия какой-либо партии, надо выяснить, кому это объективно выгодно, то есть в чьих экономических интересах это делается. *А экономические интересы определяются как такая характеристика положения людей в системе производственных отношений, которая показывает, что этим людям объективно выгодно в силу их положения в производстве, что улучшает, что ухудшает их положение и в какой мере.* То есть экономические интересы – это характеристика экономического бытия людей, а не их сознания. То есть не в том дело, о чем думает тот или иной представитель класса или даже весь класс в целом, а в том, что он исторически согласно своему экономическому бытию, своим экономическим интересам вынужден будет в конечном итоге делать.

То обстоятельство, что способ производства является определяющим для общества в целом, означает, что все общественные сферы соотносятся со способом производства, взятом в своем движении, изменении и развитии. И при этом определяющую роль во взаимодействии различных общественных

сфер играет материальное производство в том конкретном виде, которое образует конкретный способ производства.

Нам пришлось уже констатировать, что всякому экономически господствующему классу приходится обеспечивать свое экономическое господство путем создания определенной организации людей, той организации, которая обладает силой принуждения. И вот эта организация насилия или систематическая организация силы для обеспечения интересов господствующего класса называется государством. Определяющая роль способа производства состоит не только в том, что он определяет общественное сознание, но и в том, что он определяет существование и характер государства. Этот вывод, взятый вместе с предыдущим выводом об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию, отразился и закрепился в категории общественно-экономической формации. Категория общественно-экономической формации по существу выражает, что производство есть та основа, или, вернее, то основание, на котором держится основанное. Основанное это – государство, политика и сфера общественного сознания, то есть политическая и идеологическая надстройка. Следовательно, мы всякое общество в его существенных чертах можем рассматривать как способ производства и возвышающуюся над ним политическую и идеологическую надстройку.

Для понимания категории общественно-экономической формации, следовательно, требуется знать, что такое идеология и политика. **Идеология – это совокупность идей, выражающих экономические интересы классов.** Есть абстрактное определение политики – политика есть отношение между классами. Это можно прочесть у Энгельса. Но, как правило, отношения между классами связаны с государством как организацией наиболее

могущественного класса, обладающей соответствующей силой принуждения. Причем принуждения, как правило, не хаотичного, не случайного, а на основе определенных норм. Эти нормы определяет тот класс, который создает государство и который в этом государстве является господствующей силой. ***Политика – это классовая борьба за завоевание, удержание и осуществление государственной власти.*** А как называется система норм, которая выражает волю господствующего класса? У Маркса можно прочесть такой афоризм, такое определение — ***право есть возведенная в закон воля господствующего класса.*** Что значит в закон? Значит не просто в некую норму, в случае нарушения которой вас осуждают с морально-этической точки зрения, говорят: нехорошо вы сделали, в следующий раз так не делайте. Нет, это такая норма, которая защищается силой государства. И вот ***такая норма, которая защищается силой государства, и называется законом.***

В современном, довольно развитом виде, принятие закона предполагает довольно длительную процедуру. Сначала в Государственной Думе появляется проект или несколько проектов закона, причем не все граждане государства обладают правом законодательной инициативы. С законодательной инициативой могут выступить только некоторые субъекты, а не все граждане государства. Написать проект закона – это пожалуйста, это никто не запрещает. Можете взять бумагу и написать любой проект. А затем ищите того гражданина, который обладает правом законодательной инициативы и согласится этот ваш проект внести в Государственную Думу. Так мы в 1996 – 1997 годах со своим товарищем, тогдашним начальником консалтинго-правового отдела профкома докеров морского порта Санкт-Петербурга Федотовым Константином Васильевичем и сделали, подготовили

проект Трудового Кодекса России, который позднее стал называться проектом Фонда Рабочей Академии. Нашли после этого двух депутатов Государственной Думы Корсакова и Григорьева, и они внесли этот проект в Совет Государственной Думы, добавив еще двух депутатов – Ионова и Шандыбина. Но этот проект специалисты по затиранию законодательных инициатив выбросили из Думы. Тогда после некоторой доработки проект Трудового кодекса Фонда Рабочей Академии внес в Государственную Думу депутат Авалиани. Затем при участии представителей наиболее передовых профсоюзов мы его усовершенствовали, и этот проект пошел как проект Авалиани-Шеина, а затем, когда Авалиани перестал быть депутатом, как проект депутата Шеина, сопредседателя объединения профсоюзов «Защита труда» и руководителя Астраханского отделения Фонда Рабочей Академии. Голосование в Думе проходило в 2001 году, при этом голосовании в первом чтении наш проект получил второе место по числу голосов – 189 голосов депутатов Государственной Думы. Но чтобы он стал законом, надо было получить 226 голосов. Однако этого было достаточно, чтобы не прошел правительственный проект, яблочный проект Голова, ЛДПР-овский Митрофанова, ФНПР-овский проект восьми и проект Московской городской Думы. Чтобы спасти положение, правящий класс создал компромиссный проект думской комиссии Слизки, и вот этот проект, который, в частности, взял некоторые пункты из нашего проекта, и собрал большинство голосов буржуазной по составу Государственной Думы, и после этого он превратился в Трудовой Кодекс России. Правда, его снова некоторые хотят поменять, в частности, миллиардер Прохоров говорит, что кодекс плохой, что это советский КЗоТ. Хотя вся кампания по продвижению вместо КЗоТ Трудового кодекса сводилась к тому, что правительство, а затем

комиссия Слизки двигали свой проект под лозунгом, что это совсем другой проект, противоположный советскому КЗоТу, что это кодекс XXI века. Хотя в этом кодексе XXI века стояла оплата части заработной платы не деньгами, а продукцией предприятия. И было время, когда вместо зарплаты выдавали тем, кто работал на телевизионном заводе, телевизоры, а на стекольном заводе – стеклотару. Идите, попробуйте продать, и если удастся продать, то будете кушать, а если не удастся, то это дело ваше. То есть работников за пределами их рабочего времени превращали в неоплачиваемых торговцев продукцией предприятия, торговать они должны были бесплатно и в свое свободное время, которое соответственно превращалось в рабочее. И в нынешнем Трудовом кодексе осталась эта натуроплата, но, правда, ограничена 20 процентами.

Кто в буржуазной России имеет право законодательной инициативы? Право законодательной инициативы у нас имеют: депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации, президент, правительство (председатель правительства не обладает правом законодательной инициативы), законодательные органы субъектов Федерации, Конституционный, Верховный и Высший арбитражный суд Российской Федерации.

Законопроект, внесенный в порядке законодательной инициативы, сначала рассматривается в порядке первого чтения. Первое чтение не означает, что в первый раз его прочитали и не означает, что читают только один проект. Это означает другое – в первом чтении рассматривают все проекты данного закона по одному и тому же вопросу, которые поступили, и выбирается один. Дальнейшая работа состоит в следующем. Во втором чтении этот законопроект оснащается всякого рода поправками. Каждый депутат может внести неограниченное количество поправок. И

прекрасный проект можно путем поправок сделать неузнаваемым. И наоборот – плохой проект можно подтянуть. Мы, например, поскольку участвовали в прохождении законопроекта Трудового Кодекса, весь свой текст фактически снова внесли в виде поправок к тому тексту, который был принят за основу. Таким образом, мы фактически набрали за свой проект 222 голоса депутатов при голосовании за поправки. То есть еще ближе подошли к рубежу. Но четыре голоса не хватило для того чтобы его приняли. А против нашего законопроекта было меньше всего голосов. Третье чтение состоит в том, чтобы рассмотреть, что получилось после внесения многочисленных поправок. А вносятся, разумеется, только те, которые приняты Думой. И вот после этого, если обнаруживаются какие-либо технические неувязки, ссылки на то, чего уже нет, или ненужное повторение того, что уже где-то есть, и другие технические недочеты, включая и чисто грамматические ошибки или ошибки стилистического характера, ошибки исправляются, и законопроект принимается в третьем чтении.

Затем законопроект поступает в Совет Федерации. И вот Совет Федерации его обсуждает, рассматривает. Наиболее известный факт отклонения законопроекта – отклонение прошедшего через Думу законопроекта о копии знамени Победы, которое было водружено над Рейхстагом. Думцам не понравились те надписи, которые на этом знамени стояли, серп и молот и звезда, и в «копии» их предлагалось убрать. Разразился, естественно, скандал на всю страну. Ну, а в Совете Федерации выступавшие говорили, что там люди в Думе, наверно, очумели, сейчас у нас должно быть празднование Дня Победы, выйдут ветераны и будут своими палками грозить – «Что вы делаете?!». Вроде как говорили, что историю надо брать без белых пятен, ничего не искажать, а тут подняли руку на святую для народа реликвию. Отклонили. И Дума

не стала возражать.

После того как законопроект прошел Совет Федерации, он поступает на подпись Президенту. Президент обязан его или подписать или наложить на него «вето», то есть отказаться подписывать и вернуть назад в Федеральное собрание Российской Федерации. И тогда две палаты Федерального Собрания собираются вместе и решают, настаивать или не настаивать на своем законопроекте. Если они 2/3 голосов проголосуют за то, что они настаивают, то вето считается преодоленным, и тогда уже Президент обязан законопроект подписать.

Когда президент подпишет законопроект, действующим законом он станет после своей публикации в специально отведенных для этого изданиях, и только тогда к нему можно будет применить известный юридический принцип, состоящий в том, что незнание законов не освобождает от ответственности за их невыполнение. Если закон опубликован и вы не читали, это уже государство не волнует. Читайте «Российскую газету», где все законы публикуются или Собрание законодательных актов Российской Федерации.

Чтобы узнать, нарушили вы или нет закон, существует целая система в государстве. Есть люди, которые должны это выяснить. Если считается, что ваше нарушение достаточно мелкое и ответственность за него не связана с лишением свободы, то этим занимаются дознаватели. Такое очень красивое и вместе с тем двусмысленное слово «дознаватель». То ли ему почти все известно про данное нарушение и лишь немного осталось дознать, вот он дознает это и в результате дознания получит полное знание, а раз он будет иметь полное знание, можно вас уже тащить в суд, чтобы суд принял соответствующие решение. То ли «дознаватель» вообще ничего не знает и совершает свои действия о привлечении

вас к ответственности до всякого знания о том, что произошло, полагаясь на то, что знание добывают уже следователи. А следователи действуют, как исследователи, по всем правилам науки, добывая истину. Во всяком случае, раз в результате действий дознавателя человека в тюрьму не сажают, государство смотрит на его действия сквозь пальцы: ну взяли с вас больше штрафа – можете в суд подать и там будете судиться, мучиться, ходить по судам. Замучаетесь и надоест. Если же речь идет об уголовной ответственности, связанной с лишением свободы, то есть об ответственности за более серьезные нарушения, тогда уже действует следователь.

Путь следствия очень долгий, в чем большое завоевание демократии, так как сразу вас никто не осудит. Вот, допустим, вас подозревают в том, что вы убили десять человек. Если вас подозревают в таком серьезном преступлении, то вас арестуют. И посадят. Но не в тюрьму. Тюрьма, колония – это для тех, кто осужден судом, а для тех, кто еще не осужден судом, в отношении кого ведется следствие, имеется следственный изолятор. Если по предложению следователя судом будет принята такая мера пресечения, Вас посадят в следственный изолятор, и вы будете в нем находиться, пока не выяснится – то ли вас освободят как невиновного, то ли вы будете осуждены и перейдете из следственного изолятора напрямик в тюрьму. Причем в соответствии с демократическими нормами 10 суток вам могут не предъявлять обвинения, если речь идет о серьезном таком нарушении. Если вас подозревают в том, что вы 10 человек убили, то 10 суток вы будете сидеть в изоляторе, не зная, за что вы туда попали. Но государство обязано через 10 суток либо предъявить вам обвинение, либо выпустить вас и сказать: «Извините, пожалуйста, мы вас тут немного задержали. Мы думали, что вы

убили, а оказалось, что не вы», и вы с радостью выйдете на свободу. Но следователь в полном соответствии с демократическими процедурами может через 10 дней принести вам обвинительное заключение. И если до этого вы были задержанным, ваш процессуальный статус изменится, и вы станете обвиняемым со всеми положенными обвиняемому правами и обязанностями. Вы обвиняемый, но вы же не преступник, правда? И теперь вы знаете, в чем вас обвиняют, вам теперь легче защищаться. То есть вы теперь можете доказывать, что этого не было или было, но не так или так, но не совсем и т. д. Причем, чтобы было легче не вам, а следователю, к вам законодательство относится как к безграмотному человеку – от вас не требуют письменного объяснения, а обязательно следователь должен вас допросить. То есть он у вас спрашивает, а вы отвечаете устно. Он вас спрашивает, а вы отвечаете. И потом он вам в результате этой теплой беседы предложит в конце подписать протокол после слов «с моих слов записано верно». Ну, вы, конечно, можете, если вы знаток права, написать – «с моих слов записано неверно» и дальше как грамотный человек изложить письменно свою версию. Но некоторые люди торопятся, потому что, естественно, волнуются – им дают подписать и они все подписывают. А позднее, того, кто подписал и начнет выражать несогласие с подписанным, спросят: «Это ваша подпись?» Ответ: «Моя». И вам разъяснят, что если вы такое подписали, то чего же вы теперь доказываете, что вас кто-то несправедливо обвинил, раз вами подписано, что с ваших слов записано верно. А ведь не обязательно было в состоянии очень взволнованном отвечать на вопросы, можно было, сославшись на волнение, перенести ответы на вопросы на завтра, а за это время собраться с мыслями, чтобы не путаться в показаниях.

Следственный изолятор в наше время не может изолировать

тех, кто, как считается, изолируется от общества. Мобильные телефоны у вас, конечно, отберут, но после 24 часов вам предложат за небольшую плату воспользоваться мобильником. Или вот мне приходилось одному товарищу, которого ложно обвинили, а я был у него общественным защитником, приносить передачу в СИЗО, в «Кресты». Очень интересное заведение. Вот заходишь, там народ толпится такой обеспокоенный, какие-то мамочки, папочки, детки которых сидят в СИЗО, и есть такие маленькие зарешеченные окошки. Туда ты паспорт отдаешь, а рядом висит список того, что можно передать – капусту, картошку и т.п. и сколько, алюминиевые кружки, ложки, тарелки можно передать. И такие передачи можно делать раз в месяц. Передавать могут родственники или другие лица, состоящие в близких отношениях с теми, кто находится в СИЗО. Но справа есть заветная дверь, толкнув которую, вы попадете в комнату, где сидит тетя за компьютером, и у нее большой перечень того, что вы желаете заказать для своего подопечного, скажем, апельсинов два килограмма, копченой колбасы килограмм, торт. Чего там еще нужно в СИЗО? Ну, водку конечно там не пропускают, а безалкогольные напитки – пожалуйста. И это можно делать каждый день, доплачивая всего десять рублей за операцию. Но адресат передачу не сегодня получит, как в том случае, когда вы передаете через зарешеченное окошко, а завтра утром. Но зато вы можете осуществлять передачи каждый день, снабжая всем необходимым своего подопечного. То есть нет уж такой абсолютной изоляции. Адвокаты, естественно, ходят в СИЗО и контактируют с теми, кого они защищают. Раньше наряду с адвокатами были общественные защитники, направляемые общественными объединениями. Теперь суд решает, выступать ли данному лицу общественным защитником. А раньше суд не решал

и следователь не решал. Пришел представитель общественного объединения с соответствующим направлением и стал общественным защитником, получив такие же права, как у адвоката. Но это мешало адвокатам получать большие деньги, поэтому адвокаты по сути дела всю защиту монополизировали. Адвокатские гонорары возросли. Ну, а обвиняемые по-прежнему с самыми разными финансовыми возможностями. Один живет на скромную зарплату, у другого – миллионы, а то и миллиарды. У последних есть реальная возможность добиться изменения меры пресечения и выйти из СИЗО под залог величиной 8 – 12 сотен тысяч рублей. А адвокаты за хорошую плату об этом позаботятся. И постепенно корпус адвокатов за редким исключением все больше и больше сосредотачивается на защите тех, кто может больше заплатить, в том числе тех, кто больше украл или наградил, взял больше взяток на большую сумму. Это не значит, что адвокаты защищают только миллионеров и миллиардеров, они могут и старушку защитить – лишние десять или пятнадцать тысяч, которые она на черный день приберегла, не помешают.

Если вы обвиняемый, и у вас нет 800 тысяч рублей, то оставьте мысли о залоге и спокойно сидите в СИЗО. Ничего страшного. Когда дело дойдет до суда, может, вас и освободят. Правда, у суда иногда соблазн возникает, если человек уже отсидел 2,5 года в СИЗО, принять решение, что он не в полной мере виноват в том, в чем его обвиняли, а виноват ровно на 2,5 года лишения свободы, и можно его освободить прямо в зале суда. Но это бывает далеко не всегда.

И вот как только вы попали в суд, возможно, через 2,5 года, хотя в Уголовно-процессуальном кодексе записано, что обычно следствие должно месяц идти, но есть из этого правила всякие исключения, и, если вам это интересно, вы можете открыть

Уголовно-процессуальный Кодекс и там увидеть, что в ряде случаев следствие может вестись три месяца с разрешения городской прокуратуры, но не больше. А дальше написано, что в отдельных случаях и полгода. А в случае проведения экспертизы, например, баллистической, если у вас нашли три патрона, пока этими патронами стреляли, да закладывали гильзы в конвертик, да клеивали его, еще полгода вы на законном основании в СИЗО просидели и так далее. Колеса следственные, а потом судебные не быстро крутятся. Например, Юрий Шутов, известный разоблачитель Собчака, находился 2, 5 года ровно под следствием. Ему это привычно было. Раньше его обвиняли в поджоге Смольного. Потом выпустили. Потом – в покушении на убийство президента Азербайджана Эльчибея. А по последнему делу, где его обвиняли в организации многих убийств, Шутов отбыв 2,5 года под следствием, еще 2,5 года, будучи серьезно больным просидел в ходе судебного процесса. Шутова осудили, но человек может в СИЗО пять лет просидеть, не будучи осужденным.

Бывает, на суде выясняется, что неправильно про вас следователь все написал и что вы никаких преступлений не совершали и что с правом вы в полном согласии, и суд вас оправдывает. А вы всего просидели пять лет в следственном изоляторе. Причем в СИЗО хуже содержание, чем в тюрьме – и площадь меньше, и поскольку тут временно как бы сидят, жизнь сидельцев хуже отрегулирована. И вот если человек 5 лет в СИЗО отсидел, а суд его оправдал, то в конце судебного заседания выходит прокурор и от имени государства приносит ему извинения. И теперь он может подать иск на возмещение морального труда и снова ходить по судам, если его еще не трясет от хождения по следственно-судебным коридорам. Поэтому далеко не все после того, как они таким образом освобождены, начинают

требовать возмещения морального вреда, некоторые как можно дальше от этих учреждений стараются держаться, они себя плохо чувствуют при приближении к этим учреждениям.

Это, так сказать, некая оборотная сторона демократии. Что такое демократия? Демократия, если толковать это слово этимологически, это власть народа. А если исторически брать? Где демократия родилась? В каком государстве? В рабовладельческом. Огромное большинство гражданами не считалось, поэтому оно участия не принимало не в каких голосованиях. И если большинство рабовладельцев решило так, – то, значит, так тому и быть. Так что сущность государства рабовладельческого – диктатура класса рабовладельцев. При феодализме государство правящего класса в демократию не играет. У класса помещиков все права, он принимает все решения, крестьянина можно бить плетью, можно продавать, можно с семьей, можно без семьи, можно с землей, можно без земли. И если он совершил преступление против законов, установленных классом феодалов, то его можно и смертной казни предать или заключить в тюрьму. Это решает суд. Суд, как вы понимаете, никоим образом не формируется крестьянами. Суд формируется правящим классом и является органом правящего класса, как и все другие органы досудебные и околосудебные. Поэтому что касается феодального государства, то оно очевидно является диктатурой феодального класса. А вот с переходом к буржуазному строю опять начинается игра в демократию.

Буржуазное государство появилось под лозунгом всеобщих свобод, прав человека, народовластия и т. д. Его поначалу прогрессивная роль несомненна, ведь это буржуазное государство освободило от крепостной зависимости крестьян, и их уже нельзя стало продавать ни с землей, ни без земли, они вообще перестали

быть объектом продажи. Как граждане буржуазного общества они свободны, поэтому никто, кроме них самих, и не заботится о том, будут ли они жить или умрут, будучи свободны от средств производства, которые оказались в руках у буржуазии. Права человека в чем состоят? Каждый может есть на золотом блюде, как говорил Чернышевский, если оно у него есть. У вас есть золотое блюдо, и ешьте на нем. Нет у вас золотого блюда – ну, извините. То есть абстрактные права человека никак не связаны с реальными возможностями их осуществления, не связаны с материальным положением, благополучием – у кого есть средства для осуществления этих прав, тот эти права и реализует. У кого нет, тот, значит, неудачник, неуспешный или лох, которого купили красивыми рассуждениями о правах человека. А вот тот, у кого есть миллиард, тот, значит, удачник, вроде как все вместе бежали, он первым прибежал к заветному пирогу и откусил большой кусок. Те, кто откусил от пирога общественных средств производства – тот удачник. А все остальные опоздали, они неудачники опоздали. Очень много народу опоздало к этому пирогу, когда делили все богатство Советского Союза. Вот Абрамович успел, Лисин успел, Потанин успел. А вы или ваши родители были где? Ах, вы еще и возрастом не вышли. Надо было родиться раньше. Большинство, хоть и раньше родилось, но тоже не успело. А если будете умничать, вас спросят: «Если вы такой умный, чего вы такой бедный?» Оказалось, что вы просто не жулик и не расхититель общественного богатства просто не жулик. Вот в чем дело. Надо еще и жуликом быть, чтобы стать очень богатым. Богатство это связано не с развитием производства, не с изобретением, не с подъемом экономики, а, наоборот, с уничтожением экономики, с уничтожением самых лучших предприятий и с захватыванием самых жирных кусков бывшей общественной собственности. Это

обеспечивает изначально острейшее социальное неравенство, а права объявляются равными для всех. Это касается и избирательных прав.

Формально каждый гражданин с известного возраста может быть избран в Государственную Думу. При избрании по одномандатным округам очевидно у того больше шансов пройти в Думу, у кого больше средств на избирательную компанию, поэтому Дума в целом является собранием богатых людей. Теперь избрание в Думу идет по партийным спискам, и результат получается тот же. Причем механизм получения этого результата хорошо известен и прост. Вот, скажем, я очень богатый человек, то есть как бы «элита», хотя элитой правильнее было бы называть не худших, а лучших. Я могу оказать помощь какой-либо партии? Могу оказать материальную помощь? Вот скоро будет очередная избирательная компания, и надо будет каждой партии сформировать избирательный фонд. Вот я хочу сдать средства в фонд какой-либо партии, имею право? Вот получу зарплату, пойду и сдам в фонд партии. А они скажут спасибо. – А могу я претендовать на то, чтобы я тоже был в списке вашей партии. – Так вы сколько сдали? – Как сколько, вот 38 тысяч, сколько получил за месяц. Они там посмеются и скажут — Ну что вы говорите. Вот люди миллион долларов несут, а вы говорите 38 тысяч, это несерьезно. Михаил Васильевич, вы же вроде умный человек, профессор, а пришли с какими-то детскими вопросами. Сами что ли не знаете. Идите домой и объясните там всем, что если у вас нет 3 миллионов долларов, то нечего задумываться об избрании в Думу. Я вам вот сейчас непечатные высказывания приведу, но только потому, что они в печати опубликованы были. Один миллиардер заявил, что если у вас нет миллиарда рублей, то идите вы в жопу, и напечатано это было в газете «Коммерсант». Я это

привел только потому, что это типичное выражение той наглости, с которой правящий класс осуществляет свое господство. Это он в других местах говорит красиво и гладко, но иногда не выдерживает и говорит не красиво и не гладко, а прямо и открыто, чтобы даже тем, кто не изучал марксизм, было понятно, что буржуазная демократия – это форма диктатуры буржуазного класса. Если в США победил Обама, а не Маккейн, то ясно, кто собрал больше денег на избирательную кампанию. Я не думаю, что там бежали американские рабочие и сдавали в избирательные фонды. Может, какие-нибудь заблудшие рабочие и нашлись, но сдавали-то, в основном, разные американские кланы и группы капиталистов. Ну и кто больше набрал, как вы считаете? Обама больше набрал. Молодец!!! То есть как обеспечивается диктатура буржуазии? Эта диктатура обеспечивается самым что ни на есть материальным путем. И этого не может не видеть тот, кто сознательно применяет материализм для понимания общественных процессов. Ясно видно, что тот, кто господствует в материальном производстве, тот господствует не только в сфере сознания, но и в сфере политики.

Государство – это организация систематического насилия, в интересах господствующего класса. К кому применяется это насилие? Ну, во-первых, к представителям другого класса – угнетенного, эксплуатируемого. А еще к кому? К тем представителям правящего класса, которые не хотят общие интересы правящего класса реализовывать, соблюдать. Поэтому с помощью насилия, то есть с помощью государства дисциплинируется и господствующий класс. Это верно и по отношению к Советской власти как организационной форме диктатуры пролетариата. Разве диктатура пролетариата не применяла насилие по отношению к тем группам или группкам рабочих, которые сохранили капиталистические замашки и хотели

давать государству поменьше и похуже, а брать от него побольше и получше?

По внешнему виду, по форме, никакое государство, тем более современное буржуазно-демократическое, конечно, не представляется диктатурой. По форме нет – какая диктатура. Все тут обсуждается, рассматривается, решается голосованием, вроде бы никакой диктатуры нет. Однако *сущность всякого государства – диктатура господствующего класса*. Всякого. Пока оно есть. А когда его не будет, то понятно, что не будет классового насилия, не будет государства. Поэтому можно такой тезис сформулировать, что *демократия отмирает, превращаясь в коммунистическое общественное самоуправление в процессе развития первой фазы коммунистического общества, а в высшей фазе коммунизма нет уже государства, нет и демократии как формы государства*. Демократия – это особый способ организации насилия и, как всякое государственное насилие, оно отмирает. Не будет никакой демократии в полном коммунистическом обществе. А пока она как форма государства еще есть, она не является народовластием, а является формой осуществления диктатуры господствующего класса. Поэтому, например, то, что написано в программе, в рекламных листовках, на плакатах, знаменах и красных шарфах КПРФ про народовластие – это, конечно, ерунда с точки зрения марксизма, а если сказать серьезнее – это продолжение хрущевского ревизионизма. Хотя лидеры КПРФ клянутся, что они за марксизм, но продолжают поддерживать и пропагандировать такие вещи, которые никак с марксизмом не увязываются. Народовластие – это лозунг, прогрессивный для буржуазной революции и реакционный для социалистической. Когда буржуазия шла против крепостничества, все были в освобождении крестьян заинтересованы, кроме феодалов, а феодалы – не народ,

поэтому буржуазия шла с лозунгом народовластия. Но если в научном плане речь идет о государстве – так это либо диктатура рабочего класса, либо диктатура буржуазии. Ленин писал, что тот, кто этого не понимает, тот либо безнадежный идиот, либо политически настолько неграмотен, что его не только на трибуну, но и на собрание пускать стыдно.

Стыдно – не стыдно, но вот с трибуны XXII съезда КПСС первый секретарь ее Центрального Комитета Н.С.Хрущев в докладе о новой программе партии провозгласил, что у нас, дескать, диктатура пролетариата себя исчерпала и что государство диктатуры пролетариата превратилось в общенародное. И за включение этого ревизионистского положения в программу партии съезд, к сожалению, проголосовал. А ведь делегаты съезда должны бы читать и знать труды Энгельса, который объяснял абсурдность какого бы то ни было соединения слова народ со словом государство. Соответствующие положения приведены Лениным в книге «Государство и революция» и в работе «Марксизм о государстве». Энгельс объяснял, что если это государство, то оно не народное, а если народное, тогда оно не государство, поскольку государство есть орган классового насилия, так что народное государство – это «жареный лед».

К прискорбию, как следует из стенограммы XXII съезда КПСС, не просто большинство делегатов, а единогласно делегаты проголосовали за внесение ревизионистских изменений в программу. Этой вакханалии ревизионизма сопутствовали провозглашавшиеся Н.С.Хрущевым безграмотные лозунги, вроде того, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. А ведь с точки зрения понимания социализма как первой, низшей фазы коммунизма при коммунизме начали советские люди жить с того момента, как в СССР закончился

переходный от капитализма к коммунизму период и был построен социализм. Правда, коммунизм был еще не полный. Но разве может по окончании переходного периода возникнуть сразу полный коммунизм? Социализм и определяется как неполный, незрелый коммунизм, и написано это в «Критике Готской программы» Маркса и в «Государстве и революции» Ленина. Специально разжевывается даже, что в первой своей фазе, на первой своей ступени коммунизм не может быть вполне зрелым, вполне свободным от следов или традиций капитализма. Несмотря на эти совершенно ясные и понятные положения, с которыми легко мог ознакомиться любой член КПСС, хрущевский ревизионизм перерос позднее в еще более ревизионистскую концепцию «развитого социализма», которая вообще ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеет.

Таким образом, можно точно сказать, когда в СССР произошла политическая контрреволюция – на XXII съезде правящей КПСС. С этого момента начался переходный период от коммунизма, хотя и не полного, к капитализму. Этот переходный период завершился полной реставрацией капитализма в России в начале 90-х годов. Теперь снова, как до Октября 1917 года, у некоторых есть яхты и заводы, а у других полная свобода – в том числе и от средств производства и средств существования.

Подводя некоторые итоги, подчеркнем недостаточность тезиса о том, что общественное бытие определяет общественное сознание, то есть определяет, какие мысли господствуют в обществе. Более общий тезис состоит в том, что в конечном счете *способ производства определяет и все другие общественные, то есть социальные, отношения*. Иногда ставят рядом экономические и социальные отношения как будто бы экономические отношения не являются социальными. На самом деле экономические отношения

являются частью социальных отношений. Сказать «экономические и социальные отношения» было бы такой же глупостью, как сказать «яблоки и фрукты». Вот «яблоки и другие фрукты» можно сказать, и это будет правильно. Точно так же следует говорить «экономические и другие социальные отношения», это будет правильно. Но сказать это было бы недостаточно. Требуется понимание определяющей роли производства, понимание того, что производственные, экономические отношения являются не просто частью всей системы общественных отношений, а основной, базисной ее частью, ядром. Подобно тому, как в биологических организмах, в единой клетке имеется небольшое по размерам ядро и обширная протоплазма, при этом ядро, будучи по размерам гораздо меньше клетки, тем не менее имеет определяющее значение, так и *в обществе способ производства, производство материальной жизни – это основа всех общественных отношений, в конечном счете всех общественных явлений.*

Иногда говорят, что общественно-экономическая формация – это такое понимание общества, когда оно предстает двояко: в виде базиса, в качестве которого-де выступают производственные отношения, и возвышающейся над базисом политической и идеологической надстройки. Это высказывание вроде бы и правильное, но не вполне удачное с точки зрения диалектики. Потому что производственные отношения в этом определении оторваны от производительных сил, то есть от людей, которые заняты в производстве, от работников – главной производительной силы и от средств производства. В качестве базиса по сути дела предлагается брать не живые производственные отношения, связанные с движением производительных сил, а неподвижные, абстрагированные от созидательной деятельности работников, вооруженных средствами производства. До известной степени

такое рассмотрение допустимо, покуда речь идет о рассмотрении общественно-экономической формации как наличного бытия, но когда речь идет о *становлении* новой общественно-экономической формации, о переходе от одной формации к другой недialeктичность рассматриваемого определения показывает себя очень ярко. Дialeктическим рассматриваемое определение станет, если базисом мы будем считать не производственные отношения сами по себе, но их же, взятых в единстве с производительными силами. То есть ***базис общества – это единство производственных отношений и производительных сил, выступающее как способ производства.***

Производство, способ производства определяют в целом общественные отношения и другие явления в обществе, в том числе и *политику*. Зная, что такое классы и что такое государство, можно дать определение такому сложному явлению, как политика. Если брать самое короткое и самое общее определение политики, то можно ограничиться тем, что дал Ф.Энгельс: «Политика есть отношение между классами». В антагонистических обществах, пока остается противоположность классовых интересов, отношения между классами выступают как их борьба за господство в обществе. Вот эта борьба классов за власть в обществе и есть политика. Таким образом, ***политика – это классовая борьба за завоевание, удержание и осуществление государственной власти для обеспечения классового господства в обществе.***

Если борьба идет внутри класса, то она называется внутриклассовой борьбой. Внутриклассовая борьба – это и проявление классовой борьбы в обществе, поскольку значительная часть эксплуатируемого класса фактически выступает на стороне эксплуататорского класса, а ряд представителей господствующего класса становится на позиции угнетаемого класса, если угнетаемый

класс по своему положению в производстве и, соответственно, экономическим интересам является передовым.

Когда фашистские войска напали на Советский Союз, из кого они состояли? В основном, из рабочих, больше всего немецких. Но не только немецких. Много румынских и финских, венгерских и т. д. Империалистическая война – это форма борьбы буржуазного класса за свои интересы, за расширение территории и влияния своего государства, за новые рынки сбыта и источники сырья. Та война, в которую был вовлечен Советский Союз и которая называется Вторая мировая, со стороны Советского Союза была Великой Отечественной и велась не государством диктатуры буржуазии, а государством диктатуры рабочего класса. Но и с той, и с другой стороны в основном воевали рабочие и крестьяне. А если вспомнить не буржуазное, а феодальное время, реакционный помещичий класс набирал солдат из угнетенного класса, вырывая из естественных экономических отношений крестьян и отдавая их на 25 лет в солдаты. И вот эти солдаты воспитывались, муштровались и их убивали, если они не разгоняли и не убивали своих же товарищей по классу – крестьян, поднимавших восстания против феодального гнета. В то же время декабристы, будучи по своему положению членами правящего феодального класса, рискуя своими жизнями, выступили против феодального класса, за освобождение крестьян.

Так что внутри класса может проходить не просто внутриклассовая борьба, а проявляться классовая борьба в обществе в целом, которая проходит и через класс. И поскольку *идеологическая борьба есть тоже форма классовой борьбы*, то и через головы проходит классовая борьба: одни идеи борются с другими, нередко в одной и той же голове. С этой точки зрения характерно определение диктатуры пролетариата у Ленина в

«Детской болезни «левизны» в коммунизме», в котором диктатура пролетариата характеризуется как упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, *педагогическая* и администраторская против сил и традиций старого общества.

В антагонистических обществах идеологическая борьба является формой классовой борьбы, причем большинство подчиненного, угнетенного, эксплуатируемого класса захвачено идеологией правящего класса, то есть в головах у большинства членов угнетенного, подчиненного класса – идеология правящего класса. Это немалое преимущество господствующего класса в его классовой борьбе.

Понятно, что за власть борются не для того, чтобы просто ее получить и сидеть – власть классом используется для того, чтобы осуществлять свои экономические интересы. Следовательно, политика каждого класса определяется его экономическими интересами и в этом смысле его экономическим бытием. А более конкретно – бытие одного класса, его положение в производстве определяет его политику, а бытие другого класса, то есть его положение в общем для обоих классов производстве определяет его политику. Противоположность экономических интересов классов определяется их противоположным положением в общем для них едином экономическом бытии. Различное экономическое положение классов определяет и различие их политических позиций.

Из сказанного следует, что в обществе с антагонистическими классами существуют две противоположных политики и две противоположных идеологии, в современном буржуазном обществе – буржуазная политика и идеология и пролетарская политика и идеология. А средней политики и средней идеологии

не выработало человечество.

Особо следует сказать об идеологии и политике мелкой буржуазии. Мелкий буржуа – это мелкий хозяйчик, работающий на рынок. Он и трудящийся, и собственник. Хозяйство мелкого буржуа основано на его собственном труде, поэтому он трудящийся, но в то же время мелкий буржуа как мелкий хозяйчик стремится стать настоящим хозяином, то есть буржуа, капиталистом. Поэтому мелкобуржуазная политика двойственна, путана и непоследовательна, а идеология мелких буржуа кашеобразна, в ней присутствуют элементы и пролетарской, и буржуазной идеологии.

Сейчас в России господствующим, правящим является класс буржуазии. Чтобы последовательно вести свою политическую линию он прежде всего должен осознать свои экономические интересы и выразить это в долгосрочной программе развития страны, представляющей собой последовательность взаимоувязанных действий, направленных на осуществление экономических интересов российского буржуазного класса. Однако до составления программы развития России наш правящий класс не дорос. Была сделана попытка составить хотя бы долгосрочную концепцию развития России до 2020 года. В ноябре 2008 года такая Концепция тогдашним премьером В.В.Путиным была утверждена. А потом эту концепцию, представляющую замысел развития России, не только не превратили в Долгосрочную программу развития России, а фактически забросили, отдав ее на «доработку» самым ярым апологетам стихийного рыночного развития в Высшую школу экономики, которые сделали все, чтобы уже утвержденную Концепцию похоронить.

С точки зрения борьбы правящей в России буржуазии ей

нужно выразить свои интересы в виде идеи будущего развития России, закрепить это в Концепции развития России, принятой высшими государственными органами, а не отрещиваться от нее, составить и утвердить в качестве важнейшего государственного документа Долгосрочную Программу развития России и с помощью системы государственных заказов хозяйственным единицам ее осуществлять. А сейчас главным образом обсуждается, кто и какая партия придет к власти вместо того, чтобы обсуждать, какой путь будет у России и как по нему быстрее пройти. Сначала вроде бы так дело и шло и дошло до концепции социально экономического развития страны, которая была подписана В.В.Путиным. Потом, когда наступил кризис и когда особенно важно было придерживаться принятой концепции, не сходить с принятого пути, эту концепцию представители правящего класса дружно забыли. До кризиса содержанием концепции было, что Россия должна самостоятельно развиваться, что в России должно прежде всего развиваться отечественное производство, основу которого составляет отечественное машиностроение, а не продажа переработанных ресурсов, а в итоге опять буржуазная Россия сидит на газовой и нефтяной трубе, покупая в основном иностранные товары и обеспечивая тем самым прибыль зарубежным капиталистам. Как получилось, что под предлогом кризиса по сути дела отказались от концепции развития России? Получилось так потому, что в правящем классе верх взяли не общие интересы развития страны, а частные интересы обогащения отдельных групп олигархов, жирующих при продолжающемся разорении страны. Разве не является первой обязанностью президента, правительства, Государственной Думы, правящей партии обеспечить диктатуру правящего класса прежде всего над теми представителями этого класса, которые игнорируют

общие интересы капиталистического класса ради своих особых корыстных интересов? Ведь классовая борьба правящего класса вовсе не состоит в том, чтобы только подавлять противоположный класс. Не лишне будет подумать и уяснить, в чем состоят объективные экономические интересы своего класса. Разве интересы класса российской буржуазии состоят в том, чтобы Россия стала слаборазвитой страной? Ведь в США тоже у власти буржуазия, но свое производство там развивается. То же можно сказать про Францию и Германию. Там же не закрываются свои предприятия ради обеспечения работой зарубежных, никто по-русски не пишет надписи на магазинах. А у нас все норовят написать непременно по-английски – это что, для тех, кто не знает русского или для тех, кто все русское презирает? Ну, я понимаю по-английски и что? Но я, между прочим, нахожусь в России, а не в Англии и не в Америке. Дошли уже до того, что вообще не пишут названия словами, а стилизованными картинками обозначают заведения, хотя народ вроде бы не находится в полностью безграмотном состоянии. Наверно, это в связи с тем надвинувшимся бедствием, которое представляет реформа образования, поэтому надо заранее слова картинками заклеить, чтобы по результатам реформы жертвы ее знали, куда пойти. Если на картинке перечеркнута чашка с кофе, что это значит? То ли надо бросить чашку с кофе, то ли здесь кофе дрянь и не стоит сюда заходить, то ли кто зайдет, больше никогда не будет пить кофе, не знаю.

Совсем не обязательно, что каждый человек, который что-то разрабатывает или делает, осознает, в интересах какого класса он это делает. Но так устроен мир, так устроено общество, что все, что в обществе делается, все, что происходит, по-разному затрагивает положение разных классов. То, что выгодно одному классу, чаще

всего невыгодно другому, но в силу того, что имеет место единство противоположностей, имеются и такие изменения, которые выгодны обоим противоположным классам. Например, увеличение зарплаты, осуществляемое за счет роста производительности труда на основе научно-технического прогресса, совместимо с ростом прибыли предпринимателей. Поэтому и требуется поставить во главу угла в действительной концепции развития России развитие производительности труда. И не в одном, двух или трех «сколкове», где будут не столько дело делать, сколько бюджетные деньги распиливать, а требуется поднятие производительности труда на всех предприятиях России.

Что такое повышение производительности труда? Это значит, что если раньше я делал 50 деталей, то теперь 100 за то же самое время. Это значит, что если раньше заработная плата распределялась на 50 деталей, то теперь она распределяется на 100. То есть издержки на зарплату в затратах на производство продуктов сократились вдвое. Следовательно, можно увеличить зарплату, часть достигнутого сокращения издержек пустив на увеличение зарплаты, а часть – на увеличение прибыли. Вырастут и прибыль, и зарплата. Прибыль будет расти, если производительность труда растет быстрее заработной платы.

А кто отвечает за производительность труда – рабочий или капиталист? Тот, у кого капитал, у кого техника, то есть капиталист. Этого совершенно не понимает экономически безграмотный миллиардер Прохоров. Он пытался навязать стране такой трудовой кодекс, в котором бы все сводилось к тому, чтобы заставить рабочих больше времени работать при той же технике. Но ведь вопрос о производительности труда – это вопрос о том, сколько рабочий делает за единицу времени, а это, прежде всего, вопрос капиталиста. Ты сделай более современную технику, и

рабочие будут осваивать эту технику, конечно если у них будет вырастать зарплата. По мере освоения новой техники будет расти производительность труда как основа для роста и прибыли, и зарплаты. Таким образом, повышение производительности труда на основе внедрения новой техники – это прежде всего дело капиталистов, и они должны это делать, исходя из своих экономических интересов, а не пытаться свою миссию переложить на работников. Это все расписано в «Капитале» Маркса в самом начале первого тома, когда говорится об абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Абсолютная получается за счет удлинения рабочего дня, за счет более интенсивного труда. Интенсификация труда – это вовсе не интенсификация производства. Интенсификация труда означает увеличение затрат труда в расчете на единицу времени. А интенсификация производства означает внедрение новых научно-технических достижений для сокращения затрат труда. А вот с этим у нас дело обстоит из рук вон плохо. Разве у нас амортизируется производство? Каждые десять лет меняется техника, да? Кто заметил такой процесс? Я не заметил. У нас обновление техники идет очень медленно. При том, что амортизация призвана служить лишь тому, чтобы не умирало производство. *Морт* переводится как смерть, а *амортизация* соответственно как неумирание. Правящий буржуазный класс, который отвечает за производство, даже неумирание производства не может обеспечить, не говоря уже о накоплении с целью расширения производства на новой технической основе. Едва лишь четвертая часть прибыли идет на накопление, остальная часть прибыли просто проматывается в оффшорах.

Даже на уровне президента речь идет больше о привлечении иностранного капитала, то есть о содействии ввозу иностранного

капитала как средству ограбления нашей страны вместо организации нормального расширенного воспроизводства на отечественных предприятиях за счет обеспечения действительной амортизации и установления такой нормы накопления, которая позволит осуществлять быстрое расширенное воспроизводство. Идут разговоры об инвестиционном климате, чтобы заманить сюда иностранный капитал для эксплуатации наших рабочих и вывоза полученной прибыли за рубеж, в то время как наши доморожденные капиталисты не делают то, что нужно, чтобы их капитал был самовозрастающей, а не самоубивающей и не самоумирающей стоимостью. Буржуазное государство не побуждает капиталистов тратить такую часть прибыли на обновление, на расширение производства, чтобы обеспечивать выход его на уровень выше мирового. Нынешние буржуазные хозяева жизни смогли отхватить большие куски общенародного достояния по принципу «отнять и между собой поделить», а производство нормально воспроизводить и расширять не могут, как бы приглашая эксплуатируемый класс отобрать у них власть и собственность, сделать собственность общественной и наладить снова планомерное воспроизводство с целью обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества.

3. Становление формаций

Исследуя общество с помощью категории общественно-экономической формации, мы обнаружили, что общественное бытие определяет не только общественное сознание, но и определяющим образом влияет на все остальные сферы общества – на политику, на формирование и деятельность государства, на идеологию. Но какое это влияние? Оно противоречивое. В способе производства любого антагонистического общества есть два класса – экономически господствующий класс и класс, который является

непосредственным производителем – либо это раб, либо крепостной крестьянин, либо рабочий. А раз есть два противоположных класса, то противоречие, заключающееся в способе производства, проявляет себя также и во всем обществе – и в деятельности государства, и во всей политике, и в идеологии, и в политике. И всегда в любом государственном институте и в любом органе находятся люди, которые симпатизируют подчиненному классу в той или иной мере и в той или иной мере ему помогают.

То есть противоречие между классами проявляется внутри всех общественных институтов. Какой бы государственный орган вы ни взяли, который в общем и целом защищает интересы господствующего класса, он тоже противоречив, и ряд работников, причем наиболее талантливых и просвещенных, совершает действия не только в интересах господствующего класса. Это, во-первых. Во-вторых, наряду с борьбой классов в соответствии с законом единства и борьбы противоположностей существует и единство двух противоположных классов, в которое они неизбежно вступают на производстве – либо на рабовладельческих или феодальных латифундиях, либо на капиталистических предприятиях, и раз есть единое производство, наряду с противоположностью интересов есть и единство интересов, связанное с сохранением и развитием производства. Ввиду этой общей задачи представлять себе революцию и строительство нового общества таким образом, что надо все разрушить и превратить в ничто, – нельзя. Наоборот — это надо представлять как его дальнейшее развитие. Не случайно Ленин подчеркивал, что крупная машинная индустрия – это полнейшая материальная подготовка социализма, что банки это не только эксплуататорские учреждения, какими они являются при буржуазной власти, но и

идеальная бухгалтерия нового общества. А раз это идеальная бухгалтерия нового общества, разве нужно уничтожать эту бухгалтерию? Просто надо сделать один государственный банк, который не был бы банком-паразитом, превратив все ранее существовавшие банки в его отделения, и такой банк после революции превратился бы из банка в организацию по обеспечению общественного счетоводства, то есть по осуществлению социалистического учета и контроля, потому что по мере того, как товары перестают быть товарами, банки перестают быть банками, а деньги перестают быть деньгами и становятся рабочими квитанциями.

То есть классовую борьбу не следует понимать обязательно как гражданскую войну. Гражданская война может возникнуть, только если реакционный класс попытается вооруженным путем остановить назревшую социальную революцию. Это вполне подтвердил опыт Великой Октябрьской социалистической революции. Изначально события в октябре 1917 года развивались так, что чем больше был перевес на стороне восставших, тем менее проявлялись всякие эксцессы. До сих пор не могут найти фамилии тех нескольких человек, которые без вести пропали во время революционных событий октября 1917 года в Петрограде. Во всяком случае, погибших было гораздо меньше, чем каждый день гибнет у нас на дорогах в Санкт-Петербурге, гораздо меньше. И вроде бы поначалу представители потерявшего власть класса тоже были склонны не начинать гражданскую войну. Генерал Краснов дал обещание Советскому правительству, что он не будет поднимать восстание и был отпущен под честное слово офицера. Но оказалось, что честное слово офицера не выше экономических интересов того класса, который защищал Краснов. На Дону им стали создаваться добровольческие отряды Белой армии, и

началась гражданская война. А когда началась гражданская война, она потребовала уже не просто добровольцев с той и другой стороны, а, как всякая война, потребовала мобилизации. Пришли белые в село –мобилизовали крестьян этого села в Белую армию. Пришли красные в соседнее село – мобилизовали крестьян этого села в Рабоче-Крестьянскую Красную армию. Два соседних села – из одного села люди пошли в Белую армию, из другого в Красную. И далее события начали уже развиваться по законам войны, которая как известно, есть вооруженная борьба классов, наций или государств. В случае гражданской войны законы войны представляют лишь модификацию законов классовой борьбы, в которой победить призван прогрессивный класс. Поскольку белогвардейцы не выражали коренных интересов крестьянства как трудящихся, а выражали интересы крупных землевладельцев-помещиков, отнимали земли у крестьян и вешали тех крестьян, которые начали обрабатывать бывшие помещичьи земли, переданные им Советским государством, то крестьянин в массе своей встал на сторону рабочего класса, и победила Красная армия. Хотя сказать, что Красная армия была лучше вооружена, чем Белая, или что в Белой армии были неграмотные люди, что они не знали, как выигрывать сражения, было бы неправдой. Когда дело идет о гражданских войнах, их обычными категориями военной науки не объяснишь. Здесь как раз надо понимать, что гражданская война – это вооруженная борьба прогрессивного класса с реакционным, пытающимся отстоять свои вековые привилегии и сохранить ярмо на шее угнетаемого им класса.

Но не только революционное, но и эволюционное развитие общества идет по законам классовой борьбы. Если угнетенный класс не борется за улучшение своего положения, его положение ухудшается, поскольку господствующий класс все время улучшает

свое положение, в том числе за счет угнетенного класса. Господствующий класс укрепляет свое государство, чтобы быть готовым к отражению попыток отобрать у него власть. И оно укрепляется денно и ночно. Правда, иногда только по форме. Например, возьмем еще не столь давнее переименование милиции в полицию. Выступает тогдашний президент Д.А.Медведев и говорит, что милиция-де была организована в нашей стране после 7 ноября 1917 года. Это странно было слышать, ибо хорошо известно, что народная милиция в нашей стране была организована по постановлению временного правительства после февральской буржуазной революции, а корпус жандармов и департамент полиции были ликвидированы. После Октябрьской революции была создана уже рабочая милиция. Исторически, таким образом, учреждение милиции было делом буржуазного государства. А полицейские на нашей земле появились по воле гитлеровцев на захваченной ими территории во время Великой Отечественной войны. Поэтому многие, в том числе и председатели комитетов и в Совете Федерации, и в Государственной Думе обращали внимание на то, что превращение милиции в полицию вряд ли будет встречено с энтузиазмом народом, тем более теми, кто еще помнит зверства полицаев. Но это, так сказать, взгляд исторический. А что касается экономического аспекта, то на это «новшество» потребовалось свыше 12 миллиардов рублей, как будто они были лишними в государственном бюджете. Закипела работа – перекрашивать машины, убирать надписи «милиция» и наносить надписи «полиция». Выполнялись заказы на эту работу с оплатой за счет казны. А еще заказы на новое обмундирование, тем более, что только-только новую форму пошили для всех наших милиционеров, которая враз стала формой на выброс или переделку, а там еще новые печати и бланки, вывески на все

учреждения органов внутренних дел и т. д. и т. п.. Короче, выбросили 12 миллиардов рублей. Видимо, завалились эти лишние миллиарды и решили их не многодетным матерям отдать, а пустить на пустое дело переименования.

Это действие по переименованию милиции в полицию – из числа перестроек и бессмысленных реформ, у которых нет ни прогрессивного замысла, ни прогрессивного содержания. Если есть благородная цель, то давайте ее реализовывать. А если цель прогрессивная не присутствует, а осуществляются изменения ради изменений, то в лучшем случае мы получим имитацию деятельности, а в худшем – вредительство. Возьмем реформу армии, которую осуществлял министр от мебели и налогов Сердюков. Цель реформы была сформулирована так, что нужно армии придать *новый облик*. Не повысит, следовательно, обороноспособность страны, а изменить внешний вид. Ну, поменяем мы внешний вид, – а танки-то новые современные будут производиться и поступать на вооружение нашей армии? С этим дело обстоит гораздо хуже, но внешний вид поменяют. Так внешний вид будет или танки будут? Значит, в Америке танки будут делать новые, в Германии, в Израиле, а у нас будет новый облик, то есть новый внешний вид. То есть это страшно вредные люди – все время тянут они вот эту волну – не подумать сначала, какую идею реализовать в своей деятельности, что сделать, а объявить, что надо поменять то, что есть. Но поменять-то можно как в сторону прогресса, так и в сторону регресса, а если об этом не думать, перемены будут реакционными, поскольку никакой прогрессивный замысел изначально в перемены не заложен, и перемены осуществляются просто как процесс разрушения того, что есть. Что за задача поменять? Есть понятие красоты – достигли точки идеальности. Нет, поменять надо – и красоты уже нет!

Вот у нас в Петербурге есть выставочный зал – это раньше конюшня царская была на Исакиевской площади. Конюшня перестроена в выставочный зал. Это хорошо. А можно перестроить выставочный зал в конюшню. Так что перестройки бывают не только разные, но и прямо противоположные. Поэтому не надо задавать таких глупых провокационных вопросов, которые задавал Горбачев: «Вы за перестройку?» Скажите, в чем будет перестройка и какая, тогда я скажу, за такую я перестройку или против такой, скажите, что во что будете перестраивать – хлев в дворец или дворец в хлев, тогда я дам вам ответ, а быть просто за перестройку значит просто быть за разрушение того, что есть. События показали, что словом «перестройка» прикрывалось разрушение великого Советского Союза.

Если речь идет о политике, то, как правило, имеется в виду какая-нибудь идея, концепция, программа общественных изменений. Но содержание политики не всегда обнаружится, например, в том случае, когда эта политика на самом деле сводится к тому, чтобы ухудшить положение народа. Тогда не выставляют ни программу, ни идею, ни концепцию, а представляют намеченный ход событий как естественный или само собой разумеющийся. Сообщают, например, что растут затраты в ЖКХ. Но как такое может быть? Затраты ЖКХ, поскольку это затраты экономические, с ростом производительности труда сокращаются. Зато затраты населения на услуги ЖКХ можно увеличить без проблем, независимо от того, какие затраты в экономике. Поднять тарифы, и граждане будут больше платить – им деваться-то некуда. Это яркое проявление монопольного загнивания при империализме. Если я монополист – вы побегаете и поймете, что вам купить больше негде, кроме как купить у меня, и купите у меня. А я вам буду каждый год повышать на 10% цены и тарифы.

Вот и все, тут никакого секрета нет. Это не рост затрат в экономике, это рост наших затрат, который нам навязывают – то есть у нас хотят забрать и забирают себе дополнительные деньги. А еще говорят, чтобы жители счетчики устанавливали за свой счет, причем затраты на установку всех видов счетчиков вместе с покупкой этих счетчиков потребует порядка 50 тыс. рублей на семью. И что? Представьте себе, что все установили счетчики, разве после этого и на основании этого не будут повышать тарифы на ЖКХ? Будут. Поэтому не надо бежать впереди паровоза. Ведь когда все установят счетчики, преспокойно после этого продолжают повышать тарифы, а сейчас в разовом порядке хотят у семей отнять по 50 тысяч. Умножьте эти 50 тысяч рублей на миллион семей в Ленинграде и будет ни много ни мало 50 миллиардов рублей, которые хотят взять те монополисты, которые продают услуги ЖКХ, а затраты на подсчет проданного хотят переложить на покупателей. Ничего делать не надо, а с жителей только в одном городе взять 50 миллиардов – красота! Ясно, что это в концепцию не вставят и в программу не запишут, если хотят у вас что-нибудь отнять. Если хотят что-нибудь отнять, будут говорить и писать, что это для вашего же блага, чтобы вы сэкономили, мы вам хотим помочь, поэтому идите и платите деньги. Точно так же сейчас заманивают в финансовую кабалу доверчивых людей объявлениями «кредит без предоплаты». А то ведь еще есть и кредит с предоплатой. Вы приходите получить деньги, а вам: «Давайте деньги!» – Какие деньги? – Ну, как бы первый взнос ваш по уплате процента за кредит пошел. – Так вы мне еще кредит не дали! – А я хочу посмотреть, кредитоплатежны вы или нет и вы мне даете первый взнос. Заплатит доверчивый человек предоплату, придет завтра, а пообещавших уже нет и фирмы такой нет, взнос ваш плакал и записка оставлена: «Тот, кто в экономике или в

политике верит на слово, тот круглый дурак», причем сделана ссылка на Полное собрание сочинений Ленина и больше ничего не оставлено.

Давайте теперь в целом оценим познавательную роль категории «общественно-экономическая формация». Выяснив, к какой формации относится данная страна, мы получим очень важное, основополагающее знание, но еще далеко не все узнаем об этой стране. Мы получим знание с очень высоким уровнем обобщения. Ведь существует целый ряд самых разных стран, про которые можно сказать, что они относятся к такой же общественной-экономической формации. Например, в Африке каких сейчас государств только нет, и все они относятся к капиталистической общественной-экономической формации. Рабовладение есть там? Нет. Феодализм есть в Африке? Тоже уже нет. Нет там уже феодалов. Из местной знати вышли новые африканцы – они нанимают работников, которые качают там нефть, добывают другие ресурсы, а новоявленные африканские буржуа получают за это прибыль. Какой там строй? Капиталистический, причем там хозяйничают крупные иностранные монополии. Поэтому там не просто капитализм, а монополистический. А в Азии? В большинстве стран капитализм, но не во всех. Например, если мы возьмем Китайскую Народную Республику, то нужно применить понятие «становление», чтобы понять, что там переходный период от капитализма к коммунизму. Но поскольку в переходный период действуют прямо противоположные тенденции, борьба идет по принципу «кто кого», поэтому определенно сказать, какой уклад – коммунистический или капиталистический – в конце концов победит, какой там будет строй, в Китайской Народной Республике, или там будет капитализм или коммунизм – это вопрос. Ситуация в Китае

напоминает ситуацию в СССР в период нэпа. Но нэп в стране с более чем миллиардным населением может быть очень длительным. Социалистическая Республика Вьетнам тоже находится в переходном периоде. Тоже не маленькое государство – численность населения подходит к сотне миллионов. Или Куба. К какой формации она относится? На Кубе можно было констатировать при Фиделе Кастро низшую фазу коммунизма. А теперь страна снова погрузилась в переходный период от капитализма к коммунизму. Насколько далеко зайдет прехождение – переход назад – от коммунизма к капитализму, это тоже большой вопрос. Основная же масса имеющихся в мире государств находятся на таком этапе развития, когда они должны быть охарактеризованы как государства капиталистической экономической формации.

Некоторые товарищи, обсуждая категорию общественно-экономической формации, говорят, что недостаточен взгляд на страну только как на общественно-экономическую формацию. Конечно, недостаточен. Вообще всякая общая категория именно потому, что она продукт научного обобщения, отражающий общие черты разнообразных нечто, всегда недостаточна. Например, сказать про конкретную личность только то, что это человек, это, конечно, недостаточно. Но все же сказать про личность, что она принадлежит к животным общественным, трудящимся, говорящим и разумным, это немало, потому как если кто-то не подходит под это понятие, он должен быть охарактеризован как дурной человек, поскольку дурной человек – это такой, который не подходит под понятие человека. Если, например, трудоспособный человек не трудится, он не подходит под понятие человека. То есть всякие общие категории, как всякие философские категории, берут глубинные моменты, основополагающие, при этом что-то они не

содержат – вся поверхность явлений в них не отражена. Поэтому, когда говорят, что самые разные страны, самые разные государства принадлежат к одной и той же общественно-экономической формации, это очень высокое обобщение. Когда так говорят, то по сути дела утверждают, что в данной стране политически господствует определенный класс, по названию которого называется формация в целом, при этом эта формация может находиться на стадии *прехождения*, на стадии *наличного бытия* или на стадии *возникновения*. В частности, если страна относится к капиталистической общественно-экономической формации, находящейся на стадии наличного бытия, это означает, что в данной стране и способ производства капиталистический, и политическая надстройка буржуазная, и идеология царит тоже буржуазная. Вот что мы тогда получаем. Но этого очень мало для того, чтобы описать конкретное государство. Как минимум, надо принять во внимание и то, какова его история, каков его индивидуальный путь развития и каковы другие характеристики данной страны, в том числе культурные и национальные, то есть рассмотреть эту страну не только как формацию, но и как цивилизацию.

Чаще всего рассмотрение общественно-экономической формации идет как рассмотрение ее на стадии наличного бытия. Когда мы так берем капиталистическую, коммунистическую феодальную или рабовладельческую формацию, мы берем способ производства как базис, над которым возвышается *соответствующая* политическая и идеологическая надстройка, и все находится в относительном покое. И вот в этом покое довольно долго находятся формации – десятки и сотни лет. И ввиду такой стройной картины как объяснить *переход* от одной формации к другой? Что тут меняется? Что приводит к тому, что одна

формация разрушается, а другая возникает и как это происходит? И вот здесь нельзя обойтись без категории *становления*. Но становление каждый раз разное и происходит по-разному. Поэтому стоит пройти не только по формациям, но рассмотреть и переход каждой менее развитой формации в более развитую. При этом надо принять во внимание, что является основанием тех изменений, которые происходят в формации и приводят к переходу ее в более высокую формацию.

С позиций исторического материализма, когда мы ищем в данной формации причины политических и идеологических явлений, необходимо углубиться в производство. А когда речь идет об изменениях? О переходе от одной формации к другой? О разрушении одной формации и становлении другой? С чем это связано? Что лежит в основании? Чтобы правильно ответить на эти вопросы, недостаточно в качестве базиса общества брать только производственные отношения, игнорируя производительные силы. Между тем, в учебниках, как правило, вот так и обрисовывается формация: базис – производственные отношения, и над этими производственными отношениями как базисом общества возвышается политическая и идеологическая надстройка. И тогда непонятно, что же с этими производственными отношениями происходит, почему они меняются и переходят в конце концов в принципиально иные. Чтобы отразить это движение производственных отношений, надо брать их вместе с их естественным основанием – производительными силами и, соответственно, в качестве базиса общества рассматривать не просто производственные отношения, а способ производства в целом. А в способе производства есть производительные силы, которые никогда не бывают в покое. Они все время изменяются. Сама природа

производительных сил в том, что они движутся, непрерывно преобразуются, совершенствуются. И эти преобразования производительных сил влияют и на способ производства и на надстройку формации. Причем по-разному. Иногда они, как перед буржуазной революцией, сперва приводят к изменению способа производства, а потом уже верхнего этажа формации. А иногда по другому – повлияют на изменение политической надстройки, как в случае социалистической революции, а после этого, когда политическая надстройка станет уже другой, служат основой для того, чтобы с помощью политической надстройки под нее подвести этаж производственных отношений. Одно время и в строительстве применялся метод подъема этажей. На Бассейной улице в Ленинграде так строили дом: на земле собрали пятый этаж и домкратами подняли его по направляющим, потом четвертый, потом третий, потом второй, потом первый, и дом был закончен. И вот похожая ситуация складывается в отношении создания коммунистической формации – в России сначала появилось государство диктатуры пролетариата, а экономика немалое время оставалась капиталистической, потом была переходной, в которой боролись противоположные экономические уклады. Коммунистической экономика Советского Союза стала только в середине 30-х годов, когда собственность на решающие средства производства стала общественной. Правда, это был не полный коммунизм, а коммунизм, имеющий в основе коммунистическую экономику с отпечатками капитализма, то есть это была победа социализма как первой, низшей фазы коммунизма.

Таким образом, отвечая на вопрос, какой фактор или какие факторы являются факторами, изменения которых приводят к изменению надстройки и возможному переходу от одной

формации к другой формации, мы должны подчеркнуть, что эти факторы надо искать в производительных силах. Что в производительных силах меняется непрерывно? Средства производства и работники как главная производительная сила. Прогресс общества связан с прогрессом в развитии производительных сил.

Исторически с развитием орудий производства развивался и работник – чтобы орудиями пользоваться, нужно больше знать, больше уметь, специально готовиться, обучаться и т. д. Соответственно появляются специальные люди, под командой которых другие обучаются, появляются люди, которые имеют свободное время для того, чтобы заниматься наукой и искусством, начинается совершенствование средств производства под влиянием уже науки. Стали изобретать различные средства подъема тяжестей, блоки и т. д., и стало возможным строить такие здания и сооружения, которые, конечно, ни один человек в отдельности построить не может. Возникло и стало развиваться общественное по своему характеру производство. И появились водопроводы и дворцы в той же Греции и Риме, которые и сейчас восхищают людей.

Рано или поздно в способе производства могут развиваться такие производительные силы, то есть средства производства и люди, которые входят в противоречие с существующими производственными отношениями. Сначала оковами для производительных сил стали производственные отношения первобытнообщинного коммунизма. Средства производства и умелость работников стали уже такими, что можно было и без общины прожить и очень даже неплохо. Во всяком случае, вожди племен могли захватить рабов и с помощью этих рабов еще лучше и больше развивать производство в своих интересах.

А оставшиеся члены общины оказались как бы неудачниками, но остались в возникшем рабовладельческом обществе свободными гражданами. Такими же оказывались при феодализме разорившиеся дворяне, у которых не осталось крепостных. Как в рабовладельческом обществе богатство определялось по числу рабов у рабовладельца, так при феодализме по числу душ крепостных можно было определить, богатый феодал или нет, потому что богатство в феодальном обществе – это количество эксплуатируемых крепостных.

Богатство капиталистического общества – деньги, капитал. Абрамович или Потанин не рабовладельцы и не феодалы, но на свои миллиарды долларов, полученные за счет эксплуатации российских рабочих, могут нанять столько работников, сколько рабовладельцам и феодалам и не снилось.

Но вернемся снова к детству человеческого общества. Что произошло? Первобытнообщинный коммунистический способ производства с развитием производительных сил стал подрываться изнутри, поскольку с развитием производительных сил части работников стало выгодно выделиться из общины, используя в качестве рабов взятых в плен представителей других племен. Так возникло рабовладение. То есть рабовладение как экономическое явление явилось раньше возникновения рабовладельческих государств. Сначала появились рабовладельцы, у рабовладельцев появился экономический интерес держать в повиновении рабов. А чтобы держать в повиновении рабов, нужно было соответственно организовать рабовладельцам. Во что нужно было организовать рабовладельцам? В военную силу. Это было тогда несложно. Почему? Потому что первые рабовладельцы из кого произошли? Это не белоручки, это люди, которые все время занимались войной, все время воевали с другими племенами,

вооруженные и опытные в военном деле люди. И вот эти вооруженные люди взялись налаживать систематическое усмирение невооруженных рабов. Для этого нужно было соответственно создать организацию по насильственному подавлению сопротивления появившегося класса рабов. Вот эта организация насилия, подавления класса рабов называется рабовладельческим государством. Таким образом, как только появился рабовладельческий способ производства, сразу возникла необходимость в государстве, чтобы защищать рабовладельческий способ производства и экономические интересы рабовладельцев от возможных выступлений рабов. Интересы господствующего класса рабовладельцев надо было защищать и идейно, утверждая, что рабовладельцы – настоящие люди, а рабы – это не настоящие люди, это просто говорящие орудия, и они справедливо используются как рабы. Ведь если кто-то кого-то эксплуатирует, он это пытается объяснить и оправдать. Поэтому возникла и рабовладельческая идеология. А для того чтобы эту рабовладельческую идеологию сделать красивой, нужно было иметь свободное время, которое рабовладельцы и их идеологи получали за счет эксплуатации рабов. Поэтому философы и политологи, как мы бы их сейчас назвали, рабовладельческого общества относились к рабовладению как к вполне естественному и нормальному явлению, и деление людей на тех, кто является рабами и кто не является, изображалось необходимой и вечной основой общества. На этой почве появилась идеология закрепления рабства, с помощью которой рабовладелец мог рабу объяснить, что поскольку он раб, то и должен вести себя как раб, а рабовладелец не раб и должен вести себя как господин.

Таким образом, можно констатировать, что в результате сравнительно медленного процесса развития производительных

сил в лоне первобытнообщинной коммунистической формации на определенном уровне их развития возник рабовладельческий способ производства, потом сформировалось рабовладельческое государство и соответствующая идеология как система идей, выражающих экономические интересы господствующего рабовладельческого класса. Если мы будем читать книги того времени, мы убедимся, что они выражают идеологию рабовладельцев. Как вы понимаете, рабы книги не писали, а если бы каким-то чудом они их написали, то никто бы их не напечатал. Поэтому господство рабовладельческой идеологии в обществе было практически абсолютным, несмотря на то, что в головах у рабов были не только идеи рабовладельцев, но и идеи, связанные с освобождением от рабства. Но были и попытки освободиться от рабского положения – восстания рабов, самое крупное из которых – восстание Спартака. Но все эти восстания подавлялись довольно успешно в течение всего времени существования рабовладельческого строя. Это время, однако, не оказалось бесконечным.

А что стало происходить? Нередко падение Западной Римской империи объясняют набегами варваров, которые-де разрушили цивилизованное государство. Однако, когда речь идет об изменении формационном, за основу надо брать не внешние, а глубинные экономические факторы и смотреть, что происходило в производительных силах. В производительных силах рабовладельческого общества происходило торможение развития, связанное с тем, что класс рабовладельцев, который был призван управлять трудом рабов, все больше передавал свои функции рабам. В том числе назначал надсмотрщиков, управленцев – как бы сейчас сказали, топ-менеджеров, из числа рабов. А сам предавался игрищам, праздности. Поэтому класс рабовладельцев слабел. Это, с

одной стороны. С другой стороны, развитие производства тормозилось. Благодаря развитию технических наук появились уже разработки орудий и машин, которые были замечательными, но нужно было, чтобы более свободные люди на них работали, потому что нельзя такую хорошую машину давать использовать рабам. Что сделают рабы? Сломают ее или испортят. Исторической параллелью на ранней стадии создания капитализма было движение луддитов, которые разрушали машины, считая, что из-за машин такая жизнь плохая пошла. Наивно было бы ожидать, что рабы, которых рассматривали и использовали как говорящие орудия, будут с заботой относиться к машинам, которые нужны для закрепления их рабства. Поэтому возникло острейшее противоречие между новыми современными средствами производства, производительными силами в целом, с одной стороны, и производственными отношениями рабовладения, с другой. И это противоречие возникло в силу развития производительных сил. То есть рабовладельческие производственные отношения вошли в острейшее противоречие с развившимися производительными силами рабовладельческого общества. Это и привело в конечном итоге к тому, что рабовладение стало легко разрушить. Причем разрушенное варварами рабовладение не восстанавливалось, а вместо него складывались отношения другого способа производства. Какие? Работников уже стали рассматривать не как говорящее орудие, а, по крайней мере, как получеловека. Его можно продать с землей или без земли, с семьей или без семьи, но он уже человек, и его убить нельзя. Отношения уже складывались такие, вначале еще не закрепленные в законах, что если мы хотим, чтобы новые более современные, более совершенные средства производства использовались, их нужно передавать в руки таких работников

которые чувствуют себя людьми. Ну, пусть второго сорта, но людьми, а не просто говорящими орудиями. И так возник феодальный способ производства.

В чем выражалось отношение к крепостным крестьянам как к людям? Во-первых, на барщине они работали не все время, а ограниченное число дней в неделю или часов. То есть эксплуатация была не безграничной, которая могла просто приводить к уничтожению работника, а ограниченной. Она была ограничена барщиной или оброкам. Это во-первых. Во-вторых, крестьянину предоставлялась возможность вести свое хозяйство на той земле, которую ему помещик, то есть феодал, выделял. Ему предоставлялась возможность пасти свой скот на том выгоне, который ему предоставлял феодал, и т. д. Короче говоря, крепостной крестьянин стал значительно свободней, чем раб, и поэтому разрушаемое рабство не восстанавливалось, не воспроизводилось, а вместо рабства устанавливались новые производственные отношения – производственные отношения феодализма. Господствующим классом становился класс землевладельцев, и владение землей сопровождалась также владением *непосредственно* и работниками. Но работники уже не были говорящими орудиями и поэтому в эпоху феодализма общественное развитие пошло семимильными шагами.

Ясное дело, что класс феодалов для того, чтобы эти самые уже более свободные работники не убежали от своего помещика, должен был создать систему, которая возвращала к помещику беглых крестьян, которые не хотели работать на барщине. Так вот феодальное государство разработало целую систему норм и приемов, с помощью которых охранялась собственность феодалов на крепостных крестьян – нельзя было уйти или убежать от труда на своего хозяина. Хотя кое-кто убегал, но убежать приходилось

очень далеко. С теми, кто далеко, на окраины государства, убежал, то есть с казаками, представители российской верховной феодальной власти начинали вести уже переговоры. О чем? Ну, раз уж они все равно убежали и обратно их уже не вернешь, да вдобавок они вооружены, пусть они воюют против иностранцев, посягающих на земли российского государства, а царь берет их как бы под свое крыло. И цари брали их под крыло, и они становились как бы не крепостными, а служащими феодального государства, элементом российского феодального государства.

В рамках феодального государства не только осуществлялось использование средств подавления, государство выполняло и организующую роль. Например, в строительстве крепостей, кремлей и городов. Правда, в Петербурге нет кремля, а в Москве, Пскове есть, в Новгороде есть, в Нижнем Новгороде есть и его никто никогда не брал, в Ростове есть, даже в Раменском под Москвой есть кремль. В период феодализма правящий помещичий класс создал и развил государство для защиты своих общих интересов от восстаний крепостных крестьян и от возможных посягательств иностранных захватчиков, создав для этого могучую армию. И это феодальное государство достигло своего блеска, оставив богатейшее наследие прекрасной архитектуры и других видов искусства, замечательной науки. Именно в феодальное время в России была создана Академия наук и стало развиваться университетское образование. Производство сделало могучий рывок вперед.

Но затем что-то стало с этим феодальным строем неладное происходить. Как оно могло происходить? Вроде бы все построено так, как описано в учебниках об общественно-экономической формации – есть производственные отношения феодальные, они и в законах отражены и защищены силой государства, есть

государственный аппарат, есть соответствующая надстройка политическая и идеологическая, написано и всем разъяснено, что есть благородные, а есть неблагородные, и благородные должны всем управлять, а неблагородные должны работать, чтобы благородные могли думать. Тут все продумано так хорошо. Что же стало происходить? Как получилось, что эта вот феодальная формация стала рассыпаться? С точки зрения материализма, примененного к исследованию общественных процессов, понятно, что стало происходить. Появились такие производительные силы, которые крепостному крестьянину давать нельзя. Не под силу крепостному крестьянину обращаться с этими производительными силами. Наступила эпоха паровых и электрических машин. Появилась такая техника, что крепостной в принципе не может с этой техникой работать. На барщине он не может с ней работать потому, что это чуждая ему техника, он от нее отчужден, он крепостной, подневольный. А эта техника требует не подневольного труда, а характерных для свободного труда внимания и заботы, обучения и т. д. И на своем клочке земли, который ему выделил феодал, тем более крепостной такую технику применять не может. Между тем, развитие науки и техники идет. И вот производительные силы пришли в острейшее противоречие с существующими при феодализме производственными отношениями. Это выразилось не только в том, что новую прогрессивную технику крепостному нельзя давать, а и в том, что крепостные крестьяне стали требовать ликвидации крепостной зависимости. Начали происходить и систематически разрастались восстания крепостных крестьян. Эти восстания характерны для всех феодальных стран – не найти ни одной феодальной страны, где бы крепостные крестьяне не требовали освобождения от

феодалной зависимости. То есть обе стороны производительных сил требовали других производственных отношений.

При этом идеология по-прежнему господствовала феодальная. Другим идеям в сфере идеологии пробиться было весьма сложно. Но они пробивались, поскольку были прогрессивными, отражавшими требования производительных сил. Это были идеи свободы от крепостной зависимости, идеи буржуазные. Правда, нарождающаяся буржуазия сразу имела в виду и другое – что надо освободить крестьян от всего, поскольку, когда у них не будет ничего, они придут к тем, у кого есть средства производства, и будут вынуждены наняться на работу. Для того чтобы этот процесс пошел, должны были появиться производства, которые организованы на основе труда свободных граждан. Ремесленничество в городах – это что такое? Это дело свободных граждан. Значит, можно этих свободных граждан и нанимать за плату. Можно освобождать крестьян. И некоторые помещики сами крестьян освобождали и нанимали их уже как рабочих.

Особо следует выделить такое крупное политическое явление, как восстание декабристов, когда значительное число наиболее просвещенных представителей реакционного класса выступило против идеологии, практики и господствующего положения этого класса. То есть уже тогда противоречие новых производительных сил со старыми производственными отношениями получило не только идейное, но и политическое выражение. Если восстающие крестьяне требовали только нового хорошего царя, как у Пугачева или Степана Разина, то декабристы по своей идейно-политической позиции были гораздо более прогрессивными, выступив против крепостного права. Они потребовали уничтожить систему феодального угнетения. Декабристы были настолько прозорливы, настолько высоко образованы и настолько прогрессивны, что

видели линию развития производительных сил и соответственно линию развития России. Вот в этом была суть их выступлений. И в конечном итоге они выиграли, победили. Как нередко бывает с носителями передовых идей, самих их казнили или направили на каторгу и в ссылку, но уже через 36 лет после восстания декабристов в России было отменено крепостное право. Формально освобождение крестьян в 1861 году совершил царь Александр II. То есть настолько усилилось давление противников крепостничества, что царь был вынужден подписать такой указ.

И какое же получилось общество после того, как произошла отмена крепостного права? Феодальное или буржуазное? Переходное – феодальное общество, в экономике которого совершается становление буржуазных экономических отношений. При этом политическая и идеологическая надстройка оставалась феодальной. По вопросу о том, какая же экономика в России, народники доказывали, что Россия не пойдет тем путем, которым пошел Запад, что Россия пойдет своим путем, что у нас есть община, у нас помещики, ставшие крупнейшими землевладельцами, – это отцы родные для крестьян, у нас совсем другие отношения, чем на Западе, у нас нет такой вражды и не будет, есть, конечно, отдельные эксцессы, но такие эксцессы преодолеваются и т. д. И можно сказать, что конец XIX века уже после ликвидации крепостного права был периодом обсуждений того, есть капитализм или нет капитализма в России. Это обсуждение, по сути дела, завершилось после выхода в свет выдающейся работы Ленина, которую он написал в ссылке, – «Развитие капитализма в России». На данных земских переписей, на огромном статистическом материале Ленин показал, что не только в российских городах, но и в российской деревне основные экономические отношения – капиталистические, что в деревне есть

батраки, есть сельскохозяйственные буржуа, то есть кулаки, а так называемый средний крестьянин, которого народники рассматривали как того, который пойдет своим особым путем, – это по-существу уже никакой не крестьянин, а *мелкий буржуа, то есть мелкий хозяйчик, работающий на рынок*. И раз он работает на рынок, то цель его производства – стоимость. Стоимость же развивается в прибавочную стоимость. Поэтому цель мелкого буржуа, мелкого хозяйчика – стать настоящим хозяином, то есть нанять столько работников, чтобы жить прежде всего чужим трудом – стать буржуа, капиталистом. И хотя это удастся одному из сотни в лучшем случае, экономическое положение, экономические интересы и идеология этих мелких хозяйчиков толкает их к тому, чтобы двигаться дальше в сторону капитализма. Поэтому можно сказать, что с выходом ленинской книги «Развитие капитализма в России» такой произошел скачок в сфере идеологии, что все дискуссии по вопросу о том, куда идет Россия, завершились. Оказалось, что в экономике России всюду идет становление капитализма, а в политике все еще правят царь и бывшие феодалы, которые теперь уже не организаторы производства, а просто паразиты-землевладельцы, сдающие капиталистам землю в аренду, получающие абсолютную ренту и тормозящие развитие капитализма.

Таким образом, к началу XX века ситуация в России сложилась такой, что есть некий класс землевладельцев-паразитов – помещиков, есть выступающие против царизма рабочие и мелкая буржуазия и есть добывающийся политического господства тоже как бы трудящийся класс, каким считали себя капиталисты, который день и ночь трудится над созданием фабрик, заводов, латифундий для того, чтобы обрабатывать землю на капиталистических началах, нанимая сельскохозяйственных

рабочих. Есть царь, который выражает интересы землевладельцев-паразитов, бывших ранее членами феодального класса, и ему противостоит громадное большинство населения. Это кричащее противоречие объясняет, почему с такой легкостью у нас прошла буржуазная революция. Царь, можно сказать, без сопротивления подписал отречение от престола. И братец его подписал. И не стало у нас монархии.

Давайте отметим, что в отличие от других стран, где после буржуазной революции побеждала феодальная контрреволюция, а потом снова наступала буржуазная революция, у нас после буржуазной революции движение пошло только вперед к социалистической революции. Это не только благодаря последовательной революционной работе большевиков, но и потому, что у нас капитализм вызрел. В начале XX века Россия была уже страной не просто капиталистической, а в ней уже развивались элементы империализма как высшей стадии капитализма. И хотя говорят, что царская Россия была отсталой страной, но отсталой она была только политически, экономически же она была на пятом месте по уровню и масштабам производства. И отставала она всего от четырех наиболее передовых капиталистических держав, опережая все остальные. Поэтому, когда говорят, что Россия была слабым звеном, имеют в виду, что она была самым слабым звеном в цепи империализма, но отнюдь не слабой в экономическом отношении. И слабым звеном в цепи империализма Россия стала в немалой степени благодаря силе и размаху российского революционного движения. Страной же Россия была среднеразвитой, а не слабой.

Где прежде всего происходило то изменение, которое в конце концов привело к смене надстройки и в целом к переходу в новую формацию? Это изменение происходило в производительных

силах, а затем в способе производства, в экономическом базисе. Изменился экономический базис, производство уже стало капиталистическим, способ производства стал капиталистическим, а вот государство оставалось до февральской революции феодальным, в идеологии господствовали феодальные идеи. И вот когда на основе изменения способа производства произошло изменение в политической и идеологической надстройке, все пришло в соответствие. Можно сказать, что после победы буржуазной революции, капиталистическая формация в России стала **наличным бытием**. Капиталистическому способу производства как базису соответствовало буржуазное государство, и буржуазная идеология стала в обществе господствующей идеологией. Однако класс бывших феодалов оказался таким классом, который никак не мог успокоиться в отношении потери своих богатств, своих земель. Отсюда корниловский мятеж, который был нацелен на то, чтобы ликвидировать завоевания буржуазной революции и был направлен против буржуазного временного правительства. Да и белогвардейцы в гражданскую войну не удерживались на буржуазных позициях, но умудрились вести борьбу с Советской властью и с позиций свергнутого помещичьего класса, восстанавливая на захваченной ими территории помещичью собственность на землю и вешая крестьян, которые эту землю начали обрабатывать. То есть у нас после социалистической политической революции были попытки реставрировать власть помещичью, а не буржуазную, в силу слабости той буржуазной власти, которая была у Временного правительства. А большевики стали организовывать борьбу с Корниловым в союзе с Временным правительством, и спасали Временное правительство как более прогрессивное, чем помещичье, грозящее возможной реставрацией феодального строя.

У большевиков бы поучиться некоторым нашим деятелям, которые сейчас создали некую красно-белую оппозицию и борются с нынешним правительством с еще более реакционных позиций. Вот тот же Немцов или Явлинский выступают против руководства Путина и Медведева потому, что они хотят вернуть страну в 90 - е годы – во времена разграбления государственной собственности. Дескать, мы против коррупции. Понятно, почему вы против нынешней коррупции – вы хотите все забрать и сразу, а не по частям. Тот же Немцов, который был вице-премьером при Ельцине, разваливал промышленность в стране, а Явлинский – сельское хозяйство в Нижегородской области. Они уже продемонстрировали, что будет, если они снова придут к власти, – выжженная земля. И они сейчас политические трупы, а не политические деятели, представляющие действительную оппозицию. Они борются с правительством с позиций реакции, а не прогресса. И те, кто считает себя действительной оппозицией буржуазному государству, выступая с позиций рабочего класса, никак не может соединиться с теми, кто является более реакционной силой, чем действующее правительство. Большевики соединялись с Временным правительством для борьбы с Корниловым. И эту выступавшую против буржуазного строя реакционную силу совместно представители буржуазии и рабочего класса разгромили. А уж потом разбирались между собой, кто будет властью – буржуазия или рабочий класс. Оказалось, что тот стал властью, кто лучше боролся против реакционера Корнилова. Большевики боролись лучше, создав рабочую гвардию – в итоге совершилась социалистическая революция.

Когда в России в политике свершилась социалистическая революция и установилась Советская власть, были ли у нас основания для того, чтобы строить в России социализм? Ведь

способ производства был какой? Буржуазный, капиталистический. И если следовать стандартной антидиалектической формуле, то буржуазному способу производства должно соответствовать не социалистическое, а буржуазное государство. Но экономику мы не должны рассматривать без ее собственных противоречий. В России уже был довольно развитый капитализм, у нас уже противоречие между буржуазией и рабочим классом оказалось весьма острым, и положение рабочего класса в капиталистической экономике и определяемые этим положением экономические интересы рабочего класса явились достаточным экономическим основанием для того, чтобы в соответствии с этими интересами провести соответствующие экономические преобразования, ведущие к созданию экономических отношений общественной собственности на средства производства, чтобы под социалистическое государство подвести коммунистический способ производства. Советское государство немедленно установило рабочий контроль над производством и распределением, национализировало в январе 1918 года основные средства производства, сформировало из предприятий, производство на которых удалось планомерно направить на осуществление общественных интересов, коммунистический уклад, а затем стало его усиливать и расширять, наступая на уклад буржуазный, капиталистический.

В отличие от того, что было при переходе от феодализма к капитализму, когда буржуазные отношения стихийно вырастали в лоне феодальной формации, и буржуазной революции оставалось только привести в соответствие с буржуазной экономикой государство, то есть изменить классовый характер власти, при переходе от капитализма к социализму социальная революция началась с создания Советов еще при господстве буржуазной власти, затем установилось двоевластие, а потом полновластие

Советов. И только после этого начались коммунистические преобразования в экономике, которые в России-СССР охватили период с 1917 года по начало 30-х годов. Когда в промышленности победил коммунистический уклад и в сельском хозяйстве была проведена коллективизация, обеспечено планомерное подчинение всего производства общественным интересам, в экономике тем самым была обеспечена общественная собственность на средства производства и, следовательно, создан коммунистический способ производства. Следовательно, завершился переходный период от капитализма к коммунизму, и СССР вступил в первую фазу коммунистической формации – социализм. То есть Советская государственная власть выступила той силой, которая помогла рабочему классу создать коммунистическую экономику. Она помогла соединить и направить в общественных интересах то, что ранее было разъединено.

Иногда обвиняют большевиков в том, что у них якобы был лозунг «отнять и разделить». Однако это был эсеровский лозунг, относившийся к земельной реформе, и большевики, идя навстречу чаяниям крестьян, этот лозунг реализовали. Но лозунг самих большевиков, реализованный в переходный от капитализма к коммунизму период, был принципиально иным: «отнять и соединить» – отнять у буржуазии решающие средства производства, соединить их и планомерно направить их функционирование в общественных интересах. «Отнять и разделить» – такой лозунг был фактически реализован при Ельцине и был лозунгом реставрации капитализма. А после социалистической революции нужно было соединить все производство в единый народнохозяйственный комплекс, планомерно подчиняющийся общественным экономическим интересам. Сначала мы, по словам Ленина, национализировали

гораздо больше, чем могли переварить, то есть направить по единому плану в общественных интересах. Сперва только часть национализированных предприятий удалось планомерно направить в общественных интересах, которые тем самым образовали коммунистический сектор, коммунистический уклад. А вот те национализированные предприятия, которые являлись уже государственными, но не направлялись в общественных интересах, а просто прибыль сдавали в казну государства, назывались госкапиталистическими. Государство-то было уже социалистическое, а хозяйство еще велось на большинстве предприятий, как при капитализме – на рынок. Все то, что раньше выпускали, то и выпускают, как продавали, так и продают, кто заказывал, тем и делают. А от того, что деньги идут социалистическому государству, от этого тип хозяйствования еще не меняется. Третий уклад, который был – частнохозяйственный капитализм. Ведь только основные средства производства были национализированы. А вообще капиталистическое хозяйство допускалось. Нельзя его не допускать, пока вы налаживаете социалистическое хозяйство, иначе народ умрет, поэтому НЭП состоял в том, чтобы допустить этот капитализм, чтобы он в местном обороте обеспечивал прежнюю жизнь, пока мы там настраиваем со своим государством рычаги планирования, разрабатываем план ГОЭЛРО, создаем министерства. Поэтому частнохозяйственный капитализм был допущен, и Советское государство разрешало нанимать в ограниченных масштабах и эксплуатировать рабочую силу. Кроме того, был мелкобуржуазный уклад, прежде всего в деревне. Причем мелких буржуа было море, потому что после революции всю землю разделили по едокам. Если раньше были батраки, то сразу после раздела они получили землю. Помещиков нет – вся земля помещиков разделена, паразиты

устранены. Крестьяне вроде бы работают, но они работают на рынок, а раз они работают на рынок, значит, они мелкие буржуа, и в ходе конкуренции одни из них становятся батраками, другие кулаками, и классовая структура сельскохозяйственного населения у нас в России к 1928 году восстановилась на том же уровне, как в 1917 году. Около 6% кулаков, то есть сельскохозяйственных буржуа, остальные середняки, то есть мелкие буржуа, и бедняки.

К 1928 году город у нас был почти весь социалистическим, уже готов был первый годовой план, а деревня оставалась капиталистической. И тогда Сталин говорил, что социалистическое государство долго не удержится, если экономика будет разделена на социалистический город и капиталистическую деревню. Из этого вытекала острейшая необходимость кооперирования сельского хозяйства.

Но самое первое выступление сделали не те, кто планировал сделать социалистической деревню, а кулаки. Кулаки в 1928 году перестали сдавать хлеб. Поскольку они производили и технические культуры, они оборот свой обеспечили за счет технических культур, а хлеб перестали сдавать государству по тем ценам, по которым его уже сдали бедняки. Средняки вслед за кулаком тоже перестали сдавать хлеб, и программа социалистического строительства, программа индустриализации, само существование социалистических городов и вообще все дело строительства социализма оказались под угрозой. Бедняки сдали хлеб потому, что им нужно было сделать необходимые для продолжения производства и своего существования покупки. Средний крестьянин стал равняться на то, что делает сельскохозяйственный буржуа. А сельскохозяйственный буржуа отказывался сдавать хлеб, добиваясь, чтобы государство повысило закупочные цены. И вот тогда Сталин разъяснял, что если мы пойдем на поводу у

кулака, то мы перестанем быть пролетарским государством, если мы капиталисту будем по большой цене платить, а бедному крестьянину по малой, то мы перестанем быть властью бедняков и станем властью капиталистов. Но мы на это не пойдем. И тогда Сталин отправился в Сибирь заниматься заготовкой хлеба. Ситуацию и позицию государства Сталин описывал так. Кулаки не сдают хлеб, так как играют на повышение цен, на спекуляцию. У нас есть статья против спекуляции. А почему не применяется эта статья? Почему не обязывают сдавать хлеб кулаков? А потому, что у кулаков в домах живут прокуроры, судьи. Я спрашиваю, а почему вы у них живете? А потому что у них чисто и лучше кормят. И выяснилось, что новая социалистическая власть в лице своих представителей из так называемой силовой структуры уже приспособилась к жизни с кулаками. Сталин добился, чтобы к кулакам стала применяться статья против спекуляции, и хлеб пошел.

Надо сказать, что после этой известной поездки достаточно быстрыми темпами стала идти коллективизация. Коллективизация означала лишение кулаков того, что делает их кулаками, лишение их наемной рабочей силы. Вот это вот лишение кулаков наемной рабочей силы и означало ликвидацию кулачества как класса. Как класса, живущего чужим трудом, эксплуатацией. А вот борьба кулаков с коллективизацией была классовый борьбой против социалистической революции в деревне, причем с элементами гражданской войны. И против кулаков использовались элементы гражданской войны с потерями и с той, и с другой стороны.

В итоге кампании по коллективизации сельского хозяйства не только экономика города, но и экономика деревни стала социалистической. К середине 30-х годов уже было пятилетнее планирование и годовые планы, единое народное хозяйство,

подчиненное общему плану, направлялось в общественных интересах. Собственность на все решающие средства производства таким образом стала общественной, и можно было констатировать, что под социалистическую надстройку и идеологию, которая стала уже господствующей, была подведена соответствующая экономическая основа. *Становление* коммунистической общественно-экономической формации завершилось и началось ее *развитие* и изживание родимых пятен и отпечатков капитализма. Коммунистический экономический базис стал основой воспроизводства социалистического характера государства и социалистической идеологии.

В то же время экономический базис первой фазы коммунизма противоречив. Экономика социалистическая тем и отличается от экономики полного коммунизма, что содержит в себе свое отрицание, связанное с выходением из капитализма. А раз она содержит это свое отрицание, то социалистическая экономика содержит в себе не только тенденцию перерастания социализма в полный коммунизм, но и тенденцию превращения социализма в капитализм. Эта реакционная тенденция победила в 1961 году в СССР потому, что теоретически ее не видели и необходимых мер для борьбы с ней не предпринимали. Поэтому то, что происходило в СССР с 1961 года, начиная с контрреволюции и кончая прехождением социализма и реставрацией капитализма – это результат негативного разрешения того объективного противоречия, которое имеется внутри социалистического экономического базиса.

Переход от социализма к капитализму – это тоже становление формации, то есть переход от одной формации к другой, но уже от прогрессивной формации к отживающей, прехождение.

К сделанным выводам мы пришли, потому что брали экономический базис формации как способ производства, а не только как производственные отношения без производительных сил. Именно развитие производительных сил служит основой для перехода от менее прогрессивной формации к более прогрессивной, то есть для возникновения новой, более передовой формации. Но в способе производства следует видеть и экономические причины для его прехождения, которое может реализоваться, если с прехождением не будет вестись необходимой борьбы. Что победит – прогресс или регресс, зависит не только от экономического базиса, но и от политической и идеологической надстройки и от активности борющихся общественных сил.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
СОЦИАЛЬНАЯ ФОРМА ДВИЖЕНИЯ МАТЕРИИ.....	27
СОЦИАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ.....	71
СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ.....	115
СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ.....	194
СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ.....	230
СОЦИАЛЬНОЕ БЫТИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ.....	278
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФОРМАЦИИ..	341
1. Пять способов производства.....	341
2. Экономический базис и политическая и идеологическая надстройка.....	391
3. Становление формаций.....	433

Попов Михаил Васильевич

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАЛЕКТИКА

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93, т. 2; 95 3004 – научная и производственная литература

Подписано в печать 19.03.2014. Формат 60×90/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 29,25. Тираж 500. Заказ к-227.

Отпечатано с готового оригинал-макета, предоставленного автором,
в типографии Издательства Политехнического университета.
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.